

*Посвящается защитникам Отечества и
Году единства народов России*

«БЫЛИ МЫ НА ВОЙНЕ...»

Учебное пособие-практикум
к урокам дагестанской литературы
в старших классах общеобразовательных
организаций Республики Дагестан

МАХАЧКАЛА 2026

Составители:

Муслимова Миясат Шейховна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А.А. Тахо-Годи».

Мадиева Заира Зайнутдиновна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А.А. Тахо-Годи».

Рецензенты:

Султанмуратов Агарагим Магомедович, заведующий отделом фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадаасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, доцент.

Гаджихмедова Маржанат Ханмирзаевна, старший научный сотрудник сектора родных языков ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А.А. Тахо-Годи», кандидат филологических наук, доцент.

Ответственный редактор:

Арухова Альбина Сефербековна, директор ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт им. А.А. Тахо-Годи», кандидат философских наук.

«Были мы на войне ...» / Учебное пособие-практикум к М–91 урокам дагестанской литературы в старших классах общеобразовательных организаций Республики Дагестан. – Махачкала: «Дагпресс-Медиа», 2026. – 480 с.

Учебное пособие-практикум «Были мы на войне...» издано в помощь учителям дагестанской литературы. Материал может быть использован и на уроках русской литературы при изучении обзорных тем, а также во внеклассной работе. На данный момент это самое полное издание, включающее имена поэтов, писателей, драматургов – участников ВОВ, для чего потребовалась определенная поисковая работа. Произведения ряда авторов впервые переведены на русский язык.

Книга составлена с учетом тематического многообразия и жанрового богатства творчества представителей дагестанской литературы, с оружием в руках защищавших свою страну в 1941–1945 гг., но отбор продиктован прежде всего стремлением представить по мере возможности произведения военных лет.

Книга подготовлена к изданию при грантовой поддержке Главы Республики Дагестан.

ББК 74.268.3
УДК 372.882

© Муслимова М.Ш., составитель, 2026
© Мадиева З.З., составитель, 2026

Печатается по решению Ученого совета ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А.А. Тахо-Годи» (протокол № 1 от 28.01.2026 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели, в ваших руках особая книга: в этом сборнике собраны произведения наших земляков – дагестанских писателей, поэтов, журналистов, которым выпала тяжёлая и великая доля стать участниками Великой Отечественной войны. Это память, отлитая в строки. Сегодня потомки героев той войны так же героически отстаивают свободу и независимость нашей страны на СВО и так же доказывают всему миру, что идеи гуманизма и сплоченность всех народов нашей страны – залог победы. У всех наших народов: аварцев и даргинцев, кумыков и ногайцев, лезгин и лакцев, чеченцев и табасаранцев, татов, русских и многих-многих других было лишь одно имя – защитник Родины. И язык у них был один – язык Правды и Мужества.

«Были мы на войне» – это встреча с живыми свидетелями эпохи. Вы узнаете, о чем думал боец перед атакой и что согревало его в окопах. А специальные вопросы и задания помогут вам не просто прочитать, а почувствовать и осмыслить эти тексты, подготовиться к уроку или написать хорошее сочинение. В этом сборнике вы найдёте разные жанры: стихи, написанные в окопах, на пробитых пулями листках бумаги, где любовь к родному очагу переплетается с ненавистью к врагу; очерки и статьи военных корреспондентов, которые шли в атаку с бойцами, чтобы первыми рассказать миру о героях; дневники и письма, в которых отразились сокровенные чувства и мысли солдат-дагестанцев; отрывки из повестей, где авторы спустя годы пытались осмыслить пережитое.

Читая эти строки, взгляните в одухотворенные лица авторов на фотографиях, хотя они и поблекли от времени.

Эта книга на сегодня является самым полным по охвату имён изданием, представляющим творчество писателей-фронтовиков. Большой вклад в сохранение памяти о них внесен составителями сборников «Оборванные струны» (Махачкала, 1971, 1985 гг.), «Возвращение» (Махачкала, 1974 г.), «И в памяти, и в сердце» (Махачкала, 1985 г.), «Славим отважных» (Махачкала, 1966 г.).

Около 180 тысяч дагестанцев ушли на фронт, и среди них было, как указано в одних изданиях, 35 писателей, 12 из которых не вернулись с полей сражений. В других источниках дано более 30 имён, а в данный сборник на основании всех изученных материалов включено более пятидесяти имён. Чьи-то фотографии не сохранились, биографию одного из них не удалось найти, неперевоенными оказались на русский язык произведения некоторых поэтов, но было сделано всё, чтобы их представить и назвать поимённо. Это очень важно, поскольку идёт смена поколений, не всегда бережно сохраняется память об ушедших, и сбор такой информации, издание книги, хотя бы маленьким тиражом, – наш долг, наш вклад в историю страны.

Многие из них ушли на фронт совсем мальчишками. Они мечтали, влюблялись, писали первые стихи, но война нарушила все планы. Мы, составители, хотели, чтобы вы слышали голоса своих земляков, чтобы поняли: война – это не абстрактное прошлое «вообще», это часть истории твоего рода, твоего аула, твоего Дагестана, твоей страны. Пусть эта книга станет для вас не просто страницей в курсе дагестанской литературы, а искренним разговором через десятилетия. Пока мы читаем и помним – они живы, пока помним – сами становимся сильнее.

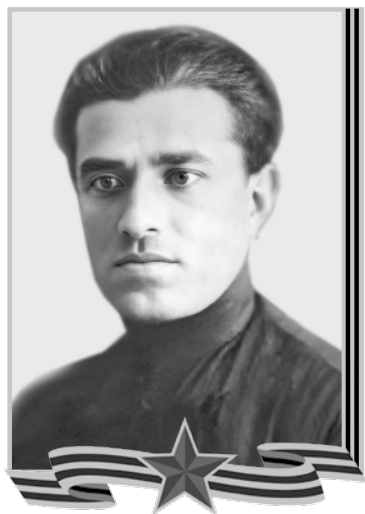
Составители

**АБАКАРОВ
КАМИЛЬ
ЗАЛИБЕКОВИЧ**

(1903–1943)

*Писатель, публицист.
Сержант, командир орудия
1152-го стрелкового полка
344-й стрелковой дивизии*

Родился в 1903 году в селении Халимбекаул Темирмир-Хан-Шуринского округа (ныне Буйнакский район). Работал в 17 лет в родном селении секретарем ревкома¹, потом учителем и после окончания Дагестанского государственного педагогического института – директором Солтанянгиуртовской неполной средней школы, а затем директором школы № 4 в городе Буйнакске.

С 1922 года, окончив курсы по подготовке учителей, стал преподавать, а затем заведовать школой в родном ауле.

В 1930 году поступил во Владикавказский горский педагогический институт, а через год перевелся в только что открывшийся Дагестанский государственный педагогический институт. Он был одним из первых авторов хрестоматии на кумыкском языке для начальных классов.

В 1929 году была опубликована его первая книга – повесть «Жертва» о борьбе нового со старым и религиозным

¹ Ревком (Революционный комитет) – временный властный орган, создаваемый большевиками и наделённый чрезвычайными полномочиями. Действовал во время Гражданской войны в России.

фанатизмом, чуть позже – повесть «Народный герой» (больше известная как «Рассказ о Мурзе») о борьбе социально угнетённых слоев общества с угнетателями.

Работал К. Абакаров и над другими произведениями: «Казават», «Махачкала», «Два бедняка». Но не успел их дописать: 3 сентября 1941 года Камиль Абакаров добровольно ушел на фронт, оставив дома жену и четверых малолетних детей.

31 августа 1943 года пал смертью храбрых под Смоленском, недалеко от одной из деревень Спас-Деменского района. Похоронен Абакаров Камиль в братской могиле в деревне Лазинки Спас-Деменского района Калужской области. Его фронтовые письма – свидетельство мужества и преданности Родине. Автора волнует не только то, что происходит на фронте, он думает о том, как воспитать своих детей достойными людьми, умеющими преодолевать любые жизненные трудности. Письмо коллегам – это наказ, даже на фронте он чувствует ответственность за работу учителей школы, в которой он был директором. Последнее письмо К. Абакарова звучит как завещание не только своим детям, но и всем будущим поколениям.

Письма – это особый жанр. Каждое письмо содержит важную информацию о жизни человека и его эпохе. Это размышления, наблюдения, эмоциональные признания, исповедь души. Письма привлекают своей искренностью, меткими жизненными наблюдениями. Ниже приведены отрывки из писем солдата, кумыкского писателя Камилля Абакарова. Как бы далеко ни отодвинулось время со дня войны, эти письма передают боевой дух и каждодневный подвиг воинов Великой Отечественной войны.

ПИСЬМА СЕМЬЕ

«...Открыты курсы по подготовке из нас командиров. Когда станем командирами, будем бить врага еще сильнее. Этот день мы ждем с нетерпением. От вас не получаю писем. Очень беспокоюсь. Учимся днем и ночью. В сутки отдыхаем только 4 часа. Со мной из Буйнакск только один товарищ Огиенко. С ним вместе живем. Жена его – учительница в школе. Если от меня не получите письма, сходите к ней и спросите. Пишу поздно ночью при свете костра... 23.04.42 г.»

«Как долго, мучительно долго, тянутся эти часы, полные опасности и тревоги. С минуты на минуту ждем приказа о наступлении. 12.06.42 г.»

«Здравствуй, моя любимая дочка Вазипат! Шлю тебе горячий фронтовой привет. Сегодня получил твое письмо. Когда я узнал, что ты учишься отлично, то мне стало очень приятно... 12.11.42 г.»

«Сегодня получил вашу посылку. Большое спасибо за то, что не забыли меня, но в ущерб самим не посылайте мне ничего. Маржан, в такое время одеть, обуть и кормить семью очень трудно, но ты делаешь это, этого вполне достаточно для тебя. Если будем живы, будет все, не переживайте, скоро будет конец войне. Надо уметь преодолевать трудности. 26.12.42 г.»

«Здравствуй, любимая дочка Вазипат! Во-первых, шлю тебе горячий фронтовой отцовский привет! Я получил твои письма, написанные от 16.12.1942 г. Очень и очень благодарю тебя за них. Я пока жив и здоров, бью немцев каждый день из своего орудия. Надеюсь, в скором будущем с проклятым немцем закончим. Если останусь жив, приеду с большими подарками для тебя и Абидина. Я получил обе посылки, благодарю за них. Вазипат, передай привет матери, Нажабат, Магомеду, Абидину и всем остальным родственникам и знакомым. Вазипат, я живу здесь в лесу. Тут нечего купить, чтобы вам послать. Я тебе в этом же письме

положил 30 рублей. Если они дойдут до вас, купите себе, что нужно, и сообщите, дошли ли они. Если дойдут, буду посылать деньги в письмах. Вазипат, пиши побольше писем и скажи Магомеду и Нажабат, чтобы тоже больше писали. 17.01.1943 г.»

«Днем и ночью шли непрерывные тяжелые бои. С 9 марта, сегодня 20-е, мы отбросили немцев на 50 км. Освободили 34 села. Сейчас находимся в каком-то лесу. Моя пушка продырявлена в пяти местах. Чудом остался жив. Многих не стало в нашем полку. Ждем нового приказа гнать немцев в свою берлогу. 21.03.43 г.»

«Сквозь рев ветра внезапно докатился басовитый нарастающий гул танков. Они шли развернутым строем, и за ними неотступно двигалась пехота. Казалось, эту лавину ничем не удержать, и она безостановочно пройдет через позиции обороняющихся. Но бойцов не смутил грозный вид атакующих. Огонь обороняющихся был внезапным, мощным и точным. Огневыми средствами они остановили противника, нанеся ему сокрушительный удар... 28.03.43 г.»

«После ожесточенных трехдневных боев сегодня наступило затишье. И вот снова пишу я вам. Впервые за годы войны у меня на глазах слезы. Я в этом кровопролитном бою потерял своего верного друга земляка Огиенко. Маржан, береги детей. 03.04.43 г.»

«Вазипат, почему не пишешь, как ты учишься? Мы же с тобой договорились соревноваться. Сколько у тебя отличных отметок? А я напишу тебе, сколько я уничтожил фашистов. К 1 мая подведем итог нашего соревнования. Посмотрим, кто окажется впереди. Передай привет своим учителям от меня. Любящий тебя отец. 27.04.43 г.»

«Выстрелом из пушки уничтожил 5 пулеметных точек, 7 автомашин с грузами, более 70 офицеров. Во время наступления был ранен, раны уже зажили. Теперь продолжаю уничтожать фашистов... 05.05.43 г.»

«Вчера и сегодня шли ожесточенные бои. Каждый день отбрасываем немцев на 10–15 км в западном направлении.

Вчера потерял трех своих товарищей. Сам лично уничтожил вражеского «тигра». Мне самому тоже было очень тяжело, но мы победили, и я забыл о своей усталости и тяжести. Маржан! Вы письма пишите почаще. Постарайся хорошо смотреть за детьми...» Начало августа 1943 года.

«Мы теперь наступаем, фашистов гоним на запад. Идут ожесточенные бои, я чувствую себя хорошо, а дальше не знаю, что судьба решит... Будьте здоровыми, постарайтесь жить достойно. Абидин! На этом конверте картина из той серии, как моя пушка, и мы также бьем фашистские танки... 16.08.43 г.»

**Из последнего письма
19 августа 1943 г., за 11 дней до гибели:**

«Начиная от Абидина до Хутая всем мой пламенный фронтовой привет. Маржан! У нас сейчас идут сильные бои. Мы каждый день фашистов гоним на 10–15 км к западу. Я своей любимой пушкой сегодня уничтожил самый крупный и сильный фашистский танк «тигр».

В этом ожесточенном бою я потерял трех бойцов. Мне самому тоже было очень тяжело, но мы победили, и я забыл о своей усталости и тяжести.

Маржан, постарайся воспитать детей хорошо. Вазипат и Абидина не отрывай от учебы, обучи их и выведи в люди.

Магомед, сын мой! Ты старший в семье, поэтому я возлагаю на тебя большую надежду. Вазипат и Абидин! Вы оба очень милые мои дети. Вы оба учитесь, будьте настоящими людьми, чтобы вы могли за нашей мамой и другими старшими смотреть. Маржан, Магомед, Нажабат, Вазипат, Абидин – все отдельные мои поручения в письме выучите наизусть.

Пишу это письмо ночью в блиндаже, поставив перед собой ваши фотографии. Пока писал это письмо, 5 раз выходил из блиндажа проверить своих бойцов на посту. Они беспрекословно выполняют все мои приказания. Вы тоже

должны быть такими исполнительными. С отцовским приветом к вам, Камиль. 19.08.43 г.»

**Письмо учителям школы,
в которой К. Абакаров работал директором**

«Товарищи! Обучайте и воспитывайте будущее поколение в коммунистическом духе, большевистской закалке, устойчивых и трудолюбивых людей. Устойчивость необходима каждому. Мне на войне каждую минуту помогает устойчивость, закалка, которые я приобрел в студенческие годы... Я здесь, на фронте, обучаю и воспитываю бойцов лучше стрелять и уничтожать врага. Каждый день своей грозной пушкой убиваю врагов и уничтожаю его технику. Обращаюсь к вам от имени наших фронтовиков – боритесь самоотверженно на педагогическом фронте, воспитывая достойных людей, и это будет достойная помощь фронтовикам! 16.10.42 г.»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие чувства и мысли вызвали у вас эти письма с фронта?
2. Как автор пишет о военных буднях? Чувствуется ли в письмах страх, когда он описывает наступление врага?
3. Когда автор не смог сдержать слез?
4. Почему автор просит чаще писать ему письма?
5. Обратите внимание, как Абакаров Камиль пишет о достижениях в бою (подбитом танке, уничтоженных огневых точках и т. д.), бравировать ли он своей храбростью? Как можно охарактеризовать автора этого письма?
6. Перечитайте последнее письмо. Что предстоит войнам? Как вы думаете, можно ли последнее письмо назвать завещанием?
7. «Сын – памятник отцу», – гласит дагестанская поговорка. Можно ли предположить, какими вырастут дети такого отца?

8. В семьях обычно бережно хранят память о своих достойных предках. Хранятся ли в вашей семье письма или что-то, связанное с памятью ваших предков? Подготовьте рассказ о своем роде, о тех, чью биографию вы особенно хотели бы выделить.
9. Знаете ли вы, как называется жанр письма? Какие стилистические особенности письма как жанра можете отметить?
10. Какие качества рекомендует К. Абакаров воспитывать у подрастающего поколения?
11. Как это письмо характеризует его как педагога?
12. Что помогало автору выстоять в военных условиях?
13. Чему он обучает бойцов? Какой пример он показывает им?
14. В чём он видит помощь учителей, работающих в тылу, фронтовикам? Почему ему это важно?

**АБАКАРОВ
МУХТАР
ХИЗРОЕВИЧ**

(1916 (18?)–1944)

*Поэт-фронтовик.
Старшина, командир
стрелкового отделения
1273-го стрелкового полка
387-й стрелковой дивизии*

Родился в селе Хунзах Аварского округа Дагестанской области (ныне – Хунзахского района РД). Мухтар очень рано потерял отца и был принят в семью дяди Аду Хизроева, где стал самым старшим из сыновей. Все детство был пастухом и пас коз в самых крутых ущельях Хунзаха. После окончания школы он поступил в Буйнакское педагогическое училище. В 19 лет его направляют работать заведующим отделом Хунзахского райкома¹ комсомола, так как у него помимо прочных знаний были и организаторские способности. Вернувшись в родной район, Мухтар всецело отдается комсомольской работе, в это же время начинает пробовать свои силы как журналист и поэт. Это увлечение приводит его в редакцию районной газеты, и вскоре он становится ее редактором.

Начиная с 1937 года, стихи М. Абакарова регулярно печатаются в республиканских газетах и журналах.

¹ Райком – районный комитет, представительный орган общественной организации на районном уровне: райком комсомола.

В газете «Колхозник», которая выходила в городе Буйнакске, были опубликованы стихи Абакарова «Сто лет после смерти Пушкина», «Смерть Орджоникидзе» и т.д.

В ноябре 1939 года молодого поэта призвали на службу в ряды Красной Армии и направили в пограничные войска охранять западные рубежи нашей Родины. Мухтар Абакаров в числе первых принял бой с фашистами.

Все, кто знал его, говорили, что у него был характер настоящего горца – горячий, мужественный, открытый. В первые же дни войны М. Абакаров был тяжело ранен, вернулся в родное село, мог остаться здесь до окончания войны. Но Мухтар добровольно, не оправившись полностью от ранения, оставив молодую жену Сакинат и двух дочерей, возвращается на фронт и становится бойцом Дагестанского добровольческого кавалерийского эскадрона Кара Караева. Абакаров бесстрашно принимает участие в военных действиях эскадрона. Воевал под Ельней. В апреле 1944 года награжден орденом Славы III степени. В представлении к награде читаем: «Товарищ Абакаров, командуя отделением, показал образцы мужества и отваги. Находясь в обороне на переднем крае в районе старой крепости на Турецком валу (фортификационное сооружение, построенное в начале XVI века, длиной 7,5 километра от Перекопского залива до Сиваша), он со своим отделением неоднократно отражал атаки противника, было уничтожено более 50 солдат и офицеров противника.

За время Отечественной войны М. Абакаров получил три ранения: 29.06.41 г. под Минском, 15.09.41 г. под городом Ельня, Западный фронт, 25.10.43 г. при прорыве обороны противника под Мелитополем.

На фронте он продолжал писать стихи, повышая боевой дух своих однополчан-горцев. Поэт Мухтар Абакаров пал смертью храбрых в 1944 году. Ему было всего двадцать шесть лет, из которых 6 лет он отдал службе в армии и защите Родины. Вот почему его лучшие стихи – об армии, о друзьях-однополчанах, о боевых походах.

В письме к жене дагестанского поэта Мухтара Абакарова Степан Горчич, инвалид войны, сослуживец Мухтара, писал: «С радостью хочу сообщить тебе: на днях получил письмо от школьников города Ельни, пишут, до сих пор на школьных сборах они исполняют песню Мухтара «Ельня! Ельня моя!». Это стихотворение Мухтара с аварского перевел Станислав Сущевский.

Единственная книга автора – сборник стихов под названием «Сердце солдата» на аварском языке – вышла в книжном издательстве Махачкалы в 1977 году. Память о Мухтаре Абакарове до сих пор жива. Многие его стихи стали народными песнями. Его стихами восхищались и великие дагестанские поэты – Фазу Алиева и Расул Гамзатов.

ПРОЩАЛЬНАЯ

До свиданья, девушки!	Дал я клятву верности
До свиданья, парни!	Родине любимой,
Вам джигит хунзахский	Если наглый недруг
Песенку сложил,	К нам придет с огнем, –
Вам ее оставив,	Разом сабли наголо,
В грустный час прощанья, –	Полетим лавиной,
Ранним утром еду	Наголову недругов
В армию служить.	Разом разобьем.
Скакуна выхаживал	До свиданья, девушки!
Я в лугах рассветных,	До свиданья, парни!
Чтобы с быстрым ветром	Обещаю вам я
Он поспорить мог.	Солдатом смелым стать.
Подарил отец мне	Славься, наша Родина!
Свой клинок заветный –	Славься, наша Партия!
Серебром и золотом	Славься, наша Армия!
Дед его насекал.	Крепкая, как сталь!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте выразительно стихотворение. Каким чувством оно проникнуто? Какие черты характера автора проявились в этом стихотворении?
2. Что символизирует образ клинка? Почему автор называет его заветным? Какое отношение горца к оружию отразилось в строках «Серебром и золотом / Дед его насека»?
3. Подберите для данного текста более подходящие синонимы к слову «недруг» и объясните ваш выбор.

Неприятель: Указывает на состояние вражды, военного противостояния.

Противник: Широкий термин, обозначающий лицо или группу, противостоящую другой стороне.

Недруг: Означает человека, испытывающего неприязнь, враждебность.

Супостат: Устаревшее слово, обозначающее врага, противника.

Антагонист: В литературном контексте, персонаж, являющийся противником главного героя.

Недоброжелатель: Человек, испытывающий неприязнь и желающий зла.

ПИСЬМО БОЙЦА

Я служу на западной заставе,
Где на соснах снеговой наряд,
Постигаю правила устава
И на сутки ухожу в наряд.

В эскадрон лихих кавалеристов
Принят я, как в дружную семью.
Здесь учусь я выдержке и риску,
Воинскую службу познаю.

Мы мишени поражаем метко,
Скакунов пустив в лихой намет¹.

¹ *Намет* – здесь: казачье название галопа, бег коня, при котором он идет скачками, выбрасывая попеременно передние ноги, а потом задние.

Сам краском¹ товарищ Борисенко
Нам пример достойный подает.

Бил не раз он вражеские орды,
Беляков клинком рубил с плеча
И недаром красный орден носит
С профилем родного Ильича.

Вам пишу в Хунзах я, комсомольцы,
Враг грозит стране со всех сторон.
Всех, в ком сердце пламенное бьется,
Приглашает красный эскадрон.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте стихотворение. Расскажите, как проходит служба автора в пограничных войсках?
2. Какие отношения сложились между солдатами, между солдатами и командиром? Найдите эти отрывки и прочитайте.
3. К чему призывает автор земляков-комсомольцев?
4. Какую роль играют эпитеты в стихотворении?

ГОРОД ЕЛЬНЯ

Перелески, берёзы, ели,
Кровь, как ржавчина на снегу.
Под Смоленском есть город Ельня,
Я забыть его не смогу.

Под высоким, под южным небом
И получше есть города.
Никогда я здесь прежде не был,
А запомнилось навсегда.

¹ Краском – красный комиссар, должностное лицо, облеченное правительством особыми или значительными полномочиями.

Но зато и в жару, и в холод,
Год за годом и день за днём
В контратаки за Ельню ходим,
В медсанбатах повязки рвём.

На себя принимаем танки.
И какой-нибудь час назад,
Нашу роту подняв в атаку,
На бегу упал лейтенант.

На бегу он на землю рухнул.
Понимая – уже не встать,
Он пошире раскинул руки,
Чтоб обнять её, словно мать.

Пулемёты вовсю стучали,
Но леса печально склонив,
Край смоленский застыл в молчанье,
Дагестанца усыновив.

Две земли одному солдату
Выдает страна в дни боёв:
Та, где жизнь получил когда-то,
Та, где сам отдаёшь ее.

Над могилами встанут травы,
Мёртвым – слава. Живые – в бой.
Ельня, Ельня, теперь по праву
Называю тебя родной.

Вдалеке от родных аулов
Над могилой снега шуршат.
Ты прости, земляк, Ясаулов,
Что забрал я твой ППШа¹.

¹ ППШа – пистолет-пулемет Шпагина, ведет огонь очередями и одиночными выстрелами, был самым массовым отечественным автоматом в 1941–1945 годах.

Завтра в бой нам идти придётся.
Я клянусь, мой хунзахский друг,
Как ведётся у нас, у горцев,
За тебя отомстить врагу.

Пусть трясутся они от страха,
Как шакалы, поджав хвосты.
О, как страшно орлы Хунзаха
За товарища будут мстить!

Буду мстить, позабыв усталость,
И клянусь я тебе в тиши,
Не сдавать автомат в цейхгауз¹,
Пока жив хоть один фашист.

Завтра снова мы будем в деле,
Счёт неделям совсем забыт...
А пока мы за Ельню делим
Невесёлый солдатский спирт.

Пулемёт стучит. За окопом
Танк подбитый всю ночь коптит.
Пьём за выживших, пьём за мертвых
И за тех, кому предстоит...

Если ж завтра за этим лугом
Срежет смерть меня на бегу,
Забинтуй меня, Ельня, вьюгой,
Успокой меня на снегу.

... Мы – «царица полей» пехота –
На кровавых локтях ползём
По снегам, по лесам, по болотам.
Мёрзнем, падаем, вновь встаём.

¹ Цейхгауз (уст.) – склад оружия, боеприпасов, обмундирования и других военных запасов.

Но однажды весенним днем,
Почернев от огня и пота,
Мы отсюда в Берлин придем.

Перелески, берёзы, ели.
Ночь к концу.
И команда: «Встать!»
Я уверен – в далёкой Ельне
Будет памятник нам стоять.

В обожжённых свинцом шинелях,
В касках, с копотью возле глаз,
Тех, какие мы в самом деле,
Слышишь, наша родная Ельня,
Ты навеки запомни нас!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие чувства вы испытали, читая стихотворение?
2. Как описывает автор смерть лейтенанта? В каких строках особенно ярко выражена мысль о родстве хунзахского парня с русской землёй? Какой художественный прием использовал поэт?
3. Почему далекий город Ельня стал для дагестанца родным?
4. Из каких строк мы узнаем, что бой за Ельню шел не один год?
5. От чьего лица ведется повествование? Как он повествует о буднях войны? Автор осознает, что может погибнуть. Но можно ли сказать, что стихотворение проникнуто пессимизмом?
6. Найдите и прочитайте отрывок, написанный от имени всех бойцов. Почему для этих строк автор выбрал именно эту форму повествования?
7. С какой целью использованы в первой строфе назывные предложения?
8. Выпишите художественные средства выразительности из текста (сравнения, олицетворения, метафору) и определите, какую роль они выполняют.

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ ГИМБАТЕ ГАНИЕВЕ

На склонах гор насквозь промокли травы,
А дождь проклятый льёт, и льёт, и льёт.
И до утра у дальней переправы
Трясёт озноб тяжёлый пулемет.

Он хлещет в лоб, он смерть взахлёб торопит,
Нащупывая сердце наугад.
Он в полный рост на бруствере¹ окопа
По праву коммуниста встал Гимбат.

«За Родину!» – И вот за ротой рота
Поднялся полк, и страх, и смерть поправ.
И тонет злобный рокот пулеметов
В раскатистом и яростном «ура!»

Кто честь хранит, тот жизни не жалеет.
В атаку горский полк ведет Гимбат,
И первые фашистские траншеи
Захлестнуты разрывами гранат.

О, сколько вас, неизвестные высоты,
Где ряд могил, где бой жестоким был.
Вперёд, Гимбат! Но, выплюнув осколки,
Взметнула мина землю на дыбы.

И на бегу ещё раскинув руки,
Ещё шепнув «Вперед!», перед концом,
Как к матери в предчувствии разлуки,
Припал Гимбат к земле сырой лицом.

¹ *Бруствер* – воен.: небольшая земляная насыпь с наружной стороны окопа, траншеи и т.п. для защиты от огня противника, укрытия и удобства при стрельбе.

Ударил в небе жаворонок звонко.
И там взгорок минами изрыт,
Как самая обычная девчонка,
Врач полковой заплакала навзрыд.

Светает небо. Бой вдали стихает.
Но чуть пониже левого плеча
Кровь на траву по капелькам стекает,
Светясь, как маки, в солнечных лучах.

Прощай, орёл! Прощай навеки, милый!
Меня одну оставил ты в беде.
Моя душа теперь в твоей могиле,
Твой автомат теперь всегда при мне.

От залпов воздух троекратно дрогнет,
Война не ждет. И мы пойдём вперед.
И как бы ни была трудна дорога,
Она нас до Берлина доведет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой подвиг капитана Гимбата Ганиева воспевают поэт?
2. Найдите в тексте самые яркие метафоры. Какова их роль в произведении?
3. Почему автор обратился к жанру баллады?

ПИСЬМО УНАЙЗАТ

В край, где тонут облака в затонах¹,
В синий мир берёзок и осин,
Солнышко рассветное, в ладонях
Весточку джигиту отнеси.
Где плечом раскачивает зори
Днепр – величавая река,

¹ Затоны – вдавшийся в берег речной залив, заводь.

Милый мой стоит сейчас в дозоре¹
С верною винтовкою в руках.
Порохом и статью пахнет ветер.
И, совсем не веря в тишину,
До рассвета, замерев в секрете,
Охраняет он свою страну.
Так плыви же, солнце, за излуки².
На днепровском дальнем берегу
Расскажи джигиту, как в разлуке
Я любовь и верность берегу.
Передай, что, если будет нужно,
Страх презревши, сквозь огонь и дым,
Сжав в руках надежное оружие,
Я пойду в атаку вместе с ним.
Вместе с ним я в строй солдатский встану,
Рядом буду в самый трудный час.
Пулю отведу, закрою рану,
Вынесу из боя на плечах.
Я метну гранату так, как надо,
Я спущу без промаха курок,
Ведь ношу не даром, как награду,
Званье «Ворошиловский стрелок».
Если только вдруг в глухую полночь
Грянет взрыв и пуля зазвенит,
Я приду с подругами на помощь,
Только ты, любимый, позови.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой образ горянки создан в этом стихотворении?
2. Как вы думаете, важно ли было бойцам на фронте получать такие письма? Почему?
3. Найдите в тексте метафору и эпитеты. Какую роль они выполняют в стихотворении?

¹ *Дозор* – в русской военно-полевой службе конная (разъезд) или пешая команда (около 12–15 чел.) для охраны, связи и частично разведки.

² *Излука* – изгиб реки.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Свою любовь украшу я стихами.
К ним летний ветер подберёт напев,
Чтоб соловьи заслушались стихами,
Джейраны замирали на тропе.

Пусть к нам слова в заветный час заката
Придут, звеня созвучьями легко,
Доверчиво, как тёплые ягнята,
Пропахшие травой и молоком.

Не надо мне ни серебра, ни золота,
Алмазы не пленят своей игрой –
Ведь и без них душа моя богата
Твоею несравненной красотой.

Что почести?

О них пусть что есть силы
В хлеву ослы упрямые ревут,
Мне за столом весёлые кутилы,
Наполнив рог, честь песней воздадут.

Я золотом слова оправил,
И нежностью украсил их сполна,
И с быстрым ветром весточку отправил
Тебе, о индустанская княжна.

Тебе сейчас, наверно, сладко спится,
А здесь горят зарницы в облаках.
Твой мирный сон на западной границе
Я берегу с винтовкою в руках.

У нас с оружием боевая дружба.
Оно пока безмолвно в тишине,

Но час придёт,
И, если будет нужно,
Оно врагам расскажет обо мне.

Мы с ним в дозоры ходим не напрасно,
Закрыв дорогу в край родной врагам,
По тайным тропам проскользну я барсом,
Взлечу, как сокол, к снеговым горам.

И лишь порой тревожными ночами,
Когда я имя нежное шепчу,
Мой верный конь, сочувствуя печали,
Прижмётся тихо к моему плечу.

Хочу опять вдыхать я горный ветер
Там, где шуршит по травам летний дождь,
Где распевают птицы на рассвете,
Где ты, моя любимая, живёшь.

Пусть здесь красавиц длинноколых много,
Тоскую я, но по тебе одной,
Жду с нетерпением дня, когда дорога
Меня со службы приведёт домой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем необычность и притягательность этого стихотворения о любви?
2. О каком боевом друге рассказывает лирический герой своей любимой? Как вы понимаете слова «И, если будет нужно, Оно врагам расскажет обо мне»?
3. Какие художественные приемы придают особую выразительность этому произведению? Приведите примеры.

**АБДУЛЛАЕВ
САГИД
НУХКАДИЕВИЧ**

(1903–1952)

*Писатель-фронтовик, поэт,
ученый-лингвист, автор
учебников и словарей
по даргинскому языку*

Сагид Абдуллаев – один из первых даргинских советских писателей, поэт, ученый-лингвист, автор учебников по даргинскому языку и словарей даргинского языка. Родился Сайгид Абдуллаев в 1903 году (по иным источникам – в 1902 году) в селении Муги Даргинского округа Дагестанской области (ныне Акушинского района) в семье ученого арабиста-кадия.

В годы гражданской войны вступил в партизанский отряд, участвовал в боях за установление в Дагестане Советской власти. В 1924 году поступил на педагогические курсы, работал учителем в селении Леваши, заведовал школами, был инспектором, заведующим окружного отдела народного образования, преподавателем Сергокалинского, затем Буйнакского педагогических техникумов. Он хорошо владел арабским, лакским, русским языками, мог изъясняться на лезгинском, табасаранском и других языках.

В дом высокообразованного арабиста-мугинца Нухкади Абдулаева в то время были вхожи военные, обществен-

ники, арабисты, политические деятели. После встречи с Алибеком Алибековичем Тахо-Годи Сагид Абдуллаев всецело переключился на изучение лингвистики даргинского языка. В 1933 году Нарком просвещения ДАССР направил С. Абдуллаева в Махачкалу в Дагестанский институт национальных культур (переименован в Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, а с 2018 года – в Дагестанский федеральный исследовательский центр (ДФИЦ) РАН). В этом институте до конца своей жизни он проработал научным сотрудником с перерывом с 1942 г. по 1945 г.: составлял словари, школьные программы, учебники и хрестоматии для школы по родному языку и литературе, писал лингвистические труды, преподавал в педагогическом институте.

Литературным творчеством Сайгид Абдуллаев стал заниматься с 1926 года, он член Союза писателей СССР с 1936 года. В газете «Дарган» публикуются его первые произведения на антирелигиозную тему. Его перу принадлежит первая даргинская поэма «Рассказ старика».

В годы Великой Отечественной войны он добровольно уходит на фронт. Его боевой путь (1942–1945 гг.), начавшийся в г. Моздоке, закончился в Берлине у стен рейхстага. Имеет боевые награды. В военные годы Сайгидом Абдуллаевым написаны такие произведения, как «Любимый Кавказ», «За Родину», «От Вислы до Одера» и др. Как фронтовой писатель С. Абдуллаев в полной мере разделял со своим народом и боль отступления, и радость побед. Он жил одной жизнью со сражающимся народом: мёрз в окопах, ходил в атаку, совершал подвиги; перо писателя-фронтовика не уставало писать о ненавистном враге, о приближающейся победе. Сам С. Абдуллаев за боевые заслуги награжден медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», получил одиннадцать благодарственных писем. Поэма С. Абдуллаева «Песня фронтовика» наряду с его повестью «За Родину» во время войны получила общенародное признание.

В 1948 году вышла в свет первая книга Абдуллаева – сборник стихов и рассказов на родном языке «Моя Родина». Он писал также очерки, относящиеся к жанрам документальной литературы. Земляки чтят память выдающегося сельчанина: в с. Муги многопрофильный лицей назван его именем, во дворе школы установлена мемориальная доска писателю.

ПЕСНЯ ФРОНТОВИКА

(Отрывок)

1

Подними же заздравную чашу,
Алибек, и по кругу пусти
За великую Родину нашу,
За бессмертную веру в груди.

Не гляди так сурово и хмуро
Перед тем, как отправиться в бой,
Неподкупные струны чонгура
На бесстрашную песню настрой.

Пусть твой друг не вернулся из боя,
Пусть погиб на чужой стороне,
Ты сегодня нам спой за обоих –
За себя и за друга вдвойне,

Чтоб воскрес он в мелодии этой,
Превращая в оружие стих,
И пронесся над нашей планетой,
Увлекая на подвиг живых,

Чтоб гремели, как выстрелы, звуки,
Как снаряды, взрывались слова,
И враги поднимали бы руки
Эту песню слышав едва.

...Здесь на линии фронта
Бой жестокий идёт.
На гвардейскую роту
Здесь один пулемёт.

И не ведает сердце,
Чьим жестоким свинцом
Обожгло твоих серых
Беззащитных птенцов.

Ах, «максим», друг железный,
Выручай из беды,
Бей по чёрному лесу,
Обжигая кусты.

Ну уж плакать – так вместе,
Боль одна на войне –
По жене, по невесте,
По родной стороне.

...А в минуту затишья
Меж сожжённых ветвей
Я внезапно услышал,
Как поёт соловей.

Только слёзы, ты слышишь,
Неприличны бойцу,
И подходит затишье
К роковому концу.

Эта песня нелепа,
Но прекрасна вдвойне
Среди серого пепла
На родной стороне.

И гвардейская рота
Поднимается в бой –
А за линией фронта
Этот лес уже твой.

Что ж ты плачешь, сердечный,
Ведь не знает никто,
Чей снаряд искалечил
Родовое гнездо.

Пой, соловушка, громко,
Соловьию зови
Для грядущих потомков
Соловьиной любви.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Поэма «Песня фронтовика» состоит из 9 частей. Подберите заголовки к приведенным частям произведения.
2. О какой песне идет речь в первой части? Кому и почему она необходима?
3. Как передает автор бесчеловечность войны? К кому обращается лирический герой произведения и какую роль играют эти обращения в тексте?
4. Что символизирует песня соловья? Почему его песня звучит как плач? Как к нему относится автор?

**АВШАЛУМОВ
ХИЗГИЛ
ДАВИДОВИЧ**

(1913–2001)

*Советский прозаик, поэт,
драматург, сатирик,
заместитель командира
кавалерийского сабельного
эскадрона казачьего полка*

Хизгил Авшалумов родился в селе Ньюджи (ныне – Дербентский район) в семье крестьянина. Матери он не помнил, а отец умер, когда Хизгилу было 13 лет, и мальчику, лишенному возможности учиться и играть со своими сверстниками, пришлось взять на себя заботы о младших братьях и сестрах: работал подпаском в колхозе, выращивал хлеб, овощи, ходил за плугом. Через какое-то время стал заниматься журналистикой: работал корреспондентом областной горско-еврейской газеты «Захметкеш» («Труженик») в Дербенте. Позже учился в совпартшколе. С 1938 по 1941 годы работал научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. За этот период им собрано значительное количество фольклорных произведений разных жанров горских евреев. В 1939 году опубликована его повесть «Влюбленные», в 1940 году – повесть «Победа молодых».

Хизгил Давидович – участник Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-Кавказском и Белорусском фронтах, был заместителем командира кавалерийского сабель-

ного эскадрона казачьего полка, дважды ранен, контужен. День победы встретил в Берлине. Имеет боевые награды.

До 1955 года служил военным корреспондентом. Демобилизовавшись в звании капитана, работал корреспондентом в редакции республиканской газеты «Дагестанская правда», позже консультантом и секретарём Правления Союза писателей Дагестана.

В 1953 году окончил исторический факультет Дагестанского педагогического института в Махачкале. В 1960–1991 гг. работал редактором журнала «Наша Советская Родина», где публиковал рассказы о жизни горских евреев: «Смерть женам», «Двоеженец». Как сатирик и юморист выступает в рассказах и новеллах о Шими Дербенди, в котором автор воплощает образ типичного представителя горско-еврейского народа. В повестях «Возмездие», «Фамильная арка», «Сказание о любви» писатель отразил обычаи, традиции и быт своего народа на фоне драматических событий дореволюционного и советского периода.

Х. Авшалумов выпустил нескольких поэтических сборников, в том числе для детей. Писал на татском и русском языках. Его перу принадлежат пьесы «Толмач имама Шамиля», «Шими Дербенди» и «Любовь в опасности».

Он является кавалером ордена Отечественной войны, ордена Дружбы народов, ордена «Знак почета», лауреатом Республиканской премии ДАССР им. Сулеймана Стальского в области литературы, заслуженным работником культуры РСФСР и ДАССР.

Хизгил Авшалумов умер в сентябре 2001, похоронен на иудейском кладбище в Махачкале. Его именем названа улица в городе Дербенте, в родном селении Нюгди школа носит его имя, есть там и его музей. В Махачкале, на доме по улице М. Гаджиева, 3, где жил Х. Авшалумов, установлена мемориальная доска.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

(Очерк)

У него нет глаз, нет кистей рук. Бывший старший сержант Гусейн Абдурахманов потерял их на войне, точнее сказать, фашисты лишили его зрения и отрезали кисти рук, мстя ему за то, что он, попав в их лапы, не склонил свою гордую голову перед ними, не изменил Родине, народу. И вот как это произошло.

...Начало августа 1941 года. Вот уже второй месяц фашисты топчут нашу священную землю. Вооруженные до зубов орды бесноватого Гитлера, несмотря на героическое сопротивление советских войск и не считаясь со своими потерями, сея смерть и разрушение, остервенело рвутся в глубь нашей страны.

В эти тяжёлые дни испытаний комсомолец – старший сержант Гусейн Абдурахманов служил командиром оружейного расчета в одной из частей, защищавших Ленинград. Немецкое верховное командование еще в начале июля громко и ясно объявило, что немецкие танки уже прорвались к Ленинграду и что скорое падение его предreshено. Был даже назначен гитлеровский комендант города. У Гитлера и его окружения в отношении Ленинграда был свой «особый» замысел: после захвата его они намеревались стереть с лица земли этот город русской славы, колыбель русской революции.

Когда началась Отечественная война, Гусейн Абдурахманов уже имел за плечами солидный боевой опыт. Он участвовал в освободительном походе в Западной Украине и Западной Белоруссии, в освобождении Бессарабии.

Однажды утром, когда старший сержант Гусейн Абдурахманов вместе со своим оружейным расчетом находился на боевой позиции, его неожиданно вызвали в штаб.

– Сам генерал будет с тобой говорить, – «по секрету» сообщил ему посыльный из штаба, думая, что этим обрадует старшего сержанта.

Но, обычно спокойный, хладнокровный Абдурахманов, спеша по вызову, начал волноваться: почему его ни с того ни с сего вдруг вызывает сам генерал? Не кроется ли здесь что-нибудь неприятное?

Если говорить о его расчёте, он вроде бы неплохо воюет. Правда, от осколков немецких снарядов и мин на днях погиб почти весь личный состав расчета, а сам он чудом остался живым и невредимым. На то война – ничего не попишешь. Генерал это лучше знает, чем он. Ну, если не из-за этого, то тогда зачем же?..

В голову, приходили разные мысли. Но когда Абдурахманов, войдя в штаб, кроме самого генерала и нескольких командиров, увидел капитана Коновалова, которого он хорошо знал, и еще шесть бойцов, к нему сразу вернулись его обычное спокойствие и уверенность в себе. Вытянувшись в струнку и лихо приложив руку к виску, он, безбожно коверкая русские слова, громко, по всем правилам отрапортовал.

Генерал Кирзимов, командир 122-ой стрелковой дивизии, плотный человек с открытым, волевым, но немного усталым лицом, внимательно и испытующе оглядывая высокую, статную фигуру старшего сержанта, спросил:

– Откуда родом, товарищ старший сержант?

– Из Дагестана, товарищ генерал!

Генерал прищурил глаз, и едва заметная улыбка тронула его плотно сжатые губы.

– Мы с вами, можно сказать, земляки, – произнес генерал с тёплыми нотками в голосе, приветливо глядя на старшего сержанта. – Я до войны несколько лет служил в Дагестане.

Гусейн был польщён тем, что командир дивизии назвал его земляком: наверное, у него осталось очень приятное впечатление от его родного края, от его земляков-горцев.

Минуту спустя генерал, уже обращаясь к группе бойцов, принялся неторопливо и чётко объяснять им, с какой целью он вызвал их. Судя по тому, что говорил комдив, он решил создать специальную группу разведчиков во главе с

капитаном Коноваловым из наиболее сильных, смелых и опытных в военном деле бойцов и сержантов.

При последних словах генерала Гусейн невольно кинул взгляд на стоящих рядом бойцов и сержантов. И на самом деле все они были как на подбор – рослые, сильные, волевые, как говорится, молодец к молодцу. А широкую богатырскую грудь капитана Коновалова украшал орден Красного Знамени.

Разведгруппе ставилась задача – проникнуть в тыл немцев и находиться там в течение продолжительного времени, собирать нужные данные о количестве и расположении сил противника. Собранные данные разведчики должны своевременно доставлять в штаб партизанского отряда, действующего в тылу врага. А штаб партизанского отряда, в свою очередь, эти сведения будет передавать в штаб соединения.

Почти около месяца группа смельчаков во главе с капитаном Коноваловым действовала в тылу немцев. Скрываясь в лесах и болотах, они по понятным причинам старались избегать открытой встречи с противником, а тем более вступать с ним бой. Но после появления разведгруппы вылазки партизан стали учащаться. Среди бела дня из-под носа врага стали один за другим бесследно исчезать его солдаты. Все это заставляло немцев догадываться о том, что в их тылу орудует какая-то невидимая и отчаянно-смелая группа советских разведчиков.

Однажды ночью по глухой лесной дороге, светя фарами и подпрыгивая на ухабах, на небольшой скорости спокойно ехала немецкая легковая машина. Наши разведчики, заранее предупрежденные партизанами, скрываясь в густой высокой траве, уже давно подкарауливали ее у дороги. Как только она поравнялась с ними, разведчики разом выскочили из своей засады и, обстреливая ее из автоматов, дружно бросились на машину. Водитель был убит наповал, а ехавшие в ней немецкий подполковник-танкист и его адъютант взяты в плен. Разведчики постарались как

можно скорее доставить эту попавшую им в сеть «ценную дичь» к партизанам, а те потом переправили ее в штаб 122-ой стрелковой дивизии.

Ночное происшествие в лесу и загадочное исчезновение подполковника вместе с его адъютантом не на шутку встревожили немцев. И они решили во что бы то ни стало выследить группу Коновалова и ликвидировать ее.

И вот на рассвете 2 сентября 1941 года группа советских разведчиков цепочкой двигалась по лесу. Они шли по направлению села Пушкино на встречу с представителем штаба партизанского отряда. В лесу стоял сырой полумрак и глухая тишина, изредка нарушаемая щебетанием птиц. Они шли, ступая по густой, зелёной и почти мокрой траве между стройными молчаливыми соснами и лапчатými елями, вместе с холодным воздухом вдыхая аромат хвои и смолы, смешанный с запахом сырой земли и сочной травы. Ничто, казалось, не предвещало беды. Но вот вдруг безмолвную тишину леса внезапно прорвали автоматные очереди. Эсэсовцы, численностью до роты, как видно, заранее устроившие засаду на их пути, начали быстро окружать горсточку наших воинов. Разведчики сразу залегли в траву, стали отстреливаться и забрасывать подбирившихся к ним немцев гранатами. Но немцы, все теснее сжимая кольцо вокруг наших бойцов, то и дело громко кричали, что им «капут», и чтобы они сдались. Наши разведчики сами видели безвыходность своего положения (восемь советских воинов против почти полутора гитлеровских головорезов, притом у них в тылу). Но они решили не сдаваться врагу, а драться до последней капли крови.

От меткой пули наших разведчиков, осколков их гранат не один гитлеровец поплатился головой. Но один за другим выходили из строя и наши бойцы. Сам Абдурахманов был ранен в ногу. Превозмогая боль, он продолжал, крепко стиснув автомат в руке, целиться в маячившие перед его глазами головы фашистов в стальных касках. Вдруг несколько немцев, незаметно подобрившись к нему сзади, разом нали-

лись на Абдурахманова. Выбив у него из рук автомат, они скрутили ему назад руки и быстро поволокли в сторону.

Через несколько минут в лесу, который только что гремел выстрелами, гранатными взрывами, оглашался криками и стонами, воцарилась мёртвая тишина. А час спустя после этой короткой, но жаркой схватки Абдурахманов был доставлен в немецкий штаб.

За столом в окружении нескольких офицеров стоял генерал, худой длинный пожилой человек с редкими, гладко зачёсанными волосами, белым выхоленным лицом. Как только Гусейн, с трудом волочивший раненую ногу, был введен в помещение штаба, все разом уставились на него с откровенным любопытством и скрытой угрозой во взгляде. Один только генерал хранил на лице спокойное, почти добродушное выражение. Видя, как трудно пленному стоять на ногах, он разрешил ему сесть и тут же распорядился, чтобы вызвали санитаров и сделали ему перевязку. На столе перед генералом стоял графин. Гусейн, увидев его, почувствовал, как у него пересохло в горле. Облизнув языком воспалённые губы, он повернул голову, чтобы не посмотреть на графин. Генерал что-то сказал одному из офицеров, невысокому полному человеку средних лет, у которого из-под новенького мундира заметно выступало круглое брюшко. Тот, видно, выполняя распоряжение генерала, налив в стакан воды, подошел к старшему сержанту и спросил его по-русски:

– Хотите воды?

Гусейн молча взял у него из рук стакан и залпом выпил его. Он не утолил жажду, но просить еще, однако, не стал.

После того, как ему сделали перевязку, начался допрос. Спрашивал тот же полный офицер с круглым животиком, видно, переводчик при штабе:

– Как фамилия, имя? Какое воинское звание?

– Из какой воинской части, дивизии? Давно шныряете по нашим тылам? Кто вас послал, с каким заданием? Расскажите все, что вам известно о дислокации вашей части,

соединения, о последних приказах командования, о настроении ваших красноармейцев и командиров! Как они реагируют на победоносное наступление германской армии? Отвечайте!

Абдурахманов молчал. Прошла целая минута. Пленный чувствовал на себе взгляды присутствующих сейчас в штабе немцев, полные нетерпения и угроз, но продолжал хранить молчание, словно воды в рот набрал.

– Отвечайте, иначе!..

– На ваши вопросы я отвечать не буду, – тихо, но твёрдо произнес пленный, отвернувшись.

Переводчик опять о чем-то поговорил с генералом, потом, обращаясь к пленному, сказал, но уже не прежним приказным тоном:

– По вашему выговору и внешности видно, что вы не русский. Скажите, кто вы?

– Да, я из Дагестана, аварец, но это не имеет значения. Я советский воин! – точно споря с ними, резко отвечал Абдурахманов.

Немцы, видимо, решили сначала действовать «по-хорошему». Они стали говорить ему, что основные силы Красной Армии уже разгромлены, половина России находится в руках немцев и что Советская власть теперь держится на волоске, дни ее сочтены. И не глупо ли с его стороны рисковать жизнью, тем более немцы скоро будут на Кавказе и не как завоеватели, а как освободители. Что пленный еще молод, очень молод. Наверно, у него дома есть молодая жена, а может, любимая девушка. Неужели ему не хочется остаться в живых, вернуться на родину? То, что дальше говорили ему, Гусейн как будто и не слышал. Воспоминания о доме, о близких, самое главное о девушке, которая дорога ему, как жизнь, разом нахлынули на него, разбередили душу. Как бы он дорого отдал, чтобы опять увидеть родные горы, встретиться с родными, посмотреть в лицо Ару – любимой девушке... Но только не такой ценой, какой от него требуют они, враги его Родины, фашисты. Он знал, что если

не выполнит то, что от него требуют сейчас, они жестоко расправятся с ним. Несмотря на это, на все их увещевания и угрозы, пленный продолжал упорно молчать.

Немцы начали нервничать. Генерал, состроив недовольную гримасу и сделав резкий жест, вышел из помещения, бросив на ходу какую-то сердитую фразу. Подчинённые, держа руки по швам и щелкая каблуками, глазами почтительно проводили его. Едва генерал скрылся за дверью, молодой рослый офицер, державший в руке автомат, подскочил к пленному. Грубо схватив его за ворот гимнастерки, он с силой поднял его на ноги и тут же с размаху ударил прикладом в правый глаз. Пленный почувствовал острую пронзительную боль. На мгновение перед глазами у него будто блеснула вспышка молнии и тотчас же погасла. Из раздробленной скулы и вытекшего глаза полилась кровь, заливая лицо. Абдурахманов покачнулся и упал как подкошенный, ударившись головой о пол. И как только он, прижимая рукой глаз, пытался приподняться, вновь услышал голос переводчика:

– Ну, теперь будешь говорить?!...

Немцы обступили его со всех сторон, вцепившись в него злыми глазами.

– Не-ет! Не буду! Не дождетесь, гады! Звери! – крикнул Абдурахманов, дрожа от ярости и гнева.

Пленный, собравшись с силами, хотел вскочить с места и броситься на них с кулаками, но тот же немец, который выбил ему глаз и разбил скулу, опередив его, кованым каблуком ударил старшего сержанта по губам, выбив у него во рту два передних зуба. Голова Гусейна глухо стукнулась о пол, и он сразу потерял сознание. После этого он уже не помнил, что происходило с ним. Только один раз, придя в сознание, Абдурахманов будто сквозь кошмарный сон слышал обрывки немецкой речи, но глаза его ничего не видели. Боль, нестерпимая адская боль огнем жгла его глаза, мозг, руки, пронизывала все его тело до костей. И он тут же впал в беспамятство.

Окончательно старший сержант Гусейн Абдурахманов пришел в себя десять дней спустя. Лицо его было в гипсе, а руки – в повязке. Он попросил воды.

Дали ему воду в соске. Несколько минут он прислушивался к тишине, теряясь в догадках. Потом, не выдержав, слабо крикнул:

– Где я?

– У своих, дорогой, у своих, в Ленинграде, в госпитале, – услышал он чей-то ласковый женский голос.

– Почему я ничего не вижу? Почему мне завязали лицо, руки?..

Только месяц спустя открыли старшему сержанту Гусейну Абдурахманову страшную правду: фашисты выбили ему не только правый глаз, но выкололи и левый, отрубили кисти обеих рук. Но где, кем он был подобран, отправлен в госпиталь, Абдурахманов не знал, откровенно говоря, и не спрашивал. Состояние здоровья долго оставалось еще тяжёлым, тревожным. Но самоотверженная борьба русских врачей и сестёр за жизнь воина-дагестанца, его молодость, от природы богатырское здоровье сделали свое дело: Абдурахманов наперекор всему выжил. Когда немцы усилили бомбардировку Ленинграда, его эвакуировали в город Пермь.

Долго не решался Гусейн писать домой брату Гаджимурату о себе. Тот был на двадцать лет старше Гусейна. Он любил младшего брата как все равно своего родного сына, которого вырастил, воспитал. Гусейн понимал, как тяжело будет переживать брат его трагедию, если он узнает об этом. А писать своей любимой девушке Ару – как ни больно ему сознаваться в этом – теперь незачем. Между ними, можно сказать, все кончено. Она ему не жена, даже не невеста. Они, правда, любили друг друга. Но ведь Ару любила его не такого: без глаз, без рук. Даже тогда, когда он был с глазами и руками, ее родные ни за что не хотели, чтобы Ару стала его невестой, его женой, а он – их зятем. Хотя он был с ней из одного и того же аула, работали в одном и том же колхозе, он – чабаном, а она – дояркой, он – аварец,

она – аварка, но родные Ару не считали возможным ее брак с ним. Виной этому старый обычай, старые предрассудки. Дело в том, что предки родителей Гусейна принадлежали и низкому сословию – раятов, зависимых когда-то от феодалов крепостных крестьян, а предки родителей Ару – к более привилегированному сословию – узденей, свободных вольных крестьян-горцев. К сожалению, такие пережитки еще были живучи тогда среди некоторой части горцев. И это послужило, казалось, неодолимой преградой на пути счастья молодых, из-за этого они не могли пожениться. А теперь тем более, когда родные Ару узнают о его нынешнем бедственном состоянии, вовсе и слышать не захотят об их браке. Да и сама Ару, увидев его таким, наверно, испугается, отшатнется, забудет о том, что она когда-то любила его. Должен ли он за это винить, упрекать Ару? Конечно, нет. Зачем она должна погубить из-за него, по сути, чужого человека, свою молодость, свое счастье. Фашистские палачи, лишив его зрения и рук, тем самым лишили его в двадцать три года на веки вечные права на любовь, на счастье, на простые человеческие радости, превратив для него светлый мир в необъятную темную могилу...

Но как ни старался Гусейн не думать об Ару, она не выходила у него из головы. Воспоминания об их встречах, сердечных излияниях, коротких прогулках всплывали в памяти живо и отчётливо. В такие минуты он совершенно забывал, что он слеп и без рук, лежит на госпитальной койке с гипсом на лице. Невольная улыбка, которую никто не видел под белой маской, трогала его губы. Представлял ли он себе зеленый склон горы, на котором привольно раскинулся его родной аул Чиркей, цветущие сады в долине, наполненные птичьим гомоном и жужжанием медоносных пчел, быструю горную реку Сулак, протекающую у подножия аула, с которой народ связывает много преданий и легенд, – везде он видел, чувствовал присутствие любимой девушки, маленькой, темноглазой, с мягкой застенчивой улыбкой.

...На станцию Буйнакск Гусейна приехал встречать его брат Гаджимурат. Стоял апрель 1942 года. Гусейн чувствовал на лице ласковое прикосновение тёплых солнечных лучей. После многодневной поездки в вагоне он жадно, полной грудью вдыхал чистый воздух, насыщенный весенними запахами, прислушивался к веселому щебетанью птиц. Хотя глаза его ничего не видели, но губы молодого человека сами по себе растягивались в улыбке. Он приехал с сопровождавшим его санитаром, который одновременно выполнял обязанности поводыря.

Гаджимурат не видел брата более трех лет (он ушел в армию в сентябре 1938 года). Как ни изменился он за это время, Гаджимурат еще издали сразу узнал его, но был страшно потрясен, увидев Гусейна вблизи. Даже улыбка на лице брата заставила содрогнуться его сердце. И он, как ни старался сдержаться, взять себя в руки, обняв брата, заплакал громко, навзрыд.

– Что же они, проклятые, с тобой сделали!.. – сквозь душившие его рыдания произнес он, глядя в его слепые глаза и, словно боясь причинить брату боль, осторожно поглаживая его обрубленные кисти рук.

В тот же день Гаджимурат попросил, что бы его немедленно отправили на фронт, чтобы отомстить врагу за муки брата. Но его уговорили остаться дома, ухаживать за братом-инвалидом. Прошла целая неделя, как Гусейн приехал в родной аул. За это время все жители аула – молодые и пожилые, мужчины и женщины приходили его проведать, сказать ему слова сочувствия и в то же время выразить восхищение его удивительным мужеством и негибаемым духом. Некоторые женщины, отлично помнившие, каким симпатичным, весёлым и жизнерадостным был этот высокий, плечистый юноша с тёмно-кариими глазами, сейчас, глядя на него, не могли удержаться от слёз, посылая тысячи проклятий на головы врагов. Он даже куска не мог теперь отправить в рот без посторонней помощи. Но за все это время Ару ни разу не приходила к нему. Откровенно

говоря, в душе он очень хотел, чтобы она пришла, ждал её. Можно же в конце концов прийти как человек к человеку?

На седьмой день Ару все-таки пришла. Как только она появилась, Гаджимурат и его жена вышли во двор, оставив их наедине.

– Здравствуй, Гусейн, это я, Ару, пришла к тебе, – еле сдерживая волнение, тихо произнесла девушка.

– Ах, это ты, Ару?! – ища её слепыми глазами, похожими на две зияющие раны, радостно промолвил он, широко улыбаясь. Потом, словно опомнившись, тотчас же погасив на лице улыбку и низко опустив голову, угрюмо добавил: – Видишь, каким я вернулся...

Несколько минут оба молчали. «О чем теперь говорить!» – сокрушённо думал про себя Гусейн. И он ожидал: вот-вот она встанет, попрощается и уйдет. Да и другого он не ожидал. Но вдруг, о аллах, что он слышит! Не во сне ли это?!

– Гусейн, мой дорогой! Я пришла сказать тебе: я люблю тебя по-прежнему и навсегда остаюсь с тобой...

* * *

С тех пор прошло тридцать лет. Много воды утекло за эти годы, многое изменилось в мире. Давно развеяны в прах и похоронены изуверские планы фашистов о ликвидации советского строя, уничтожении с лица земли Ленинграда, о владычестве над Кавказом. Наверняка многих из тех, кто захватил в плен раненого Абдурахманова, совершил дикую расправу над безоружным советским пленным, давно нет в живых, они нашли бесславную смерть от рук советских воинов и народных мстителей – советских партизан.

На родине самого Гусейна, в ауле Чиркей, на берегу реки Сулак, съехались со всех уголков нашей необъятной Родины сотни юношей и девушек, чтобы строить Чиркейскую ГЭС. Вместе с ними работает на строительстве ГЭС и сын Гусейна Абдурахманова – Абдурахман. Дочь Айзанат замужем, у нее своя семья. Гусейн уже дважды дедушка, у Гусейна и Ару два внука. Время покрыло их головы ине-

ем. Но они бодры, любят и заботятся друг о друге, живут заботами и радостями своих детей, своих земляков. Богатырскую грудь героя украшают орден Отечественной Войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Мужество и любовь этого человека оказались сильнее смерти. И они победили.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие чувства вызвал у вас герой очерка? Какие события стали для него испытанием и что помогло ему выдержать всё? Соответствует ли название содержанию очерка?
2. Почему немецкий генерал вначале был добродушен и даже приказал оказать медицинскую помощь пленному?
3. Как изменилось его отношение к Гусейну, когда тот наотрез отказался дать сведения о расположении войск и задачах, поставленных перед группой разведчиков?
4. Как вы относитесь к поступку девушки Ару, которую любил Гусейн? Считаете ли вы ее сильной личностью?
5. Какие средства выразительности использованы в тексте очерка? Как они помогают раскрыть ключевые мысли автора?
6. Каковы особенности очерка как жанра? Чем очерк отличается от эссе и рассказа?

АГАЕВ АХЕД ГАДЖИМУРАДОВИЧ

(1924–2003)

*Философ, филолог,
литературовед, критик,
прозаик, писатель, публицист,
общественный деятель.
Военный лётчик*

Агаев Ахед Гаджимурадович – заслуженный деятель науки РСФСР и Дагестанской АССР. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России, лауреат Республиканской премии имени Э. Капиева (в 1959 году в области литературной критики за книгу «Етим Эмин») и мировой международной премии Дж. Сороса, кавалер ряда боевых и трудовых наград; награжден орденом «Знак Почета» и орденом «Дружбы народов», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ДАССР.

Родился 22 марта 1924 года в селении Ахты Ахтынского района ДАССР. Его отец, Гаджимурад Клинжев, был известным селекционером-садоводом. По окончании средней школы 17-летним юношей ушёл добровольцем на фронт. До конца войны служил в авиации лётчиком-истребителем и был награждён многими боевыми орденами и медалями.

Ахед Агаев окончил военную авиашколу пилотов, а затем и Краснодарское военно-авиационное училище лётчи-

ков-истребителей и до весны 1948 года занимался освоением новой техники и методов пилотирования.

Многие годы отдал партийной работе: с 1948 года он работал секретарём Ахтынского РК ВЛКСМ. В эти годы Ахед Агаев начал писать статьи и очерки для районной и республиканской газет. В 1959 году оканчивает факультет журналистики Высшей партийной школы в г. Москве, после чего числится в аппарате Дагестанского обкома КПСС.

Ахед Агаев был крупным специалистом в СССР по межнациональным отношениям, из-под его пера вышло более 100 научных книг и статей, он подготовил десятки известных учёных.

Автор повестей «Надежда», «Половодье» и «Люди и судьбы», романов «Лезгины» (первый роман на лезгинском языке) и «Расколотое солнце». Ахеда Агаева можно считать зачинателем лезгинской художественной прозы. Избирался делегатом III съезда писателей СССР.

АШУГ

Два путника, разморенные духотой и зноем, устало брели по пыльной дороге. Вокруг было тихо и однообразно. Вдали на склонах гор, которые бесконечно тянулись по обе стороны дороги, дрожало и струилось голубовато-серебристое марево. Казалось, горы плывут, слегка колышутся и трепещут. Путники шли молча. Вскоре дорога привела в прохладный овраг, заросший кустами барбариса. В лицо дохнуло свежестью и влагой. Где-то рядом мягко звенел ручей.

Вспотевший Али просиял в улыбке:

– Вода, – сказал он, – о, как ты свежа! Едва коснешься тела, и оно оживает. Человек подымает голову, глаза начинают блестеть.

Али был известным ашугом. Во всей округе никто не мог говорить так вдохновенно, как он. Широко открыв глаза, второй путник-крестьянин с благоговением посмотрел на Али.

Путники подошли к ручью. Опершись на руки, Али наклонился над водой и жадно хлебнул несколько глотков. Задумчивый его спутник стоял рядом молчаливо и равнодушно.

– Ой! Ой! Ты что стоишь? Пей. В пути больше не встретишь источников, – сказал Али и окунул голову. – Такой вкусной воды и в Мекке нет. Райский напиток! Сними чарыки. Пожалей ноги, бедняга.

Али лег на грудь и начал плескаться в воде.

Его спутник не спеша ответил:

– Перед тем, как напиться, нужно жирно поесть.

Он казался великаном рядом с ашугом, и как все грузные люди был увальнем. Сняв бурую овчинную папаху, он вытер вспотевший лоб и, подняв голову, посмотрел на горы, покрытые редким леском.

– Такой речки нет ни в одной долине, – радовался Али, – холодна, как лёд, прозрачна, как стекло.

Спутник ашуга смотрел вокруг, точно видел всё впервые.

– Странно, – подумал он. – Этот ручей он назвал речкой, а ведь здесь зимой совсем не бывает воды.

– У этой воды особый вкус. Когда пекут хлеб женщины, всегда приносят воду только отсюда.

Али вдруг обратил внимание на свою обтрёпанную, дырявую черкеску и спросил попутчика:

– У тебя иголки нет?

Тот отрицательно покачал головой. Ашуг поднял брюки выше худых колен.

«Аллах! Что он еще выдумал!» – встревожено подумал крестьянин. Он боялся опоздать к жатве и напомнил:

– Торопись, мастер. Нам пора идти дальше.

– А ты разве не видишь, что я уже собрался?

Ашуг взял под мышку чарыки и бурый чехол чунгура и побрел через ручей с таким видом, точно перед ним была большая горная речка. Его спутник рассмеялся, вспомнив, как ашуг назвал родник речкой. Без особого труда перешагнув через ручей, он спросил:

– Что это значит?

– Своя река. Если мы сами её не возвеличим, то кто же это сделает за нас?

Дальше путники шли молча, пока не спустились в долину Ахты-чая и не увидели священную могилу. На кустарнике, росшем у могилы, виднелись вылинявшие и поблёкшие ленты материи разных цветов. Гулявший по долине ветер играл лоскутами.

– Слава тебе, Аллах, – сказал ашуг, пристально разглядывая могилу. И были же умные люди! Покойного шейха Селим-эффенди я помню, как живого. За полчаса он мог сходить в Ахты и вернуться обратно. А пока паломники шли в Мекку на поклонение, он, говорят, успевал сходить туда дважды. Есть такое предание.

– Это не предание, а правда. Пусть спокойно спит себе.

Подойдя ближе, путники подняли на дороге по камешку и возложили на могилу. Ашуг хотел повесить и ленту. Ее можно было оторвать или от носового платка, или от рубахи. Но платка в кармане не оказалось, а нижняя рубаха летом ни к чему.

– В другой раз надо не забыть взять с собой что-нибудь, – пробормотал ашуг.

Недалеко от могилы в тени большого тутового дерева одиноко сидел старик. Он палкой выводил на песке узоры. Рядом стоял нагруженный гнедой конь, отгоняя хвостом назойливых мух.

– Салам алейкум, даи,¹ – сказал ашуг, проходя мимо.

Старик ответил на приветствие, не подымая головы. А закончив выводить узор, он поднял голову и заторопился:

– Это ты, Али? Ради Аллаха, погоди минутку.

Ашуг обернулся. Старик поднялся на ноги и подошел.

– Вижу, что тебе некогда, – сказал он. – Тянуть не буду. Я человек откровенный. Скажи-ка, молодец, что я тебе плохого сделал?

Ашуг, недоумевая, пожал плечами.

¹ *Дай* (лезг.) – обращение к старшему, вроде: отец, дядя.

– Не припоминаешь? Обычно люди всегда помнят только хорошие дела. Правда?

– Валлах, даи, по-моему, я ничего плохого не сделал.

– Не торопись. Зря божиться будешь – бог накажет. Если ты не помнишь, я напомню. Однажды в месяц рамадана я сидел вот здесь, как и сегодня. Со мною сидели односельчане, а также мулла и зять сотника. Ты не поздоровался и прошел мимо. Мне было стыдно перед людьми.

– Ага! Вспомнил, – улыбнулся ашуг. – Действительно, был такой случай: но, видишь ли, я тогда еще не был убежден, что вы – люди.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Вы тогда никаким делом не были заняты и ни о чем не говорили. Так сидят только животные. А ведь с животными не принято здороваться.

– Ты не хотел поклониться мне на людях! – бледнея воскликнул старик. – Разве сейчас я не так же сидел?

– Сейчас ты был занят делом. Ты выводил на песке какие-то линии, а это дело делать под стать человеку. Поэтому я и поздоровался с тобой.

Уязвленный старик с досадой пробормотал:

– Воистину Аллах каждому дал свой пай: умному – голу, глупцу – язык. Убирайся с глаз!

Они отошли друг от друга.

Али догнал своего спутника. Дорога становилась все пылее и шире. Встречный ветер доносил далекие звуки зурны и бубна, запахи жареного мяса и кизячьего дыма.

Путники поднялись на высокий холм, и перед ними, как на ладони, показалось село, расположившееся по обе стороны реки. Над селом висел тонкий слой белёсой дымки, подпираемый сотнями столбов, подымавшихся из очагов. Возвышенная сторона аула не была видна: она закрывалась горой. На самом ребре этой горы виднелись только серп и звезда мечети.

– Молодцы ахтынцы, – сказал ашуг. – Ни в одной стране не видел такой мечети.

У окраины села дороги путников расходились.

– Ты, брат ашуг, иди прямо к хану. Спроси у людей, где его дом, – сказал крестьянин и глазами дал понять: «Ну, до свидания, я пойду».

– Зачем спрашивать, где дом хана? – удивился ашуг. – Ханы – это луна и солнце, – они известны каждому, а вот дома бедняков не отличишь, как звёзды на небе.

Он придержал за локоть собравшегося уходить попутчика и, не желая обидеть, мягко сказал:

– Хотя возрастом и ростом ты не мал, но жизни совсем не знаешь. А ведь мы встретились с тобой утром и весь день были вместе.

– Ну, и что?

– Однажды, как и мы, шли вместе двое. Говорят, они много дней шли от Мекки до самого Багдада. За дорогу они переговорили обо всем на свете, перепробовали все яства друг у друга. Наконец, их дороги разошлись. Один из них кремнем добыл искру и зажег трубку другого, оба повернули в разные стороны. Случилось, что скоро у одного из путников погасла трубка. Он кричит издали другому: «Э-эй!» А тот даже не обернулся. Он еще раз позвал: «Э-эй!» Тот опять не ответил. Тогда человек рассердился, догнал своего попутчика и стал упрекать: «Послушай, дорогой, ты что не отвечаешь? Оглох, что ли?» Ему ответили: «Голос твой до меня дошёл, но я не догадался, что ты меня звал». – «Как не звал? Я же кричал: Э-эй!» «Каждый человек имеет своё имя. Я не животное, чтобы на меня кричали: Э-эй!» – Ашуг засмеялся. – Вот так, друг, и у нас с тобой получилось. Ты знаешь: я – ашуг Али, скажи хоть теперь как твое имя.

Спутник ашуга смутился и ответил:

– Агакши.

– Ты слуга или близкий хану?

Крестьянин уклончиво мотнул головой.

– Работаешь за плату или за уважение?

– Зачем мне плата? Разве не честь для бедняка, когда хан вспоминает о нём? Ну, я пошел. Закончу жатву, тоже буду у хана на свадьбе.

Агакши стал взбираться на гору. Обычная горская шуба, которую здесь не снимают даже летом, была коротка для него и лишь подчеркивала его могучий рост. «Богатырь», – подумал ашуг, глядя вслед крестьянину.

Все видимые места – балконы, крыши домов были заполнены людьми. Музыка не смолкала. Из окон ханского дома доносилось непрерывное «асса!» У раскрытых ворот в толпе слышался разговор:

– Приехал начальник округа.

– Смотри, вот фаэтон командира крепости.

– Ты заметил, с какой он приехал красавицей?

– А меня удивляет, – шептал кто-то в стороне, – как это Казиахмед-хан не поскупился на свадьбу. Говорили, что он жадный.

Худой, весь обросший грязью, крестьянин сокрушенно воскликнул:

– Ой, Аллах, если бы все, что пошло на эту свадьбу, дали мне, я бы целый год жил припеваючи.

Рядом засмеялись:

– Тому, у кого нет штанов, снятся два метра бязи.

Ашуг Али, пробираясь в толпе, у самого дома хана почувствовал сильный толчок в плечо. Он чуть не уронил чунгур и еле удержался на ногах... К дому, на гнедом жеребце ехал пристав.

Ашуга не замечали. Он оправился от удара, вынул чунгур из чехла и здесь же, на улице, перед ханским домом начал петь. Его песня походила на доносившийся издалека призыв муллы к молитве.

Вокруг ашуга собрались люди. Набежали дети. Женщины в праздничных цветных платьях перешли по крышам поближе к певцу. Послышались возгласы одобрения:

– Спасибо, мастер!

– Слава тебе!

Голос ашуга постепенно увлек все живое вокруг. Замокнули бубны, люди вышли и из ханского двора, и ашуг оказался в плотном кольце собравшихся.

– Спасибо, мастер! Что за чудный у тебя голос!

– Молодец, мастер! Это его привычка: начинать петь ещё на улице.

Вдруг все закричали:

– Отойдите! Дайте дорогу! Ханский векил идет.

Векил гордо подошел в ашугу, отдал салам и пригласил его в дом. Песня ашуга ни на минуту не умолкала.

Али шёл за векилом и пел. Они вошли в небольшую комнату, которая была завалена вещами до самого потолка. Пол и стены сплошь были покрыты зеркалами и коврами. Перед дверью лежала шкура медведя, а перед тахтой с постелью – шкура лани и ковер с узором «гасанкала».

Не успел ашуг осмотреться, как вошла девушка с кувшином и тазом, предложила умыться с дороги.

– Не обижайся, ашуг, что не прислал лошади, – встретил ашуга хан. – Оказывается, устраивать свадьбу не легкое дело. Не доглядишь за всем.

Девушка расстелила перед ашугом скатерть и принесла еду. Весь дворец хана опять наполнился музыкой.

Простые люди были рады приходу ашуга. Во-первых, Али был свой ашуг, и у него был хороший голос. Во-вторых, он любил вступать в соревнование с другими ашугами, это было любимой забавой для аульчан.

«Но почему же нашего ашуга посадили в отдельную комнату?» – думали люди.

Думал об этом и сам ашуг. Он накрошил в миску хлеба и, вбирая приятные запахи перца, барбариса и других пряностей, собирался уже с «бисмиллахом» поднести ложку ко рту, но вдруг задумался и опустил её в миску. На лице его появилось выражение беспокойной торопливости.

– Спасибо тебе, хан, – сказал он. – Когда мне сказали о свадьбе в твоём доме, я даже забыл о племяннике, который лежит на смертном одре. Если ты позволишь, я пойду отдам свой долг и сразу же вернусь обратно.

Хан выразил по обычаю соболезнование, а в душе обрадовался: «Слава Аллаху! – подумал он, – сам меня выручил».

Он отпустил ашуга и вернулся к гостям.

На второй день, чуть свет, на крыше снова играли музыканты, веселье бурлило с новой силой.

Ашуг вернулся только к полудню. На этот раз он был на тонконогом белом коне и в богатой новой одежде. Люди, очарованные вчера его голосом, сейчас были очарованы его красивым нарядом. Мужчины завидовали ему. Девушки приветливо улыбались, думая, что возможно, и у них будет такой суженый.

Как и вчера, ашуг стал петь на улице, собрав вокруг себя много людей.

Навстречу вышел уже сам хан и сам пригласил гостя в дом. На этот раз он ввел ашуга в светлицу, где веселились самые почётные гости хозяина.

Увидев ашуга, все замолчали. Иные встали.

– Проходи, мастер. Садись сюда!

Начальник округа, пристав и несколько женщин из знатных семей сидели за столом, другие гости – на коврах и пуховых подушках. В воздухе стоял гул голосов. К ашугу подвинули кушанья, разложенные перед гостями.

Богатые люди всегда знакомство начинают с еды. После сытного угощения хозяин доволен тем, что честно выполнил свой долг гостеприимства, у гостя растёт уважение Хозяину, и с обеих сторон появляется желание поговорить. Поэтому, когда одноглазый и рябой мулла воскликнул: «А ну-ка, ашуг, давай одну из твоих песен!» – хан поднял толстую руку с короткими пальцами и предупредил:

– Не торопись, мулла! Ашуг с дороги. С пустым желудком хорошие песни петь трудно.

Перед ашугом поставили фаянсовую чашку с шурпой, а сидевшие рядом не позволили ему даже трудиться и сами накрошили в неё хлеба. Вина было выпито много. Все были сыты. Танцы угасали, и ашуги выдохлись, – спели все песни, известные им. Гости ждали новых песен от Али.

И Казиахмед-хан был доволен. «Они смотрят на моего ашуга, как дети на пряности, – думал он. – Молодец я. Пусть моя свадьба будет сказкой».

Между тем ашуг, на которого были устремлены вся взоры, вдруг начал поглаживать полу своей черкески.

– Кушай, дорогая, – сказал он, смеясь, – ешь, ты проголодалась, – и опустил полу черкески в чашку с шурпой.

Поднялся негодующий шум.

– Позор, – закричали друзья хана. – Как можно так издеваться над хозяином дома!

Глаза хана налились кровью. Вскочив с места, он выдернул кинжал, торчащий в боку обжаренного на вертеле барана. Гости с трудом удержали его:

– Хан, будь терпеливым. Нехорошо устраивать скандалы на свадьбе.

Начальник округа грозно повернулся к ашугу.

– Эй, человек, – сказал он, – объясни, зачем ты опустил полу черкески в шурпу?

– Да, да, объясни, что ты хотел этим сказать? – закричали все.

Ашуг взял в руки чунгур, поднялся на ноги, повёл по струнам, и, смело подняв голову, запел:

*Все пусть сегодня слышат,
Как вчера поступил со мной хан!
На мне было старое платье,
И я стал гостем, в пустой комнате.
Сегодня же в новой черкеске,
Когда на мне сверкающий пояс,
Когда пахнёт меня богатством,
Я стал уважаемым человеком.*

Продолжая петь, ашуг вышел из дому и спустился во двор. Люди веселились на улице и ещё не знали о случившемся, но с появлением ашуга догадались, что дела плохие. За ашугом побежали десятки детей.

А ашуг пел:

*Мудрость бедного человека
Никто не примет,
А богатый, если даже он щенок,
Становится султаном свадьбы.*

- Ашут сошел с ума! – в ужасе зашептали старухи.
- Ашуги влюбляются, а потом действительно сходят с ума.. – подтвердил один из стариков.

*Красногубые, уважаемые,
Бедняков совсем не ценят.
С жадностью загребают они богатство,
И перед ними открывается дорога,*

– пел между тем ашуг.

Хан некоторое время еще стоял пораженный, а потом ушёл от гостей. Он стыдился их.

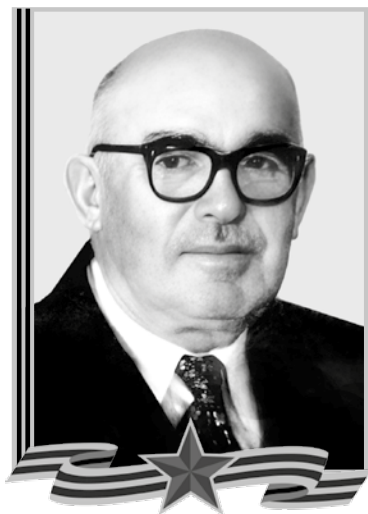
Во дворе продолжались танцы, но гостям в доме было неудобно: виновным ведь был хан. Но уйти они не решались, а оставаться в доме и осуждать хозяина тоже не годилось.

Свадьбе не повезло. Оправдался сон, который приснился хану минувшей ночью. Ему снилось, что он упал со скалы в мутную воду.

А ашуг тем временем уже подъезжал к реке, которую он сам возвеличил. У родника он посмотрел на полу бешмета, сошёл с коня и попытался было замыть пятно на одежде, но вода не помогала. Что же он скажет теперь хозяину бешмета?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В каких поступках ашуга проявляются его мудрость и смелость? Против каких людских пороков направлено его искусство?
2. вспомните, что такое иносказание. Приведите примеры его использования ашугом.
3. В чем проявилось тщеславие хана? Приведите примеры из текста, свидетельствующие о психологизме изображения характеров.

**АЛИЕВ
МИНКАИЛ
АЛИЕВИЧ**

(1907–1983)

*Прозаик, поэт, драматург
и педагог. Политрук роты
пулемётного батальона,
лейтенант*

Минкаил Алиев родился 13 мая (по другим данным – 15 мая) 1907 года в с. Кумух Лакского района (Дагестанская область, Российская империя).

Первые его публикации вышли в 1927 году. Писал повести, рассказы, пьесы. Одним из героев его прозы был Саид Габиев (повесть «Солдат революции»). До войны работал учителем, директором школы, педагогического училища. Учился в педагогическом институте в Орджоникидзе. В 1940 году вступил в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

В годы Великой Отечественной войны с 22 декабря 1941 М. Алиев служил в рядах Советской Армии политруком роты пулеметного батальона, парторгом пулеметного батальона запасного полка. Окончил Казанское военно-политическое училище. Получив тяжёлое ранение, демобилизовался в звании лейтенанта. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Кавказа».

На события Великой Отечественной войны он откликается драмами «Путь к счастью» и «Семья Рамазановых». В послевоенные годы М. Алиевым написаны социально-бытовая драма «В родном ауле», «Обновится ли наша любовь?», героическая драма «Парту Патима» на историческую тему. Драммы М. Алиева – это своего рода художественная летопись, в которой запечатлены страницы жизни лакского народа в течение столетий. Автор поэтических сборников, рассказов и очерков, пьес. Многие пьесы написаны стихами.

За заслуги в развитии лакского национального театрального искусства в 1960 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств ДАССР». За развитие литературы и искусства трижды был награжден Почетными грамотами Верховного Совета ДАССР.

ЗУЛЕЙХА ОСТАЛАСЬ ОДНА

(Отрывки из поэмы)

К рассвету небо посветлело,
И каждый луч похож вдали
На перекрещенные стрелы,
Сошедшиеся у земли.

Слабей фашисты с каждым боем,
Хотя сдаваться не хотят,
И наши славные герои
Врага с земли своей теснят.

Заман охотился полночи,
Он не смыкал в разведке глаз.
Им командир доволен очень:
Он с честью выполнил приказ.

Да, что б ему ни поручали,
Всегда Заман был впереди.
Недаром орден и медали
Горят на доблестной груди.

В кармане книжка записная –
Врагам убитым в ней учёт.
Здесь для Зулейхи сочиняет
Заман солдатский свой отчёт.

Она клялась его дожидаться
И сдержит данные слова.
И он в блокноте к цифре «двадцать»
Поправку вносит: «двадцать два».

Потом, достав Зулейхи фото,
С улыбкой другу говорит:
– Я верю в счастье...
Счастьем вот кто
Меня за подвиг наградит.

Друг смотрит:
– Да, красива...
Очень...
И имя кстати как пришлось.
Дай бог, чтоб всё,
чего ты хочешь,
После войны у вас сбылось.

Он тоже снимок вынимает:
– Вот дети.
Вот моя жена.
И так же горестно вздыхает:
– Когда б не подлая война...

Так, дом далекий вспоминая,
Мечта их тихо вдаль плывет.
И снова ненависть святая
К врагу в сердцах у них растёт.

Раскрыли друг пред другом душу,
И легче в путь, и легче в бой.
И легче отдых свой нарушить
Солдатской службой боевой.

* * *

Опять на земле (огонь – по врагу!)
Спокойного места нет,
И кровь оставляет на белом снегу
Расплывчатый алый след.

Лишь к ночи стихает сраженья гул.
Ложится вокруг туман.
Тихо.
Солдатский лагерь уснул,
Но не спит разведчик Заман.
– Вот тебе восемь бойцов, – говорит
Ему командир. –
Пока!
Из ночной охоты вам предстоит
Доставить к своему «языку».
Девять белых халатов скрылись во мгле,
Канули в эту тьму.
У каждого есть свой долг на земле
И своя дорога к нему.

* * *

По равнине туман молоком плывёт,
Разостлан скатертью он.
Когда они тихо ползут вперёд,
Ночь дышит со всех сторон.

Итак, граница.
Чужая речь...
За бугром притаился враг.
Чуть-чуть продвинуться и залечь.
Осторожно, друзья!

Вот так...
Дождаться, чтоб только сон одолел
Фашистов.
А там – смелей!
И, словно вихрь, на врага налетел
Отряд бесстрашных друзей.

Кого – прикладом,
кого – штыком,
И пулю – в самый раз.
А этого, этого взять живьём,
И баста – таков приказ.

Теперь не мешает ночной туман,
Но идти куда тяжелей.
Тем более ранен и сам Заман,
И рана болит все сильнеей.

Пока добирались к своим, стонал
И горел, как будто в огне,
А после сознание потерял
И забылся в бредовом сне.

И снилась Зулейха ему, как мать,
Отзывчива и нежна,
Горячую рану перевязать
Решилась тотчас она.

...За дверью землянки крепчал мороз,
И луны тонкий диск сверкал.
И сон облегченье бойцу принёс,
А к утру он на ноги встал.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие военные будни изобразил автор в этих строках?
2. Как вы думаете, что помогало бойцам мобилизоваться и преодолеть боль, бороться дальше с ненавистным врагом?
3. Выпишите из текста сравнения. Подчеркните сравнительные союзы. Найдите сравнения, выраженные творительным падежом существительного. Какой союз можно было здесь использовать?
4. Найдите олицетворение в тексте.
5. Выпишите из текста фразеологизм. Какие значения он имеет?
6. Какие ещё средства выразительности встретились в тексте? Приведите примеры и объясните их роль в произведении.

Я СКАЖУ

В года былые
Я считал беспечно:
Жизнь – пышный пир,
А я там – тамада.
Казалось мне,
Что юность бесконечна,
И вечер не наступит

Никогда.
Но годы-кони
Слишком быстро мчали,
Почти до дна
Мой кубок расплескав.
Не раз шумели
Бури за плечами,

Тоска сжимала
Сердце мне ночами...
И белый иней выпал
На висках.
Не рог, а посох
Я держу в руках,
И солнце жизни
Клонится к закату.
Былая сладость
Стала мне горька,
И убежали годы,
Как река,
И миновала юность
Безвозвратно.
Но с высоты
Своих прошедших дней
В сто крат видней,
Что истинно, что ложно.
Ведь поздние цветы

Всегда нежней,
Нужней любовь,
Мои друзья дороже.
Они бы, как я
Почётной седины
За смоль волос былую
Не отдали.
У нас виски
Войной опалены,
А раны забинтованы
Годами.
Плясал и пел
На этом свете всласть,
С любимой я встречался
Под луною.
Жизнь на Земле
Не мною началась,
И счастлив я,
Что кончится не мною.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Можно ли это стихотворение считать осмыслением прожитой жизни? Почему?
2. Какие ценности поэт считает самыми важными для себя и в чем видит свое счастье?
3. Найдите примеры использованных олицетворений и метафор. Какие из них вам кажутся наиболее выразительными и почему?
4. К какому виду лирики вы отнесли бы это стихотворение?

**АЛИМХАНОВ
ЮНУС**

(1909–1958)

*Писатель,
поэт*

Поэт Алимханов Юнус родился в 1909 году в дагестанском селении Аксай. Еще в годы коллективизации он начал сотрудничать в печати, позже работал в редакциях районных и республиканских газет. Популярностью пользовались его стихи и сказки, написанные для детей. Он долгие годы работал редактором Дагестанского книжного издательства, позже – редактором кумыкского выпуска альманаха «Дружба». Участник Великой Отечественной войны, имел правительственные награды.

Член Союза писателей СССР с 1948 года. В разные годы вышли его книги на родном языке: «Шаги», «Песни Победы», «Дадаш признался», «Верные друзья» и другие.

ИЗ ДАЛЁКОГО КРАЯ

Здесь край чужой. Отчизна далека.
В ночь летнюю брожу, не зная сна.
В горах высоких пью из родника,
Здесь край чужой, и жажда так сильна!

Как бьётся сердце, как торопит дни!
Не хочет ждать, скорее бы домой!
Мечты мои – давно живут они
Над отчим домом, над землёй родной.

Прекрасен снова мир. Войне конец.
На теле раны зажили давно,
А вот разлуки гибельной свинец
Извлечь из сердца лишь тебе дано.

Любимая, далёкая моя,
Красавиц сказочных милее ты.
Ты там, где сердцу милые края,
Где ширь долин и горные хребты.

В такую ночь не может спать солдат.
Пусть в небе звёзды блещут все светлей, –
Напрасно всё – к любимой Патимат
Стремится сердце из груди моей.

В цвету там каждый куст и деревцо,
Там милая, там ждёт солдата мать,
Её – в слезах – счастливое лицо,
Её глаза хочу поцеловать.

Туда, к вершинам с детства милых гор,
К любимой рвусь, не в силах ждать и дня,
Чтобы сказать, встречая милый взор:
«Вот я и дома, обними меня!»

НА РОДИНУ, ИЛИ МАЙСКАЯ ЛУНА

Домой мы возвращаемся с чужбины,
И грусть в сердцах стихает у солдат –
И в нашей памяти встают руины.
Сердца в объятьях родины стучат.
С волнением жарким вспоминаем вновь:
Нам руки протянула Украина,
За правду честно пролитую кровь,
Нас обняла курносая дивчина,
Отцов и матерей, врагов убитых,
Вокзал Ростова щей поднес гостям,
Дым пепелищ, печаль камней разбитых,
Желают волны Дона счастья нам.
Седых от горя девушек-сирот,
Могилы тех, кто с фронта не придёт.
Через окно, где даль встает за далью,
К нам входит жизнь с улыбкой не с печалью.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое чувство объединяют оба эти стихотворения? Что наполняет душу героя счастьем, о чём его мечты?
2. Найдите антонимы в первом стихотворении, какова их роль в произведении?
3. Как вы понимаете метафору «разлуки гибельный свинец»? В чем смысл сравнения ран на теле и душевных ран?
4. К кому обращается поэт во второй части стихотворения «Из далёкого края»? Средоточием каких смыслов становится образ дома в произведении?
5. Почему в стихотворении «На родину, или майская луна» так много географических наименований? Какую мысль автора позволяют они передать?
6. В каком из стихотворений соединились радость победы и горечь пережитых страданий народа? Приведите примеры из текста.

**АМАЕВ АЛИЛ
ГАДЖИБУТАЕВИЧ**

(1911–1979)

*Прозаик, драматург,
переводчик, педагог*

Алил Гадзибутаевич Амаев родился в селении Унчу-Акатль в 1911 году в крестьянской семье. Учился в медресе, Кумухском педагогическом училище, в 1938 году окончил физико-математический факультет Дагестанского государственного педагогического института. После окончания института работал учителем в школах, в Махачкалинском медтехникуме. В 1966 году был принят в Союз писателей СССР.

Первое его стихотворение было напечатано в 1932 году в газете «Новый путь». Писал стихи, повести, рассказы, драмы, очерки. В 1934 году А. Амаев принял участие в работе съезда писателей Дагестана. Автор книг «В колхозном саду» (1957), «Пятно нежности» (1959), «Повод» (1963) и др. Пьеса «Мечты перед зеркалом» была поставлена в Лакском и Русском драматических театрах. А. Амаев перевёл на лакский язык произведения А. Чехова, С. Стальского, Ю. Фучика и др.

СОН

В преддверии ночи я всякий раз,
Вспоминая далёкий дом,
Нестерпимо желаю увидеть вас,
Хотя и молчу о том.

Закрою глаза, и вы предо мной,
Как будто разлуки нет.
И вновь я с вами во тьме ночной
Встречаю в беседах рассвет.

А утром опять прозвучит сигнал
Походной трубы: «Подъём».
И все, что вам за ночь не досказал,
Я еще доскажу потом.

Суровые ждут впереди бои.
Не знаю, закончим ли путь,
И вас наяву, родные мои,
Увижу ль когда-нибудь...

СЫНУ

Привет от отца поспеши принять,
Единственный мой сынок.
О, как бы хотел я тебя обнять!
Да путь до тебя далёк.

Тревожатся сердце моё и кровь:
Я завтра уйду в поход.
А после – тебя увижу ли вновь?
Знать бы все наперёд.

Слезам и вздохам не быть в цене,
Я не дам им глаза и грудь.
Мне зоркость и сила нужны вдвойне,
Чтоб трудный осилить путь.

О Шамиль, и тебя пусть разлуки грусть
Не коснётся на долгий срок.
День придет – я с победой назад вернусь,
Неприменно вернусь, сынок!

МОЛИТВА

Пусть голод обходит вас каждый раз,
Пусть жажда обходит вас каждый раз.
Пусть не грянет на вас беда
И болезни не тронут вас.

Пусть канут в минувшее чёрные дни.
Пусть даже следа не оставят они.
Пусть победа широким своим крылом
За терпенье вас осенит.

Пусть на свете не будет вовеки сирот.
Пусть отцы не узнают сыновьих забот.
И, чтоб вольно дышалось всем на земле,
Пусть врага победит народ.

Я твёрдо знаю: мы победим!
И когда рассеется чёрный дым,
Пусть сын мой среди пришедших с войны
Отца увидит живым.

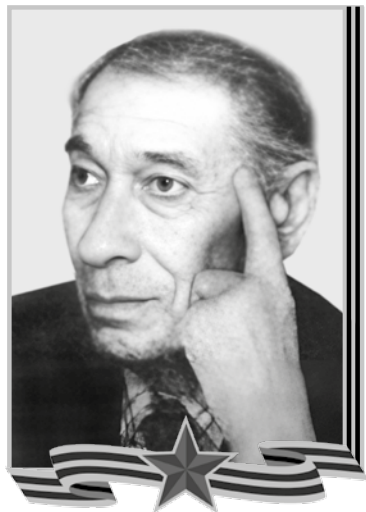
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие чувства и мысли выражены в произведениях, обращенных к родным? Почему они обостренно переживают именно ночью?
2. Как в стихотворении «Молитва» переданы единство личного и всеобщего? Зачитайте эти строки.
3. Какая мысль проходит лейтмотивом через все стихотворения поэта?

**АСКЕРОВ
АЛИ
АДЖИЕВИЧ**

(1919–2012)

*Писатель,
поэт*

Аскеров Али Аджиевич родился 20 марта 1919 года в с. Хамаматюрт Бабаюртовского района. В 1939 году он оканчивает Хасавюртовское педагогическое училище. С этого года у него начинается педагогическая деятельность в Хамаматюртовской семилетней школе в качестве учителя.

В апреле 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. Война его застала во время службы под Новочеркасском. Служа в резервной части, Али Аскеров добровольно ушел на действующий фронт. Воевал в 591 стрелковом полку 176-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. В боях за освобождение Донбасса у села Дебальцево он получает тяжелое минно-осколочное ранение в ногу. В 1942 г. решением Военно-врачебной комиссии он был признан негодным к дальнейшей военной службе. За проявленное мужество в боях за Родину Али Аскеров был награжден различными орденами и медалями: орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу», а также многими юбилейными медалями и наградами.

По возвращении с фронта домой Али Аджиевич несколько лет проработал секретарем сельского совета. С 1944–1952 гг. работал директором школы в родном селе. В 1962–1968 гг. успешно окончил Дагестанский государственный университет. Свой 40-летний учительский путь он закончил в 1979 г. выходом на заслуженную пенсию. За безупречный труд на педагогическом поприще Али Аджиевич был награжден орденом Трудового Красного знамени, а также ему было присвоено звание «Заслуженный учитель Дагестана».

Али Аджиевич – автор повести «Жизнь и смерть Алипмурзы» о жизни и творчестве певца и сказителя своих песен Алипмурзы Давлетмурзаева, уроженца села Хамаматюрт. Кроме того, он был собирателем старинных кумыкских пословиц и поговорок, около 700 из них, ранее нигде не опубликованных в 2018 году вошли в сборник «Пословицы и поговорки кумыкского народа». Али Аскеров писал стихи, в основном назидательного характера. Многие из них в разные годы были опубликованы в республиканских и районных газетах.

В 2012 г. после непродолжительной болезни Али Аджиевич Аскеров ушел в мир иной. Как назидание потомкам воспринимаются слова Учителя, сказанные им при жизни, а теперь выгравированные на его могильной плите: «Жизнь – это извечный урок, данный нам Богом...».

ВОЙНА ПРИШЛА СОВСЕМ НЕЖДАННО

Война пришла совсем нежданно,
Нарушив мирный наш покой.
Она несла и боль, и раны
Своей безжалостной рукой.

Накинув рабские оковы,
Творила дикости свои.
И стали строить гнёзда совы,
Где раньше пели соловьи.

Отчизны пламенным призывам
Внимать решимости полны,
Ушли на фронт в одном порыве
Советской родины сыны.

И стар и млад, под стать мужчинам,
Сплотились в рати трудовой.
Чтобы могучим исполином
Принять отважно этот бой.

Мы шли по тропам и оврагам,
К победе духом воспарив,
Подняли знамя над Рейхстагом,
Фашизму голову сломив!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы понимаете эту аллегорию автора: «И стали строить гнёзда совы, Где раньше пели соловьи»?
2. Найдите и прочитайте строки, в которых раскрыто единство народа, которое помогло одержать победу над врагом.

**АСКЕРХАНОВ
АБСАЛАМ
АТЛИЕВИЧ**

(1922–2000)

*Поэт,
переводчик*

Поэт и переводчик Аскерханов Абсалам Атлиевич родился в 1922 году в селении Нижний Дженгутай Буйнакского района ДАССР. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации по ранению работал военруком. Затем закончил Бакинское училище по подготовке чекистов. Работал оперработником, в 1947–1954 годах был сотрудником Министерства внутренних дел.

С 1955 года А. Аскерханов работал в кумыкской редакции Даградиокомитета. Член Союза писателей СССР с 1991 года. Печататься стал рано. Первая крупная публикация – поэма «Любовные тайны» – появилась в альманахе «Дружба» на кумыкском языке. Затем в разные годы выходят его книги «Любовные тайны», «Голоса горной реки», «Песни моих лет», «Сокол». В 1993 году вышла в свет его книга стихов и поэм «Звонкие зори».

РОДНАЯ МОЯ

Мы встретились с тобою на чужбине
В дни тягот, гнева и борьбы с врагом.
В огонь без колебаний шли, в пучине
Вод всплывали, шли ползком.
Не свет небес – свинец на землю льётся,
Никто не позавидовал бы нам.
Здесь каждый уповает, что вернётся
В родной аул, к родимым очагам,
И боль невозмогая, ищет мать –
Кому еще лелеять наши раны?
И нет отца – кому же преграждать
Душманам путь и недругам незваным?

И ты пришла, услышав тихий зов,
У смерти отняла: живи, солдат...
И вынесла из боя, как сынов,
Я помню и тебя, и медсанбат...
Мы не встречались раньше никогда,
В моих краях ты не была, не знаешь,
Где я живу... Но видела всегда
Лишь стойких из мужчин. Не уступаешь
Ты им ничем. Ты видела бойцов,
Которые, скрывая свои раны,
Идут в атаку с каменным лицом,
Как будто бы не люди, а титаны.

Наверно, поседела ты давно,
Морщины на лице, и губы ссохлись...
Я на себя смотрю, но суждено
Теперь до смерти, гаснущего вдоха
Тебя лишь видеть. Жертвуя собой,
Ты телом, кровью там меня спасала...

Ты стала мне уже навек сестрой,
И этих слов, наверно, будет мало.
Хоть рождены от разных матерей
И говорим на разных языках,
Бинтуя раны и забыв про страх,
На поле боя раненых спасая,
Ты стала нам дороже и родней,
Сестра моя, навеки мне родная.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К кому обращено стихотворение поэта? Какими чувствами оно наполнено?
2. О каком событии военных лет вспоминает автор?
3. Прочитайте строки, в которых описывается тяжесть военных испытаний. Для чего автор использует сравнение с бойцами-мужчинами, воссоздавая облик медсестры?
4. Какие строки позволяют понять, что с военных лет прошло немало времени? Можно ли сказать, что острота воспоминаний утратилась? Каким чувством пронизана вторая строфа произведения? Почему глядя на себя он всегда вспоминает далекую медсестру военных лет?
5. Умение так остро чувствовать благодарность всю жизнь – нечастый дар. Прочитайте строки, в которых автор говорит о родстве людей по крови и по духу. Какой смысл он вкладывает в обращение «Сестра моя, навеки мне родная»?

**АТНИЛОВ
ДАНИИЛ
АТНИЛОВИЧ**

(1913–1968)

*Поэт,
переводчик*

Татский поэт Даниил Атнилов родился в 1913 году в городе Дербенте в семье кустаря-сапожника. После семилетней школы учился в Московском полиграфическом техникуме, позже окончил Дагестанский педагогический институт.

Во время Великой Отечественной войны был разведчиком, работал корреспондентом фронтовых армейских газет. Перевёл на татский язык стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Маршака, А. Барто, рассказы М. Горького.

Первый сборник стихов и повестей Л. Атнилова «Волны сердца» вышел в 1949 г. В 1954 г. издана книга «Образ времени». В Махачкале на русском языке вышли книги «Светлые черты», «Мальчик Нахшун», в Москве – стихи для детей «Первый урок», «Вот как бывает».

ВОСПОМИНАНИЕ

Бросая танки, миномёты, пушки,
Бежали немцы в страхе из села.
У русской догорающей избышки
Лежала женщина. Она была
Мертва давно уж. Но в её ребенка
Фашист каким-то чудом не попал,
И несмышлениш маленькой ручонкой
У матери убитой грудь искал.
Боец Амилов повернулся круто,
За спину перебрросил автомат,
В шинель ребёнка бережно закутал
И к вечеру принес его в санбат.
Сестра малютку кашей накормила,
Спросила у бойца: – Как крошку звать? –
Боец сказал: – Пиши, Авшай Амилов,
Я заменю ему отца и мать!

ИЗ ВОЕННОГО БЛОКНОТА

Осенний день, был тёмный облик твой –
Из пламени и дыма мешанина.
Я засветло спешил к передовой,
А мне навстречу – пёстрая машина.
Шофёр затормозил, и мне в глаза
Майор знакомый поглядел сурово:
– Послушай, поворачивай назад,
Ты ни за грош погибнешь, право слово.
– Несу я порох на передний край.
Майор сказал:
– Да брось ты! Что за порох?
– Вот, Маяковский...
И в глазах майора
Сверкнул огонь:
– Несёшь стихи? Ступай!

СКУЛЬПТОР АДЛЕР

Ганс Адлер жил в плену у нас в горах.
Когда фашистов мы разбили в прах,
Познавший правду жизни на Востоке,
Он был отпущен в Гамбург свой далёкий,
На Родину. И что же сделал Ганс?
Набил кавказской глиной чемодан!

Старик один спросил его: – Послушай,
Зачем тебе земля, когда айва и груша,
И персик, и миндаль растут на ней?
– Нет, – он ответил, – мне всего ценней Земля России...
Здесь я прожил годы
Не на чужбине – на земле Свободы...
Ведь скульптор я: я мир и счастье чту –
И в этой глине воплощу мечту.

Есть мудрость, что веками мы храним,
И мы всегда отпор врагу дадим:
Когда кувшин ударится о камень,
Не камень разобьётся, а кувшин.

ЖЕНЩИНА

Я спросил ее: – Любили вы или нет?
– Да, любила, – услышал в ответ.
– Кто, что за человек? – Солдат,
И она вздохнула. Тихий взгляд.
Зябких плеч тревожное движенье...
– Где же он сейчас?
– Он пал в сраженье.
Мне хотелось в сердце заглянуть...
– Любите ль теперь кого-нибудь?
– Да, люблю, как много лет назад...
– Кто же он, не скажете? – Солдат.
– Значит, любите, опять тревожась,
Воина другого?
– Нет, того же.

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Мрамором поблескивает на краю дороги
Памятник герою, памятник высокий.
Отдал жизнь за Родину он в разгаре боя,
Но не отдал Родину – заслонил собою...
Бьётся по соседству под густой травой
Родничок, как сердце юного героя.
Вот малыш гоняется, потеряв папаху,
За весёлой бабочкой да за быстрой птахой...

Замер возле памятника, с восхищеньем глядя
На лицо героя. Прошептал он: «Дядя...»
Горец произносит с уваженьем: «Сын мой...»,
Ощущая пламень славы негасимой.
Девушка застыла с памятником рядом,
Говорит подружке: «Он похож на брата...»
Так герою каждый сердце открывает,
И родным героя каждый называет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В основе каждого стихотворения поэта – случай, событие из жизни. Какое вам особенно запомнилось и почему?
2. Что такое гуманизм? Можно ли на войне сохранить гуманность? Отвечая на этот вопрос, выберите стихотворение, на которое будете опираться.
3. О чем говорится в стихотворении «Из военного блокнота»? Какой «порох» оказался кстати на переднем крае и почему?
4. Какое из произведений через диалог раскрывает силу и драматизм любви?
5. О герое какого стихотворения эти строки: «Отдал жизнь за Родину он в разгаре боя, Но не отдал Родину – заслонил собою»? Как автор раскрывает мысль о родстве каждого человека с героем? Это образное раскрытие или декларативное, на ваш взгляд? Как вы понимаете слово «декларативность»?

**АХМЕДОВ
АБДУЛЛА
БЕКЕЕВИЧ**

(1924–1981)

Писатель

Когда началась Великая Отечественная война, Абдулла Ахмедов был совсем еще юным 17-летним пареньком, комсомольцем. Но его молодость не помешала односельчанам, жителям Нижнего Казанища (Буйнакский район РД), доверить ему ответственную должность секретаря сельсовета селения. Он рвался на фронт, несколько раз обращался в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Но каждый раз получал отказ из-за своего возраста.

Абдулла продолжал вынашивать мысль попасть на передовую. И в марте 1942 года его отправляют в военное училище г. Сухуми. Теперь он был в шаге от возможности отстаивать свободу и независимость Отечества. Но вскоре война, на которую он так рвался, сама пришла к нему. К лету 1942 года враг двигался к Волге, поставив целью захватить Сталинград, имевший важнейшее стратегическое значение, и завоевать Кавказ. На этот участок были брошены все силы, которые можно было отвлечь от защиты Сталинграда. Среди тех, кто оказался там, были и курсанты Сухумского военного училища.

28 июня немецкие войска перешли в атаку. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, оборона была прорвана и 3 июля крупные силы Красной Армии попали в окружение. Оказался в плену и курсант Абдулла Ахмедов, уроженец дагестанского села Нижнее Казанище.

Фашисты, зная его статус, называли нашего земляка «красным комиссаром». Не раз он подвергался жестоким пыткам и истязаниям, но никогда не терял твердость духа и верил, что рано или поздно обретет свободу. Осенью 1942 года советские войска победили в Сталинградской битве, переломив в свою пользу ход всей войны в целом. Немцы, отступая с Кавказа, эшелонами отправляли советских военнопленных на запад. Двадцать пять из них, в том числе и Абдулла Ахмедов, были переправлены с Кубани на Балканы, в Югославию. Затем их перевели в Грецию, в город Янина, где разместили в лагере для военнопленных. Здесь Абдулла Ахмедов и его товарищи попытались установить связь с группой пленных из числа греческих партизан Народно-освободительного движения (ЭЛАС). Однако среди них оказался предатель, и их планы были раскрыты. Немцы долго и жестоко истязали парней, совершивших попытку бегства, и переправили в другой, более строгий лагерь. И здесь попытка бегства, организатором которой был Абдулла, провалилась. Опять на беглецов обрушились нечеловеческие пытки и побои.

И вот после двух лет тяжелейших подневольных трудов и нескольких попыток бежать – им улыбнулась удача: в марте 1944 года четвертая по счету попытка удалась. Беглецы (12 дагестанцев) прятались в Сербии, Черногории, Албании, Македонии, где встречали много хороших, добрых людей, которые, рискуя своей жизнью, скрывали советских солдат от фашистов. Наконец, им удалось добратсья до города Флорина, где располагались греческие отряды сопротивления ЭЛАС, и вместе с греческими партизанами они боролись с врагом до Великой Победы.

В 1947 году Абдулла Бекеевич вернулся в родной Дагестан и трудился на ниве просвещения: работал учителем

средней школы селения Какашура, директором школы в Какамахи, затем – в Министерстве просвещения Дагестана, в институте школ, директором 7-й школы в городе Буйнакске, в институте повышения квалификации учителей, в Дагестанском педагогическом институте. Но где бы ни работал Абдулла Бекеевич, он превыше всего ставил честь и совесть человека.

А.Б. Ахмедов написал повесть «Греческое танго», в центре которой – греческие партизаны: прекрасная Деспина и мужественный Авгерино. Через их любовь, через их судьбы автор показывает борьбу греческого народа за свободу и независимость древней Эллады, за право на мирную и счастливую жизнь на своей земле...

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Однажды летом 1943 года меня отправили убираться в доме одного высокопоставленного немца. Дом находился в одном сербском селе в 100 километрах от города Ниш. Надо сказать, что это был первый день за много лет, когда мне довелось подышать свежим воздухом.

Дом был двухэтажным, на первом этаже располагались купеческая гостиница и небольшой ресторан. Парадной стороной дом выходил на шоссе Ниш-Белград. Вечером, убрав комнаты и набрав воды, я вышел на веранду и заметил, что интеллигентного вида человек в высокой шляпе пристально смотрит на меня. Меня это насторожило, так как в людях, одетых по-европейски, мы обычно видели немецких прихвостней. Видя мое замешательство, он улыбнулся мне, протянул руку и спросил:

– Вы русский?

Я немного успокоился и, улыбнувшись в ответ, произнес:

– Да.

– В России хорошо, там самые лучшие коммунисты, – вдруг объявил он.

Все это было довольно неожиданно, и в голову приходили разные тревожные мысли.

– Я по профессии юрист, адвокат, – признался он.

«Пытается меня разговорить, предаст, точно предаст меня», – подумал я. Почувствовав напряжение в моих словах, он поспешил меня успокоить:

– Не волнуйся, я тоже коммунист, – сказал он.

«Действительно, – подумал я, – какой интерес этому человеку предавать немцам меня, бедного и босоного? И я решил открыться ему, свободно, как на своей родине. Уже близилась ночь, а он все не уходил, и мой «палач» не торопился вернуться домой. В беседе с ним мы зашли очень далеко, о чём только мы не говорили! Дошли даже до ленинских и марксистских теорий. В конце он меня попросил продиктовать ему текст «Интернационала», мелодию, мол, разумеет сам. Устроившись в уголке веранды, он достал блокнот и стал записывать. Завершив записывать, очень довольный, он признался:

– Мы живём на чердаке этого дома, там мы просверлили два отверстия, оттуда ведем наблюдение: ведём учёт передвижений солдат и техники немцев.

Я вспомнил, что днём несколько раз видел двух «фотографов», поднимающихся на чердак для проявления плёнки. Оказывается, вместо этого они собирали сведения для штаба Броз Тито. Вот тебе и юрист-адвокат, клиент гостиницы.

* * *

Этот день прошёл очень весело. Получил месячную зарплату. Кроме того, завтра день освобождения от немецкого фашизма, День Свободы. Настроение у людей приподнятое. День был безоблачным и теплым.

Пехлец, 08.05.1946 г.

* * *

8 мая, вечер. Моя душа витает по широким просторам Центральной Европы. Ведь сегодня 1 год после окончания самой страшной войны. Пусть такие счастливые дни будут миллионы лет!

Почему я радуюсь и чувствую себя сегодня свободным? Потому что 200–300 миллионов людей сегодня дышат свободно полной грудью.

Пехлец, вечер, 08.05.1946

* * *

Это было летом 1943 года в городе Скопье, столице Македонии. В один из дней нас отправили хоронить двух пленных ребятишек, умерших от голода. Уложив их тела на старые шинели, мы решили отнести их на берег реки и там, вырыв глубокую яму, похоронить. Несмотря на то, что у бедных этих мальчишек остались одна кожа да кости, нести их было довольно тяжело. Поэтому, проходя через бульвар, мы решили немного передохнуть и сели под деревьями.

В это время, откуда ни возьмись, нас буквально окружили несколько человек, предположительно македонцы и сербы. Стали нас расспрашивать о разном. Но мы вдруг расслышали среди них и русскую речь. Нас это особо не удивило, нам было известно, что на Балканах полно русских эмигрантов. Ещё мы знали, что местный народ их недолюбливает. Среди них практически не было никого, кто пытался бы установить связь с партизанами, а все больше было фашистских прихвостней. Никто из них не вспоминал про Родину, Россию, не горевал вместе с ней в эти трудные для нее годы. В основном это были банковские служащие Временного правительства Керенского. У одних из них в России остались заводы на Урале, у других на Украине имелись до тысячи гектаров земли и столько же крестьян. У некоторых белогвардейцев остались там жёны, у других же отцы были верными царю генералами и полковниками.

Сегодня все они боятся большевиков. Некоторые заявляют, что, мол, если бы можно было вернуть прежний режим и прежнюю жизнь, то они охотно вернулись бы домой. Многие плакали, вспоминая, как спешно покидали Родину, как садились на пароходы в Одесском порту, какие мучения они перенесли.

Но были среди них и такие, для которых существовала одна только мечта: любыми путями попасть на Родину, какая бы она ни была. Они считали, что сербы, воюя с фашистами, должны открыть им дорогу домой. На это у нас ответ такой: пролей хоть каплю своей крови за нашу Победу, она тебе красным следом покажет дорогу обратно домой! Война и смерть наших товарищей ожесточили наши сердца, и мы им ответили в глаза правдой.

Мы говорим им, что в России бесплатное образование, на полях работают могучие комбайны, а они слушали, раскрыв рты от удивления. Их пугал наш колхозный строй, вернее, мифы о нем. Им рассказывали, что в России нет обычных семей, всё, мол, общее, все живут вместе в одном большом бараке, спят все вместе под одним большим одеялом. Это, конечно, от души развеселило нас.

Из-за деревьев показались немецкие автоматчики, мы встали, подняли тела ребятишек и продолжили путь.

Пехлец, вечер, 13.05.1946 г.

* * *

Было лето 1943 года. Мы находились в Сербии, в местечке Бранская Баня. Природа там красивая, только людям приходилось туго.

Это было время, когда мы, пленные заключённые, строили планы побега. Нам необходимо было во что бы то ни стало найти проводника. С этой целью я зашел в дом, что располагался на краю деревни. Хозяина, мужчину средних лет, я застал за растопкой печи.

– Здравия! – поздоровался я.

От неожиданности хозяин присел на пол и испуганно произнес:

– Здрова!

Без лишних слов я спросил его прямо:

– Братушка, партизаны есть на этой планине?

– Има, есть, – ответил он, показав рукой вправо, – там наши партизаны.

Затем изменился в лице и добавил:

– В левую сторону отсюда – Михайловичи. На той стороне Тито с партизанами, но туда нельзя, они на 3-й линии окружены немцами. И у Михайловича вам делать нечего. Что под их дулом ходить, что под немецким – один черт. Они в сговоре с фашистами. Кто больше золота и денег даст, они на его стороне.

Правду говорил он: в 1946 году в Демократической Югославии Михайловича отдадут под суд.

В этой деревне мне довелось поговорить еще с одним местным жителем, люто ненавидевшим фашистов и болгарских фашистов в том числе.

Он со смехом рассказывал, как три дня назад ездил в Софию. Там он стал свидетелем такой картины: на крыше трёхэтажного дома горел синим пламенем автомобиль. Как он туда попал? Англичане стали бомбить город, и взрывной волной его выбросило на крышу. Кстати, шофёра отбросило в сторону, и он остался жив.

Я могу привести много примеров тем, кто, не видя воочию этих фашистов, этих зверей, считает их людьми.

Это было в Черногории, в 30 километрах от Колашина вблизи одного горного селения. Я всё видел собственными глазами: тела двадцати молоденьких девушек лежали в один ряд. Фашисты сначала их изнасиловали, затем всем выкололи глаза, вырезали груди.

Невдалеке склон горы также был усеян трупами, коих было около 200. Местных жителей заставили бежать в гору, а затем расстреляли, словно бы на охоте.

Чуть поодаль от подошвы горы стояли руины небольшой избы. В грудe золы и пепла там вразброс лежали обгоревшие трупы 10 человек. 10 лет плача не помогут уже им. На каждом шагу следы крови и нечеловеческих мучений. Человечество пережило эти зверства, что было делать.

Пехлец, вечер, 16.05.1946 г.

* * *

Таких случаев было много, очень много. Это случилось в последние дни 1943 года, вечером, на греко-албанской границе. Фашисты расстреляли нашего друга, кубанского казака по имени Горбач, когда он спустился в канаву по нужде. Якобы «при попытке к бегству».

Невдалеке горела деревня. Спрашиваем: как, что? Оказалось, что через эту деревню прошлой ночью проехала группа партизан.

На каждом шагу пролитая кем-то кровь, растерзанные, обгоревшие тела солдат, партизан, стариков, женщин, детей. Когда видишь всё это, невольно забываешь о своих мытарствах и мучениях.

Проходит утро, проходит вечер, дни проходят под гнётом великих ужасов войны, во мраке, в тумане проходят они.

Правду говорят: солдату лучше принять 9 грамм свинца, чем попасть в плен.

Пехлец, вечер, 16.05.1946 г.

* * *

Раннее утро. Вся ночь прошла без сна. Стараюсь заснуть, но дневник «просит» запечатлеть пройденный день хотя бы несколькими строками.

Конечно, запишу, дневник – мой верный спутник. Сколько раз он словно бальзам облегчал мне душу в горестные для меня дни! Ведь в дневнике пишется всегда самое сокровенное. В минуты, когда не с кем поговорить,

по душам, я беседую с тобой. И в будущем, думаю, не перестану общаться с тобой. «Живёшь» столько лет со мной, меня увидят на твоих страницах, как в зеркальном отражении. Пусть калам (перо) никогда не расстанется с тобой, чтобы золотыми чернилами описать будущую светлую и счастливую жизнь!

Пехлец, вечер, 17.05.1946 г.

* * *

Мир еще не дошёл до последней черты, но находится на краю бездны. Верю, что человечество найдет в себе силы одуматься, остановиться, и что заветной его мечтой станет построение счастливого, светлого и мирного будущего.

Пехлец, вечер, 19.05.1946 г.

Вдоль я Грецию объехал,
Поперек исколесил.
Там гречанку-партизанку
Я безумно полюбил.

С нею поздно вечерами
За селением гулял.
Над шумящими ручьями
Её крепко целовал.

Не печалься, дорогая,
За тобой приеду я.

Самолёт, звездой сияя,
Вновь обрадует тебя.

Пароход отходит в море,
В море есть ему простор.
Там вдали, на косогоре,
Ты зажгла опять костёр.

До свиданья, партизанка,
До свиданья, цветик мой,
Ненаглядная гречанка
С черной пышной косой!

Май 1945 г.

Стихи эти родились на чужбине, в Греции, приютившей на время меня, солдата, бежавшего из плена, нашедшего здесь товарищей по оружию. С ними – партизанами греческого Сопротивления – мы боролись с фашизмом и, как могли, приближали день Великой Победы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали о судьбе Абдуллы Ахмедова?
2. Как в дневниках солдата раскрывается его внутренний мир, его характер? Почему он ведёт дневник в таких трудных условиях?
3. Знакомы ли вы с дневниками, которые вели воины или мирные люди в годы ВОВ? Например, с дневниками Тани Савичевой, девочки из блокадного Ленинграда, или с «Дневником Анны Франк», еврейской девочки, которая вместе с семьей в годы Второй мировой войны жила в Голландии.
4. Что такое движение Сопротивления в годы второй мировой войны? Найдите сведения и подготовьте сообщение.

**БАТЫРОВ
АБДУЛЗАГИР
КУРБАНОВИЧ**

(1911–1960)

*Поэт, переводчик, журналист,
старший лейтенант,
командир отделения
стрелкового батальона*

Батыров Абдулзагир – талантливый кумыкский журналист, поэт, переводчик. Фронтовик, 25 июня 1941 года был призван в армию.

Воевал на Южном и Сталинградском фронтах. Старший лейтенант, командир отделения стрелкового батальона Абдулзагир Батыров был активным участником героической обороны Сталинграда в составе 91-ой стрелковой дивизии. В одной из операций по разгрому Румынского пехотного полка в 1942 году Абдулзагир Батыров был тяжело ранен. Ранение не позволило оставаться в строю, но сразу по возвращении стал активно работать на ответственных руководящих постах.

Награждён Орденами «Красной Звезды», «Знак почета», Медалью «За оборону Сталинграда», Медалью «За оборону Кавказа». В его фронтовые письма часто были вписаны поэтические строки, иногда и целые стихотворения. Он писал на кумыкском языке.

А. Батыров много сделал для развития и пропаганды культуры в республике. Незаурядная творческая индиви-

дуальность, легкий и точный стиль и в журналистике, и в переводах классической драматургии и поэзии, тонкий лиризм и искренний патриотизм его поэзии фронтовых и послевоенных лет вызывают интерес и сегодня. Занимал высокие государственные и общественные посты: начальник Управления по делам искусств при СПК ДАССР, заведующий сектором отдела пропаганды и агитации обкома ВКП/б, первый секретарь Махачкалинского РП КПСС и др.) Он был очень добрым человеком с большим, щедрым сердцем, никогда не проходил мимо чужой беды, помогал всегда и всем. Всю свою фронтовую пенсию Абдулзагир Батыров отправлял в детские дома. Скольких детей-сирот, обездоленных войной, он забирал с улицы, приводил домой, а потом устраивал в детские дома, интернаты! А.К. Батыров щедро делился с молодыми знаниями и опытом, помогая им найти свою дорогу в мире культуры и искусств.

СЫНУ БАТЫРУ

Привет, сынок Батыр, издалека!
С объятых пламенем войны полей кровавых.
Одной мечтой, желанием живу:
Чтоб были все вы живы и здоровы.
А что сейчас в разлуке – не горюй!
Ведь это временно – отец к тебе вернётся!
Я жив-здоров, со мной все хорошо,
Переживать не стоит, все в порядке...
Хотя война в разгаре – нет сомненья:
Мы победим в решающих сраженьях!

Здесь, на полях сражений, дни – не дни:
Дым чёрный прячет свет, орудий грохот
Не умолкает,
И дрожит земля...
Но крепнет наша армия.

Бойца,
Который мстит за Родину свою,
Не подчинить, не одолеть врагу,
Реками льется вражеская кровь,
Где мы прошли победными боями.
Ты – не грусти! Расправимся с врагами.
У многих здесь, как у меня, семья,
А потому и цель у нас одна –
Вернуть вам счастье.
Знай, что нам не надо
Вас даже вспоминать –
Ни на минуту не забываем вас.
Вы в памяти у нас
И днем и ночью, каждый миг и час.
Конечно, враг коварен и жесток
И жаждет он в кровавой мясорубке
Нас уничтожить, в рабство обратить.
Огонь и пламя – каждый шаг его,
Безумье их всё в пепел превращает,
Кровавыми слезами истекают
Рассветы над истерзанной землёй,
И ясную луну заволокло
Туманов дымной копотью и сажей.
И стоны, плач детей и матерей,
Которые в тылу врага остались,
Терзают нас и не дают покоя.
Они нас ждут, уставшие страдать,
Ждут тех, кто их придет освобождать,
С неистойвой надеждой, верой, болью.

Наш долг святой – остановить врага,
Наш долг – с земли прогнать поганых фрицев,
Наш долг – идти с победой до конца,
Чтоб там в их логове добить всех до конца!
Война за Родину – священная война!
Она за нас за всех и за тебя,

За миллионы нашей детворы
Без устали сражаются бойцы.
Мощь наших армий победит врага,
Фашистов разгромим наверняка.

Ты Жанне, Пате объясни всё сам,
Пусть знают, что отец бьёт по врагам,
Пусть знают, что поклялся ваш отец,
Пока фашистам не придет конец,
Домой не возвращаться, бить врага,
Чтобы с победой в мирные дома
Вернуться радостно, надолго, навсегда.

Август 1942 г. Действующая армия

ТАБАК

Сотни вёрст по дорогам войны,
Сотни вёрст...
Прошагали без отдыха, сна,
Мёрзли в снежных окопах, –
Лютует зима...
Но страшнее лютует война.
После тяжких сражений,
Кровавых боев,
Куришь молча...,
И хмурясь сидишь...
Горьким дымом печаль разгоняешь свою,
Отдыхаешь...
И, греясь, дымишь...
Терпкий вкус перекуров своих фронтовых
Не забудешь и не повторишь.

Шквальный огонь, грохот взрывов, град пуль,
Рёв самолетов и треск пулеметов
С ног нас сшибают, в снег мокрый вжимают,
И пеленой чёрный дым нависает...

Но и тогда в минутных передышках
Табак солдатский горечью своей
Нам греет душу, силы возвращает
Вкус перекуров этих фронтовых...
Какой-то он особенный бывает.

Но все меняется...
Сквозь ночь и чёрный дым
Каскад ракет...
И вдруг светло, как днем,
И наши танки, мощные как дэвы,
Ползут вперед, круша неумолимо
Испуганного до смерти врага.
Бой наш, и фриц повергнут –
Кто остался, погоны в страхе рвет,
Фуражки прячет...
И сдаётся в плен, ...
Плетутся друг за другом...
Прищурившись, сжимаешь автомат,
На них глядишь: враг – это только враг.
Затягиваясь, куришь свой табак.
Тот горький вкус необходим нам так.

Все продолжается...
Сражения, бои...
Победы, пораженья,
Голод, холод,
Нет писем месяцами от семьи.
Терзаешься в разлуке.
Нележки
Дни-ночи на войне,
Как нележки...
И в те минуты горькие,
Когда
Изводят душу боль, печаль, тревога,
Табак солдатский – верная подмога –

Закуришь, горечь сладкая его
Тоску прогонит и вернет надежду,
Что скоро, скоро
Будет все как прежде:
Мир, ясный день, счастливые глаза,
Но ты забыть не сможешь никогда
Вкус горький фронтового табака.

Октябрь. Действующая армия

ДАГЕСТАНСКОМУ БОГАТЫРЮ

*В поле одно дерево не сад,
Один воин не сможет начать войну.*

Из казацкой песни

В поле дерево одно расцветёт огромным садом,
Если саженец посадит наш советский человек,
Один в поле станет войском, и оно пройдет парадом:
Если воин – сын России, он её же оберег.

Когда враг идет в атаку, поднимаются мужчины
И мечами рубят, бьются, наступают, словно львы.
Во врагов стреляют метко, в их испуганные спины,
За одно злодейство будут сорок раз они мертвы.

Если битва за Отчизну, то один собой заполнит
Морю равное пространство и, конечно, победит,
Если встанет за свободу, значит, чести не уронит,
Сто врагов один погубит, как наш доблестный Саид.

Храбрый сокол-дагестанец, он сто двадцать семь фашистов
Сам, один на них охотясь, беспощадно истребил.
Он без лишних слов воюет и в бою с врагом неистов,
Будет мстить, покуда жив и пока хватает сил.

Есть пословица такая, как отцовское посланье:
«В трудный час герой не сдастся». Это истина в бою.
Для героя нет покоя, подвиг – то же, что дыханье,
Кара всех врагов настигнет, хоть у жизни на краю.

Много бед им он доставит. Будет мстить врагу и дальше,
Разобьёт Саид фашистов – неизбежен их разгром,
Смельчаков, как он, немало: кто-то старше, кто-то младше,
Победители – народ наш, и источник силы – в нём.

Каждый день страна Советов сто героев для победы
Открывает и рождает, знает всех их поимённо:
Валентины и Саиды, Амет-ханы, Магомеды
Заставляют всех фашистов ждать расплаты обречённо.

МОЯ РОДИНА

В недрах богатствам твоим нет числа,
Могучие руки текут полноводно,
Цветенью садов ароматных хвала –
О Родина, вечно живи и свободно!

Кони стальные на пашне – взгляни!
Трудятся горцы на склонах умело,
И нет ничего для народов страны
Дороже тебя, и любви нет предела!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, малышка,
Спи, радость, девчушка моя,
Глазки ясные, детка, закрой,
Наигралась ты за день,
Шалунья моя,
А теперь нам пора на покой.

На подушку пуховую,
Детка моя,
Ты голову свою положи,
Если хочешь, игрушку –
Тулпара-коня
Ты с собою в кроватьку возьми.

Пусть дочурка гуляет
Во сне по лугам,
По прекрасным фруктовым садам;
Пусть овечки, козлята играют с ней там,
Пусть гуляют там с ней по полям.
Т-с-с, машина!
А ну-ка потише езжай!
Моей девочке спать не мешай!
Засыпай...
Глазки ясные ты закрывай,
Я спою тебе – ты отдыхай.

Я поглажу головку и глазки твои,
Песню тихую дочке спою.
Засыпай, ясноглазая, крепко усни,
Пусть тебе снятся сладкие сны.

Подрастай, моя крошка,
Расти побыстрей,
Нам на радость – расти поскорей,
А сейчас – отдохни,
Глазки крепко сомкни,
Ты увидишь волшебные сны.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое из стихотворений больше всего запомнилось и почему?
2. Какие чувства и мысли хочет передать поэт сыну Батыру? В чем он видит свой долг?
3. Какие метафоры и сравнения в стихотворении «Сыну Батыру» позволяют передать сущность войны? Найдите и прочитайте этот отрывок.
4. О чем напоминает герою стихотворения «Табак» «вкус горький фронтового табака»? О чем тревожится на войне солдат? Какова роль многоточий в произведении?
5. Как бы вы определили жанр воспевающего стихотворения «Моя родина»?
6. Какие строки передают приметы новой для Дагестана жизни горцев?
7. Чем стихотворение «Колыбельная» отличается от других и как передаётся в нём отцовская теплота и нежность?

**БАХШИЕВ
МИХАИЛ
ЮСУПОВИЧ**

(псевдоним –
Миши Бахшиев)

(1910–1972)

*Поэт, прозаик, драматург,
журналист; полковник,
военный корреспондент*

Миши Юсупович Бахшиев родился в городе Дербенте 7 ноября 1910 года. Его отец Исуф переехал в Дербент из горного села Ашага-Араг, что в южном Дагестане, батрачил с утра до ночи. В семье было много детей, и Миши с 11 лет работал подмастерьем сапожника, сезонником на рыбных промыслах. Окончил рабфак в Краснодаре. С 1931 года учился в Московском институте землеустройства и посещал литературный кружок при издательстве «Молодая гвардия». После окончания института Миши Бахшиев вернулся в Дагестан. В 1938 году работал в Правлении Союза писателей Дагестана, а в 1939 году – заведующим сектором печати, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Дагестанского обкома КПСС, в последующем – заместителем главного редактора газеты «Дагестанская правда». Принимал участие в работе I и II съездов писателей РСФСР.

Летом 1941 добровольцем ушел на фронт. После окончания Высших политических курсов стал военным корреспондентом на Северо-Западном, 2-м Украинском, Забай-

кальском фронтах, освобождал от немецких захватчиков нашу Родину, потом Румынию, Венгрию, Чехословакию; принимал участие в разгроме японских милитаристов (Квантунской армии). Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, боевыми и памятными медалями. Демобилизовался в 1953 году в звании гвардии подполковника запаса.

Миши Бахшиев писал на русском и татском языках и оставил после себя большое литературное наследие. Первая повесть Бахшиева «Навстречу новой жизни» (1932), вышедшая в Москве, знаменовала начало развития татской прозы. В 1933–1940 годах он написал несколько сборников стихов, пьесу «Земля», музыкальную комедию «Шах-Аббас и амбал», рассказы и очерки. Перу Бахшиева принадлежит первый татский роман «Гроздь винограда» (1962–1963 гг.). В дагестанских издательствах вышли книги М. Бахшиева на татском и русском языках: «Рассказы о моих земляках», «Простые люди», «Зашумят сады», «Я люблю весну», романы «Гроздь винограда» «У стен Нарын-Кала». Миши Бахшиев также перевел на родной язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Низами Гянджеви, М. Горького, А. Гайдара, А. Барто.

Миши Юсуфович Бахшиев является основоположником горско-еврейской литературы, и на каких бы постах ни был, он всегда проводил воспитательную и просветительскую работу среди народа, и народ его любил.

Миши Бахшиев – заслуженный работник культуры ДАССР, награжден медалью «За трудовое отличие», почетными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР.

ГАДЖИ БУГАНОВ

Маленькое венгерское село окутали вечерние сумерки. На улице сыро, безлюдно, тихо. Моросит мелкий дождь. Откуда-то издали доносятся звуки одиноких оружейных выстрелов...

Это было в первых числах января 1945 года. Я стоял возле крытой автомашины, в которой размещался наборный цех типографии нашей газеты, рассматривал гранки очередного номера. Меня окликнул фотокорреспондент Александр Пархоменко.

– С тебя магарыч, – сказал он, – четверть дагестанского вина!

Я вопросительно взглянул на него. Пархоменко протянул мне только что отпечатанный им фотоснимок.

Со снимка смотрел молодой красивый офицер в форме капитана. На груди у него поблёскивал орден Красного Знамени.

– Не узнаёшь? – спросил Пархоменко.

– Нет.

– Ай-ай-ай, какой же ты дагестанец, не узнаёшь своего земляка!

– Кто он? – спросил я.

– Гаджи Буганов, командир батальона штурмового полка. Совершил героический подвиг при форсировании реки Тиссы.

Гаджи Буганов. Нет, незнакомый мне человек. Я задумался. Значит, где-то здесь находится земляк, отличившийся в боях.

– Ну что замолчал? – сказал Пархоменко. – Тебе надо очерк написать о нем.

Написать очерк. Как? Для того чтобы написать о человеке, надо знать его, побывать на месте боев, поговорить с людьми... «Хорошо, – решил я, – поеду в полк к Буганову, встречу с ним, познакомлюсь». Но прежде чем поехать к земляку, я зашел в штаб армии, познакомился с личным делом Буганова, его биографией.

Великая Отечественная война застала Буганова под Москвой, где он преподавал на курсах командного состава. Из личного дела Буганова я узнал богатую событиями боевую биографию воина-коммуниста. Он сражался в боях при форсировании Днепра, участвовал в разгроме Корсунь-Шевченковакой группировки немцев, во взятии Кишинева, в освобождении Румынии и Венгрии.

Читал я биографию Буганова – удивлялся. Долгий путь войны он проходил где-то рядом со мной, и я не знал о его существовании. А теперь он находился совсем недалеко и отличился в боях при форсировании Тиссы. Я поспешил туда, где располагался штурмовой полк. Ехал на попутной машине, по местам, где накануне шли жаркие бои. В степи, среди грязи, валялись то тут, то там трупы немецких вояк, искалеченные «тигры» и «пантеры», автомашины и орудия. Еще большее количество вражеских танков и обугленных фашистов лежало на западном берегу Тиссы.

Мы подъехали к полуразрушенному селу, где после боя отдыхали воины батальона Буганова.

– Вам кого, командира батальона? – спросил дежурный офицер. – Его не будет сегодня. Вызвали по срочному делу.

– Досадно, – сказал я.

– Вам очень нужен он? – спросил молодой офицер. Узнав, что я собираюсь писать о комбате Буганове, он сказал: – Наш комбат скромный человек. О себе он вам ничего не расскажет. Лучше всего о нем расскажем мы. Если хотите писать, садитесь, пожалуйста, все подробности узнаете от нас.

И вот что рассказали мне бугановцы о своем командире, о боях на Тиссе.

– Наш батальон в составе штурмового полка, – сказал дежурный офицер, – получил приказ форсировать Тиссу и продолжать наступление. Накануне комбат собрал командиров подразделений и вывел на рекогносцировку¹ мест-

¹ *Рекогносцировка* – визуальное изучение противника и местности лично командиром (командующим) и офицерами штабов с целью получения необходимых данных для принятия решения или его уточнения.

ности. Надо было изучить противоположный берег реки, выбрать место для переправы.

Враг сидел на высотах, господствующих над окружающей местностью. Но это не смущало комбата. Не такие высоты он атаковал со своими бойцами. Его не пугали ни горы, ни быстрые реки, ни дремучие леса, Гаджи Османович родился и вырос в Дагестане. Он в свое время вёл батальон через Трансильванские Альпы и Карпатские горы.

Теперь, изучая вражескую оборону, комбат хотел выбрать такое место для переправы, чтобы без лишних потерь форсировать реку, нанести врагу внезапный удар. Вскоре созрело решение.

– Переправляться будем здесь, – сказал комбат. – Первая рота высадится левее высоты, обойдет вражеские укрепления вон той лощинкой и атакует противника с фланга...

Командиры рот и поддерживающих подразделений внимательно выслушали гвардии капитана и вернулись в расположение. Ночью на фронте было тихо, а утреннюю тишину нарушил гул артиллерийских залпов. Высокий берег реки, где проходили немецкие траншеи, покрылся дымом.

– Вперёд! – раздался голос комбата. И лодки с бойцами и пулемётами отчалили от берега.

Враг встретил советских бойцов свинцовым дождем. Но они стремились вперед к цели. На середине реки командирскую лодку продырявил крупный осколок мины.

– Товарищ комбат, – крикнул гребец, – берегитесь!

– Вперед! – скомандовал Буганов.

– Беспokoюсь за вас, товарищ гвардии капитан, – проговорил боец, не оглядываясь назад.

– Смелей, смелей, Андрюша! – подбадривал солдата комбат.

Его лодка в числе первых причалила к вражескому берегу. Выпрыгнул он из лодки и, не теряя времени, стал управлять боем. Взвод за взводом, рота за ротой наши воины высаживались на берег и устремлялись на позиции

немцев. Обойдя высоту с двух сторон, батальон обрушился на противника, завязал рукопашную схватку.

Бугановцы уничтожили десятки гитлеровцев. Многие не выдержали удара советских воинов и подняли руки вверх. Батальон овладел высотой, первым занял плацдарм на западном берегу реки. Потеря этой высоты создавала для немцев большую угрозу. Гитлеровцы учли это и бросили против батальона танки, бронетранспортёры, артиллерию и большое количество пехоты.

– Отходить некуда, – сказал комбат. – Ни одного метра занятой земли не отдадим врагу!

Четыре раза фашисты бросались в контратаку. Комбат находился там, где было труднее всего.

Все воины батальона сражались мужественно, храбро. Батальон, отвлекая на себя внимание крупных сил врага, дал другим подразделениям возможность форсировать реку.

Когда подтянулись остальные батальоны, Буганов снова поднял своих бойцов в атаку. Прорвав вторую линию немецкой обороны, пошли вперёд.

А ночью, после боя, батальон овладел селом.

На рассвете комбат уже был в окопчике за селом.

Рядом с ним – командиры рот. Комбат ставил новую боевую задачу.

...Этот рассказ сослуживца Буганова я аккуратно записал, и через несколько дней в газете «Родина зовет» была опубликована корреспонденция под заголовком «Комбат Буганов управляет боем».

Армия наша продолжала наступление, и мне по заданию редактора пришлось поехать в одну из дивизий. По мере продвижения наступающих частей меняла свое расположение и редакция. Она уже была в городе Балашдьярмате¹, когда я вернулся из командировки. Первым меня встретил Пархоменко.

– Вот какая досада! – сказал он. – Час назад здесь был герой твоей корреспонденции Буганов. Искал тебя.

¹ *Балашдьярмат* – город в Венгрии.

– Ну!

– Да, узнал, что ты его земляк, и хотел увидеть тебя. Очень просил тебя найти его. Он теперь в авиадесантной дивизии начальником разведки.

Но сразу поехать к Буганову я не смог. Армия с боями шла вперёд, и мне приходилось выполнять специальные задания редактора: бывать в наступающих подразделениях, информировать читателей газеты о событиях в районе боев. Наши войска находились на подступах к чехословацкому городу Брно, когда представилась возможность съездить к Буганову.

Брно. Когда я сюда приехал, наши войска добивали последних сопротивляющихся фашистов и завершали полное освобождение города. Местные жители – чехи и словаки, старики и женщины с детьми – выходили из подвалов и с распростёртыми объятиями бросались к советским солдатам и офицерам. Среди этих воинов были и сослуживцы Буганова. Разузнав, где штаб, я поспешил туда, чтобы встретиться с земляком. Но и здесь меня постигла неудача.

– Буганов ранен и эвакуирован в тыловой госпиталь, – сказали мне в штабе.

Двойное огорчение. Во-первых, то, что Буганов ранен, во-вторых, опять не состоялась встреча.

Так и не увидевшись с героем своей корреспонденции, я отправился на поиски редакции, которая тоже передвигалась вслед за наступающими соединениями.

– Ну, поздравил своего земляка? – спросил меня Пархоменко, размахивая свежим номером армейской газеты.

– С чем? Я его не застал ведь...

Александр Васильевич дал мне газету.

– Вот почитай, гордись своим земляком. Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Я с жадностью прочитал Указ, и мое сердце наполнилось гордостью за земляка.

– Заверни газету, – сказал Пархоменко, – положи в пакет и пошли в свой родной Дагестан.

Я так и сделал. Но встретиться на фронте с Бугановым так и не удалось.

...Прошло семнадцать лет. Это было на махачкалинском пляже. Стоял жаркий августовский день. Пляж был переполнен отдыхающими. Я выкупался, оделся и собирался было уходить. И вдруг вижу: пристально смотрит на меня стройный, красивый, спортивного телосложения мужчина с полотенцем в руках. «Он или не он?» – подумал я. Потом, когда он улыбнулся, я сказал:

– Буганов!

И когда он узнал, кто я, мы обнялись, как старые друзья. Я узнал, что Буганов уже полковник, служит в Харькове, преподаёт в военном училище. А сейчас приехал на отдых в свой родной Дагестан.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. От чьего имени ведётся повествование?
2. Когда автор впервые услышал о Буганове? От кого и что он узнал о нем?
3. Как описывает автор места боёв? Найдите и прочитайте описание.
4. Что говорят о Буганове сослуживцы? Как к нему относятся подчинённые?
5. Что было главным для Буганова? Думал ли он только о выполнении приказа любой ценой? Как вёл себя в бою?
6. Что мы узнаем из текста о работе военного корреспондента? Какие задачи ставились перед ним? Найдите отрывок и прочитайте.
7. Почему автору не удаётся встретиться с земляком, героем своего очерка?
8. Как отреагировал автор, узнав о присвоении Буганову звания Героя Советского союза?
9. Когда произошла встреча земляков? Почему два не знавших до этого друг друга человека обнялись, как старые друзья? Что их объединяло?

КОМАНДУЮЩИЙ

(В сокращении)

Я не рассказал о командующем армии генерале Манагарове, который, несмотря на огромную занятость боевыми операциями, большое внимание уделял газете. В первые годы войны, когда наша 53-я армия воевала на Северо-Западном фронте, командующим у нас был другой генерал. Манагарова же впервые я увидел летом 1943 года, перед тем как наши войска окончательно освободили Харьков и стали победоносно продвигаться на запад.

Это было в лесу под Харьковом. Здесь сосредотачивались стрелковые дивизии для наступления. Накануне редактор приказал мне поехать в одну из дивизий.

– Вы приехали кстати, – сказал мне инструктор политотдела дивизии. – У нас находится генерал Манагаров. Он будет встречаться с личным составом полков.

Мы вышли на поляну. Перед строем частей и подразделений рядом с командиром дивизии стоял среднего роста генерал пожилого возраста. Это и был наш командующий генерал Манагаров. Он подходил к каждому бойцу, спрашивал, давно ли воюет, имеет ли ранения, награды, за какие бои... И если кто-либо из бойцов давно воюет, имеет ранения, заслуги, но не получил награду, то тут же принимал решение о награждении бойца, насколько это было в его власти.

Обходя строй одного из батальонов, генерал обратил внимание на пожилого сержанта с длинными чёрными усами. Задержался около него, пристально посмотрел, что-то вспоминая. Потом, когда сержант назвал свою фамилию, напомнил о том, что ещё во время первой мировой войны был фельдфебелем такого-то эскадрона, такого-то кавалерийского полка, генерал бросился к нему, обнял его, поцеловал, называя по имени и отчеству. Оказалось, что в то время Манагаров служил солдатом в том самом эскадроне.

– Ну, а в эту войну в каких боях участвовал? – спросил генерал.

– Был пулемётчиком, ранен под Сталинградом.

– Награду получил?

– Не успел.

Через несколько дней, когда наши войска успешно развивали наступление, освобождая землю Украины, я часто видел бывшего фельдфебеля в форме советского кавалериста с одной звёздочкой на погоне. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Он был награждён орденом Красной Звезды, назначен командиром конного взвода и часто ездил на линейке вместе с командующим.

Манагаров встречался с бойцами не только перед наступательными боями. Его часто могли видеть солдаты на огневых позициях, на командных пунктах. В госпиталях он подолгу сидел у коек раненых, интересовался их здоровьем, оказывал необходимую помощь.

В одном из госпиталей произошла такая встреча.

Генерал после многодневных боев на территории Венгрии решил навестить раненых. На койке рядом с товарищами лежал после операции сержант Слесарев – бывший рабочий Махачкалинского морского порта. Одна его нога была ампутирована. Как только Слесарев заметил вошедшего в палату генерала, он вытянул руки по швам и произнёс:

– Здравия желаю, товарищ генерал!

Манагаров подсел к Слесареву, расспросил его, откуда родом, где работал до войны, в каких боях участвовал. Узнав о боевом пути воина из Махачкалы, о его подвигах и ранениях, тут же наградил его орденом, пожелал ему быстрого выздоровления и счастливой встречи с семьей.

Прощаясь с генералом, Слесарев прослезился. Он был тронут вниманием, оказанным ему.

Часто перед наступательными боями командующий звонил нашему редактору, чтобы тот послал к нему корреспондентов, едущих в районы боёв. Собрав нас, Манагаров

раскладывал карту на столе, знакомил с задачами, которые будут решать войска, советовал, на что обратить внимание в своих корреспонденциях и статьях. Работники штаба говорили, что свой рабочий день командующий начинал с чтения нашей газеты. В этом мы сами убедились. Каждый день, когда это было возможно, он звонил редактору, высказывал свои замечания по газете, давал указания. Такое отношение командующего к своей газете воодушевляло нас, удешаляло нашу энергию.

Командовал Манагаров нашей армией до полной победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой эпизод из текста особенно запомнился и почему?
2. Почему Манагаров уделял большое внимание работе корреспондентов, поддерживал постоянную связь с редакцией газеты?
3. Почему требовал прислать корреспондентов на передовую перед началом наступления? Как относились работники газеты к такому повышенному вниманию?
4. Как инструктировал корреспондентов командующий перед боем? Для чего он это делал?
5. Охарактеризуйте отношение командующего к рядовым бойцам? Какой образ командующего складывается после прочтения текста?
6. Важно ли было такое (почти отеческое) внимание военнам?

**БУДАРЕВ
ВИКТОР
СЕМЕНОВИЧ**

(1918–2013)

*Поэт,
публицист*

Прошел боевой путь с первых дней войны и до её победного окончания на реке Эльба около Берлина. Был дважды ранен. Сражался за Кавказ, освобождал Украину и Польшу. Встретил ВОВ на границе 22 июня 1941 года, приняв ожесточенные бои с фашистами, охраняя государственную границу СССР с Румынией. С августа 1941 года по октябрь 1942 года Бударев – политрук. Награжден медалью «За отвагу». В августе 1942 года о нём писала газета 18-й армии «Знамя Родины»: «Благодаря организованности, выдержке и находчивости политрука Бударева пехотинцы групповым огнем сбили бомбардировщик и не дали другим вражеским летчикам штурмовать колонну». С марта 1943 года освобождал Родину в составе 1-го Украинского фронта. За неоднократно проявленные мужество, решительность и личную отвагу в бою, за хорошее воспитание бойцов Виктор Семенович был награжден в ходе Великой Отечественной войны боевыми орденами и медалями: орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа». Окончил войну в звании майора, продол-

жил службу в армии, потом во внутренних войсках, дослужился до полковника. С 1951 года жил в г. Махачкале. Работал на разных гражданских должностях. Выступал перед детьми, молодёжью, писал стихи, статьи в газеты, книги, рассказывал о пережитом и об участниках ВОВ. Написал и издал восемь книг, посвящённых событиям минувшей войны, однополчанам и ветеранам ВОВ Дагестана. Удостоен звания «Заслуженный наставник молодежи РД».

ВАЛЬС НА ВОЙНЕ

На войне, как на войне...
Ты в родимой стороне,
Ну, а я – в сыром окопе,
Не в России, а в Европе.
Слышишь,
Думай обо мне.

Я мечтаю об одном –
Заглянуть в твоё окно,
Где, склонившись над кроватью,
Гладишь пепельные прядки
Ты дочурке
Перед сном.

Перед боем каждый раз
С болью думая о вас,
Вспоминаю довоенный,
Тот стремительный,
Из Вены,
Легкий штраусовский вальс.

Завтра лучше, чем вчера...
Эта присказка мудра.

И когда умолкнут ружья,
Мы с тобой еще покружим
В ритме вальса
До утра.

Ну, а нынче снова в бой.
Канонады дикий вой
Оглушает пол-Европы,
Но встаю я из окопа
С громким криком:
– Взвод!...
За мной.

ТРЁХРЯДКА

Нам посчастливилось с ночлегом,
В натопленной избе живём
И терпкий чай с домашним хлебом,
Как в довоенный вечер, пьём.

Трещит печурка... Пахнет мятой...
Царит трехрядка в тишине –
Ох, как нужна она солдату
В часы затишья на войне.

«Осенний сон» сержант играет.
И старшина немолодой
Ему тихонько подпевает,
Качая раненой рукой.

И наша добрая хозяйка
В платочке беленьком, как снег,
Вдруг просит ласково: «Сыграй-ка,
«Землянку», милый человек».

И он играет и играет,
Пока гудит в печи огонь,
Как будто устали не знает
Его походная гармонь.

Трещит печурка... Пахнет хлебом...
Чай остывает на столе.
Нам посчастливилось с ночлегом
На отвоёванной земле.

ЛЕЗГИНКА НА ЭЛЬБЕ

Юго-западной Берлина
Автоматною шальной
В воздух
Очередью длинной
Распрощался я с войной.

Кто-то пляшет, кто-то
плачет...
– Шибче, яблочко, звени!
Всем нам выпала удача
В эти радостные дни.

Долгожданная победа,
Долгозванная весна –
Прошагали мы полсвета,
Чтобы расцвела она.

Кто комаринскую просит,
Кто желает гопака –
И мелодии уносит
По течению река.

По равнинам, по болотам
С ношею и налегке
Шла гвардейская пехота
К дальней вражеской реке.

Все собрались по старинке
На поляне в тесный круг.
– Не забудьте про лезгинку, –
Крикнул Вася Хейло вдруг.

И теперь
В начале мая
Возле Эльбы в двух шагах
Костя Кулькин нам играет,
Лихо растянув меха.

– Асса! Асса!
Засверкали
Юной удалью глаза,
И запрыгали медали
В ритме бешеном «асса».

Лейтенант Бочиришвили	Дагестанскую лезгинку
И Ахмедов рядовой	Не слышали никогда.
Соколами закружили	
Над немецкою рекой.	И, подхваченная ветром,
	Музыка умчалась вдаль...
Забурлила на суглинке	Асса! Асса! День Победы –
Прежде тихая вода –	Наша радость и печаль.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какая тема объединяет все эти три стихотворения?
В каком произведении в самом его построении слышится ритм музыки?
2. Почему на фронте так особенно дороги песня, музыка?

СОЛДАТСКИЙ ХЛЕБ

Друг, суровая молодость наша
Так прекрасна и так далека,
А когда-то мы пшеничную кашу
Ели из одного котелка.

И потом поднимались в атаку
В предрассветной глухой тишине,
Из которой зелёные танки
К нам ползли по колючей стерне.

И когда меня ранило в ногу.
Ты в укрытье меня поволок,
И чтоб было сподручней в дороге,
На груди спрятал хлебный паёк.

Но заметил нас снайпер немецкий,
На курок со злорадством нажал –
И тотчас же ты, вскрикнув по-детски,
На ржаные колосья упал.

Я подполз... Я тебя не покинул.
И, рванув на шинели крючок.
У тебя из-за пазухи вынул
Продырявленный хлебный паёк...

Батальон наш пошел в рукопашный
Под раскатистый грохот «Ура...»
Родились, зная, мы оба в рубашке,
Если вынесла нас медсестра.

И потом в полевом лазарете
Слушал доктор наш долгий рассказ,
Как тебя на холодном рассвете
Хлеб солдатский от гибели спас.

НАГРАДЫ

Гремела над страной гроза,
Ползла коричневой тучей...
И ты, прикрыв рукой глаза,
Мне пожелала доли лучшей.

Наш эшелон унёсся вдаль...
Я вышел раненым из боя,
И первую свою медаль
По праву разделил с тобою.

Средь отступлений и атак,
На рубеже всегда смертельном
Я нес любовь твою, как флаг,
Под пропахшей порохом шинелью.

А ты, не покладая рук,
Работала в тылу далёком.
И знал я, мой надёжный друг,
Что был тот труд совсем нелёгким.

Что на заплаканном листке
Писала ты косые строчки
О новом фрезерном станке,
О первом зубике у дочки...

Я знал, что ты идёшь домой,
Слегка от голода шатаясь,
И боль свою несёшь с собой,
Проходим кротко улыбаясь.

Я видел это наяву,
Когда форсировали Одер,
И, вероятно, потому
Мне дорог так последний орден,

Который хмурый генерал
В горящем Дрездене вручил мне
И при бойцах расцеловал,
Забыв о должности и чине.

А там закончилась война,
И злые пули отсвистели,
И наступила тишина,
Какой мы столько лет хотели.

Я возвратился в дом родной,
И ты, встречая у порога,
Воскликнула: «Любимый мой!
Как у тебя медалей много...»

Не зная, что в сиянье их
Победоносного металла
Есть отблеск горьких слёз твоих,
И писем тех, что мне писала.

Как хорошо, что больше нам
Прощаться надолго не надо...
Давай поделим пополам
Мои военные награды.

Не опускай смущённых глаз,
Таких застенчивых и милых,
Ведь Родина обоих нас
В моем лице вознаградила.

Когда тебе взгрустнётся вдруг,
Что весточки не шлю...
Ты знай – тебя, мой нежный друг,
Как прежде, я люблю.

И верь – наступит скоро срок,
Не почтальон с письмом,
А я, переступив порог,
Войду в родимый дом.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ

Вчера у рощи золотой,
Спокойной, словно сон,
Ввязался в рукопашный бой
Гвардейский батальон.

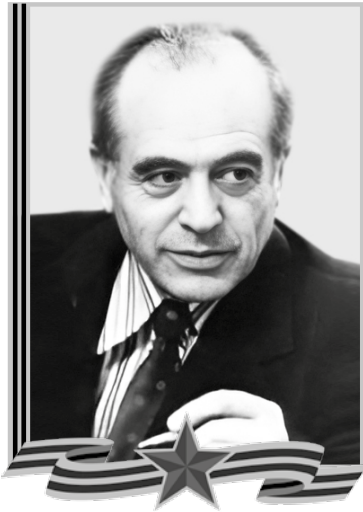
Сверкали синие штыки,
Кружилась голова,
И падала на грудь реки
Последняя листва.

Закат померк, и день угас,
И стих недолгий бой.
Но стало вдвое меньше нас
У рощи золотой.

Мы всех убитых погребли
И, почести воздав,
На запад медленно пошли
Вдоль старого моста.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой эпизод из военной жизни солдата лег в основу сюжета стихотворения «Солдатский хлеб»? Каково символическое значение хлеба в нём, помимо прямого смысла?
2. К кому обращается герой стихотворения? Какое значение приобретает слово «друг» на войне?
3. Кто адресат стихотворения «Награды»? Как вы понимаете эти слова о том, что в сиянье «победоносного металла» «есть отблеск горьких слёз» любимой и её писем?
4. Отражает ли тональность стихотворения его содержание? Отчего возникает ощущение замедленности изображаемых событий?
5. Какую роль играет природа в этом стихотворении? Какие строки и образы придают особую поэтичность произведению и в то же время сдержанный, приглушенный драматизм?
6. Отражает ли тональность стихотворения «Рукопашный бой» его содержание?

БУТАЕВ МАГОМЕД ДЖАЛАЛУТИНОВИЧ

(1925–2009)

*Писатель, журналист,
ученый; командира взвода
165-й отдельной курсантской
стрелковой бригады и
подрывник 113-й отдельной
огнеметной роты
Черноморской группы войск*

Магомеду Джалалутиновичу Бутаеву посчастливилось вернуться с Победой и долгие годы после войны беззаветно служить своему народу и Отечеству. Великая Отечественная война застала его на третьем курсе Буйнакского техникума советской торговли. На фронт он ушел добровольцем в 17 лет. Находясь все годы войны в действующих частях, он не раз был на волоске от смерти. В великой победе советского народа есть доля и его солдатской отваги. «Мне не исполнилось тогда и семнадцати, и как многие мои сверстники, я боялся не успеть на войну», – рассказывал Магомед Джалалутинович. Когда родители узнали, что сын идет на фронт, обсуждался вопрос, в чём он поедет. «Надевай подержанные вещи, тебе их все равно сдавать надо будет», – сказал отец. «Надевай самое лучшее. Навстречу врагу в подержанном не идут,» – возразила мать. На следующий день мать вынула из ушей золотые серьги, с пальца сняла кольцо и сдала все председателю сельсовета. «Пусть на заводе сделают оружие для моего сына»,

– сказала она. А отец привел в военкомат лошадь с седлом. В 1941–1942 годах Бутаев обучался в Ейском военно-морском авиационном училище и Телавском пехотном училище. В 1942–1943 годах воевал на 4-м Украинском фронте, занимал должности командира взвода 165-й отдельной курсантской стрелковой бригады и подрывника 113-й отдельной огнеметной роты Черноморской группы войск. Был дважды ранен. Демобилизовался в 1946 году.

Это было 24 октября 1942 года. Батальон по пути на передовую от самого Сухуми прошел пешком и вступил в город Туапсе. Оказывается, гитлеровцы следили за продвижением батальона и стали бомбить. В этой страшной бомбежке Магомед остался жив, но многие его товарищи так и не дошли до передовой. Оправившись после тяжелого ранения в эвакогоспитале в городе Сочи, Магомед вновь оказался на подступах к Туапсе в составе 113-ой отдельной противотанковой огнеметной роты. Туапсе к этому времени фактически сам являлся фронтом: враг постоянно угрожал ему с суши, с моря и с воздуха. На город обрушивались новые и новые удары гитлеровской авиации. В отдельные дни ноября – декабря 1942 года фашисты совершали по 16 налётов в сутки, сбрасывали тысячи бомб. «Смерть на поле боя не страшна не потому, что человек храбр, отважен, а потому, что нет попросту времени ее страшиться», – говорил Магомед Джалалудинович, вспоминая фронтовые дороги.

Суровая фронтовая закалка предопределила его судьбу и на мирном поприще. Он прошел путь от солдата фронтовика до известного ученого, профессора, журналиста, писателя. Им написаны книги «Куркли смеется», «Фронтовые треугольники», «Преимственность поколений», «Человек особого склада». В своих фронтовых записках, статьях, очерках Магомед Бутаев показывает войну, как она есть – и смерть, и страх, и отчаяние, и вера в победу. Подборка фронтовых писем – своеобразный итог многолетней работы ученого. Эти фронтовые треугольники воскрешают в

нашей памяти неизвестные страницы многих фронтовых судеб. Перед нами правдивые страницы истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Заслуги Магомеда Бутаева по достоинству оценены государством. Он кавалер 24 орденов и медалей СССР и России. Среди них два ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, орден Дружбы. Он лауреат Государственной премии Республики Дагестан. Магомед был всесторонне одаренным человеком, многогранной личностью. Он умел красиво говорить, красиво писать, красиво танцевать. Он прожил красивую жизнь и ушёл из жизни красиво – станцевав зажигательную лезгинку на балу журналистов. Это случилось 1 октября 2008 года.

Похоронен Магомед Бутаев родном селе Куркли.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЛДАТА

Из записной книжки

О чём думал в первый день войны?

Одно могу сказать определённо: я был наивен. Во всяком случае, начавшаяся война не показалась мне несчастьем. Я не понимал, отчего плачет мать. Разве она не хочет, чтобы ее сын стал героем?.. Разве я понимал тогда, какие муки и какая тревога охватывали мать при расставании с единственным сыном без абсолютной надежды на его возвращение... наших матерей уже нет в живых, но не помянуть их в юбилей нашей Победы не имеем права. Их ожидания, к горе, их вера в нас – великий вклад в нашу Победу.

О чём думал в последний день войны?

Весть о падении последнего логова фашизма – Рейхстага застала меня в госпитале, и первой была мысль: почему я не там, в Берлине? Вторая: если бы могли подняться из могил павшие товарищи... Третья: скорее бы увидеть мать.

* * *

Мне не исполнилось и семнадцати, и, как многие мои сверстники той поры, я боялся не успеть на войну. И тогда я, студент буйнакского техникума, написал письмо. Нет, не Климу Ворошилову, к которому обращался еще до войны небезызвестный стихотворный герой... А в Буйнакский ГК ВЛКСМ. Может, оттого именно в комсомол, что там работала землячка моя. Письмо своё я отправил именно ей, Патимат Хизриевой – первому секретарю ГК ВЛКСМ.

* * *

С конца июля 1942 года началось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны – битва за Кавказ, длившаяся около пятнадцати месяцев, до 9 октября 1943 года. Она охватила огромную территорию – от нижнего течения Дона до перевалов Главного Кавказского хребта и от Чёрного моря почти до Каспийского.

Народы Кавказа оказались перед смертельной угрозой. Тень фашистской свастики нависла над предгорьем Кавказа, кровавая рука гитлеровских бандитов дотянулась до его величавых вершин.

* * *

В начале августа 1942 года нас, курсантов Телавского пехотного училища, построили и огласили приказ Сталина N 227 «Ни шагу назад!» Объявили, что часть курсантов будет отправлена на фронт.

И сразу в бой. Мы все, разумеется, сделали шаг вперед. Начальник училища одобрил наш порыв. Не успев заменить курсантские петлицы на лейтенантские, мы отбыли туда, куда рвалось тогда мужество Кавказа – под Новороссийск, Туапсе, Моздок, Орджоникидзе (ныне Владикавказ), на Сухумский, Марухский перевалы Главного Кавказского хребта.

Этот приказ можно назвать одним из самых сильных документов военных лет по патриотическому содержанию, по степени эмоциональной напряжённости.

* * *

Наш курсантский батальон состоял из представителей разных народов страны. Грузинские мамы и папы, наряду со своими сыновьями, провожали на фронт и нас, чьих родителей не было рядом. Чтобы мы не выглядели «беспризорными», они больше внимания уделяли нам.

* * *

У каждого фронтовика есть своя безымянная высота, с которой связан сильнейший душевный порыв. Такой высотой для меня и моих боевых друзей стала гора Индюк, когда на её склонах 165-я отдельная курсантская бригада впервые встретилась лицом к лицу с фашистами.

Враг рвался к морю, к Туапсе. Не затихая ни днем ни ночью, шла битва за этот небольшой клочок Черноморского побережья. Бои гремели на горе, на море и в небе.

* * *

Это было 2 ноября 1942 года. Перед штурмом у подножия горы состоялся короткий митинг нашего батальона. Батальонный комиссар Купцов сказал: «Возможно, многие из нас погибнут на этой мало кому известной высоте, но наша смерть – это не смерть нашего народа...»

* * *

На вершине горы Индюк молодые, необстрелянные, не по годам ставшие суровыми обыкновенные парни необыкновенного времени выдержали первый и жестокий экзамен – экзамен мужества и боевой дружбы. Хваленые части гитлеровской дивизии «Эдельвейс» были остановлены и от-

брошены. Курсанты вашего батальона, быть может, ещё не научились по-настоящему сражаться, но ненавидеть врага, умирать они уже умели как настоящие бывалые, кадровые солдаты. Такие, как они (мои фронтовые друзья, не вернувшиеся с войны), жили не долго, но мир держится на таких.

Они остались в нашей памяти вечно семнадцатилетними парнями.

* * *

У меня сохранились интересные реликвии – открытые письма-газеты фронтовикам-дагестанцам, полученные в разгар жестоких боев. Это своего рода летопись многонационального братства, летопись боевых и трудовых подвигов сынов и дочерей нашей республики в годы войны. Их и сейчас нельзя читать без волнения. Словно заново переживаешь те грозные события.

Эти письма я пронес в своем вещевом мешке через всю войну. Двенадцать писем, полученных на фронте. Они переходили из рук в руки моих фронтовых товарищей, передавались из окопа в окоп и вновь возвращались ко мне. Материалы их перепечатывались в фронтовых газетах.

Нам, фронтовикам-дагестанцам, казалось, что весь родной Дагестан думает о нас. Нам по-доброму завидовали наши боевые друзья, видя, что мы получаем такие задушевные письма. Фактически эти весточки из родного края сражались вместе с нами. Некоторые из них пробиты пулями и осколками, обгажены кровью тех, кому они адресованы. Поэтому и берегу я их как драгоценные реликвии войны. И сегодня, листая эти пожелтевшие, пропахшие порохом письма сурового времени, хочется вспомнить имена тех, кто стоял тогда у их истоков. Это Гамзат Цадаса, Абдурахман Даниялович Даниялов, Азиз Мамедкеримович Алиев, Гаджи Алаевич Аликберов, Хаджимурад Хашаев, Нурмагомед Эмиров, Гамид Темирханов, Александра Путерброт и Александр Назаревич. Эти имена с благодарностью произносили на трудных дорогах войны фронтовики-дагестанцы. Мы называли их однополчанами.

* * *

Из приказа по нашему батальону: «Разрешается раскуривать привезённые в окопы газеты, за исключением статей Эренбурга и писем-газет «Дагестан – своим фронтовикам».

* * *

21 августа 1942 года специальный отряд альпинистского полка дивизии «Эдельвейс» установил фашистские полотнища на вершинах Эльбруса.

В феврале 1943 года группа наших смельчаков под командованием заслуженного мастера спорта СССР по альпинизму военинженера Александра Гусева низвергла фашистские флаги, и на Эльбрусе стали развеваться алые знамена. Руководство особым заданием осуществлял военный альпинист Андрей Грязнов.

* * *

На стенах Рейхстага начертали свои имена русский Владимир Синев, грузин Иван Кобиашвили, армянин Хачик Исоян, азербайджанец Тандык Наврузов, чуваш Коннов, якут Феодосий Донской, дагестанец Гази Омаров...

* * *

Гражданская, нравственная позиция моего поколения определялась именно там, на фронтовых дорогах, в суровых испытаниях минувшей войны, когда каждый час жизни, каждая минута могли оказаться последними. Оттуда, из пережитого, тянется суровая нить к сегодняшней действительности.

Конечно, сегодня не надо подниматься в атаку, идти в разведку, выносить однополчанина с поля боя, но и сегодня жизнь постоянно испытывает человека на прочность, надёжность, верность долгу... На мой взгляд, гражданский подвиг сегодня требует не меньшего мужества.

* * *

В последнее время довольно часто и подробно пишут о причинах, почему мы отступали и фашисты дошли до Подмосковья и Ленинграда, Сталинграда и Моздока, мало или вообще не пишут, почему мы дошли до Берлина и добились фашистского зверя в его собственной берлоге. Идёт своего рода соревнование по поиску ошибок и промахов. При подобном подходе эпоха героизма, подвигов и борьбы нашего народа рискует целиком превратиться в «эпоху культа личности». Это было бы и несправедливо, и исторически неверно.

На мой взгляд, на правду тоже надо иметь право. А это не всем дано. А шарханье из одной крайности в другую никогда не служило истине. Да, нужна правда, но вся. Нельзя ведь ошибками перечёркивать историю точно так же, как успехами оправдывать ошибки и промахи.

* * *

С большой болью прочитал ту часть интервью известного писателя («Правда», 30 июня 1989 г.), где он заявил, что Ленинград надо было сдать врагу: «Миллион жизней – за город, за коробки?..»

Спросите у оставшихся в живых блокадников. Думаю, этот вопрос оскорбит их так же, как оскорбил бы меня, знающего, что такое оборона Кавказа, не понаслышке. Это оскорбит память павших на войне.

* * *

Один мудрый человек сказал, что мёртвого льва может лягнуть даже осёл. Я вспомнил это, когда один бывший сталинист поносил Сталина. Это о таких говорят в горах: «В бескошачьем сарае мыши резвятся». Не умеем мы расстаться с прошлым достойно. К сожалению, не дано. Истории нельзя мстить. Над ней нельзя смеяться, глумиться.

Не сможет встать на ноги, выжить страна, где публично высмеивается собственная история. Это давняя истина, забвение которой сопровождается трагедией.

* * *

Довелось мне недавно побывать в Берлине. Поразил такой факт: в Западной Германии уже издано около 70 томов – списков погибших, с фотографиями, краткими биографическими данными, указанием обстоятельства и места гибели каждого. Мы же довольствуемся могилой Неизвестного солдата, теща себя мыслью, что «Никто не забыт, ничто не забыто».

Мечтаю, чтобы в комплексе будущего мемориала на горе Тарки-тау был храм памяти, где бы навечно замерли в строгом строю имена всех дагестанцев, отдавших жизнь за Отечество в годы страшной войны с фашизмом. И чтобы тропа к нему не зарастала травой забвения. Чтобы именно сюда, а не в забегаловки приходили очистить душу от скверны молодые люди, в том числе и завтрашние солдаты.

Верю в порядочность, совесть, светлое духовное начало идущих вслед за нами. Верю, ибо есть примеры совести, настоящего патриотизма и верности делу отцов. В это я верю.

* * *

Мысли вслух у памятника Неизвестному солдату.

Неизвестный солдат... Может, ты Володя из Ростова или Кубачи из Дагестана, что служили со мной в одном полку... Прости, что называю тебя неизвестным. Ты-то нас знаешь!? Только мы говорим, а ты молчишь, заставляя нас гадать.

Нет неизвестных солдат, нет! Ты известен был матери, которая так и скончалась, не дождавшись тебя, известен был и отцу, который, может быть, так же погиб на фронте с тем, чтобы ты жил. Известен и сестре твоей, у которой сын – вылитая копия твоя и имя твое носит. Порой в суете путает сына с тобою.

Ты известен всем однополчанам твоим, в сердцах которых вечно молодой образ твой. Ты каждой нашей семье известен, наш дорогой неизвестный, прости, что мы являемся соучастниками разрушения нашей могучей Родины, спасшей мир от коричневой чумы и теперь погибающей от чумы «демократии».

* * *

Наш Дагестан слишком мал и абсолютно не приспособлен для раздоров и конфликтов. Он неповторим и уникален для дружбы. Это, видимо, хорошо понимали наши предки. Другого нам не дано. Люди, берегите дружбу так, как сумели её сберечь и отстоять в суровые годы войны!..

* * *

Не у каждого фронтовика судьба прошла через громкое сражение. Не каждому подпольщику выпала слава молодогвардейцев. Не все солдатские подвиги стали достоянием истории, и не все награды нашли своих владельцев. Не все солдаты штурмовали Рейхстаг. Но все они вправе сказать: «Этот день мы приближали, как могли»,

* * *

Наша военная доктрина не признавала такого факта, как «плен». Каким бы безвыходным ни было положение на войне, плен официально считался предательством, хотя миллионное трагическое войско билось до последнего в окружении. У войны есть не только герои, но и мученики. Ими были наши военнопленные.

Конечно, были и изменники, знаем это. Но когда нет дифференциации между виновными и невиновными – это губительно.

Бесчеловечное отношение к тем, кто пережил муки плена, подозрительность угнетали народное чувство спра-

ведливости и сострадания. До сих пор этот вопрос остается очень болезненным и не проясненным до конца. Широкому кругу людей неизвестны действительные цифры попавших в плен и пропавших без вести. Как выяснилось, сегодня они неизвестны и историкам.

* * *

Погибшие. Неправда, что они молчат. Они говорят, напоминают. Давайте прислушиваться к их голосу! Клянусь Аллахом, не ошибёмся. Своей смертью на войне они и сегодня исправляют ошибки живых. Смыывают наши грехи. Их памятью мы становимся намного чище и добрее. Кровь, пролитая ими на полях сражений за свободу нашей многонациональной Родины, уже никогда не будет разделена. Не может быть она разделена и в нашей памяти.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой облик молодого поколения военных лет воссоздают страницы из дневника фронтовика? Назовите эпизоды и детали текста, которые передают единство народа и единство поколений, всенародный характер войны?
2. Что автор называет военными реликвиями, особенно дорогими ему, почему он их хранит?
3. Что вы знаете о битве за Кавказ?
4. Какая несправедливость вызывает у автора чувство горечи? О чем он тревожится?
5. Какие советы, наставления выдающегося человека, автора дневников, вы считаете актуальными? Какие мысли автора об истории вам кажутся достойными внимания?

**ВЛАСОВ
НИКОЛАЙ
ИВАНОВИЧ**

(1920–1948)

*Поэт;
разведчик,
артиллерист*

Молодой боец и поэт Николай Власов, писавший под псевдонимом Николай Веди, родился и вырос в Махачкале. Когда началась война, он был студентом четвёртого курса биологического факультета Московского государственного университета. С первых дней Великой Отечественной войны молодой поэт работал на строительстве оборонительных сооружений под Москвой, потом вступил добровольцем в ряды Советской Армии. На фронте он был разведчиком и артиллеристом, прошел славный боевой путь до Берлина. После войны вернулся в Москву, в университет. Работал в биологических экспедициях на Амуре и Волге. В апреле 1948 года Николай Власов умер от ран в московском госпитале. Ему было 28 лет.

В Национальном музее Республики Дагестан им. А.А. Тахо-Годи сохранились пожелтевшие листы – фотографии, дневники и 230 писем Н. Власова, которые помогают понять, как выжил, выстоял, победил в этой страшной войне советский народ. В часы затишья между боями, в труд-

ных военных походах Н. Власов писал стихи. Но, к сожалению, поэтические рукописи молодого поэта и бойца не сохранились.

ИЗ ПИСЕМ НИКОЛАЯ РОДИТЕЛЯМ

09.02.1944 г.

«Милая мама! Я жив, здоров, живу сейчас хорошо. О наших боевых успехах вы уже знаете по газетам. Мы прошли уже и Одер! Война близится к концу, только что сообщили о встрече товарища Сталина с Рузвельтом и Черчиллем! А то союзники наши заслужили. Мы сейчас выручаем из плена много американцев и англичан, которые находились в концлагерях у немца – радуются и смотрят на нас как на сверхъестественных существ – «рус – сила!» «рус – сила!». А нам до Берлина осталось с полсотни километров. Вот как маханули! Я сейчас пишу из замка дочки Радзивилла, богатейший замок с прекрасной библиотекой. Ругаю себя, что не уделял должного внимания языкам, кое-как разбираюсь в двух из них. Бумаги у меня тоже уйма – только пиши, да голова кружится. Действующая армия. Ну, пока. Ваш сын Николай».

29.11.1944 г.

«Большая часть моих рукописей сгорела (пропали почти три года моей литературной работы на фронте!). Берегите те копии с них, которые выслались вам – теперь это единственный сохранившийся мой материал о героизме, храбрости, славе наших бойцов».

27.05.1945 г.

«Милая мама! Получил Ваше письмо от 4-го. Вот вы и дождались, дошел я до Берлина. В боях за Берлин получил награду, война кончилась. Теперь бы домой поскорей. Вообще-то сейчас мне хорошо – повысили меня на должности – стал я химинструктором – и чувствую себя лучше, чем, наверное, генерал какой-нибудь, но все же меня тянет домой, в общество, к работе, хочется немного пожить, хотя

молодость моя прошла – не видел я её за учебой, а тут ещё война – и молодости не видел и не увижу уж. И здоровье не то, и энергии той нет и чувств. Ну да, я знаю, значит, судьба была наша такая.

...Папу поберегите, вообще друг друга берегите, приеду уж, устроюсь со своей жизнью, и всем со мной будет легче. Знаю, папа здорово для меня поработал, он мне как-то писал, как он рассортировал письма. Из присланных стихов собрал и держит в порядке мой архив. Я бы его крепко, крепко расцеловал за это, с этой работой мне самому бы было трудно управиться (правда, я ленив), а он все это сделал, теперь и мне будет, когда потребуется, легче найти эти мои же материалы для более серьёзной работы. Только придется ли? Только вот мечтаю, что скоро вернусь домой. Ну, пока, ваш сын Николай».

Сохранившиеся фронтовые стихотворения вошли в сборник его стихов, выпущенный в Москве издательством «Молодая гвардия» в 1954 г. В 1956 году в Махачкале вышла книга поэта «Мой Дагестан», предисловие к ней написал А.Ф. Назаревич.

МОЙ ДАГЕСТАН

Опять мой берег...
Мой Кавказ
Громадой встал передо мною –
Я уходил, но каждый раз
Я возвращался вновь домой...
Домой –
В теснины синих скал,
Где коршун кружит надо мной.
Я уходил, друзей искал
И возвращался вновь домой...
Домой, где утром тишь долин,
Как нежный взор, волнует кровь;

Я уходил всегда один,
Один и возвращался вновь...
О, богатырь, мой Дагестан!
Стряхни туман с гранитных плеч
И, выпрямив свой гордый стан,
Вручи мне твой победный меч.
Сегодня я пришел за ним,
Как сын единственный к отцу –
Пока врага не победим,
В боях с мечом дружить бойцу.
Ты слышишь грохот над Москвой,
Ты видишь кровь глубоких ран...
Вручи мне меч победный твой,
О, богатырь, мой Дагестан!

1941 г., Махачкала

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему, обращаясь к Дагестану, автор просит вручить ему «победный меч»? Какими чувствами проникнуто стихотворение?
2. Стихотворение написано в 1941 году. Есть ли у автора сомнения, что победа будет одержана над врагом?

ПИСЬМО МАТЕРИ

На Кубани, в предгорьях Кавказа,
Окопавшись на сопках в снегу,
Мама, я ожидаю приказа,
Чтобы прыгнуть в траншею к врагу.

Враг здесь бросил отборные силы
Для больших и решающих битв.
Не тоскуй – далеко до могилы,
Но гордись, если буду убит.

*Февраль 1943 г.,
Северокавказский фронт*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы знаете о плане гитлеровцев «Эдельвейс»? Почему отборные силы врага были брошены на Кавказ? Подготовьте сообщение об этом периоде военных действий.
2. Герой стихотворения хорошо представляет опасность. Как он настроен перед решающей битвой? Почему он не боится смерти?

ПИСЬМО ПОДРУГЕ

Чтобы счастливо жить после боя
И с тобой чтобы встретиться вновь,
Отправляем на дно мы морское
За Тамань ненавистных врагов.

У пролива в песках залегли мы:
Где-то сзади бушует гроза...
И от злости, и от едкого дыма
На глазах набегают слеза.

Но прислушавшись к злобному лязгу,
Я ловлю каждый шорох и звук,
За твою незабытую ласку,
За пожатья трепещущих рук...

Уж не шум ли морского прибора,
Черноморская злая волна
Убаюкает смерть после боя
И мой труп обласкает луна?

Октябрь 1943 г.

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Когда-то в Дагестане, дома,
Где склоны серебрят ковыль,
Прислушиваясь к шуму грома
В ущельях гор, друзья, не вы ль
Сказали мне: «Ты дагестанец!
И в годы службы фронтовой
Ты жизнь поймешь на поле брани
И станет громом голос твой.
Иди! На бой зовет Отчизна,
Земля родимая в огне...
Ты был в труде безукоризнен,
Будь безупречным на войне.
И я сегодня с поля брани
Пишу друзьям, пишу домой:
«Друзья мои, я дагестанец.
Стал грозным громом голос мой».

*Январь 1944 г.,
4-й Украинский фронт*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем особенность стихотворений, написанных в жанре письма?
2. Как раскрывается характер лирического героя в каждом из поэтических посланий? Какие слова вы бы выделили как главные в каждом из стихотворений?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворений. Какому из них вы бы придали лирическую ноту звучания, в каком бы усилили трагизм, а какое прочитали бы, подчеркнув гражданственность его звучания?
4. При помощи каких художественных средств автор добивается выразительности текста?

ПЕРЕПРАВА

Мы ждали трудной переправы,
Укрывшись в чаще ивняка.
Стоял камыш стеною справа,
А впереди была река.
Уже темнело. Тихо. Сыро.
Видны чуть контуры земли.
К соседу – шёпот командира:
– Ты спишь?

Пора.

Вставай.

Пошли! –

Слова короткие в приказе:
«Отвлечь внимание врага».
Один удержит роту разве?
Но честь солдату дорога.
Он плыл уверенно и быстро
И вышел на берег другой.
А дальше: выстрел,
выстрел,
выстрел,

Четвёртый,

пятый,

залпы,

бой!!!

А в это время ниже, слева,
Шла переправа наших войск.
Над ивами заря краснела,
Ночной заканчивался бой.
Спасенный чудом,
строг, спокоен,
Раздвинув телом камыши,
К воде спустился русский воин,
Тот, что вчера уплыл в тиши.
Пораненный в плечо и ногу,
Один, с гранатой в руке,

Он загоразживал дорогу
К своим товарищам, к реке.
Я имени его не знаю.
Обыкновенный парень с гор.
...На переправах вспоминаю
Я Дагестан всегда с тех пор,
И прикаспийские просторы,
И тихий, в камышах, Сулак,
И наши горы, наши горы,
Где нас воспитывали так!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой приказ был дан герою стихотворения? Устоял ли он один против роты врагов? Почему автор называет его «русский воин»?
2. Как относится автор к «обыкновенному парню с гор»? Как вы думаете, о каких нормах воспитания в Дагестане вспоминает здесь автор?
3. Как автор передает динамику развивающихся событий? Какие синтаксические конструкции он для этого использует?

* * *

Я с Тамани пишу, дорогая.
На Тамани – бои.
Тёмно-синий лиман огибая,
Я глаза вспоминаю твои.

У пролива в песках залегли мы.
Не пугает солдата гроза.
Не от страха – от злости и дыма
На глаза набегает слеза.

Нет, не станет мне тина постелью,
Одеялом – лиман голубой.
Над сухой автоматною трелью –
Голос твой, образ твой.

Октябрь 1943 г., Таманский фронт

В ЗЕМЛЯНКЕ

Зима вошла в свои права.
Покрылась льдом вода на речке.
Шипят промёрзшие дрова
В жестяной самодельной печке.

Вскипает в котелке обед
Из рисового концентрата.
Коптилки-гильзы тусклый свет
Едва касается наката.

Пусть бревна оседают вниз
И плачут мутными слезами,
Пусть полог копоти навис
В углу, у нас над головами.

Лежим на нарах. Нет, не спим,
Хотя всю ночь траншею рыли,
Лежим, о доме говорим,
О блиндаже сыром забыли.

*Декабрь 1943 г.,
4-й Украинский фронт*

КОГДА Я БЫЛ РАНЕН

Как-то раз на полях Украины,
Не добравшись в траншею к врагу,
Был я ранен осколочной миной
И лежал на холодном снегу.

Где-то рядом друзья проходили,
Я их гулкие слышал шаги.
Но от боли в глазах моих плыли
Разноцветные пятна-круги.

И тогда-то возник перед взором
Мой далёкий родной Дагестан...
Волны Каспия, синие горы,
С детства милые сердцу места.

И оттуда, с высот Дагестана,
С ветром голос донесся: «Идём!»
Поднялся, не чувствуя раны,
И пошел, и пошел под огнём.

*Декабрь 1943 г.,
4-й Украинский фронт*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему герой стихотворения не позвал на помощь друзей?
2. О чем вспоминает боец, лежа раненым на полях Украины?
3. Что придало сил тяжело раненному солдату подняться и идти вперед?
4. Простите стихотворение «Сожский лес». Обратите внимание на то, что стихи имеют свой адрес. Легко ли писать стихи на войне? Почему есть потребность писать их? Как вы думаете, о чем хотел бы рассказать герой стихотворения после войны?

СОЖСКИЙ ЛЕС

Глуха на Беларуси ночь,
Угрюм лесистый берег Сожа.
...Когда врага прогоним прочь,
Родным я расскажу, быть может,
О том, как здесь кричат сычи,
Когда тот берег в тьму зарылся,
И каждый метр земли в ночи
Замолк, притих, насторожился.
Глухие тропы, лес глухой
Да звёзды в небе тёмно-синем.
Склонились ивы над рекой,
Спят лилии в болотной тине,
В траншеях мрак и тишина,
Ни выстрелов, ни беглых вспышек...
Но здесь, в лесу, идёт война,
Войною лес живёт и дышит.
Здесь даже ночью каждый час
Считай счастливым, если прожит...
Я много б рассказал о нас,
О жизни здесь, на «тихом» Соже.
Но трудно думать о стихах,
Когда меж сосен пули свищут,
Когда контратакует враг
Иль в тёмном небе «хейнкель» рыщет.
Глуха на Беларуси ночь,
Угрюм лесистый берег Сожа.
Когда врага прогоним прочь,
О многом расскажу, быть может...

*Июнь 1944 г.,
1-й Белорусский фронт*

**ГАДЖИЕВ
АГАЛАР
АХМЕДОВИЧ**

(1908–1943)

*Поэт, прозаик,
фольклорист,
переводчик*

Талантливый лезгинский поэт, писатель и переводчик, ученый-фольклорист Агалар Гаджиев родился в селе Хурюк Самурского округа (ныне Ахтынский район) в семье крестьянина и народного лекаря Ахмеда. Агалар был смышлёным мальчиком и тянулся к знаниям. Отец определил его в сельское медресе, затем в трехклассную школу. Окончив пятиклассную школу-пансионат в районном центре Ахты, мальчик поступил в Буйнакский педагогический техникум. Большое влияние на становление А. Гаджиева оказал преподаватель литературы Алим-Паша Салаватов, под чутким руководством которого Агалар приобрел глубокие знания и увлекся литературоведением, тюркской, персидской и арабской литературой.

В конце 20-х годов юноша продолжил учёбу в Дербентском педагогическом техникуме. Здесь же он продолжает свою стихотворную деятельность. Его первые стихи опубликованы на страницах газеты «Дагестанская беднота», «Шура Дагестан» на тюркском языке. В эти годы зародились дружеские отношения между А. Гаджиевым и писателем Киясом Меджидовым.

После окончания учебы в Дербентском педтехникуме в 1930 году А. Гаджиев работал учителем в Табасаранском районе, где познакомился с молодым табасаранским поэтом и педагогом Багаудином Митаровым. Со временем их знакомство перерастает в настоящую крепкую дружбу. По воспоминаниям Муталиба Митарова, А. Гаджиев не только создавал стихи на лезгинском языке, но и своим зычным голосом исполнял песни.

В 1932 году А. Гаджиев поступил на филологический факультет Азербайджанского педагогического института им. В.И. Ленина, преподавал в средней школе в Баку. По возвращении в Дагестан А. Гаджиев принимал активное участие в культурной жизни республики: в Союзе писателей возглавлял секцию детской и юношеской литературы, работал научным сотрудником Дагестанского института национальной культуры (в 1938 году переименован в Институт истории, языка и литературы). А. Гаджиев собирал богатейшие фольклорные традиции лезгинского народа. Его книга «Лезгинский фольклор» вышла в 1941 году, но автор так и не увидел свою книгу. Гаджиев также был хорошим переводчиком: перевел произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К. Хетагурова на лезгинский язык, а стихи Сулеймана Стальского – на азербайджанский. К 800-летию со дня рождения Низами Гянджеви он издал сборник лирических стихов поэта, переведенных им на лезгинский язык. Ему удалось сохранить стиль и образную систему, характерную для Н. Гянджеви.

Когда грянула война, А.А. Гаджиев в числе первых ушёл на фронт. В то время он работал директором школы в селе Шиназ Рутульского района.

В сентябре 1943 года рядовой Агалар Гаджиев пал смертью храбрых и был похоронен на окраине деревни Немощеное Духовщинского района Смоленской области в Братской могиле № 4. В благодарной памяти народа всегда будут жить имена тех, кто погиб в боях за Родину. В том числе и имя Агалара Гаджиева.

Я С ГИТЛЕРА ШКУРУ СНИМУ

(В сокращении)

I

Предвещая утреннюю зарю, зардел небосклон, заискрились горные вершины. Ни ветра, ни движения, все замерло в торжественном ожидании солнца – искрилось небо. Лес на правом склоне Мими-сува освободился от дымчатой тени. Пастбище ожило от трелей пастушьих свирелей, мычания коров, блеяния овец и ягнят, лая собак. Все пришло в движение. К тому времени Балакардаш уже встал, умылся, положил в сумку пару лавашей и полтуши жареной зайчатины, надел охотничий пояс с патронами, взял ружье и отправился в путь-дорогу. Вслед побежал волкодав Алабаш. Они пошли на охоту.

Охотник был горец могучего телосложения, высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица. Недавно на прикладе ружья он сделал надрез в честь своего пятидесятилетия. Но его молодецки скрученные усы, орлиный взгляд, бесшумная, быстрая походка свидетельствовали о могучей энергии и силе, и никто ему не дал бы столько лет, если бы не предательские морщинки на широком лбу и суть затемнённые ямки под глазами. Широким шагом, временами вытирая струившийся из-под папахи пот рукавом бешмета, он шел к лесу. Алабаш то отставал, то убегал вперед, то, радостно взвизгивая, ходил вокруг хозяина. Наконец они добрались до леса. Здесь у студеного ключа Балакардаш наспех позавтракал, накормил собаку.

Отары шумных овец и стада коров бродили по зелёным склонам, вырываясь из плена ущелий, грохотал водопад, стараясь перекрыть своим ревом все шумы вокруг, и все же в лесу отчётливо слышен хоровод певчих птиц.

Далеко в долине на полях стало заметно движение – это приступили к своим делам полеводы и садоводы.

Балакардаш встал, зарядил ружье и, сказав: «Посмотрим, какая нынче будет охота», осторожно и бесшумно углубился в лес. Алабаш того и ждал: опустив морду, выжидая лесные запахи, он резко устремился вперед. Вдруг Алабаш забеспокоился. Навострив уши, он внимательно смотрел в густые заросли у нижнего склона. По зарослям, волоча хвост по земле, подкрадывался волк. «Ах, зловредник!» – подумал охотник. Прижавшись плечом к дереву, он выстрелил. Но пуля попала неудачно. Раненый зверь, остервенело рыча, бросился к Балакардашу, но смелый охотник не растерялся. Быстро перезарядив ружье, он хладнокровно прицелился ... волк быстро приближался... выстрел... еще выстрел и волк, дико зарывчав, упал навзничь. На выстрел прибежали двое чабанов. Их отара была совсем рядом.

– Ого! Вы совершили подвиг, дядя Балакардаш, – изумились они.

– Что поделаешь, дорогие племяннички мои, разве можно допустить, чтобы этот варвар истребил отары?!.. Ну, что уставились? Это же и ваш враг, помогите же свежевать, – мягко улыбнувшись, добавил он.

– Ого, а зажирел-то как, тиран этакий, а!

– Еще бы, племянничек мой, сколько он пиروвал над зарезанными баранами!

Чабаны громко рассмеялись. Освежевание закончилось. «На сегодня хватит», – подумал Балакардаш и, поблагодарив чабанов, вернулся на яйлаг¹.

Во второй половине дня поднялся сильный ветер и стал громоздить на небе чёрные тучи, которые пытались закрыть солнце. Но солнце легко рассеивало их и весело заливало теплом окрестные пастбища. На живописных коврах из цветов и трав сидели почти все обитатели яйлага, и стар и млад.

– Да, прикидывался другом, а на самом деле оказался гнусным врагом, – говорил Керим с возмущением.

– Конечно, дядя Керим, мы знали, что из него друга не получится, – в тон Кериму хмуро добавил комсомолец Али,

¹ Яйлаг – летние пастбища в горах.

– но мы не хотели войны, хотя мы крепко подготовлены, мы хотели мира. Ясное дело, трусливая моська кусает тайно, исподтишка. Его похлёбку мы на его же макушке сварим, будь спокоен.

– Я жертва твоего искусного языка, правильные слова говоришь, сыночек, – вставила старая Салимат. Пусть здравствуют такие, как сын Балакардаша Бахадур и его друзья, они с воздушных просторов град свинца сыпят на их дурные головы!

– Ишь чего захотели – вероломно, захватнически вторглись на цветущие просторы нашей Родины. Они хотят разграбить, опустошить все, что создано нашим трудовым народом, поработить нас. Нет, друзья, они не сумеют осуществить свои дерзкие планы. Они найдут свою погибель на нашей земле. Я с Гитлера шкуру сдеру, как с волка, убитого мною сегодня, – говорил Балакардаш, подкручивая свои усы.

– Братец Балакардаш, – обратился к нему Керим, – пишет ли твой Бахадур?

– Пишет, что уже пилот высшего класса. Парень хоть куда, я, говорит, преисполнен желанием, как и мои однополчане, скорей покончить с вероломным врагом. Впрочем, и вам привет передавал.

– Здравия ему желаю, как и тебе, пусть не дрогнет рука его в бою.

– Отправлюсь-ка в аул, посмотрю, что там нового, – заспешил Балакардаш.

Колхозники возвращались с работы и, не заходя домой, собирались на годекане. Эта маленькая площадка стала похожей на потревоженный улей. Образовался стихийный митинг. Парторг Раджабов произнес речь. Митинг закрылся возгласами: «Долой гитлеровскую Германию!», «Да здравствует наша могучая Красная Армия!».

Балакардаш подошел к парторгу.

– Товарищ Раджабов, отправьте меня на фронт, не могу я спокойно сидеть дома. Нет, совесть не позволит мне бездействовать, поеду-ка я помогать сыновьям нашим.

– Дядя Балакардаш, такие как вы и в тылу нужны.

– О, нет же, племянник, жар моего сердца не угмонится, пока я вот из этого ружья не истреблю их, как истребил я скверного зверя. Ты только помоги, добивайся повестки, пусть призовут меня.

– Ну что ж, счастливого вам пути, отправляйтесь. О семье не беспокойтесь, здешние заботы будет кому взять на себя. Завтра же идите в военкомат.

Балакардаш вернулся к своей сакле.

– Скорей, жена, – крикнул он с порога, – поторапливайся, собери мои пожитки на дорогу.

– Ву-у-уэй, старик, что ты молодость вспоминаешь?

– Чем я хуже других? Впрочем, разговоры потом. Ты вот что, достань мне тетрадку и карандаш, надо написать Бахадуру.

Гюлсенен принесла тетрадку и карандаш.

Балакардаш начал писать: «Дорогой мой сынок Бахадур, прими пламенный привет от матери, сестры, братишки, от всех нас.

Во-вторых, если ты интересуешься нашей жизнью, то мы живем хорошо, ни в чём недостатка не испытываем, живы, здоровы, ждем только вестей о твоём здоровье и успехах. Мы тебе завещаем: покажи силу советских орлов ворвавшимся на нашу землю гитлеровским псам. Сделай, чтобы им мир стал тесен, пощады им никакой не давай, осыпай их градом свинца, будь патриотом Родины, героем будь. Знай: струсишь – ты не наш сын. Еду на фронт к вам на помощь. Пока до свидания. Передай от нас привет твоим друзьям и однополчанам. Твой отец Балакардаш».

– Вах, и ты на фронт едешь, старик, вот как... Нет, без меня не поедешь. И я с тобой поеду помочь своему сыну.

– Жена, все там наши сыновья. Что значит мой сын, твой сын?! Остаься с семьёй, хорошо поработай в колхозе, укрепи наш тыл.

II

Утром Балакардаш встал спозаранку, взял патронташ, ружье, повесил кинжал партизанских времен и отправился в райцентр. По пути к нему примкнуло ещё 5–6 таких же стариков – добровольцев. Они шли вниз вдоль речки Самур, которая от стоков и потоков тысячи ручейков и источников становилась всё бурней и сильнее. Пришли в Ахты, в райвоенкомат.

Утром следующего дня из райцентра выехала полуторка с добровольцами старшего поколения. На машине был и Балакардаш. Он отправился на фронт.

«Не я буду, – говорил он, – если с Гитлера шкуру не спущу!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему повествование начинается с описания мирной жизни села? Что символизирует волк? Как его называют в тексте?
2. Почему жители села после трудового дня не спешили домой, а собрались на годекане? Какое чувство объединяло сельчан? О чем были их мысли и разговоры? Как они называют фашистов, а как советских воинов?
3. Что узнаем мы о жизни Балакардаша? Опишите, каким вы его представляете.
4. Почему Балакардаш, будучи уже пожилым человеком, стремился попасть на фронт? Почему дни ожидания показались Балакардашу годами? Что он испытывал, когда думал о фашистах? Найдите в тексте градацию, подчеркивающую его решимость и злость.
5. Что известно из текста о Бахадуре. Как о нем говорят сельчане. Прочитайте письмо Балакардаша сыну. Какой наказ дает он сыну? Как это письмо характеризует отца?
6. Какую роль играет в тексте образ реки Самур? Прочитайте отрывок, где говорится о ней. Что она символизирует?

**ГОРБАЧ
ВИТАЛИЙ
ФЕДОРОВИЧ**

(1904–1975)

*Прозаик,
журналист*

Горбач Виталий Федорович – прозаик и журналист. Родился в 1904 году на Украине в селе Яблоневка Черниговской губернии. Украинец. Писал на русском языке.

В 1920 году окончил гимназию. В 1921 году в г. Прилуки вступил в отряд ЧК по борьбе с бандитизмом. Окончил курсы следователей. С 1926 года работал в органах ВЧК и НКВД. С 1943 по 1945 служил в рядах Советской Армии. Имел памятные правительственные награды. Награжден боевым оружием. С 1945 года жил в Дагестане и работал в органах прокуратуры.

В 1950 году перешел в редакцию газеты «Дагестанская правда». Первые публикации В. Горбача появились в 1941 году. В журнале «Вокруг света» были напечатаны его рассказы о пограничниках и следственных работниках. Позже в журналах «Красноармеец» и «Советский воин» были опубликованы военно-приключенческие повести «Дело Ирмы Ренато» и «Координаты остаются неизвестными». Автор книг «Ночные пришельцы», «Четыре цвета времени», романа «За теневой чертой».

ТУМАННЫМ ВЕЧЕРОМ

(Глава из романа)

...Профессиональное чутьё подсказывало подполковнику Леонидову, что его кто-то упорно преследует. Присутствие в темноте позади себя человека он ощущал спиной, затылком. Вместе с густым туманом, навалившимся с моря, тревожное чувство заползло под одежду, холодило грудь.

Туман прилипал к волосам, пробирался за воротник.

Тревожное напряжение усиливалось. Чутье не могло обмануть Леонидова, ему хорошо были знакомы переживания, рождаемые опасностью. Она сейчас неотступно идёт за ним – настороженный слух улавливал крадущиеся шаги за спиной. Леонидов нервно передернул плечами. Здесь, в тёмном переулке, преследователь старался не отставать. Мелькнула мысль: «Надиров не успеет предупредить выстрел в спину». Большим усилием воли Леонидов заставил себя не обернуться и лишь ускорил шаги. И тот, кто был сзади, тоже пошёл быстрее.

Леонидову казалось, что сейчас не весна, а поздняя осень. последняя перед концом войны. Ненастной ночью он пробирается с проводником окраинами незнакомого польского городка в немецком тылу. Задание выполнено, только что закончены переговоры с представителями подпольной организации. Люди, называвшие себя участниками Сопротивления, оказались при более близком знакомстве не бойцами Армия Людовой, а замаскировавшимися «аковцами», сторонниками эмигрантского правительства в Лондоне. Узнал об этом Леонидов слишком поздно, и для него началась наиболее опасная часть пути – переход к линии фронта после того, как он связался с чужими людьми, предателями, вынужденными волей-неволей вести переговоры с представителем советского командования. Они дадут ему уйти подальше, а в дороге прикончат, свалив убийство на немцев. По шороху, всплескам в лужах Леонидов угадывал расстояние между ним и теми, кто следил, – расстояние не больше, чем нужно для верного выстрела

в спину. Но почему не стреляют? Не договорились между собой или выжидают минуту поудобнее? В конце перехода он попал в засаду вместе с группой ожидавших его десантников – понятно, почему его не прикончили раньше: они охотились не только за ним. Тогда вырвались не все. Его, старшего лейтенанта Леонидова, с простреленными ногами вынес на себе сержант Ахмед Надиров. Остаток ночи Надиров с раненым на спине полз через кусты и болото. В конце концов они чудом выбрались к своим. И в первое время после окончания войны предчувствие опасности не раз настораживало и спасало Леонидова. Он хорошо помнит бандеровщину. Слишком хорошо. Не раз он рисковал своей жизнью и на фронте, и после войны.

Но ведь то было на войне или в борьбе с уцелевшими после нее недобитыми врагами. А сейчас? Какая-то нелепость! Прикосновение руки в наружном кармане пальто к металлу возвратило самообладание. Он нащупал рукоятку пистолета. На выходе из переулка Леонидов с облегчением вздохнул и незаметно оглянулся. Сзади кто-то быстро зашлёпал по грязи – его обогнала плохо одетая девочка и побежала через улицу к хлебному магазину. Леонидов яростно сплюнул. И всё же за ним следили сегодня! Но в какой момент началось это? Из дому он вышел осторожно, тихо. Когда открыл дверь на лестницу, полоса яркого света вырвалась из коридора и мгновенно ускользнула обратно. Дверь он запер беззвучно, придерживая ключом пружину автоматического замка. Рука нашла перила, но в темноте их не было видно: опять перегорела лампочка в подъезде. А может быть, кто-то умышленно выключил свет. Снизу, из темноты донесся шорох, похожий на осторожные, приглушенные шаги. Не тогда ли это началось? Он нащупывал ногой первую ступеньку каждого пролёта и прислушивался. Внизу тихо за скрипела дверь. Это был человек, он ушел, решил Леонидов. Но прежде чем он спустился до конца лестницы, выходная дверь захлопнулась раз, другой. Её открывал ветер.

«Не ушел ли Надиров, не дождавшись меня?» – подумал Леонидов, выйдя на улицу. Надирову было приказано

явиться в 20.30 и ни минутой раньше или позже, чтобы не маячить лишнее время на улице. Сам Леонидов немного опоздал из-за разговора с полковником Маншировым. Следовало предвидеть, что сегодня, после внезапной боевой тревоги, предупреждавшей об опасности, но закончившейся без последствий, педантичный Манширов позвонит по телефону из штаба округа и не даст покоя даже дома в неурочное время. Пожалуй, не следовало назначать в этот вечер выход с Надировым. Однако Надиров оказался на месте. Коренастую, широкоплечую не по росту фигуру сержанта Надирова Леонидов увидел издали: одетый в штатское пальто, он стоял возле столба с афишами. Распознав своего начальника, также одетого в штатское, Надиров медленно пошел ему навстречу. Когда они поравнялись, вблизи никого не было, и Леонидов, вполголоса сказал:

– Если он появится сегодня, во что бы то ни стало взять! Оружие в порядке?

– Т-так точно, т-товарищ подполковник. – Надиров заикался после давней контузии. Недослушав его, Леонидов прошел мимо.

Незаметно на ходу они обменялись короткими фразами и разошлись. Спустя несколько минут Надиров возвратился и пошел вслед за Леонидовым. Так было условлено.

Леонидовым владело предчувствие, что ему удастся найти разгадку, ухватить кончик клубка событий, которые так странно сплелись вокруг него. До сих пор ни одна догадка не давала правдоподобного объяснения происшедшему. Нельзя было даже решить, касаются ли эти удивительные события лично его, Аркадия Александровича Леонидова, или же здесь играет главную роль его служебное положение офицера – начальника отдела штаба войскового соединения. Но ни в том, ни в другом случае нельзя было просто отбросить эти события и перестать обращать на них внимание. Нельзя было с кем-либо поделиться своими сомнениями, посоветоваться. Как бы он выглядел в глазах других, вздумай рассказать о своих подозрениях! Он сам сумеет развязать увел, не привлекая на помощь

никого, кроме сержанта Надирова, преданного ему, решительного и, главное, молчаливого. Леонидов уже проинструктировал его, и сержант знал, что предстоит сделать. Все было точно рассчитано, подготовлено.

Леонидов шел своим обычным, ровным шагом. Так идет человек, которого ждет дело, но он располагает временем и не спешит. Возле освещённых витрин магазинов Леонидов останавливался и посматривал на свои часы.

Этот человек должен быть где-то к определённом времени – решил бы каждый, понаблюдавший со стороны за Леонидовым.

Кто же наблюдал за ним? Этот вопрос все чаще тревожил Леонидова. Он не мог бы точно сказать, когда впервые зародилось ощущение, что за ним настойчиво следят. Нелепое положение! Охотник превратился в дичь. Вначале Леонидов уверял себя в мнительности, приписывал все расшатавшимся нервам. «Кто может преследовать его, офицера, в мирное время в большом городе? Какая-то немыслимая фантазия, дикая несуразица!» – пытался убедить себя Леонидов... Он никогда не сталкивался с тем, кто за ним следил. И все же за ним неотступно следовал человек. Чтобы проверить свои подозрения в таких случаях, Леонидов менял направление, внезапно поворачивал обратно, но успевал лишь заметить, как неясная тень исчезала в подворотне или за ближайшим углом улицы. Не случайный ли прохожий шел в одном направлении с ним? Но загадочные события повторялись – незнакомец появлялся и исчезал, когда разгадывал намерение Леонидова приблизиться.

Не было ответа и на другой вопрос: почему за ним следят только с наступлением темноты, когда он выходит из дому в штатской одежде. В офицерской форме он не привлекал к себе внимания. Уже не принимают ли его за другого человека?

Еще одно обстоятельство ставило Леонидова в тупик: его оставляли в покое, когда он выходил на улицу с женой. Шли ли они в театр, к знакомым или просто погулять, их никто не преследовал, никаких сомнительных «теней» не

появлялось. Неужели причиной всему Мария? После трезвых размышлений Леонидов отбрасывал подозрения по адресу жены, но затем они рождались с новой силой. На что ни способна женщина из-за ревности. И тут еще нелепый случай с письмом. Неужели Мария прочитала его?

Леонидов шёл, не оглядываясь. Сложный маршрут был точно рассчитан. С Надириным он условился о каждом повороте, переходе с одной улицы на другую. Конец их пути намечен в Строительном переулке – тупике. Здесь навязчивый спутник неожиданно для него превратится из преследователя в преследуемого и окажется в ловушке.

Шел ли за ним этот навязчивый соглядатай сегодня? Вначале Леонидову показалось, что он зря месит грязный снег на тротуарах. Затем стало подступать неопределенное, но хорошо знакомое тревожное чувство опасности.

Оно не обмануло: оглянувшись на повороте, Леонидов увидел мелькнувший довольно далеко силуэт человека, он скользнул по противоположной стороне улицы. Леонидов ускорил шаги и ещё раз повернул за угол: если вслед шел случайный человек, то теперь он отстанет. Но человек ускорил шаги, стараясь держаться в тени домов. Сгущался туман – загадочный субъект приближался, улучшалась видимость – он отставал. Он старался держаться на таком расстоянии, чтобы только не потерять Леонидова из виду, а при неожиданных поворотах исчезал, словно растаяв. Затем опять появлялся, убедившись, что ему ничто не грозит. «Не следует повторять свои трюки с крутыми поворотами, незнакомец может заподозрить неладное. Пусть следит за ним только Надиров, он уже не упустит», – решил Леонидов.

Преследователь и сегодня, видимо, не намеревался отстать без крайней необходимости. Он упорно шел за Леонидовым. Надиров пригляделся к нему: невысокий человек прятал свое лицо в поднятый воротник, финская шапка нахлобучена низко на лоб, и в ночной полутьме его лица не разглядеть, хотя у Надириного острое зрение. Все внимание этот незнакомец сосредоточил на Леонидове, Надириного он

не замечал. После очередного обхода наперерез Леонидову и незнакомцу Надиров успел прошептать Леонидову:

– Он все время идет следом по той стороне улицы.

– Я видел. Заканчиваем в Строительном переулке, – так же тихо ответил Леонидов.

Один за другим цепочкой шли три человека. В ночной мгле они продолжали свой опасный для кого-то из них путь.

Туман то наплывал волнами, то редел. Скоро переулок-тупик. В нем Леонидов и Надиров закроют выход незнакомцу, ему некуда будет увильнуть. Здесь – окраина города. В окнах мало огней. Многие дома заселены рабочими, люди рано ложатся спать, чтобы пораньше встать к утренней смене. Невдалеке – металлообрабатывающий завод. Он угадывался по отсвету огней и шуму механизмов.

Вот и переулок. Темнота. Туман кажется еще более густым.

Внезапно раздался тонкий резкий свист и оборвался. Метнулся человек, он ринулся куда-то в сторону. Незнакомец ускользнул в один из дворов. Надиров, заметив его бегство, кинулся вдогонку. Как тень, человек исчез из поля зрения Леонидова. Исчез и Надиров.

По безлюдному переулку разнёсся окрик Надирова:

– Стой! Стрелять буду!

Леонидов никого не видел.

Стой! – крикнул еще раз где-то Надиров.

В темноте мелькнула слабая вспышка огня, и в тумане глухо отдался пистолетный выстрел.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Перед вами всего одна начальная глава из романа писателя. Смогли ли вы определить, где и когда происходит действие, кто герои сюжета?
2. Как во внутренних монологах персонажа раскрывается его характер?
3. Что такое бандеровщина? Подготовьте сообщение на эту тему.
4. Назовите части композиции прозаического произведения.

**ГУСЕЙНАЕВ
АБАЧАРА
ГУСЕЙНАЕВИЧ**

(1921–1997)

*Поэт, прозаик, переводчик,
литературовед; командир
стрелкового взвода,
старший лейтенант*

Родился 31 августа 1921 года в селении Хосрех Кулинского района ДАССР. После семи лет учебы в родном ауле Абачара учился в Кумухской средней школе, в 1940 году поступил в пехотное училище в городе Орджоникидзе. Во время учёбы в училище началась Великая Отечественная война. Участвовал в войне, командовал стрелковым взводом, в сражении на Дону получил тяжёлое ранение и был демобилизован в 1943 году в звании старшего лейтенанта. Хосрех дал много выдающихся людей, в том числе поэтов и музыкантов. Ширвани Чалаев, вдохновлённый поэзией земляка Гусейнаева, четыре произведения из сборника своих шедевров «Лакские песни» создал на его стихи. Абачара считал себя рождённым для музыки.

В 1943–1945 годах работал в райисполкоме с. Кули. В 1945 году Абачара поступил в Московский университет на филологический факультет в отдел по востоковедению. С 1950 по 1958 года работал директором средней школы в селении Кули и в Чаящи – учителем родного, русского и

немецкого языков. С 1958 года работал в институте истории и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР старшим преподавателем. В 1968 году защитил кандидатскую, а в 1984 году докторскую диссертацию.

Писать Абачара начал еще во время учебы в школе. Первое его стихотворение было опубликовано в 1938 году. Его повесть «Бадрижат», переведенная на русский язык и изданная в Москве, сразу стала бестселлером. Абачара Гусейнаев перевел на лакский язык стихотворения различных поэтов, среди них стихотворения таджикских, русских, азербайджанских, немецких поэтов: Физули, Вагифа, Г. Гейнела, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др. Ко многим стихотворениям Абачары Гусейнаева написана музыка, среди них: «Письмо к Шамай», «Я горю», «По соседству с нами» и т. д. Среди них песня, посвященная брату Рамазану Саидову «Тем летом», которая ассоциируется со всеми павшими на войне. В 1981 году его поэтическое творчество удостоено премии им. С. Стальского.

Из воспоминаний дочери, известного деятеля культуры РД Качар Гусейнаевой: «Он ушел воевать за свою страну осознанно, добровольно, потому что любил её и был благодарен ей за свою, как он считал, счастливую судьбу. Об этом он и написал в стенгазете училища, призывая и товарищей встать на защиту Отечества. Он не любил рассказывать про войну. Я потом узнала, что все нравственные люди, честно воевавшие, не любят говорить о войне. Слишком мучительно, слишком тяжело. С нами, детьми, папа вообще не говорил о войне. Когда я в классе шестом обратилась к нему с просьбой рассказать для моего сочинения какой-нибудь эпизод военных лет, он рассказал о том, как его командир в одном из жестоких боев вызвал огонь на себя, а стало быть, и на врагов, окружавших его. Отец был истинным патриотом и своего рода, и своего народа, и своей страны. Он был убеждённым коммунистом, свято верившим в его идеи. И то, что крепость коммунизма пала, сильно сократило его жизнь. Он страдал от того, что рушились

его идеалы. Папа был благодарным человеком. Он был благодарен отцу и матери, что отпустили его на учёбу в Москву, когда рабочие руки в семье были нелишними. Братьям и сёстрам за то, что они взяли на себя и его заботы о семье и родителях. Стране был благодарен за то, что дала образование, возможность жить, творить. Партии за то, что открыла миру истину и свет и перспективу развития человечества. Он так думал. Отец был бесконечно благодарен русскому народу за его, как он говорил великий интернационализм, за его великий язык, великую культуру, за возможность приобщиться к ней.

Право высказать свое мнение он всегда оставлял за собой при любых обстоятельствах. Об этом хорошо знают его коллеги. Имея после ранения право на пенсию, он отказался от нее: «Я вернулся с войны живой, дееспособный, на жизнь в состоянии зарабатывать. Пусть эти деньги пойдут сиротам и вдовам». Отец был безупречно чистым и честным человеком».

Путь А. Гусейнаева – это история жизни и судьбы его поколения, чей пробуждённый ум повернул колесо истории Дагестана: отныне многовековой духовный путь направлен в иное цивилизационное русло. Новая дагестанская интеллигенция XX века сформировалась из этих пассионариев, получавших прекрасное классическое образование, как правило, в лучших вузах страны.

ДОН

Степь горит, и во мгле луга,
Смерть грозит нам со всех сторон.
И железные кони врага
На рассвете вступили в Дон.
Всё живое во власти беды,
Даже небо – с огнём пополам.
И столбы разъяренной донской воды
Поднимаются к облакам...

Нет спасенья – казалось порой,
Беспощаден летящий шквал.
Но напрягся народ-герой
И фашистов назад погнал.
Сыновья твои встали, Дон!
Все неистовой, все страшной
Их оружия холодный звон
И стремительный лёт коней.
Нет на свете силы такой,
Чтобы славу принизить твою.
Кто сразится с великой рекой,
Тот без чести падёт в бою.
Не стихая, бушует гром,
Берег пламенем опалён,
Подавляя огонь огнём,
Перешли мы широкий Дон.
Перешли мы Дон, да не все:
Сколько тех, кто нашёл тут покой –
На струящейся полосе,
В непокорной волне донской!
Десять дней с той поры прошло,
Голос боя над Доном смолк.
За селом минуя село,
Вдаль уходит стрелковый мой полк.
Вдаль уходит полк – без меня;
Здесь, у самой реки – медсанбат.
Навылет пулей пробита ступня,
А ветры о дальних дорогах трубят.
Волнующий душу, родной до слёз,
Прими от бойца поясной поклон,
Прими привет, неоглядный плёс,
Река голубая, державный Дон!
Роса блестит на ближнем яру,
Высокой травой буерак одет.
Кудрявую зыбь золотит поутру
Пурпурно-яхонтовый рассвет.

Могучие воды раздольной реки –
Они то яростны, то тихи,
Они глубоки, они велики,
Как пушкинские стихи.
Серебряной молнией иногда
Метнется рыба наискосок.
Лучась, отливает ртутью вода,
Как шёлк, шуршит под ногой песок.
А ветер скользнет по вечерней волне –
И звуки, что реют, над Доном взлетев,
Незримым движеньем хочется мне
Соединить в колыбельный напев.
Как будто и пушки нигде не гремят,
И небо невиданной синевы,
И стоек льющийся аромат
Медвяных трав и густой листвы.
В прозрачной воде отражаясь, вокруг
Чинары девственные цветут.
И все мерещится мне – а вдруг
Увижу Шолохова я тут?
Пусть мины – навстречу и пули – в упор,
Пусть кровью шинель моя обагрена, –
Я горец и по закону гор
Врагу за все отплачу сполна.
Еще трубачи не сыграли отбой,
И полк мой стрелковый идет вперед.
И долг солдатский зовет меня в бой,
А рана на ноге встать не даёт.

МОЙ БРАТ

*О героически погибшем за станковым
пулемётом в начале войны
моём родном брате Саидове Рамазане*

Четыре тяжких года начались
В июньский день под нарастанье гула.
В твой пулемёт отчаянно впились,
В горячечном бреду бросаясь, пули.

Казалось, бомбы разорвали всех,
Вы сгнули, снарядами прошиты.
Лавиной шли фашисты без помех,
Но скошены тобой, враги убиты.

О, как они умели отличать
Героя и искали с ним расправы!
Разрывы мин умеет он встречать,
Когда огонь идёт кипящей лавой.

Горит земля. Уже у самых ног
Рванула мина – даже воздух плавится...
Ты ран тяжёлых, брат, не превозмог,
И на руках у медсестры – красавицы
На Украине умер...

Брат, мой брат!
Кайдар¹ отважный смерть встречать умеет.
Герои – маччайми² умеют воевать,
Героями земля не оскудеет.

Но боль утрат не выдержал отец,
Нет крепости былой, иссякали силы –

¹ *Кайдар* – герой одноименной лакской эпической песни 17 века.

² *Маччайми* – лакские герои, защитники Курахской крепости
(1820)

Надломлен твоей смертью, и вконец
Иссохла мать от слёз – полшага до могилы...

И муж твоей невесты уже умер,
И сыновья её мужьями стали.
Пусть на твоей могиле в тихой думе
Растут цветы, как дети вырастают.

ПИСЬМО К ШАМАЙ

В минуты затишья,
Когда почему-то не спится,
Тревожу я памятью горы,
Где не был давно.
Я вижу родные,
До боли знакомые лица –
Забить мне о них
Даже в смертном бою не дано.
Я вижу тебя
И люблюсь твоими глазами,
Слежу я, как по ветру
Вьется янтарная прядь.
И радостно сердцу,
И губы шевелятся сами,
Как будто о главном
Торопятся губы сказать.
Щадят меня пули,
И это похоже на чудо.
Одна только рана, –
Не так уж она тяжела.
Не знаю, поверь:
Может, просто везет мне покуда,
А может, любовь твоя
Смерть от меня отвела.

Пер. Я. Серпина

ПИСЬМО К ШАМАЙ

Когда я в горы родины далёкой
Стада мечтаний, мыслей отпускаю,
Как сладостно идти знакомой тропкой
К отцовской сакле и к родному раю!

И кажется, виденья оживают,
И среди самых дорогих из них
Есть образ тот, что я не забываю,
И он прекрасней всех красот земных:

Всплываешь ты в янтарном обрамленье –
О, лик любимых женщин на войне!
Шепчу слова, и пусть кругом сраженье,
С тобой я говорю наедине!

И сотни пуль жужжат, не попадая,
Осколки мин, царапины – не в счёт.
Твоя ли сила и любовь святая,
Моё ли счастье нас убережёт?

*Август, 1942 г., Донской фронт.
Пер. М. Муслимовой*

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Прозрачен горный воздух, как хрусталь,
И ночь идёт чиста, нетороплива,
И в легкой дрёме уплывают вдаль
Безмолвный сад, нефритовая нива.

Там, высоко, струится Млечный путь,
Небесный купол утопает в звёздах,
И вот повеяло прохладой чуть-чуть,
И зреют слов живительные гроздьи.

И кажется, весь мир, и стар и млад,
Забылись сном целительным настолько,
Что слышно, как сквозь пение цикад
В ночи щебечет тихо перепёлка.

Доносится порою гул реки –
С горы бегут и ширятся потоки.
Душа и ум, всем бедам вопреки,
Открыты чистым помыслам, высоким.

Возможно ль тайну мудрости познать?
На красоту возможно ль наглядеться?
Раскрыть бы тайн немую благодать,
Но что за страх порой крадётся в сердце?

Наверно, я весь мир могу пройти,
Не описать, как в душу он проник.
Чему я рад? Что с жизнью по пути?
Или во мне любви кипит родник?

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему стихотворение «Дон» можно назвать и поэтическим произведением, и свидетельством очевидца?
2. Какие литературные имена и в связи с чем возникают в памяти лирического героя, когда он описывает бои за Дон?
3. Что заставило героя в самый разгар боя словно забыть о войне? Какой предстаёт река в его описании?
4. Как в тональности последних строк стихотворения «Дон» передано душевное состояние героя? Чем оно вызвано?
5. Какими чувствами проникнуто посвящение брату? Какой подвиг Саидова Рамазана отражен в произведении?

6. Почему автор при раскрытии подвига героя обращается к эпическим образам родного фольклора?
7. К какой лирике вы отнесли бы стихотворение «К Шамай» – любовной или гражданской? Почему? Каков главный посыл стихотворения?
8. Сравните два перевода стихотворения «Письмо к Шамай». Чем они отличаются и в чем они близки?
9. Какое из стихотворений можно отнести к философской лирике? Почему?

**ДАДАШЕВ
МАНУВАХ
МАРДАХАЕВИЧ**

(1912–1943)

*Поэт; старший лейтенант,
командир роты
613-го стрелкового полка
63-го гвардейского корпуса
51-й армии*

Манувах Дадашев родился в Дербенте в 1912 г. В 1931–1933 гг. учился в Москве на рабфаке при ИФЛИ, в эти же годы он начал писать стихи.

По возвращении в Дагестан Манувах работает в татском альманахе, в татской газете «Захметкеш», а затем в научно-исследовательском институте, где с огромной любовью занимается собиранием и изучением богатого татского фольклора.

Женился, у него родился сын Эдуард (второй сын Станислав родился, когда Манувах воевал: отцу и сыну не суждено было узнать друг друга). Молодой поэт из Дербента Манувах Дадашев ушел на войну добровольно, оставив дома жену и сына. На фронте он не только храбро сражался, но и продолжал писать. Его писательский талант проявился очень ярко в стихах, и не только: все переполнявшие его чувства и мысли старший лейтенант выражал в письмах, каждое из которых было как новелла о людях, воевавших рядом, об эпохе. Глубокий оптимизм был характерной чертой татского поэта Мануваха Дадашева. 28 октября

1942 года, в самые тяжелые для Родины дни, поэт писал с фронта: «Друзья! Больше трех месяцев я не подавал вестей о себе, а я знаю, как это тревожно в наши тяжёлые дни. Представляю ваши вытянутые физиономии – думали: погиб паренёк, а, честное слово, был уж не такой плохой... Нет, жив Манувах! Жив и будет жить, чтобы обязательно увидеть победу. И не только увидеть, но и самому её добыть. Ведь гитлеровская Германия – это тот кувшин, о котором говорит наше старинное изречение: падает камень на кувшин – горе кувшину, падает кувшин на камень – горе кувшину, так или иначе – горе кувшину! Быть, быть кувшину разбитым, ибо крепче камня, чем наша Красная Армия, я не знавал». Писал поэт не только родным, но и известному журналисту, литературоведу, исследователю, собирателю дагестанского фольклора, преподавателю Дагестанского государственного университета Александру Федоровичу Назаревичу, который опубликовал их в «Дагестанской правде».

Старший лейтенант Манувах Дадашев храбро сражался на фронте, но пуля вражеского снайпера оборвала его жизнь под Ворошиловградом: 26 августа 1943 г. Манувах Дадашев был тяжело ранен, а на другой день умер от ран. Уже после войны бывший командир 35-й гвардейской Лозовской стрелковой дивизии, генерал-майор в отставке Иван Яковлевич Кулагин, вспоминая бои за Сталинград, рассказывал: «Мы все его звали Мишей, он был щупленький, кудрявый и хорошо говорил по-русски. Как-то меня назначили дежурным по штабу фронта. «Вот вам в помощники старший лейтенант, поэт», – представили мне Дадашева. Однажды я сказал Мише: «Прочти мне свои стихи». Он начал читать и весь преобразился, показался рослым, могучим и решительным. А потом начал рассказывать об истории своего города Дербента. И я понял, что передо мною человек, горячо любящий Дагестан».

Подполковник Магомед Качалов писал о фронтовом друге: «В описываемый период боевых действий исключительные организаторские способности проявил командир 7-й стрелковой роты дагестанский поэт, тат Манувах Дада-

шев». Ему было 30 лет. Его однополчане пошли дальше, а в Дагестан полетела похоронка. 24-летняя Галина Дадашева ей не поверила: на войне каких только чудес не бывает. А еще она верила мужу, который в каждой весточке писал: «Я вернусь...». В 45-м к ним в дом приехали фронтовые друзья Мануваха. Они привезли его вещи и награды. Галина, едва на них взглянув, тихо сказала: «Нет, я не верю», – и вышла в другую комнату. А семилетний сын Эдуард услышал и навсегда запомнил разговор двух офицеров: «Как же ее убедить, что мы сами Мишу похоронили?.. Ничего, пусть женщина верит, если ей так легче. Дай бог, чтоб всех так ждали...» Похоронен поэт-интернационалист на Украине в братской могиле в сквере имени 9-го мая в Луганске. Награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

В стихах он выразил свою любовь к Родине, ненависть к врагу и уверенность в победе. Манувах Дадашев занял свое почётное место в литературе родного татского народа и в истории всей дагестанской литературы

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Могучим вихрем мчится время,
Встает счастливая заря.
Народы сбросили, как бремя,
Самодержавного царя.
И в руки взяв оружие смело,
Пошли за партией труда
Туда, где яростно горела
Пятиконечная звезда.
И, поднимаясь из пожарищ,
Рождаясь в муках неземных
Сказала Родина: –
Товарищ! Мне нужен твой правдивый стих.
Он в год сражений пулей станет
И защитит родимый дом.

А в мирный год кипящей сталью
Он вырвется из наших домн¹.
О Родина, ты бесконечна,
Как наши горы и поля,
И образ твой пятиконечный
Горит над башнями Кремля.
Я отточу свой стих кинжальный
И стану с ним в солдатский строй,
Чтоб враг смертельный спрятал жало
За пограничной полосой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким чувством проникнуто стихотворение? Какова его тематика?
2. Найдите и прочитайте строки, в которых выражена мысль о назначении поэзии в годы испытаний.

КОМСОМОЛКА

Перед саклей
У дороги
Красным цветом
Мак зацвёл.
Заругали
Мать и тетки,
Что пошла я
В комсомол.

Пусть бранятся –
Не печалься!
Пусть ругают –
Не тужи!
И платочком
Красным уши,
Чтоб не слышать,
Повяжи!

¹ Домна (доменная печь) – большая металлургическая вертикально расположенная печь шахтного типа для выплавки чугуна и ферросплавов из железорудного сырья.

* * *

На снежной вершине стремительный тур
Застыл изваянием гордым.
Кругами уходит орёл в высоту,
Тень крыльев скользит по нагорьям.

Ты юн, словно я, как дед мой, ты стар,
Красив, как невеста и мама.
Моя колыбельная, мой Дагестан,
Тянусь к тебе взглядом упрямым.

Из дальних окопов, сквозь грохот войны
Стремлюсь я в родимые дали.
Мы туры твои и твои мы орлы,
И клятву на верность мы дали.

Неправда, что горец в походе устал,
Наш гнев и священ, и неистов,
На горные склоны твои, Дагестан,
Умрем, но не пустим фашистов.

Бой скажет «отбой» и, упав головой,
На каску, что мягче подушки,
Во сне прохожу я знакомой тропой,
Забывши про мины и пушки.

На снежной вершине стремительный тур
Застыл изваянием гордым.
Кругами уходит орёл в высоту,
Тень крыльев скользит по нагорьям.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким чувством проникнуто стихотворение?
2. С кем сравнивает автор Дагестан? Почему он [Дагестан] одновременно и юн, и стар?

3. Как вы понимаете слова «Мы туры твои и твои мы орлы»?
4. Как автор передает тяжесть военных будней? Что снится бойцу после жестокого боя?
5. С какой целью автор использовал кольцевую композицию?
6. Прочитайте отрывки из приведённых ниже писем поэта. Какие чувства отразил он в этих строках?

ИЗ ПИСЕМ МАНУВАХА ДАДАШЕВА

Письмо от 7 ноября 1942 г.

«Саша, дорогой, только здесь я понял огромный глубокий смысл того факта, что основное бремя войны принял на себя великий русский народ. Что это за люди! Как я восхищаюсь им – настоящие чудо-богатыри. Такие и выстоят, и погонят фашистов назад. Обязательно погонят!»

«Какой это чудесный маршрут – на Запад! Мы идём с боями вперед».

«Настали наконец-то дни нашего праздника, и мы, испытывавшие горечь поражения, в полной мере наслаждаемся победой, – писал поэт из Ростова. – Я счастлив, и только чудовищные следы зверств фашистов отравляют радость победы. Они разрушили все. В зоологическом саду 14 тысяч расстрелянных евреев. Я видел и в ненависти сжимал кулаки. Женщины и дети, дети, дети... Одно только желание у нас – отомстить!»

Письмо от 23 августа 1943 г.

«Мы идем вперед и вперед. Знаешь, я никогда не был на Украине. Это ведь Родина – какая радость сражаться за нее! Учтите, родные, что каждая сводка с фронта, приносящая вам столько радости, добывается ценой крови – и крови немалой».

**ДЖЕТЕРЕ
СЕРВЕР
ДЖАМАЛОВИЧ**

(1906–1982)

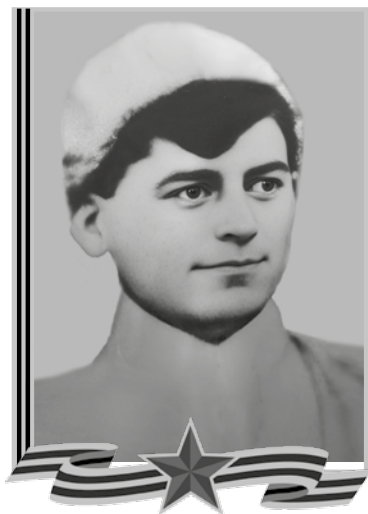
*Драматург,
режиссер*

Джетере Сервер Джамалович – драматург, театральный деятель, писал на татарском, кумыкском и русском языках. Родился в 1906 г. в крымском селении Биюк-Ламбет. В 1928 г. окончил Татарский театральный техникум в Казани, а в 1940 г. – Государственный институт театрального искусства им. А.В. Луначарского в Москве. Работал актером и режиссером в Татарском государственном драматическом театре в г. Симферополь, с 1942 г. – режиссером Кумыкского драматического театра.

Участник Великой Отечественной войны. Ушел добровольцем на фронт. Воевал в составе Черноморского флота, был тяжело ранен. После выписки из тбилисского госпиталя получил шесть месяцев отпуска для восстановления. По дороге домой встретился со своим однокурсником по учебе в Москве театральным деятелем Гамидом Рустамовым, который убедил его остаться в Дагестане. С 1942 г. до конца жизни С. Джетере работал в Кумыкском театре актёром, режиссером и создавал драматические произведения. Поставил свыше 100 спектаклей.

С. Джетере – народный артист и заслуженный деятель искусств ДАССР, награжден боевыми и памятными правительственными наградами.

В 1966 г. принят в Союз писателей СССР. Им написано четыре пьесы, они были поставлены в разных театрах республики. Первая пьеса С. Джетере «Кто кого?» была опубликована в 1932 г. и поставлена в Татарском драматическом театре в Симферополе. В последующем написаны пьесы «В огненном кольце», «Мост у деревни», «Братья», «Свадьба продолжается», «Сестры». Пьесы не переведены на русский язык.

**ДИНМАГОМАЕВ
РАДЖАБ
ДИНМАГОМАЕВИЧ**

(1905–1944)

*Писатель;
старший лейтенант,
комиссар танкового
батальона*

Раджаб Динмагомаевич Динмагомаев (Дин-Магомаев) – дагестанский советский писатель, основоположник аварской прозы, родился 25 декабря 1905 года в с. Урма (ныне Левашинский район РД) в крестьянской семье. Раджабу было три года, когда его отца выслали в среднюю полосу России за кровную месть. Отец забрал с собой малолетнего сына. Так, еще ребенком Раджаб выучил русский язык (говорил на нем без акцента) и познакомился с русской культурой и обычаями.

В 1912 году за революционную деятельность его отца сослали в Якутскую, затем в Тульскую губернии, где Раджаб проживал с ним до 1916 года. Уехав оттуда в Санкт-Петербург, он работал мальчиком-лакеем. Великая Октябрьская революция помогла отцу и сыну вернуться в Дагестан, в родное село. По приезде домой отец умер, мать тоже тяжело заболела, и Раджаб был предоставлен сам себе. Он много ходил по аулам в поисках куска хлеба. Ему приходилось много работать, в основном пас овец. Но после

Октябрьской революции 1917 года и последующей гражданской войны его жизнь изменилась. Раджаб хоть и был молодым парнишкой, активно помогал красным партизанам, в 1919–1920 годы служил в первом дагестанском свободном революционном полку. После окончания боевых действий в Дагестане демобилизованного из Красной Армии пятнадцатилетнего юношу отправили в интернат в Темир-Хан-Шуру, где он пробыл до своего совершеннолетия и получил путёвку в жизнь.

Он состоял на комсомольской и партийной работе, был редактором областных газет на аварском языке «Знамя социализма» и «Большевик гор», окончил два курса Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве. В это же время он начал писать: опубликовал в московских изданиях стихи на русском и аварском языках; первый его рассказ «Мулла» («Дибир») вышел в 1928 году в Москве. В нём писатель выступает против лицемерия мусульманского духовенства. Он составил первую «Антологию аварской литературы». Тематика его произведений разная: он выступает против кровной мести (повесть «Кровь за кровь»), повествует о классовой борьбе в дагестанском ауле до и после Октябрьской революции (роман «Герои в шубах»), о русской учительнице (рассказ «Гости Галины»).

Отличительной чертой характера Раджаба была безграничная доброта и неиссякаемая любовь к людям. В годы Великой Отечественной войны, когда Махачкалу затопили волны эвакуированных, он приютил у себя в небольшой квартире две семьи, помогал им чем мог. Много людей приводил он в те трагические дни к себе в дом, чтобы накормить, обогреть, дать им возможность отоспаться, отдохнуть несколько дней, набраться сил для продолжения дальней дороги за море.

Начало Великой Отечественной войны писатель принял как вызов. На последней странице своего незаконченного романа «Шиповник» он 22 июня 1941 года написал: «Война. Работу над романом оставлю. Перехожу к оборон-

ной работе». Хотя у него было освобождение от службы, с самого первого дня Динмагомаев рвался на фронт. После четвертой попытки в 1942 году его зачисляют на военную подготовку в Тбилиси. После подготовительных курсов Раджаб Динмагомаев отправляется на фронт в чине офицера – комиссаром танкового батальона. Воевал Динмагомаев на одном из Украинских фронтов. О тех днях он писал домой следующее: «Я должен найти путь к сердцу каждого солдата и офицера, поддерживать их моральный дух. Во время боя обязан своим примером воодушевлять личный состав. У меня товарищи замечательные. Фронтная жизнь раскрывает лучшие стороны человеческого характера: любовь к близким, уважение к товарищам, верность...».

В начале апреля 1944 года в одном из кровопролитных боев агитатор полка, коммунист, писатель Раджаб Динмагомаев пал смертью храбрых, похоронен в селе Заболотниково Тернопольской области Украины. Ему было 39 лет. Он успел написать произведения о героях Великой Отечественной войны, о борьбе с фашизмом, о трудовом подвиге в тылу: повести «Коричневая змея», «Отступник», рассказ «Клятва». А записи фронтовых дней, которые он вел, несмотря на трудности, погибли при форсировании одной из рек на территории Украины. Р. Динмагомаев служил Отечеству и штыком, и пером.

КЛЯТВА

(Рассказ, в сокращении)

I

... Словно вымер аул Гельбак. Здесь, на выходе из Миатлинского ущелья, кончились горы, а дальше на многие километры, до самого Каспийского моря, раскинулась ровная, как стол, кумыкская степь. Когда наверху, в зубутлинских горах, раскрывались тюльпаны, когда там буйствовали травы по пояс, в кумыкской степи уже поспевали хлеба, и жаркий ветер иссушал все живое.

Все люди аула Гельбак сейчас в степи, на уборке урожая. ... Черноглазая, седоволосая, плечистая бригадирша Солтанат едва успевала вытирать краем головной повязки заедающий глаза пот. Она вязала снопы, придавливая их сильным коленом к земле, туго перехватывая поперёк жгутами пшеничных стеблей. Вязала без остановки – один за другим, один за другим – как будто малейшая задержка могла погубить все дело. В таком же темпе работали и другие колхозницы. Мимо вяжущих снопы женщин с фырканием и чиханием проехал пропашной трактор.

... Знойный ветер обжигал лицо, нечем было дышать, но все в поле работали так свежо и энергично, будто на утренней зорьке. Работа взяла всех в плен: как пожар в степи передается от колоса к колосу, так передалась её огненная радость от сердца к сердцу. Всем хотелось закончить уборку хлеба как можно быстрее. Все знали, что фронт ждёт хлеба. Хотя и трудно было поверить, что за горизонтом этой мирной степи грохотали орудия и умирали насильственной смертью сотни тысяч людей...

II

Почтальон Расул обычно привозил письма и газеты к обеденному перерыву. Он был еще очень молод, но понимал, что значит радость для человека, как удесят�еряет она силы. А что может быть радостней доброй вести от родных и близких? Тем более в такое тяжёлое время. Вот и сегодня он спешил к полевому стану, не жалея свою низкорослую буланую лошадёнку.

Старик Юсуп лежал под навесом, покрытым толем, глядел на едва заметный в солнечных лучах дымок близкой кухни, где поспевала в котлах похлёбка, и думал о том, что «опять разыгралась не вовремя эта проклятая грыжа», и он вынужден бездельничать, когда все надрываются на работе. Спешившись, Расул привязал лошадь к столбу навеса, вытер тыльной стороной ладони пот, обильно выступив-

ший на его полном белобровом лице, почтительно поздоровался с Юсупом.

– Что нового, Расул?

– Пока ничего. В газетах пишут: «Тяжёлые оборонительные бои на Брянском и Юго-Западном фронтах». Отступаем.

– Вай, аллах! – огорчённо покачал головой Юсуп.

– Письма привез с фронта – четыре штуки. Два бригадирше Солтанат, одно председателю, одно хромому Ахмеду. Хочу спросить тебя, Юсуп, вот это письмо, кажется, с хорошей вестью? – Он протянул старику конверт из плотной серой бумаги с адресом, написанным на машинке с западающей и поправленной фиолетовыми чернилами буквой «р».

– Адрес тот же, что и у сына Солтанат Шамсутдина, а отправил какой-то политрук Марченко. Когда нашему Гамзату благодарность прислали, тоже так было, от политрука. Может и Шамсутдин отличился? Нужно потребовать магарыч, ты как думаешь?

Юсуп поглядел конверт на солнце, повертел в руках и решил:

– Нужно узнать что там. Нехорошо такое письмо без магарыча отдавать. Тем более у Шамсутдина жена вот-вот родит – двойная радость! Без магарыча тут не обойдешься!

– Если на почте узнают, что я раскрываю письма, мне попадет, – почесал белесый затылок Расул.

– Вах! Кто будет знать? Только ты и я. Открывай! Если боишься, я сам открою. – И старик широким ногтем поддел уголок конверта. Письмо оказалось плохо заклеенным.

– На, читай!

Расул схватил сложенный вчетверо листок, расправил его... вдруг губы почтальона запрыгали, лицо побелело...

– Что там? – нахмурил брови Юсуп.

– Он погиб, верный священной воинской присяге, – прошептал Расул.

Старик с опаской взял письмо из рук юноши, вздохнул: «Вай, проклятые!» – И спрятал листок в конверт.

– Как же я передам письмо Солтанат? Как поднимется у меня рука? Что делать?! – в глазах Расула заблестели слёзы.

– Да, плохое письмо, плохое, – пробормотал Юсуп. – Ты сегодня не отдавай его матери, понял?

– Понял. Но как нам быть, Юсуп?

– Я тебе помогу, – вздохнул старик. – Начни с его брата Фатаха, он же твой друг, ему сначала скажи. А я Солтанат подготавливаю. Но сейчас никому не говори, люди работу бросят, так нельзя. Пока будем молчать.

В это время повариха ударила в рельс, подвешенный на столбе, и крикнула:

– Эй, Расул, скачи и скажи всем, что обед готов! А то из-за машин им не слышно, как я стучу!

– Скачи, – кивнул старый Юсуп, – жизнь не остановишь.

Расул покорно отвязал от столба свою лошадеёнку, вскочил на неё и поскакал в поле, вяло выкрикивая на ходу:

– На обед! На обед!

В тени навеса, за длинным столом, сколоченным из соснового горбыля, весело переговаривались колхозники, звенели алюминиевые миски. Те, что работали поближе к кухне, уже заканчивали обед, а другие, из дальних бригад, только подходили и выстраивались в очередь у большой железной цистерны с краном – вымыть руки, освежить разгоряченные работой лица.

Отобедавшие мужчины садились в тени перекурить, обратиться с новыми силами. По рукам ходили газеты, розданные Расулом. Младший сын Солтанат Фатах пришел на обед одним из последних.

– Ну, что, Расул, как там в районе? – улыбнулся он своему другу-почтальону. – Всё стоит на месте?

– На месте. – Расул молча протянул ему письмо от старшего брата Курбана.

Фатах торопливо надорвал конверт, вынул письмо, впился глазами в строчки. Все лицо его светилось счастьем, на щеках выступил румянец.

– Курбан передает всем приветы! – высоко подняв письмо над головой, крикнул Фатах.

– Баркала!
– Баркала!
– Молодец Курбан! – раздалось в ответ на разные голоса.
– Он пишет, что за всех за нас дает огня фашистским гадам! Он пишет, что его пушка в полном порядке, бьет без промаха!

– Вай, молодец!

– Джигит!

– Он прославит наш аул!

– Фатах, – подошел к юноше пожилой ногоец, – напиши своему брату, что мы сделаем всё для фронта, все отдадим, ничего не пожалеем! Правильно я говорю?!

– Правильно!

– Молодец! – поддержали его товарищи.

Довольный собою, ногоец возвратился на свое место, сел среди курящих.

Обедая, Фатах держал письмо перед собой, еще и еще раз перечитывал. «Вот мама обрадуется! Что-то она до сих пор не ведёт своих женщин? Стесняются. Ждут, пока пообедают все мужчины».

Опустошив алюминиевую миску похлебки, Фатах бережно вложил письмо в конверт и сунул его под подкладку своей солдатской фуражки.

– Можно тебя на минутку? – окликнул его Расул.

Они пошли к скирде соломы, спрятались за ней от людских глаз. Фатах улыбнулся, предчувствуя, что сейчас пойдет их обычный разговор о девушках.

– Дай слово, что будешь держать себя мужчиной, – тихо сказал Расул.

– Я и так не болтун...

Расул опустил голову.

– Ну, – поторопил его приятель, – пора работать.

– Письмо нехорошее есть, – собравшись с духом, выпалил Расул.

– От кого?

– О Шамсутдине пишут.

– Дай сюда. Расул протянул злополучный конверт.

Руки Фатаха тряслись, строчки прыгали у него перед глазами.

– Собаки! Неужели убили? Собаки! – задыхаясь, шептал он.

– Успокойся, брат! Возьми себя в руки! – неловко обнял его Расул. – Наше дело подготовить к этому известию твою маму и жену Шамсутдина Патимат. Юсуп сказал, что сегодня им говорить ничего не надо.

Фатах прислонился спиной к скирде, обхватил голову обеими руками, согнулся, как будто его ударили в живот.

– Собаки! Неужели убили?! Собаки! Гады!

– Возьми себя в руки! Возьми себя в руки! – тряс его за плечи Расул.

– Я не успокоюсь, пока не отомщу! Я буду мстить этим гадам! – глаза Фатаха яростно сверкали, красивое молодое лицо исказила гримаса ненависти. – Я не успокоюсь, пока не отомщу!

– Верно сказано, сын мой! – подошел к нему незаметно старый Юсуп. – Джигиты должны уметь мстить. – Его суровый отеческий голос вернул Фатаха из полузабытья.

– Ладно! – бросил он, скрипнув зубами. – Надо работать. – Сунул письмо в карман, повернулся и пошёл в поле.

III

Золотыми волнами колыхалась на лёгком ветру пшеница. После обеда бригада Солтанат жала серпами те участки, где не могли пройти лобогрейки: на буграх и откосах, во впадинах. Жницы работали не разгибаясь, и некогда им было любоваться волнующимся на ветру спелым хлебом. Солнце клонилось к синим горам, жара спадала, тени облаков бежали по жёлтому полю, вслед ветру.

Патимат отставала от своих товаров все больше и больше, её бросало то в жар, то в холод. Наконец она решилась окликнуть свою подругу Зулайхат.

– Ты знаешь, Зулайхат, что-то неладное со мною, – виновато сказала она, придерживая обеими руками живот. – Пойди, позови доктора.

... К ночи Солтанат вернулась на полевой стан. Луна ещё не взошла, но было светло. Колхозницы только закончили работу и сходились со всех сторон к навесу у кухни. Кто-то разжёл костер из соломы, и все потянулись к этому пока одинокому костру.

– Патимат сына родила, мне внука, – ворвалась в круг своих односельчан Солтанат.

– Поздравляем!

– Поздравляем от всей души.

– Я после обеда не работала, я сейчас пойду работать! Зулайхат, где мой серп? – задорно крикнула Солтанат.

– Отдохни, – взял её под локоть механик тракторной колонны Анатолий Семёнов. – Отдохни, мамаша, ты и так за десятерых работаешь, как молодая!

– Я и есть молодая! – гордо выпрямилась Солтанат. – Сегодня у меня внук родился, я помолодела на двадцать лет!

– А ты знаешь, что твой Курбан письмо прислал? Хорошее письмо – всем нам салам передаёт, – сказал Семенов.

– Письмо? Где?

– Фатах! Фатах! Иди сюда, мамаша зовёт! – крикнул в темноту Семенов.

Фатах шел медленно, как на казнь.

– Где письмо, покажи? – бросилась к сыну Солтанат.

– Мама, что с тобой? – замер Фатах. Ему почудилось, что она уже знает все, что Расул передал ей злую весть о Шамсутдине.

– Я сказал, что Курбан письмо прислал, она не знает, – пояснил Семёнов.

Стоя перед высоким жёлтым пламенем костра, они прочли письмо вслух. Окружающие одобрительно цокали языками, восхищались Курбаном.

– Бахарчи, вон как фашистов лупит!

– Бахарчи!

Счастье Солтанат было безмерно.

– А у меня для тебя тоже есть радость, – едва сдерживая слезы, сказала она Фатаху, – Патимат сына родила... большого... Вылитый Шамсутдин!

Фатах отступил в темноту. В висках у него стучало. «Что делать? Поздравить? Или сказать... Что делать?»

– Что с тобою, сынок? Ты болен? Тебе неприятно мое известие? – удивилась Солтанат. – Ты знаешь, какой хорошенький мальчик. Ротик, как наперсток, лоб высокий, кости широкие... Будет настоящий джигит. Да что с тобой?

– Ничего, ничего, я так... «О мама, мама, если бы ты только знала?!» – подумал он и сказал вслух:

– О мама, если бы ты только знала, как мне хочется видеть сынишку нашего Шамсутдина! Я сейчас пойду в аул.

Солтанат почувствовала неискренность сына. «Наверное, поссорился со своей девушкой», – подумала она и сказала: – Зачем тебе сейчас идти в аул, все равно Савченко тебя не пустит в больницу... Ты, сынок, пошли телеграммы Шамсутдину и Курбану. Шамсутдину напиши, что мы хотим дать его сыну имя Салават – в память деда. Пусть телеграммой ответит.

Фатах молчал, он чувствовал, что, если скажет хоть слово – не выдержит, и тогда все пропало...

VII

Перед больницей, в палисаднике, сидели на зелёной свежеевыкрашенной скамейке трое друзей. Тракторист Омар, почтальон Расул и брат погибшего Шамсутдина – Фатах. Они ждали, пока выйдут из палаты все женщины, чтобы зайти проведать Патимат.

«Как же я увижу её, что скажу? – думал Фатах. – Как посмотрю на ребёнка... бедная Патимат, она ещё ничего не знает. А мама? Что будет с мамой... Подождите, проклятые фашисты, гады! За все с вами полностью рассчитаемся», – бормотал Фатах, сжимая кулаки.

– Пошли! – поднялся Расул и направился к больнице. В коридоре, возле вешалки, возилась Саадат. Не узнав её, Фа-

тах прошел мимо, увидел себя в висящем на стене зеркале и остановился... Лицо его стало жёлтым, как у хронического малярика, еще недавно розовые, полные щёки ввалились, обросли щетиной, плечи ссутулились, глаза, которые всегда улыбались, были печальны и строги.

... Друзья направились к палате Патимат. Постучали в белую дверь.

– Войдите! – отозвалась Патимат, пряча под одеяло голые руки.

Первым вошел Фатах, за ним на цыпочках – Омар и Расул. От смущения все трое забыли поздороваться.

– Что нового, Фатах? Есть ответ на телеграммы? – нарушила неловкое молчание Патимат.

Расул толкнул Фатаха в бок.

– Да... нет.. рано ещё, – нашелся Фатах. В палату вошла Саадат.

...Фатаху многое хотелось сказать невестке, но язык не повиновался, мысли путались.

– Я согласен дать мальчику имя моего отца. Хорошая будет ему память, – неуверенно и вместе с тем стараясь сохранить торжественность, подобающую моменту, сказал Фатах.

– Погляди на мальчика, возьми его в руки, – с тревогой вглядываясь в лицо любимого, протянула ему ребенка Саадат.

Фатах неуклюже взял племянника на руки. Поцеловал нежное, пахнущее молоком личико. Вынул из кармана пачку денег и, по обычаю, сунул в одеяльце новорождённого.

– Живи на счастье нам долгие годы! – произнес он деревянным голосом заученные слова поздравления. – Я, Патимат, наверное, сегодня уйду в армию.

– Тебя мобилизовали?

– Нет, мы все трое решили уйти на фронт добровольцами, – сказал Омар.

– Мы ведь там нужнее, чем здесь, – добавил Расул.

– Это правда, – вздохнула Патимат, – что же мне мама ничего не говорила? Она ещё не знает?

– Не знает. Да я иначе не могу, понимаешь? – заглянул в глаза невестке Фатах.

– Встретите Шамсутдина, расскажите ему о сыне, – сказала Патимат, – пусть не беспокоится, пусть бьёт проклятых фашистов и ни о чём не думает. Мы будем ждать его столько, сколько нужно!

– Прощай, Патимат, – тихо сказал Фатах, – жалею маму, береги сына.

– До свидания! Не скучайте тут без нас, – подмигнул Омар.

– Прощай! – поклонился Расул. – Не поминай лихом!

– Счастливой дороги вам, будем ждать с победой! – вытирая набежавшие на глаза слёзы, пожелала Патимат. – Да хранит вас в бою материнская молитва! – прижала она к груди сына, которого, уходя, передал ей на руки Фатах.

Оглушённая услышанным, Саадат вышла следом за друзьями.

«А как же я? На кого оставляешь меня?» – хотела она крикнуть Фатаху, но сдержалась. Фатах, словно услышал её немой упрек, обернулся к девушке и, не стесняясь друзей, сжал её руку:

– Не могу я, не могу торчать в ауле, пойми меня, не могу. Я должен отомстить за брата, – кивнул он в сторону палаты, – сирота остался!

* * *

– Проснись, милый, – вслух разговаривала Патимат с сыном. – Проснись, открой глазки, давай папе письмо писать, что же мы напишем? Весу в тебе четыре двести. Похож ты на него, как две капли воды, значит, будешь такой же высокий и красивый... И Патимат вспомнила мужа... «Шамсутдин, дарман, Шамсутдин!..» Ну, проснись же, сыночек!

... Из одеяльца выпали деньги.

– Ох, сколько денег, богатым, счастливым будешь, сыночек. Что же мы на них купим?

Среди денег она увидела скомканную бумажку, видно, какую-то справку, напечатанную на машинке. Патимат осторожно разглядела ее пальцами и прочла:

– Верный чести... воинской присяге... Шамсутдин Магомедов... пал смертью храбрых, защищая Родину...».

– Что? Что такое? Шамсутдин! Мой Шамсутдин! Погиб? Убит? Умер! Уйя, дарман дир* Шамсутдин! – вырвалось из ее груди. Красные кредитки показались ей лужей крови, она стряхнула их на пол и, прижимая сына к груди, встала на ноги.

VIII

Солтамат проголодалась и, прежде чем идти на митинг, решила зайти домой перекусить. День стоял солнечный, тёплый, на фоне светло-голубого неба торжественно темнели пики дальних скал.

«Благодать, – думала Солтанат, поднимаясь по крутым улочкам аула. – Урожай собран, внучек родился крепенький, Патимат здорова, вот только как там на фронте сыновья? Господи, спаси, господи, сохрани, возьми лучше меня, но им сохрани жизнь», – горячо зашептала она, поднимая к небу глаза. Увидев родную саклю, она улыбнулась: «Вот здесь будет расти мой внучек, мой дорогой птенчик».

В комнате стоял приятный полумрак.

– И здесь благодать, – сказала Солтанат, с удовольствием оглядывая празднично убранную кунацкую. Достала в кухне мягкий чурек, простоквашу и принялась за еду, глядя в окошко, думая: «Вон там, под ореховым деревом, я ему, моему любимому мальчику, моему крошке, устрою качели...»

На этом самом ореховом дереве она устроила когда-то качели Шамсутдину. Каким он был весёлым ребенком, как шумно всему радовался: яблоку, камушку, палке, стекляшке, игрушке. Как трудно было его уложить спать, все бы прыгал, секунды не мог устоять на месте. Младшие её дети были поспокойнее. Как любила она вдыхать запах его волос, пахнувших мёдом и солнцем.

– И Шамсутдин уже отец, – произнесла сна вслух и покачала головой, – ох, время, время!

– Зачем ты пришёл в наш дом, чёрный день. Орёл наш Шамсутдин, ой, аллах, Шамсутдин! – раздалось во дворе громкое причитание соседки.

Солтанат испуганно вскочила с ковра. «Аллах, какое горе нагрянуло на её голову», – подумала она и открыла двери.

На пороге стояла старуха соседка и рвала на себе волосы.

– Вай, дир яц, весь аул говорит, что командир чёрное письмо прислал, убит Шамсутдин, разве ты не знаешь?

День померк в глазах Солтанат, лицо ее посерело, пошатнувшись, она прислонилась к двери:

– Кто сказал?

– Аман, аман, сейчас Саадат у меня плакала.

– Врешь! – закричала Солтанат, – еще не отлита пуля, которая могла бы пробить сердце моего сына. Не отточена сабля, которая бы отрубил голову Шамсутдину! Прочь! Прочь с моих глаз! – оттолкнула Солтанат старуху и бросилась вон со двора.

На улице она столкнулась со старым Юсупом.

– Ты куда? – остановил он Солтанат.

– Юсуп, мой Шамсутдин, – запнулась Солтанат не в силах произнести страшное слово.

– Да, сестра моя, аллах забрал сына, но даровал тебе внука, – старик думал, что Хадижат уже обо всем рассказала матери. Старик вспомнил, что частенько, когда он, бывало, просил у Шамсутдина папироску, тот давал ему целую пачку «Беломорканала».

– Забрал... Так это правда?

Юсуп скорбно склонил голову.

Солтанат не проронила больше ни слова. И слезинки никто не видел в её глазах. По обычаю аварцев мать не вправе плакать по погибшему сыну, пока убийца не отомщен. Она гордо выпрямилась, туго завязала платок и твёрдой походкой пошла по направлению к площади, все убыстряя и убыстряя шаги.

Вся площадь была запружена народом, собравшимся на митинг. Трибуна была украшена снопами пшеницы, букетами полевых цветов, кумачовыми лозунгами: «Всё для фронта!», «Стой, что ты сделал для победы?», «Встанем на защиту матери-Родины», «Самоотверженный труд – залог нашей победы!»

На трибуне стоял секретарь райкома партии и говорил речь.

– Ваши успехи превзошли все ожидания. Хлеб собран в три раза быстрее, чем до войны, и его засыпано в закрома в три раза больше, чем в прошлом году. Это залог победы. Но враг еще силен и кровожаден, на всех фронтах идет жесткая, кровопролитная борьба. Три дня тому назад получено письмо о героической гибели одного из лучших бригадиров вашего колхоза Шамсутдина Магомедова. Шамсутдин добровольно сменил плуг на пулемёт, штурвал комбайна на руль танка, он не пожалел себя, защищая Родину, защищая нашу жизнь и наше счастье, товарищи! Почтим же память героя минутой молчания!

На площади воцарилась тишина, только тень орла, летящего над аулом, скользнула по склоненным головам, по снопам на трибуне, по кумачовым лозунгам.

– Кто хочет сказать слово? – спросил председатель колхоза Хабибула.

– Я, – отозвался молодой голос. Это был Фатах.

Солтанат добежала до задних рядов, толпа перед ней расступилась.

– Говори, Фатах, говори сын мой! – тяжело дыша, она остановилась перед трибуной. – Говори, это приказываю тебе я, мать твоего погибшего брата!

Фатах тряхнул головой, провёл руками по волосам, приложил руку к сердцу и начал:

– Товарищи! Мой брат, ваш брат Шамсутдин, отдал свою жизнь, защищая нашу любимую Родину. Я должен отомстить за его смерть проклятым фашистам! Я уйду добровольцем на фронт, чтобы водить танк брата, гусеницами

которого Шамсутдин, как жаб, давил проклятых фашистов. Я оставляю на ваше попечение мать и сестру, невестку и племянника. Я знаю, в трудную минуту вы не дадите их в обиду.

По площади прокатился гул одобрения.

На трибуну взошла Солтанат, высоко над головой подняла руку.

Тишина обрушилась на площадь тяжёлым бременем, сковала всех железом, сдавила дыхание.

– Проклятые из проклятых отняли моего сына и осиротили моего первого внука... Раздался протяжный женский крик...

Солтанат оглядела толпу, как будто спрашивая: «Кто посмел прервать меня?»

Все повернули головы на крик и застыли... В длинной белой больничной рубашке, босая, подняв высоко над головой завернутого в пеленки сына, шла, спотыкаясь, Патимат.

– Кто ответит за гибель отца моего малютки! Кто отомстит за кровь отца моего сироты? – кричала она, приближаясь к аульчанам.

Женщины бросились к Патимат, укутали ее платками, почти на руках донесли до трибуны. Что-то невообразимое начало твориться на митинге. Солтанат схватила внука, прижала к груди...

– Я не плачу, мой сын погиб героем! Я горжусь! Мать не обронит слёзы, пока враг жив, пока жив убийца! Кровь за кровь! Фатах, сын мой, благословляю тебя на подвиг в бою! Будь храбрым, крепко держи саблю в руках. Береги намус отца и брата. Если дрогнет твоё сердце перед проклятым врагом и ты покажешь ему спину, не видать тебе больше моего очага! Я прокляну тебя, и станет молоко мое тебе – харам!

Мать испытующе посмотрела в глаза сына.

– Клянусь перед всеми аульчанами и перед тобой, мама, – сказал Фатих, – клянусь быть честным, бесстрашным вои-

ном и верным сыном твоим. Клянусь достойно отомстить гитлеровцам за брата, за пролитую нашу кровь, за сирот и вдов, за нарушенный покой нашей отчизны! Победа или смерть! Другого пути нет, и не может быть! Клянусь!

– И мы клянёмся! – подхватили слова друга Омар и Расул. – Клянёмся!

– Клянёмся! – грозно вздохнула тысячеустная площадь. – Клянёмся! Клянёмся!

Могучим набатом ударило эхо и прокатилось громом вверх по ущельям, тревожа и поднимая все окрестные горы, от серых салатавских скал до сочно зеленеющих зубутлинских вершин.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему автор дал название всему рассказу по названию последней главы?
2. Где происходит действие и какое время описывает автор? Назовите имена главных героев рассказа.
3. Как описывается труд горцев? Почему люди работали, не жалея сил?
4. Почему Расул и Юсуп решили не показывать матери письмо о гибели сына?
5. Почему сельчане с теплотой реагируют на письмо Курбана? Какую народную традицию соблюдает Курбан?
6. Почему Солтанат не проронила и слезинки, узнав о гибели сына? О каком горском обычае говорится в тексте?
7. С какой речью обратилась мать к сыну Фатаху? Какой наказ она дает ему? Как это ее характеризует?
8. Что пожелала ребятам, решившим отправиться на фронт, Патимат?
9. Какую клятву дает Фатих перед аульчанами?
10. Как заканчивается рассказ? О чем говорит этот финал?
11. Найдите в главе «Клятва» слова и выражения, в которых автор передает мощь и силу народного единства.

**ЗУЛЬФУКАРОВ
ЗУЛЬФУКАР
АЛДАНОВИЧ**

(1927–2015)

*Прозаик, драматург;
журналист*

Зульфукаров Зульфукар родился в 1927 году в Махачкале. Журналист, писатель, спортсмен, основоположник стрельбы из лука в Дагестане, диетолог. Но всё это было после того, как он вернулся с войны, куда отправился в 16 лет добровольцем. Служил в Краснознаменной Каспийской флотилии. Был тяжело ранен. Удостоен государственных наград Великой Отечественной войны. Выпускник Литературного института им. М. Горького в Москве, работал в редакциях газеты «Комсомолец Дагестана», альманаха «Дружба». Первая его книга вышла в 1954 году – повесть «Рассвет в горах» на даргинском и русском языках. Затем выходили книги на русском языке: «В своей семье», «Честь горца». «Тайна острова Таш-Капур», «Рассвет в горах» и др. Одну из них – «Богатыри Дагестана», имевшую большой читательский успех, писатель-фронтовик посвятил знаменитым силачам и цирковым борцам Сали Сулейману и Осману Абдурахманову-Кикунинскому, а также первому дагестанскому чемпиону мира по вольной борьбе Али Алиеву.

Автор пьес «В волчьей пасти», «Вперёд смотрящие». Скончался в Израиле в 2015 г.

ЖЕНЩИНА ЗАДУМАЛАСЬ...

Знахарка была дряблая. Но это не мешало ей вертеться веретенком. Тусклые глаза ее так и липли ко всему, что было в доме и во дворе. Взгляд старушки обходил лишь хозяйку, неотступно следовавшую за ней, да чабанского волкодава, который был так велик, что свободно проглотил бы ее. Сдерживаемая цепью, собака вставала на дыбы и размеренно, как молот, бухала контрабасом: бух! бух! бух! – да так громко, что отдавалось в затылке.

– Хорошо, ох, хорошо живете! – верещала знахарка. – На радость друзьям, назло врагам. Тьфу, тьфу, машаллагь, не сглазить бы!

– Все враги друг другу, – мрачно сказала хозяйка и отворила калитку. – Все волки друг другу. Знаю. Сами своими руками всего добились. Сами. До свидания.

Хозяйка подтолкнула знахарку. Та очутилась на улице. Калитка плотно, как дверца сейфа, вошла в проем. Лязгнул тяжелый засов.

Льстивая улыбка разом слетела с лица старушки. Хозяйка ничего не дала ей. Она сказала: «Когда сын выздоровеет, тогда хорошо отблагодарю. А сейчас... За что?»

Знахарка была тогда так обескуражена, что не сумела и слова вымолвить. Теперь она дала выход гневу:

– Тьфу! – уже по-настоящему, а не по-ханжески сплюнула она и, потрясая клюкой, зашипела: «Проклятья на этот дом! Проклятья! У-у, черные душманы! Пусть несчастья совьют гнездо под вашей крышей!»

Между тем хозяйка, пробормотав заклинанье от сглазу, вошла в дом. Она посмотрела на больного сына, скользнула взглядом по мужу, заворчала:

– Сто лет назад подохнуть пора было старой карге, а она... Семь яиц! Скажет тоже! За что? За что?!

Муж одобрительно кивнул головой и сказал:

– Семь яиц – денег стоят. Ишь! Молодец, жена! Добро надо держать так, – он до белизны в суставах стиснул кулак.

– Кому это знать, как не мне, – довольная похвалой мужа, ответила жена. – Богатство копится – копейка к копейке. А если всяким ни за что яйца дарить, недолго и до суммы.

Она достала из чулка комок денег и стала считать, аккуратно складывая каждую бумажку.

– Бух! Бух! Бух! – донесся со двора лай грозного стража.

– Кого там еще принесло? – поморщился хозяин. – Нет от них покоя.

Жена спрятала деньги, вышла и вернулась с соседкой.

– Я к вам... – только и успела сказать соседка. Хозяин перебил ее:

– За деньгами. Знаю. Сами занимать думаем...

Соседка заморгала, несколько раз развела руками и, ссутулившись, ушла. Жена проводила ее и, когда вернулась, возмущенно сказала:

– Нет совести у людей. Почему, ну почему мы им должны помогать?! «Вы так живете, у вас ведь есть деньги!» Есть, но не про вашу честь! Есть, но они наши!

– Нет, не умеют люди жить, – поддержал ее муж. – Сладко поесть хотят, красиво одеться, в кино, театр пойти... А нам нужна будет помощь – никто руку не протянет. Будем подыхать под забором, как паршивые собаки, никто глазом не поведет, никто не спросит, что случилось, что нужно. От людей надо держаться подальше. Кроме зла от них ничего не дождешься.

...На следующий день ребенку стало хуже, знахарка не помогла. Хозяин сказал:

– Ну вот... Семь яиц! Семь пуль ей в голову, вороне! Врачи бесплатно лечат. Отнеси ребенка в больницу.

Жена с готовностью завернула сына, прижала у груди и вышла из дома.

Раскисшая после дождя дорога уходила из-под ног. Сын по-взрослому хмурился и безучастно смотрел в небо. В него словно вливался свинец – он тяжелел с каждым ее шагом. Вскоре руки женщины одеревенели, ноги не ощущались. Они стали как ватные и подкашивались.

Тоскливый взгляд женщины переходил с посеревшего личика сына на бесконечную дорогу, и ее сердце леденело.

«Как же я дойду? – бился в голове горестный вопрос. Как я дойду? Сгорит, ох сгорит, мой бесценный! – и она прикоснулась щекой к горячему лбу сына.

Ее нагнал гудок автомашины. Она отошла к кромке дороги, оглянулась.

Шофер остановил грузовик, открыл дверцу кабины:

– Садись!

Женщина шагнула к машине, но тут же замерла, вспомнив, что не захватила из дому денег. А разве без денег...

– Скорей, скорей! – прикрикнул шофер.

– У меня нет... Я забыла... Деньги дома забыла. Шофер остервенело выкатил глаза и заорал:

– Какие деньги?! Какие деньги?! Дура! Приспичило с ребенком на руках по грязи шляться! Садись, тебе говорят!

Женщина села. Грузовик тронулся. Шофер покосился и забубнил:

– Деньги! Надо же! Бабы... Не сидится им дома. Моя бы воля, клянусь радиатором, я бы им...

Тут он взглянул на ребенка и осекся. Сбавил ход и снова, уже внимательно, посмотрел на мальчика.

– Да, братцы мои! Дело-то не шуточное, – сказал он задумчиво, потом покрутил головой, поцокал языком и добавил: – Нет, тут быстрее надо. Держись-ка крепче.

Он высадил женщину с ребенком у ворот районной больницы, прокричал вслед:

– Через три часа буду назад ехать! Здесь жди! Ясно? – и укатил.

Врач осмотрел малыша, и его доброе лицо потемнело, стало сердитым.

– Сразу надо было, сразу! О чем думала, мамаша? Ждала, когда знахарка сглаз отведет, а?

Женщина пригорюнилась, сморгнула слезу. Врач засуетился, снова подобрел.

– Ну, ладно, ладно... Все хорошо. Пустяки. Ерунда, а не болезнь... Пустяки, пустяки, говорю... Вот мы сейчас...

Он еще раз заглянул ребенку в рот. Мальчик заплакал. Врач быстро его успокоил. Постукал по груди, спине, пощупал пульс.

– Ну вот, ну вот, – сказав так, он написал рецепт, протянул женщине. – Давай ему. Через день-два будет козленком прыгать, – и попросил медсестру:

– Помоги ей, дочка, доведи до аптеки.

Медсестра забрала у женщины ребенка и всю дорогу забавляла его смешными куплетами и ужимками. Мальчик несколько раз улыбнулся, и эти улыбки, как в зеркале, отражались на лице матери.

У входа в аптеку медсестра отдала сына матери, на прощание скорчила уморительную гримасу и ушла.

Женщина взялась за ручку на дверях аптеки, но, похолодев, отдернула руку: вспомнила, что денег на лекарство у нее нет.

Она долго стояла у входа. Потом беспомощно вздохнула и села на грязную ступеньку. Она изо всех сил старалась сдержаться, но слезы не подчинялись ей и ползли-ползли по щекам. Ветер трепал листок рецепта, который она бережно держала за самый кончик.

Мимо прошла девушка с книгами под мышкой. Остановилась. Вернулась. И стала перед женщиной. Та подняла на нее глаза. Девушка смущенно улыбнулась и сказала:

– Дай, сестра, рецепт мне. Дай, дай.

Она выхватила листок из руки женщины, вбежала в аптеку, потрогала ребенка за подбородок.

– У-у, какой хороший мальчик, – сказала она и исчезла прежде, чем женщина успела что-либо проговорить.

Женщина растерянно улыбнулась. Заплакала. Еще раз, сквозь слезы, улыбнулась сыну, задумалась.

Ей было о чем подумать...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какими жизненными принципами руководствуются Хозяйка, героиня рассказа, и ее муж?
2. Покажите на примере из текста, что свои некрасивые поступки люди часто обосновывают понятием совести. А что вы вкладываете в понятие «совесть»?
3. В чем смысл названия рассказа? Что заставило героиню рассказа задуматься и чем вызваны ее слёзы?

**ИЗГИЯЕВ
СЕРГЕЙ
ДАВЫДОВИЧ**

(1922–1972)

*Поэт, драматург,
переводчик*

Изгиyев Сергей родился 24 ноября 1922 года в г. Дербенте. В 30-х годах XX в. его отца часто навещали татские ашуги Хизгил Эмин Дадашев и Шаул Саманду, они привили Сергею любовь к родному языку и стали приобщать его к познанию татского фольклора. Позже его литературными наставниками стали татские писатели Дубия, Миши Бахшиев, Хизгил Авшалумов.

С. Изгиyев окончил отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В годы Великой Отечественной войны служил в погранвойсках Закавказского военного округа. Демобилизовавшись в 1946 году, работал редактором татского радиовещания в г. Дербенте, позже – в газете «Красное знамя», выходящей на татском языке, инструктором Дербентского горкома КПСС, председателем колхоза «Дружба», заведующим отделом культуры райисполкома. Член Союза писателей СССР с 1966 года. Стихи писал со школьных лет. Первые публикации появились в 1947 году на страницах газеты «Красное знамя», позже – на страницах татского альманаха «Советская Родина».

Им переведены на татский язык стихи С. Стальского, Г. Цадасы и сборник стихов Расула Гамзатова «Высокие звезды». В дагестанских издательствах вышли его книги «Любовь и судьба», «Обычай у нас таков», «Стихи и поэмы».

ЧТОБЫ ОТЧИЗНУ ВОСПЕТЬ

Я взлечу к небосводу, как птица мечты,
Чтобы цели достичь, что поставила ты.

Не для красного слова, как бывает средь нас,
Облетел бы я землю до тысячи раз!

Не бездомная птица – та, что никогда,
Как кукушка не знает родного гнезда.

Для поэта ты, Родина, – честь и любовь,
Как ему не гордиться землёю отцов.

Для меня мои крылья – напевы мои
Об Отчизне, о дружбе, о верной любви.

Потому и хочу я весь мир облететь.
Чтобы Родину в странах далёких воспеть!

СЫНУ

Сын мой, опять о тебе пою.
Сын мой, опять над тобой стою.

Не над тобой стою – над землёй.
Встань лучше ты, а меня зарой.

Трижды горел я на трёх фронтах.
Все понимал я в людских смертях...

Был молодым, сердце – гранит.
Сделался старым – сердце болит.

Вечно ты был на ногах крепыш,
Ты ли недвижно в земле лежишь?

В детстве смешинка попала в рот.
Ты ли молчишь двадцать пятый год?

Кажется мне – рухнут сейчас
Горы, в которых овец ты пас.

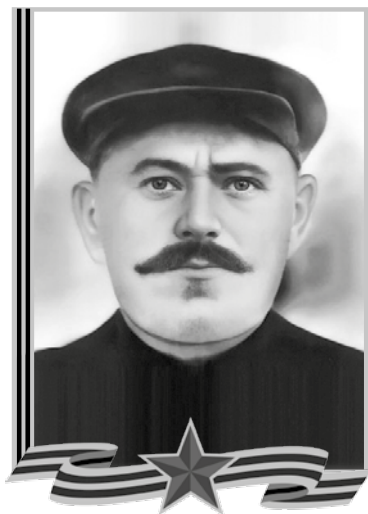
Дулом, не палкою чабана
Похолодила руку война.

Ах ты, война, поперёк судьбы!
Сын мой, прошу тебя подсоби,

Встанем вдвоём, где один стою,
Втопчем её в могилу твою.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие ключевые слова вы бы выделили в стихотворении «Чтобы отчизну воспеть»?
2. Назовите приём художественной выразительности, на основе которого строится всё это стихотворение?
3. Какие важнейшие человеческие ценности воплощены для лирического героя в образе Родины?
4. Чем объясняется трагическое звучание стихотворения «Сыну»?
5. Что мы узнаём о сыне поэта? В каких строках особенно остро переданы боль отца и сила его духа?
6. Какие произведения русской или дагестанской литературы вы знаете, в которых раскрыта трагедия семьи и в то же время показана преемственность поколений, глубокая духовная связь между отцами и детьми?

**ИМИНАГАЕВ
АЗИЗ
ИМИНАГАЕВИЧ**

(1892–1944)

*Поэт,
сатирик*

Поэт-сатирик, один из основоположников даргинской советской литературы А. Иминагаев родился в бедной крестьянской семье в дагестанском селении Аймау-Махи (ныне Сергокалинский район ДАССР). Родители хотели дать ему религиозное образование и отдали учиться в медресе. Азиз изучил основы ислама и Коран. Полученные знания помогли ему в дальнейшей жизни и творчестве.

Его детство и отрочество прошли в Аймаумахи. Бедная жизнь безземельных крестьян заставляла уезжать из родных аулов на заработки в города. Азиз Иминагаев не был исключением. Ему пришлось в поисках работы побывать в разных городах: Порт-Петровске, Кизляре, Грозном, Дербенте и Баку. Где бы Азиз ни работал, он был свидетелем жестокой эксплуатации и несправедливости. Свои чувства, мысли по поводу всего увиденного и пережитого Азиз Иминагаев выразил в стихотворении «Жизнь рабочего» (1910 г.), в котором создал символический образ человека труда, описал тяжёлую жизнь рабочего класса.

Ему принадлежат первые в даргинской поэзии стихи о возрожденном крае, о жизни горцев Дагестана («Октябрь», 1938, «Здравствуй, Октябрь!», 1939, и др.). С именем поэта связано сатирическое направление в даргинской литературе. Многие его стихи носят агитационный характер, направлены против старых обычаев («Долой кинжал», «О моих трудностях», «Жалоба свиней» и др.), религиозного дурмана, недобросовестного отношения к труду и т. д.

Азиз Иминагаев был участником трёх войн: Первой мировой войны, Гражданской войны и Великой Отечественной войны. В 1914–1918 гг., находясь в действующих войсках и пройдя пол-Европы, он увидел страдания и боль солдат и простых людей нашей страны. Все это привело его в строй революционно настроенной части населения, которое начинало борьбу за свободу. В годы гражданской войны поэт принимал участие в установлении Советской власти в Дагестане, командовал партизанской сотней. По окончании гражданской войны Азиз Иминагаев активно включился в работу по созданию нового, свободного и процветающего общества. Он работал учителем, а с 1926 года – в редакции даргинской газеты. Член Союза писателей СССР с 1936 года. Обладая незаурядным поэтическим талантом, в своих произведениях он хвалил и ставил в пример всех людей, активно принимавших участие в строительстве нового молодого государства. Также в своих произведениях («Учись товарищ», «Получайте образование») он призывал молодежь учиться, получать образование и интеллектуально развиваться. Первый сборник его стихов «Сердце моё» на родном языке вышел в свет в Даггизе (Дагестанское государственное издательство) в начале 1941 года.

С первых дней Великой Отечественной войны поэт, несмотря на болезнь, находится в армии. В стихах, написанных в военные годы, он, используя свой опыт поэта-агитатора, поэта-газетчика, поэта-сатирика, воспекает героизм советского народа на фронте и в тылу, выражает

любовь к родине, чувство воинского братства, презрение к врагу. В 1944 году А. Иминагаев в связи с состоянием здоровья демобилизуется, возвращается в Дагестан, в своих стихах воспеваает героизм советского народа на фронте и в тылу. Однако состояние здоровья с каждым днем все ухудшается, и он, не дожив до светлого Дня Победы, умирает.

Азиз Иминагаев, так же как и Г. Цадаса, С. Стальский, М. Алибеков и др., внёс значительный вклад в развитие сатирического жанра.

НА СТРАЖЕ

Пусть помнит враг заклятый –	У нас крепки запоры
Нас не сломить уже.	И негибаем меч.
Советские солдаты	
Стоят на рубеже.	А коль захочет кто-то
	Прийти к нам без вражды,
Пусть тучи грозовые	Мы распахнем ворота
Пугают – быть беде.	В цветущие сады.
Посты сторожевые	
Расставлены везде.	Но пусть запомнит враг,
	Грозящий нам войной –
Пусть знает вражья свора,	В пороховницах порох
Чтоб Родину сберечь,	Всегда у нас сухой.

1940 г.

ПРИЗЫВНИКАМ

Окончится юность внезапно,	И, если стране будет нужно,
В ночи загудят поезда...	Вы честно умрёте в бою.
Бойцами вы станете завтра,	
Разъедетесь все, кто куда.	Недаром за тихой границей
	Тревожный гудок закричал,
Страна вам доверит оружие,	На месте врагу не сидится,
Поставит на стражу свою,	Не спится ему по ночам.

Он силы свои собирает,
Ощерив клыкастую пасть,
С утра до темна он мечтает
На Родину нашу напасть.

Но дали на верность присягу
Уже молодые бойцы

Отчизне и красному флагу,
Чтоб ими гордились отцы.

Пусть тёмная сила страшится
Грозить нападением нам,
Доверена наша граница
Надёжным и честным

сынам.

1940 г.

ПОБЕДА ЗА НАМИ

Если в доме нет опоры,
Он в беде не устоит,
И любая буря скоро
Сквозняком его пронзит.

Если нет у фронта тыла,
Не продержится и дня.
Крепкий тыл – источник силы
И надёжная броня.

И пока бойцы устало
Бьются на передовой,
За Москвой и за Уралом
Фронт проходит трудовой.

Наши женщины и дети.
Там воюют дотемна.

Приближает нас к Победе
Вся огромная страна.

Танки, пушки и снаряды,
Рукавицы и кашне –
Это все солдату надо,
Будто воздух, на войне.

И кисет, расшитый детской
Неумелюю рукой,
Согревает наше сердце
Перед бурей огневой.

И в годину битвы грозной
Помни, наш заклятый враг,
Что разжать совсем не просто
Пальцы, сжатые в кулак.

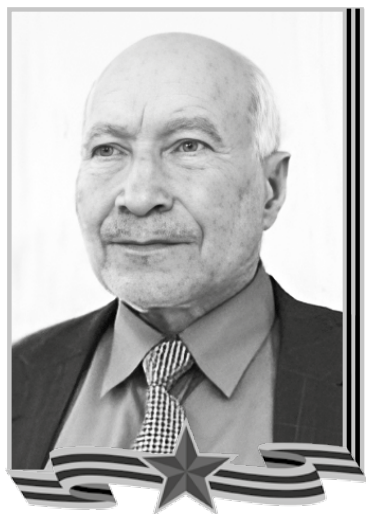
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что объединяет все произведения поэта? С каким напутствием обращается поэт к призывникам?
2. Какова основная тема стихотворения «Победа за нами»? Каким словом можно ее выразить?
3. Какую ключевую роль играл тыл в Великой Отечественной войне? Какую параллель проводит автор, чтобы показать значимость тыла для победы над врагом?
4. Только ли материальная помощь (танки, пушки, снаряды...) важна была бойцам на передовой? Что согревало сердца бойцов «в годину битвы грозной»?
5. Как автор показал уверенность в победе? Прочитайте эти строки. Что важно для победы? Как он говорит о сплочённости народа на фронте и в тылу?

**КАЗИЕВ
ИСКЕНДЕР
АЛИКБЕРОВИЧ**

(1924–2019)

Прозаик

Лезгинский прозаик Искендер Казиев родился в 1924 году. В феврале 1942 года, едва исполнилось восемнадцать лет, Искендер Казиев ушел добровольцем на фронт. Будущий писатель сражался на перевалах Главного Кавказского хребта, не раз участвовал в рукопашных схватках, неоднократно ходил в тыл врага как разведчик батальона. Раненый и обмороженный, он попадает в госпиталь. А когда выписывается из госпиталя, его направляют в одну из частей противотанковой артиллерии. В составе этой части он и закончил войну под Кёнигсбергом. Имеет боевые награды. После войны Искендер Казиев долгое время работал в печати и на радио, редактировал альманах «Дуствал» на лезгинском языке. Перу Искендера Казиева принадлежат романы «На земле смоленской», «Утренние зори», «Мелодии чунгура», «Разведчики», «Юный всадник» и др. Много сил и времени отдал Искендер Казиев собиранию лезгинского фольклора и фольклора братских народов Закавказья, живущих в лезгинских районах. Он собрал и сдал в рукописный фонд Дагфилиала АН СССР лезгинский народный эпос «Шарвили».

РАЗВЕДЧИКИ

Разведчики уже три дня ждали удобного случая для перехода вражеских позиций. Наконец им повезло. Еще с утра начал моросить мелкий дождик, а к вечеру весь горизонт заволокло тучами. Ночь обещала быть тёмной и глухой. Луна была закрыта облаками.

Два разведчика, старший сержант Кравченко и рядовой Самед Баба-оглы, одетые в новенькое фашистское обмундирование, стояли у землянки штаба полка и вели оживленную беседу с Лидой. Собственно, говорил только Сергей, Самед по обыкновению молчал. Вскоре к ним подошли Фатхула и начальник штаба полка майор Демченко. Лида тут же отошла в сторону.

– Итак, товарищ младший лейтенант, – начал Демченко, – задание у вас сложное, но выполнимое. – Он внимательно взглянул на Фатхулу, будто еще раз оценивал нового командира взвода разведки. – Выполнимое! Сейчас фашисты начали строить во втором эшелоне обороны железобетонные укрепления. Особенное внимание они обращают на каменные здания в городах. Опорные пункты нас могут задержать. Нам известно, что в Золочеве и Богодухове готовятся железобетонные сооружения. Ваша задача пройти в село Н. Оно находится в 20 километрах отсюда. Там свяжитесь с подпольщиками, получите у них схемы железобетонных точек этих городов. Доставить их в штаб надо как можно скорее. Задача ясна?

– Ясна, товарищ майор! – ответил Фатхула.

– Приступайте.

Из темноты появилась Лида. Фатхула невольно сделал шаг ей навстречу. Они обнялись.

– Счастливо возвращаться, – сказала Лида.

Разведчики исчезли в ночи. И долго еще Демченко и Лида смотрели в ту сторону, куда ушли Фатхула, Сергей и Самед. Они мысленно напутствовали разведчиков: «Счастливо возвращаться!», и у Лиды было так тревожно на сердце, как никогда.

При каждой вспышке ракеты разведчики плотно припадали к земле, будто хотели слиться с нею. Но вот ракета, рассыпаясь тысячами искр, гасла, они поднимались и снова бежали вперед. Начались вражеские укрепления: колючая проволока вокруг деревянных столбов. Самед достал плотные брезентовые рукавицы и осторожно оттянул проволоку. Сзади подполз Сергей. В руках у него ножницы-кусачки. Щелк, щелк – и паутина проволоки распалась. Дорога открыта.

«Сейчас выйдем на минное поле», – прошептал Фатхула. Еще десяток метров мокрой земли, и Фатхула разглядел во тьме первое углубление. Здесь, как яйцо в гнезде, лежала небольшая мина. «Странно, – подумал Фатхула, – почему она не засыпана? Подползли Сергей и Самед и начали обезвреживать мины.

Через полчаса разведчики вышли к вражеской траншее. Где-то далеко, переключаясь, строчили пулемёты, в траншее слышался разговор двух людей.

Резкий, каркающий голос ругал кого-то за отсутствие сигарет.

Фатхула немного нервничал. Как перейти вражескую траншею? Остаться дальше перед передним краем нельзя, фашисты могут обнаружить разведчиков, и тогда вся операция окончится неудачно.

Фатхула обернулся к Сергею и прошептал: «Переходим, один за другим». Он еще раз прислушался к ночным звукам и ловко перепрыгнул через окоп. За ним последовали Сергей и Самед.

Опасность не уменьшилась. Со всех сторон их окружали теперь фашисты. Во тьме слышалось: «Хаст ду шнапс? Гиб мир айне сигаретте! Гутен таг, Карл! Ганс ист гефален». Каждая немецкая фраза мгновенно отпечатывалась в сознании разведчиков, каждый шорох настораживал их. Они двигались быстро, как тени, думали об одном – пройти!

«Хорошо, что не напоролись на слухачей», – отметил про себя Фатхула. Да, слухачей они действительно не встретили. На всём пути от своей траншеи до самого конца минного поля не было ни одного гитлеровца. А сколько операций, начатых разведгруппой, провалилось из-за вражеских слухачей! Они подползали к нашим траншеям и замирали до рассвета. О каждом движении слухачи сообщали своим. Затем фашисты принимали контрмеры, и разведчиков обычно засыпали градом мин. Но сегодня переход прошел удачно. Фатхула мог только радоваться этому.

На пути стоял низкий густой кустарник. Разведчики заползли в него и могли чувствовать себя, хотя бы на время, в полной безопасности.

И вдруг где-то под ними прозвучал незнакомый голос. «Как бы то ни было, – ораторствовал какой-то солдат, – в запасных полках гораздо легче. У них питание похуже, зато отдыхают вволю».

Взвилась ракета. Она пронизала темноту молочным светом. Фатхула выглянул из кустов и вздрогнул. Разведчики находились почти на краю наката землянки.

В открытую дверь выливался неровный свет свечи. Она стояла на высоком деревянном ящике, рядом с которым примостился солдат. Голова солдата была опущена. Он держал в руках ботинок и ковырял в нем штыком винтовки. Видимо, это он расхваливал прелести службы в запасных полках.

Дальше, почти скрываясь в полутьме, виднелась фигура другого солдата. Он сидел на нарах, прислонившись спиной к стойке, и внимательно осматривал нижнюю рубашу. Из открытой двери землянки несло запахом горечи и пота. Здесь, по всей видимости, жили одни солдаты.

Ходить по накату землянки было опасно. Шорох мог выдать разведчиков. Фатхула хотел уже сползти обратно, как из двери вырвалась ракета. Выстрел был похож на хлопок бутылочной пробки. Вслед за этим раздался громкий смех. В землянке стало шумно. Густой бас заорал: «Если ты не

прекратишь свои шутки, Вилли, я намылю тебе рожу твоим же ботинком!»

Фатхула несколько мгновений лежал на крыше землянки. Газы от взорвавшейся ракеты ударили ему в лицо, и на секунду глаза его заволочла темнота. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы протереть глаза, а затем Фатхула начал медленно спускаться с наката. Он дотронулся ногой до плеча притаившегося сзади Самеда, и тот, поняв это как приглашение следовать за командиром, отполз назад. Обойдя землянку, разведчики снова вошли в кустарник.

На небе появилась луна. Она долго боролась с тёмным массивом туч, пыталась прорвать их заслон, и, прорвав его, наконец, засветила пронзительным серебряным светом. Фатхула досадливо цокнул языком: при лунном свете ползти по открытым местам было невозможно.

Дождь не прекращался, земля покрылась тепловатым массивом грязи. Фатхула не нашел выхода, как встать во весь рост и добраться до первого настоящего укрытия.

Стремительно шагая по кустарнику, разведчики вышли на бугорок, спустились по отлогой, почти незаметной тропинке и попали в небольшой овражек, вырытый весенними водами. Здесь они притаились, ожидая, что луна наконец спрячется.

Не успели они присесть, как Кравченко заметил тень человека, вышедшего на бугорок. Это был патруль. Он остановился, посмотрел в сторону овражка, потом закинул автомат за спинку и исчез. Кто знает, что почудилось ему? Может быть, он слышал шорох шагов? Все-таки что-то заставило его насторожиться.

Через несколько минут со стороны бугорка раздались голоса нескольких фашистов, потом лай собаки, потом на бугорок вышли три человека. Один из них был прежним патрулем, второй, здоровенного вида парень, держал на длинном поводке худую овчарку.

Разведчики совсем слились с землей. Сердца их дрожали от предчувствия беды.

Патруль напряжённо всматривался в темноту. Затем повернулся в другую сторону и сказал: «Темно, как в преисподней».

Пёс на поводке, рыча, тянул второго фашиста к оврагу.

– Замолчи, Барс, что с тобой? – недовольно проговорил тот и со злостью дернул поводок.

Собака, очевидно, по нюху почувствовала присутствие впереди людей. Кто знает, что было бы, если б кто-нибудь из них шевельнулся. Тогда даже втроём фашисты не удержали бы собаку.

– Терпеть не могу такого дождя, – сказал третий солдат. Он поднял воротник прорезиненного плаща. – Идет понемногу, будто испорченный водопровод. И тёплый какой-то...

Пес залаял вновь.

– Йозеф, – сказал солдат, недовольный дождем, – отпусти собаку. Может быть, поблизости русские?

Фатхула невольно поежился. Он неплохо говорил по-немецки, но ещё лучше понимал язык. «Придётся стрелять», – пронеслось в голове. Он почти не дышал, но сердце билось сильно, а Фатхуле казалось, что именно оно и выдаёт разведчиков.

Инстинктивное движение Фатхулы было понято Самедом и Сергеем как приказание. Они ждали команды командира, а пока держали наготове автоматы и гранаты. Но Фатхула, стиснув зубы, молчал, зорко всматриваясь в темноту.

– Барс ничего не видит, – сказал здоровенный парень, – он злится от каждого пустяка. Ему всё равно: солдаты ходят за три версты, птица взлетит – он рычит днем и ночью. Рычание стало его привычкой.

Фатхула облегчённо вздохнул. Еще минуту назад он мысленно наметил план действий: он стреляет в собаку, потом бросает гранату на бугор и скрывается с товарищами. Куда скрывается, Фатхула предусмотреть не мог. Это выяснилось бы потом.

Тучи постепенно затягивали луну, будто чёрное полотно закрывало ослепительно сияющий диск. Света было все меньше и меньше, и наконец все покрылось мраком.

– А знаете, – неожиданно начал рассказывать третий солдат, – русские разведчики появляются и исчезают словно призраки. Вот когда мы были под Воронежем... – договорить он не успел, потому что пёс, заметив шевельнувшегося разведчика, рванулся вперед. Собака чуть было не сорвалась с поводка у солдата.

– Барс, молчи! – закричал Иозеф.

– Дай ему сахару, успокой его, – посоветовал солдат, рассказывавший о разведчиках. Он был зол на собаку, она помешала ему довести до конца эту интересную историю, случившуюся под Воронежем.

Иозеф достал из кармана френча какой-то комок, по-видимому, кусок сахару, и дал его собаке. Пёс, рыча и похрустывая, начал есть. Иозеф потянул поводок и вместе с двумя другими солдатами скрылся за бугром.

Кравченко захватил рукой горсть листьев с кустов и вытер ими лоб. «Ну и дела», – вздохнул он с облегчением.

Как только стих разговор удаляющихся фашистов, разведчики поползли вперед. Позади осталось метров пятьдесят-шестьдесят. Начался лес. И вот здесь Фатхула неожиданно наткнулся на спящих солдат. Всюду под открытым небом спали люди. Кое-кто завернулся в плащ-палатки, а другие – просто-напросто лежали на траве, подложив под голову шинель. В лесу было сыро, только очень усталые солдаты могли вот так лечь на землю и спать, не обращая внимания ни на морозящий дождь, ни на пропитанную водою траву.

Между редких деревьев прохаживались патрули с автоматами. С ними часто заговаривали солдаты, лежавшие на земле. Одному понадобилось прикурить, второй попросил сигарету. Кому-то просто не хотелось спать, и он, остановив патрулирующего дружка, что-то весело рассказывал ему. Изредка сквозь темноту ночи просвечивал глазок карманного фонаря. Это дежурный унтер-офицер будил тех, кому нужно было заступить на посты или сменить солдат патруля.

Луны теперь совсем не было видно. Тени деревьев сгущали темноту до смоляной черноты. И это помогало разведчикам. Каждый раз, когда они видели патрулирующих солдат, Фатхула, а за ним Сергей и Самед припадали к траве, стараясь быть поближе к спящим людям. Патрули удалялись, и разведчики снова тихо, осторожно двигались вперед. Ноги разъезжались на скользкой от дождя земле, но напряжение, собранность сделали разведчиков особенно точными в движениях. Казалось, их тела стали легче, шаги пружинистее, взгляды острее.

– Ах! – вскрикнул вражеский солдат. Его задела ветка, отброшенная ногой Фатхулы. Фашист недовольно тер измятую во сне щеку и таращил глаза. «Ты слепой, чёрт тебя возьми?!» – громко бранился он.

Фатхула нагнулся. «Извини, – по-немецки сказал он, – не заметил». Голос, попросивший извинения, быстро удалялся. Фашист что-то пробурчал вслед ему и улегся спать.

Разведчики продолжали идти...

– Стой, пропуск! – раздался оклик патруля. Вражеский солдат не видел ни тени, ни человека, но ему слышались осторожные, шелестящие шаги. Фатхула, Сергей, Самед припали к земле. Над ними светлой ниткой протянулся луч карманного фонарика. Патрульный солдат долго осматривал спящих на земле людей: тишина, сонное царство. «Это был ветер», – подумал он. Но рука его с карманным фонарем инстинктивно двигалась из стороны в сторону, и лучик света то останавливался на измазанных грязью солдатских ботинках, то покрывал бледные лица сынов фатерланда.

Фатхула лежал бок о бок с каким-то храпящим солдатом. От него едко пахло потом. Создавая видимость привольно спящего человека, разведчик осторожно положил руку на плечо фашиста. И когда фонарик осветил Фатхулу, вид его не заронил никаких сомнений в душе патруля. Он погасил фонарь, повернулся, раздвигая ветки низкорослых деревьев, ушел.

Но он тут же остановился и заговорил с кем-то. Разговор этот вновь насторожил Фатхулу.

– Нет ли у тебя огня? У меня спички кончились.

– Я не курю. Пойди разбуди кого-нибудь из солдат, у них огонёк найдется.

Послышались неторопливые шаги. Кто-то приближался к разведчикам. Фатхула весь сжался от предчувствия беды. Что если солдат попросит спички у Самеда, который почти не знает немецкого языка? Или у Кравченко, который говорит по-немецки с ужасным украинским акцентом?

«Пусть он подойдёт ко мне», – мысленно повторял Фатхула. И опять разведчикам повезло. Фатхула лежал с самого края, и именно к нему обратился вражеский солдат.

Он осторожно похлопал Фатхулу по плечу и спросил:

– Дружок, нет ли у тебя огонька?

– У-у-уф, – вздохнул Фатхула. Он потянулся и посмотрел на фашиста, зажмурив глаза. Солдат осветил его фонарём и еще вежливее сказал:

– Курить хочется, а спичек нет. Дай, пожалуйста.

Фатхула открыл глаза, вздохнул и опять лег. Фашист потряс его за плечо. Тогда Фатхула присел и, не раскрывая глаз, произнес вопрошающе: «А-а?» Солдат повторил в третий раз свою просьбу.

Фатхула достал из кармана зажигалку и передал ее гитлеровцу.

Тот зажег сигарету и поблагодарил: «Данке».

Играя человека, смертельно желающего спать, Фатхула думал лишь об одном: только бы гитлеровец не пытался завести с ним разговор о пустяках, как это делают скучающие солдаты. Но фашист тут же ушел.

Огонёк сигареты был виден еще некоторое время, затем пропал. Через минуту с той стороны, куда направился солдат, слышались голоса, но и они вскоре затихли.

Спящих солдат попадалось все меньше и меньше. Лес кончился, теперь вокруг были открытые поля, холмики и овраги... Линия обороны врага была пройдена.

Утром пахнет свежестью. На кустах, на траве бриллиантовые капли холодной росы.

Разведчики шли под прикрытием деревьев, кустов. Обходили поля. Использовали каждый овражек для того, чтобы продвинуться еще на несколько десятков метров вперед. Они оставили слева маленькое село Красное, перешли железную дорогу и углубились в редкий лес...

Еще не наступил вечер, когда Фатхула, Сергей и Самед приблизились к селу Н. Теперь нужно было найти дом с деревянным аистом над трубой. Этот дом и был явкой, через которую можно было найти подпольщиков. А у них разведчики должны были получить схему железобетонных сооружений двух городов – Богодухова и Золочева.

«Плохой ориентир этот аист», – думал Фатхула и грыз тонкий стебелек травы. Разведчики лежали на опушке леса, в нескольких десятках метров от околицы села. Теперь маскировка была уже не нужна, и они надели поверх фашистских мундиров обычные маскхалаты.

Всё село состояло из трех кварталов. Людей на улицах совсем не было. Только около крайнего дома на маленьком огорожке ковырялся лопатой человек с деревянной культяпкой вместо ноги. Рядом с ним сидела на корточках девочка лет пяти-шести. Она что-то подавала одноному человеку.

По улице шла, согнувшись, старуха в черном монашеском платке. За ней тащился худой мужчина. Он вел в поводу такую худую, как и он сам, лошадь.

Неожиданно раздались крики «как ... ка..а-ак». Это пролетела стая ворон.

Стало темнее. Жалкое, отчаянное зрелище представляло собой полусожженное, затихшее село. Чем-то напоминало оно старое, ветхое кладбище.

Фашистов здесь, по всей видимости, не было. Но осторожность не мешала. Самеда Фатхула оставил на опушке

леса, а сам вместе с Сергеем решил пойти на поиски дома с деревянным аистом. Они вышли на улицу, слабо освещенную бледной луной, и стали ощупывать глазами крыши домов. Около одного дома разведчики наткнулись на склонившийся телеграфный столб. Фатхула внимательно разглядывал его верхушку. Телефонных проводов на нем не было. «Отлично, – подумал он, – значит, гитлеровцев в селе нет, это точно».

– Кажется, этот, – сказал Сергей, остановившись около маленького дома, на крыше которого темнел какой-то предмет. Они перешагнули свалившийся плетень и подошли ближе. Нет, на крыше строения, кроме развороченной трубы, не было больше ничего.

Они прошли всю улицу и стали приближаться к зданию, похожему на школу.

– Петька! – предостерегающе закричали из-за угла здания. Фатхула и Сергей оглянулись. Всё, что удалось увидеть им в следующую секунду, надолго запечатлелось в памяти разведчиков. У стены школьного здания, согнувшись, почти на четвереньках стоял паренёк лет двенадцати. Другой паренек взгромоздился ему на спину и приклеивал к стене небольшую бумажку.

– Петька! – закричали снова, и мальчишки вмиг прыгнули за угол. Они походили на вспорхнувших воробьев.

Фатхула и Сергей подошли к стене. Листовка! Самая настоящая листовка белела на опаленной гарью стене.

«Советские люди! – начал читать Сергей. – Приближается освобождение от фашистского ига. Наша армия, уничтожая гитлеровцев, идет на запад...»

– Ну, пошли, – с тревогой сказал Фатхула. Долгие бесполезные поиски могли затянуться до утра.

Они обошли все три улицы. Но в селе не было ни одного дома с фигурой аиста на крыше. Фатхула решил пойти на риск. Он и Сергей постучали в окно крайней хаты, стоявшей почти вплотную к опушке. Сначала никто не откликнулся. Потом, после того как Сергей постучал во второй раз,

открылась дверь и испуганный женский голос спросил: «Что вам?» На пороге появилась девушка в наброшенной на плечи красноармейской шинели без погон и петлиц.

– Что вам? – вновь повторила она, ёжась под взглядом разведчиков.

– Где тут дом старосты? – спросил Кравченко.

– Не знаю, – девушка попыталась спрятаться за дверью, – вы лучше у других спросите.

Фатхула чувствовал, что она знает, где живёт староста. Но, боясь навредить и себе, и другим, увиливает от ответа.

Взявшись за створку двери, Фатхула приблизил своё лицо к испуганным глазам девушки и с угрозой проговорил: «Припомните, где тут дом старосты!»

– Староста живет в доме с зелёной крышей, – сказала она. Потом, видимо, вспомнив, что на улице темно и разглядеть цвет крыши будет невозможно, девушка поправила: – Это третий дом с краю по левой стороне.

Фатхула выпустил дверь и, тронув Сергея за рукав, шагнул с крыльца.

Дом старосты, большой, с широкой верандой, выглядел так, будто его совсем не коснулась война. И частокол, добротный, спутанный колючей проволокой, говорил, что живут здесь солидные хозяева. Собаки во дворе не было. Это обрадовало разведчиков. Будь здесь собака, пришлось бы повозиться.

Перемахнув через калитку, они прошли вдоль глухой стены, и Фатхула, нащупав ручку двери, постучал в плотное дерево прикладом автомата. Занавеска в одном из окон заколебалась. Фатхула заметил большие тёмные глаза незнакомому человека и немедленно отступил от двери.

В коридоре послышались шаги. «Кто там?» – недовольно спросил мужчина.

– Мне нужен староста, – тихо сказал Фатхула, – позовите старосту.

– Я староста! – откликнулся голос. – Что нужно?

– Хочу купить у вас мебель, – сказал Фатхула. – Не продадите ли мебель?

Фатхула ждал, что ответом ему будут слова: «Мебель продана, осталось только одно зеркало». Но староста молчал, и следующая фраза пароля застряла у Фатхулы в горле.

Трижды выстрелил пистолет в коридоре.

– Открой дверь, предатель! – закричал Фатхула. – Сейчас брошу гранату! Считаю до трех, открой дверь, подлюга!

«Что-то тут не так, – лихорадочно думал Фатхула. – Староста – подпольщик. Но почему он тогда не откликнулся на пароль? Почему на крыше его дома нет никакого аиста? Он изменил! Он продался фашистам! Как же быть со схемами? Предатель, наверное, передал их в руки врагов!»

В коридоре слышались разговоры, шорох, повернули легкую вещь, потом запричитала и заплакала женщина,

– Я открою, – плаксиво заговорила женщина из-за двери, – только не убивайте нас... не убивайте нас...– Дверь открылась. Луна мягко осветила небольшой коридорчик. В углу, на смятой соломенной корзине сидел полный человек с тёмными испуганными глазами. Это был староста. Женщина стояла чуть в стороне.

– Пощадите меня, – вздрогнув, сказал староста. Он никак не мог удержаться на крышке корзины, ноги его в ночных мягких туфлях всё съезжали к Фатхуле.

– Пощадите меня и мою больную жену, – тем же тоном повторил староста.

– Где пистолет? – спросил Сергей. Староста молча протянул руки к двери. Там у самого порога валялся немецкий браунинг.

Фатхула связал старосте руки и повёл его в глубь дома. Сергей подталкивал в спину заплаканную женщину. Она шла, спотыкаясь, как слепая, и все время повторяла: «Я ж прислуга, я ж тут прислуга».

Не успели они войти в следующую комнату, как раздался громкий крик. Кричала полная женщина, лежавшая на кровати.

– Это моя больная жена, – сказал староста.

Увидев Сергея, женщина начала визжать еще сильнее.

– Замолчи! – сказал Кравченко.

Но жена старосты не унималась. Тогда Сергей завязал ей рот полотенцем.

А в это время Фатхула допрашивал в другой комнате хозяина дома. Староста постарел за эти несколько минут. Лицо его отливало желтизной, а голова в свете луны казалась совершенно белой.

– Фамилия, имя? – спросил Фатхула.

– Шевчук, Макар Шевчук.

– Давно в старостах?

– Три дня...

«Вот оно что!» – мелькнуло у Фатхулы. Теперь ему многое стало ясным.

– Вместо кого назначили?

– Вместо Савелия Тимченко, – с дрожью в голосе отвечал староста.

– А где Тимченко?

– Его забрали вместе с тремя подпольщиками. В Богодухов повезли.

Теперь нужно было выяснить самое главное: где схемы?

– Вы присутствовали при аресте Тимченко?

– Так точно.

– Что нашли при обыске?

– Листовки.

– Больше ничего?

– Больше ничего.

Староста поднял лицо и быстро заговорил: «Я вам всё рассказал, ничего не утаил. Не расстреливайте меня, не убивайте!»

– Припомните, больше ничего не нашли у подпольщиков? – спросил Фатхула.

– Христом-богом клянусь, – зарыдал староста, – больше ничего...

– Нам нужна схема, которая была спрятана у подпольщиков, – тихо говорил Фатхула. – Помоги найти схему, и мы сохраним тебе жизнь.

Но староста клялся, что ничего не знает о схеме, листовки он видел, это правда, но о схеме и разговору не было.

Предателя надо было уничтожить. Но как? Стрелять Фатхуле не хотелось. Достаточно и того, что сам староста выстрелил три раза, поднял шум, который определённо привлёк внимание кое-кого из жителей села. Однако выхода не было. Фатхула достал пистолет и, глядя в жёлтое лицо человека, продавшего свою Родину, сказал: «Именем Союза Советских Социалистических республик ты приговариваешься к смерти за кровь и слёзы людей наших, за измену!»

Выстрел прозвучал глухо и коротко. Предатель охнул и сполз на пол.

Жену старосты и прислугу связали, закрыв им рот кляпами. Найдутся добрые люди, развяжут их утром. Впрочем, об этом ни Фатхула, ни Сергей не думали. Сейчас для них было самым главным обезопасить себя от преследования.

Они вернулись к опушке леса. Самед ждал их.

– Дело плохо, – признался ему Фатхула. Он рассказал Самеду о провале подпольщиков во главе с Тимченко, о пропаже схемы, из-за которой они и пришли сюда. «Просто не знаю, что придумать», – заключил Фатхула.

Трудно передать то чувство отчаяния и безвыходности, которое овладело разведчиками. Они сидели молча под молодой сосновой порослью, не в силах поднять руки, не в силах ободрить друг друга. Всё рушилось, и схемы они не принесут. И советским солдатам придется пролить много крови, чтобы взять железобетонные укрепления фашистов.

– Слушай, – обратился Сергей к Фатхуле, – а что если поговорить по душам с той девушкой?

– Ничего она вам не скажет, – сказал Фатхула и покачал головой. И правда, откуда простая девушка может знать то, что не знали даже друзья Тимченко, его товарищи, арестованные вместе с ним?

Неожиданная мысль пришла Фатхуле в голову. Он вскочил на ноги.

– Сергей, ты видел, куда побежали те мальчишки? – спросил он.

– Которые листовку наклеивали на школу? – ещё не понимая, переспросил Кравченко. – Видел, там рядом домик в три окна, они туда нырнули.

– Пошли, – коротко приказал Фатхула.

– Ты думаешь, они чего-нибудь знают? – недоверчиво спросил Сергей.

– Попытка не пытка, – Фатхула улыбнулся.

Разведчики вновь вошли в село. За школьным зданием они действительно нашли домик в три окна. Фатхула постучал. Дверь открылась, на порог вышла пожилая женщина с морщинистым лицом. Лицо это поразило разведчиков: ни одной живой черты не было на нем! Щёки и глаза ввалились, как у мертвеца, губы синеватые, бескровные. Видно, нелегко жилось женщине на земле, где властвовали фашисты.

– Вы только не пугайтесь, – мягко начал Фатхула, – нам хотелось бы повидать вашего сына.

– Петю? – расширив от ужаса глаза, воскликнула женщина.

– Да, Петю, – подтвердил Сергей. – Только вы не пугайтесь, мы свои...

– Ради бога, – сказала женщина, – ради бога, оставьте в покое моего несчастного дитя. Поговорите со мной, с ним вам нечего видаться! – женщина протянула руку, как будто желала оттолкнуть разведчиков. – Он пухнет от голода, а вы его хотите мучить!

– Ничего мы, мамаша, ему не сделаем, – спокойно сказал Фатхула. – Мы пришли в село, чтобы увидеть Тимченко. Его забрало гестапо. Теперь мы думаем, может быть, ваш сын нам поможет...

– Вы партизаны? – медленно спросила женщина.

– Да, партизаны, – подтвердил Фатхула. Он решил сохранить в тайне хотя бы то, что они солдаты регулярных частей. Теперь это уже безразлично.

Не было сюрпризов, о которых еще не слышала бы женщина от агентов гестапо. Вот почему спокойные и ласковые слова незнакомых людей в маскхалатах казались ей ложью, расчетливой ложью.

– Я вижу, вы нам не верите, – сказал после краткого молчания Фатхула. – Ну что ж...– и он шагнул в дом.

– Пощадите моего голодного мальчика! – заплакала женщина. Сергей взял её за руки и осторожно повел вслед за Фатхулой. «Не надо плакать, – говорил Сергей, – мы вас не обманываем, мы советские люди».

Мальчик лежал в постели. Он был похож на маленького, жалкого котёнка. Фатхула тронул его за плечи, мальчик слабо вздохнул и перевернулся на другой бок. Казалось, он спит, спит уже давно. Но на самом деле он слышал весь разговор, который вели его мать и эти незнакомые люди.

– Сынок, а сынок! – ласково подталкивал его Фатхула. – Ну-ка, проснись! – Мальчик приподнялся под серым одеялом и хитро посмотрел на разведчиков. – Тебя зовут Петя? – продолжал Фатхула. – Это ты клеил листовки на селе?

– Дядя, вы пришли мебель купить? – неожиданно спросил мальчик.

– Да, мы пришли купить мебель, – сказал Фатхула, – и... мы заплатим за нее 425 рублей.

– Здравствуйте! – радостно проговорил мальчик и завертелся на кровати. – Вы знаете, а дядю Тимченко они забрали, и Тимофея Ивановича, и дядю Савелия, который из Киева приехал...

Прощебетав это, мальчик вдруг обнял Фатхулу и сказал: «А я сначала думал, вы из гестапо, забрать меня хотите. И когда вы вошли, всё боялся про мебель сказать, мне про неё Панков объяснил, он с дядей Тимченко в свояках был.

– Вот видите, – сказал Сергей Петиной матери, – а вы беспокоились... Он положил свои большие руки на плечи женщине и тихо, серьезно сказал: «Недолго вам ждать осталось. Скоро наша армия придет».

– Мы к Панкову через огород пройдем, – говорил между тем мальчик.

Разведчики вышли во двор, перепрыгнули через плетень и подошли к хатке, в которой жил свояк Тимченко Панков. Мальчик постучал, через минуту дверь скрипнула, и на пороге появился бородатый мужчина в мятой сатиновой рубаше, спускавшейся почти до колен.

– Дядя Панков, – сказал мальчик, – мебель пришли покупать...

– Пройдите, – басом проговорил бородач.

Они зашли в комнату. Пахло махорочным дымом и керосином, в углу кто-то возился и вздыхал. «Мать», – кивнув головой, объяснил Панков.

– Мебель вся продана, – сказал Панков после того, как разведчики уселись на длинную лавку, – осталось только одно зеркало.

– Ничего, – отозвался Фатхула, – мы ведь хорошо заплатим, 425 рублей. Не прогадаете...

Панков улыбнулся, положил руку на бороду и сказал: «Вы не того... не обижайтесь... проверить-то нужно...». Мальчика он отправил домой.

Через полчаса четверо людей спустились в пологую балку, находившуюся недалеко от села. Панков шел первым. Он долго и тщательно исследовал землю под каждым кустиком и наконец радостно вскрикнул: «Есть!».

На ладони у Фатхулы были два клочка бумаги. Схемы вражеских укреплений в Богодухове и Золочеве. То, ради чего подпольщик Тимченко стал старостой, то, ради чего отдал он свою жизнь, то, ради чего трое разведчиков проделали опасный путь.

– А свояка моего расстреляли, – будто поняв мысль Фатхулы, сказал Панков. – И дом его сожгли, вместе с аистом на крыше. – Он рассказал, как бывший помощник старосты, а теперь староста Макар Шевчук нашел у крыльца Тимченко дома оброненную подпольщиками листовку. Предатель передал ее в гестапо, на следующую ночь Тимченко и троих его друзей увезли в тюрьму. – Шевчук теперь старостой у фашистов, заключил Панков и с ожесточением махнул рукой. – Было нас пятеро, один остался.

– На том свете он староста, – сказал Сергей. – Мы его час тому назад расстреляли...

Фатхула при свете карманного фонарика рассмотрел схемы фашистских укреплений.

– Ну и наворотили! – удивился он, глядя на отмеченные квадратами Богодухов и Залочев. Оба города были сильно укреплены.

Сергей и Самед тоже склонились над схемами. Читая условные обозначения, они были удивлены не меньше, чем их командир взвода.

– Спасибо вам, большое спасибо, – сказал Фатхула Панкову и обнял его.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое задание надо было выполнить разведчикам? С какими неожиданными трудностями они столкнулись?
2. Какие качества помогли разведчикам успешно выполнить задачу?
3. Как показана автором участь мирных людей, оказавшихся в фашистской оккупации? Найдите и процитируйте детали текста, позволяющие ответить на этот вопрос.
4. Какие произведения о войне вы читали? Что вы рекомендовали бы прочесть одноклассникам?

**КАПИЕВ
ЭФФЕНДИ
МАНСУРОВИЧ**

(1909–1944)

*Поэт, писатель,
переводчик, литературовед;
военный журналист*

Эффенди Капиев родился в марте 1909 года в селении Кумух. Отец его был гравёром и ювелиром. Мать занималась домашним хозяйством. Маленький Эффенди тянулся к знаниям. Особенно он любил читать русские сказки. Это впоследствии помогло ему стать русскоязычным писателем. Он писал на русском, лакском и кумыкском языках.

В 1921 году в Темир-Хан-Шуре открылся первый в республике педагогический техникум-интернат. Здесь и стал в дальнейшем учиться двенадцатилетний Эффенди. К 16 годам Эффенди был знаком с русской литературой не хуже, чем русский школьник его возраста. Запоем читал А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого. В 1928 г. Капиев завершил учебу в техникуме и был направлен работать учителем в кумыкский аул Аксай (Хасавюртовский район).

1931 году в газете «Красный Дагестан» был опубликован первый его рассказ «Приговор приводится в исполнение». В этом произведении говорилось о нелёгкой женской судьбе. Современник Капиева критик Камиль Султанов писал: «Мне вспоминается одно из собраний дагестанских

писателей, на котором мне довелось присутствовать в мае 1931 года. Большинство молодых писателей разговаривало на русском языке, недостаточно зная его и зачастую прибегая к жестикуляции. Другого выхода не было. Русский язык был единственным языком общения разноязычных писателей Дагестана. Собрание открыл юноша, в совершенстве владеющий русским языком. Это был Эффенди Капиев. Чуть выше среднего роста, плечистый крепыш, он казался выкроенным из одного куска горного камня...». Действительно, когда Капиев оказался в среде тогдашних дагестанских литераторов, то широта кругозора и уровень профессиональной подготовленности резко выделили его среди всех. Он сразу был избран в ДАПП (Дагестанская ассоциация пролетарских писателей). Многие сверстники Капиева обращались к нему, чтобы услышать оценку своих литературных опытов. Это был 1932 год.

В 1935 году Капиев поехал в Ашага-Стал по заданию газеты «Правда», чтобы взять у Сулеймана Стальского и перевести для первомайского номера новое стихотворение. С этого дня и началась творческая дружба двух незаурядных людей. На то время Эффенди было 25 лет, а Стальскому – 65. Переводы стихов Сулеймана Стальского принесли Капиеву известность. Он написал книгу новелл о нём «Поэт». В марте 1941 г. новеллы начали публиковаться в журнале «Молодая гвардия». Имя писателя стало широко известно на весь Советский Союз.

В период Великой Отечественной войны в январе 1942 года он добивается отправки на фронт, он корреспондент газеты Северо-Кавказского фронта «Вперёд за Родину!». Капиев был командирован в Ставропольскую кавалерийскую дивизию, чтобы написать книгу о казаках. На фронте он заполняет своими заметками первый военный блокнот. Впоследствии из этих заметок будет составлена книга «Фронтовые записи». Книга выйдет в московском издательстве только после смерти автора. Весна и лето 1943-го были для Капиева временем напряженной, неви-

Фашистских стервятников стая
Грозит наше солнце затмить.

Мы в смертных боях возмужали,
Огнём и метелью клялись,
На наших железных скрижалях
Начертано: «Смерть или жизнь!»

Вперёд, партизанское племя,
На подвиг страна нас зовёт!
Суровое, славное время
Крылами орлиными бьёт.

Горят наши давние раны.
Сердца наши гневом полны.
На подвиг, бойцы-партизаны,
Великой отчизны сыны.

Не наша ли молодость снова
Бросает нас в сёдла, друзья?
Не голос ли Кости Трунова¹
Бушует, фашистам грозя?

Встаёт из могилы Ипатов².
– В поход, казаки! Не робей! –
По вьюжным степным перекатам
Скликает бойцов Кочубей³.

¹ Трунов Константин Иванович (1896–1977) – русский советский военный лётчик, крупный специалист в области тактики авиации. Участник Первой мировой и гражданской войн.

² Ипатов Пётр Максимович (1887–1918) – активный участник революционного движения и Гражданской войны, большевик, организатор советской власти в Ставрополье

³ Кочубей Иван Антонович (1893–1919) – кубанский казак, участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны на стороне Красной Армии.

Врагам не постичь, не измерить могущество наше,
В сердцах у нас гнев, и взор наш в спокойствии страшен,
Мы воины все, и наши колонны несметны.
И подвиги наши, и наши победы бессмертны.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. От чьего имени обращается поэт в этих стихотворениях и прочему он выбирает именно эту форму повествования?
2. Кто адресат этих произведений? К кому они обращены?
3. Как автор характеризует время, в которое выпало жить? Какую роль играют эпитеты в стихотворении «В бой!»? Найдите их и зачитайте.
4. Чем достигается торжественное и грозное звучание строк обоих произведений?

ИЗ «ФРОНТОВЫХ ЗАПИСОК» 1942–1944 гг.

◆ Так никогда в жизни я не мёрз. После того как вошли наконец в штабную избу, буквально полчаса на мне прыгал и дрожал каждый мускул в отдельности.

А как там, в блиндажах? Боже мой, да ведь каждый, кто лежит сейчас в эту адскую погоду там, на передовой линии, независимо от его подвигов – герой и сверхчеловек. А эти регулировщики, стоящие в степи на каждом перекрёстке с флажками?

– Да, регулировщикам прохладно, – ответил равнодушно комиссар на мой вопрос.

◆ На льду разведчики. Приказ молчать, ни в коем случае не кричать, не то обнаружит враг дивизию. Провалился в прорубь один горец. Полчаса боролся со льдом молча, так и утонул, не издав ни одного звука.

◆ Легли в грязь. Лежим целый день. К ночи замёрзла земля. Бойцы вмёрзли – нельзя шевельнуться. Рванулись – остались на земле вмёрзшие клочки одежды.

◆ Перевязка раненому. Кость перебита, нога висит на мякоти. Ступня оторвана. Из спины вырван кусок, и там застрял осколок. Врачи совещаются, делать или нет наркоз.

– Не надо. Делайте что надо, только дайте закурить.

В самую трудную минуту, когда перепиливали кость, вдруг запел, сначала тихо, потом громче и громче (сам бледен, глаза закрыты):

Раскинулось море широко...

И волны бушуют вдали...

Товарищ, мы едем...

– Ты что, Сергеев, немного того?

– Стыдно, товарищ комиссар! Я в своём уме.

◆ Единственный сын у старухи. Казак. Он стоит на посту. Старуха поодаль тоже стоит, следя за сыном. Она слышала, что диверсанты часто нападают на спящих часовых сзади.

– Молод он у меня, вдруг недоглядит, уснёт и его убьют. А мне всё равно не спится. Вот и караулю!

◆ И когда идёт кавалерия в метель, звякая удилами, когда кони, фыркая, встают на дыбы и пятятся, и во главе седой полковник, и эти башлыки, и сабли... О роскошные темляки, о казаки! Кажется, сам древний бог возникает из метели, осеняет вас перстом, благословляя – вперёд!

◆ В помещении, где разместился штаб полка, в люльке ребёнок. Штаб совещается – завтра выступают на марш, к линии фронта. Комиссар докладывает, стоя у люльки и качая плачущего ребенка:

– И этим подлым фашистам никакой пощады! Смерть врагам! .

◆ Друзья мои! Мы живем в суровое, великое время. Оно настолько необычайно и неповторимо, что каждая правдиво написанная строка сегодня принадлежит истории. Будем честны. Позор и презрение тому подлецу, кто

сфальшивит, кто вздумает кривить душой! Будем честны перед своей совестью, ибо совесть наша отныне есть совесть свидетелей на суде, к которым будут обращаться грядущие люди!

◆ *О слезах*

Всю жизнь во мне отстаиваются слезы. Я их коплю. Одно за другим несчастье. Одна за другой трагедии. Я молчу. Как я жажду той поры, когда наконец рухнет последняя надежда и я, оставшись совершенно один, заплачу тогда вдоволь за всё. И за погибшие мечты, и за молодость, согнутую в бараний рог, и за съеденное здоровье. Только боюсь, что и тогда я не заплачу, а унесу свои слёзы с собой в землю. И кажется мне, что если через сто лет кто-либо разроет мою могилу, то он ничего там не найдёт, – всё истлело, и только остались в земле тяжёлые, как ртутные шарики, капли – мои слёзы, невыплаканные при жизни.

26.11.42 г.

◆ Запоминай, Капиев! Броди, смотри и запоминай, ибо всё, что творится сегодня, – неповторимо: никогда, никогда больше не будет на земле ничего подобного.

◆ Многодневный бой в местечке на подступах к Сталинграду. Единственный колодезь между немцами и нашими. Колодезь простреливается со всех сторон. Бойцов давно уже мучает жажда. Но подойти к колодцу невозможно: как только кто-нибудь направится туда – окружают колодезь пулемётно-автоматным огнем. Зной. Уже четвёртый день без капли воды. Наконец бойцы решили пробраться к колодцу подземным “путём” – вырыв траншею. Работали день и ночь – и когда, наконец, почти добрались до колодца, вдруг слышат под землей с противоположной стороны глухие удары и стук. Оказывается, и немцы тоже без воды, и они также пробиваются к колодцу. Что теперь делать? Бойцы не долго думали. Точно определив направление, где роют немцы, они заложили мины и отошли. Через полчаса раздался взрыв...

Когда потом бойцы доползли наконец-то до воды и стали черпать её котелками, она была красной от крови. Утоляли жажду холодной водой, смешанной с вражьей кровью...

◆ Севастополь. Многоярусная оборона немцев на склоне горы... Жаркий бой. Внизу, в балке, не то застрял, не то подбитый, стоит наш танк. Двое танкистов, опустив головы, сидят – один у руля, другой за ним в глубоком раздумье. Завесы дыма стелются по склону. Бой не затихает...

Вдруг на тропе над самой балкой, где застрял танк, показывается моряк с широким лицом, в поношенной бескозырке и в бушлате. Он идет и, не обращая внимания на бой, поёт про себя знаменитую в те дни в Севастополе солдатскую песню:

Шёлковый синий платочек

Ганс посылает домой

И добавляет

Несколько строчек...

– Стой, ребята, вы что здесь приуныли?

Танкисты медленно поднимают головы – на глазах их слёзы. Моряк изумляется:

– Что с вами, ребята?

– Да вот командира нашего убило, – отвечают танкисты печально. – Такой парень был, такой орёл... Эх!

– Эге, дела плохи, стало быть?

– Ах, командир, золото человек, – таких не бывает!..

Моряк задумался. Подошёл ближе.

– А знаете что? Давайте я буду у вас за командира!

И, не дожидаясь ответа, черноморец скинул свою бескозырку и, швырнув её внутрь танка, сел на командирское место.

– Давай вперед! Отныне я ваш командир! Вы оба не танкисты, а черноморцы. Братва, дуй полным! Вперёд!

И, слыша твёрдый, могучий голос, танкисты вышли из оцепенения.

– Полный вперед!

Танк рванул. Поднимая пыль и щебень, он помчался прямо вверх по склону горы – через минное поле, через ров,

через заграждения. Совершилось чудо. С нашего командного пункта был замечен одинокий танк, который метался в тылу немецкой обороны, раздавливая пулемётные гнезда, вызывая панику среди врагов и, как птица, перескакивая с яруса на ярус. Что за чудеса? Сначала думали, что это вражеский танк, сошедший с ума или решивший перейти на нашу сторону. Но вот в бинокле мелькнула красная звезда на башне – дверь танка была раскрыта и болталась. Человек в тельняшке, стоя строчивший из пулемёта, вдруг рухнул, обливаясь кровью.

Тогда была дана команда штурмовать высоту, пока немцы ещё не опомнились. Высота была взята. («Безумству храбрых поём мы песню!») Танк снова скатился вниз, в ту же балку, где стоял накануне. Танкисты на руках передали санитарам окровавленного своего второго командира. Бой затихал...

И вот на командном пункте решили тотчас же наградить экипаж замечательного танка. Однако, когда подошли к балке и расспросили танкистов, кто их командир, танкисты недоуменно пожали плечами:

– Какой-то моряк, черноморец. Ни имени, ни фамилии его мы не знаем. Вот только и остались от него, что эта бескозырка да бушлат.

И танкисты опустили головы.

В карманах бушлата, кроме куса чёрного хлеба и фотографии какой-то толстой девушки, ничего не оказалось. Искали по всем госпиталям. Спрашивали, не поступал ли раненный в голову черноморец без бушлата и без шапки. Наконец нашли. Но моряк долго не хотел признаваться, что это он командовал танком, так как решил про себя, что его хотят судить за самоуправство (в прошлом он уже однажды был судим за подобную вещь).

– Ну, хорошо, – сказал он наконец, – судите, хрен с вами, это был я!

◆ Боец, нечаянно на ходу поезда уронив винтовку, спрыгнул за ней и пять километров бежал за поездом до ближайшей станции. (Эшелон шёл на фронт.)

◆ У телефона дежурит худощавый боец и трясётся, держа трубку у уха, буквально зуб на зуб у него не попадает. Оказывается, у бойца приступ малярии, а отойти от телефона нельзя ни на минуту.

◆ Одна женщина слушала разговор о том, что многие жены после финской войны не приняли своих изувеченных мужей, заплакала и сказала:

– А мне кажется, я бы и обрубок его взяла!

Вот оно, подлинное чувство, именуемое любовью!

21 декабря

◆ Борьба идёт не на жизнь, а на смерть, и немало вылетит, очевидно, из этой жизни недоброго, глупого и пошлого, что мечтало лично поживиться на народном бедствии, дрожа за свою шкуру. Много сметётся с лица земли предателей родины, лакеев, палачей народа, его паразитов и загребателей жара чужими руками.

Но в этом великом горниле борьбы и лишений родится многое дорогое и прекрасное.

Закалятся в огне и буре характеры, неизнаваемо расширятся габариты человеческих душ и у многих откроются глаза на многое, не замечаемое раньше, вредное, никчемное и ненужное, мимо чего проходили, на что смотрели, но не замечали, не видели простодушные очи.

◆ Как не просто, как трудно достался миру советский человек! Сколько борьбы, сколько усилий благороднейших умов передового человечества выковали его, очищали его сознание от рутины, злобы, паразитизма, национальной ограниченности и всего, что до сих пор ещё повергает человечество в пропасть страданий.

Как же много возложила сегодня история на защитника родины! Сколько гнева и ненависти к оккупантам нужно нести на штыках и как много добра, ласки, любви и доброго согласия нужно сразу найти в себе и принести с собою в жизнь, чтобы залечить душевные увечья людей в годину

великого всенародного бедствия, ибо то, что творится сейчас, есть не только война, превышающая все предыдущие войны во столько-то и столько-то раз. Нет. Это великое, беспримерное народное бедствие, обрушившееся на наш народ и на наши законы с невероятной тяжестью...

Бейтесь же, воины великой советской страны! Уничтожайте, гоните врага!

◆ Готовился штурм укрепленного узла в горах. Ещё до рассвета отряд автоматчиков должен был проникнуть за полосу проволочных заграждений и ударить в тыл немцам. Но заграждения шли тремя рядами – всё поле вокруг и между проволокой было минировано, – и сапёры всю ночь, ползая на животе, расчищали узкий проход для автоматчиков. Командир торопил. До рассвета оставалось немного.

И вот в последнюю минуту, когда проход был почти расчищен, сапёр Фарраш наткнулся в конце линии на мину совершенно новой, неизвестной ему конструкции. Как быть? Изучать и обезвреживать некогда – скоро штурм! Взрывать мину нельзя, потому что это выдаст всех, а предупредить каждого – невозможно, так как в темноте могут не заметить и в спешке кто-нибудь из бойцов обязательно наступит на мину.

– Ну как? – шепчет связной. – Командир ждёт.

– Готово! – отвечает Фарраш. Он решил прикрыть мину своим телом. – Передай командиру – можно идти...

И через минуту в узкий проход между разряженными минами и проволокой хлынул отряд автоматчиков. Фарраш лежал в конце прохода. Упершись локтями и коленями в землю, образовав над миной мост, он лежал так, прикрывая собой смерть ради жизни.

Первый автоматчик, дойдя до него, остановился...

– Иди, иди, – шепнул Фарраш. – Не бойся! Переходи по мне, только полегче: подо мной мина.

Автоматчик пошёл.

И вот один за другим стали переходить по спине Фарраша десятки бойцов. Фарраш лежал неподвижно. Локти и

колени его врезались в землю, но он как бы окаменел в своей позе, весь в поту, окаменевший от напряжения.

Бойцы спешили...

Когда же так, в полной тишине, прошёл через него весь отряд, Фарраш был уже почти без чувств. Он хотел приподняться, но тело не слушалось его, клонило на мину... Невероятным, страшным усилием, собрав воедино всю свою волю, Фарраш откинулся в сторону. Боль в руках и под лопатками была невыносима. Он перевернулся на спину и лёг, глядя в небо. Товарищи исчезли в темноте. На востоке бледнело небо. Фарраш лежал, распластавшись, не в силах подняться, но облегчённо и умилённо глядя на звезды.

Начался штурм... Далеко грянуло «ура»...

◆ Мальчик лет пяти, сын вконец замученной многодетной колхозницы. Он не спит один из всей семьи и сидит, притихнув, на печи. Все – и старшие и младшие – давно уже сопят, укрывшись лохмотьями... Мальчик не спит, потому что стоящие в хате на постое красноармейцы принесли хлеб.

И вот я даю ему кусок хлеба и посыпаю ложечкой сахара. Мальчик заплакал от счастья. (Опустив голову, прижал кулаки с хлебом к глазам.) Потом я украдкой наблюдаю, как мальчик, сидя один, сидя среди спящих сестёр и братьев и то и дело улыбаясь про себя, облизывает сахар... Как он был счастлив, боже мой!

◆ Здравствуй, новый год! Как много надо мне тебя спросить, как много надо мне тебе сказать, но силы мои – не мои силы и язык мой – не мой, – прости...

Прости мне, если я вхожу под твои дымные, озарённые пожарами своды по-прежнему грешным, по-прежнему маленьким и бедным.

В небесах торжественно и чудно.

Спит земля в сиянье голубом...

Где? Когда?

Величавое, великое моё время! Благодарю тебя за всё!..

Как ясно, как страшно отчётливо я тебя чувствую. Ты идёшь колесом через меня, и кости мои хрустят под твоей ледяной поступью... Иди, иди!.. В конце концов так мне и надо: не будь слабым!..

О новый год, облегчи мои страдания; разряди мою чёрную тоску, сделай со мной что угодно, только не дай мне бесславной смерти.

Великая и трагическая эпоха моя, тебе нет дела до песчинок, когда океаны вышли из берегов...

◆ Она была ранена в ногу, но, однако, продолжала перевязывать раненого, укрываясь в воронке. Осколком снова ранило её в обе ноги. Тогда она, упав, подняла окровавленный бинт и стала кричать:

– Кто ранен, подползайте ко мне! Я сама двигаться не могу.

◆ Части угрожало окружение. Прервалась связь. Связь надо было восстановить во что бы то ни стало. Снежный буран обволакивал мир белым дымом – ни кустика, ни деревца. Командир приказал связисту Таиру восстановить связь во что бы то ни стало. Таир пошёл – от его успеха зависела судьба части, судьба сотен товарищей. Он шёл, ощупывая провод, проверяя, где он порвался. Наконец нашёл, но тут раздалась автоматная очередь, и Таир был ранен в плечо; восстановить, то есть очистить стыки, соединить и обмотать изоляционной лентой, невозможно. Автомат застрочил снова – его, видно, обнаружили. Пули ложились рядом, две проббили каску. Тогда Таир взял оба приготовленных конца в рот и, зажав их зубами, замер. Линия ожила.

Уже потом, когда бой кончился, в степи между сугробами был обнаружен окоченевший труп бойца с зажатými в зубах крепко-накрепко концами провода. Смертью своей боец Таир дал жизнь товарищам.

«Вперёд, за родину!», 21.01.43 г.

◆ Два друга – оба горца – на далеком севере, в карельских лесах. Разведка. Один убит. И чтобы не оставить труп

товарища, второй привязал его к своему поясу – сначала наступал, потом отступал, отстреливаясь, ползком – и волочил за собой труп товарища, пока не приволок к своей линии. Там он похоронил его и только потом, с сухими и красными глазами, лёг на отдых.

◆ Во время атаки, которую сопровождал своими танками гвардии капитан Ф. Семенной, все командиры выбыли из строя. Пехота заколебалась. Тогда Семенной повел пехоту в атаку сам, но был смертельно ранен. Почувствовав, что его хотят унести на носилках в тыл, он вдруг собрал все свои силы («Как же атака? Ведь пехота без командира захлебнётся!») и приказал нести себя впереди. Так его несли; он умер, его несли мёртвого, но во главе с ним пехота всё-таки наступала и победила...

◆ «Нас было девятнадцать человек, никому нет старше восемнадцати лет. Сейчас нас ведут убивать. Отомстите за нас». *(Надпись на стене.)*

31.12.42 г.

◆ «Если когда-либо случайно попадут эти записки к вам, дорогие мои потомки, знайте, что вы можете обвинять меня во всём: в незнании русского языка, в пристрастии к звучному слову, наконец, в неопытности, в неряшливости и т. д. Но только в одном вы не можете меня обвинить – в неискренности. А это главное. Пусть отсохнет моя рука, если она напишет хотя бы одну букву вопреки моей совести!»

◆ В этот весенний, сверкающий, тихий день, стоя у своего орудия и глядя сквозь голые ветви деревьев вдаль, стоя на земле, жёлтой от увядшей, прошлогодней травы, поёт удивительную песню горец – единственный нерусский человек в батарее. Он поёт, прищунив глаза, самозабвенно, но спокойно, стоя, положив левую руку на ствол орудия. О чём он поет? Вероятно, душа его, обессиленная, безнадежно тянется и видит горы, видит свою саклю, ручей, журчащий под мостиком, любимую жену... Война, война!

И молча, сидя по разным местам и думая каждый о своём, слушают его русские юноши – друзья-товарищи.

Разорвался вблизи снаряд. Певец умолк.

◆ Мы входим в город и где-то на окраине, в полуразрушенном двухэтажном здании, устраиваемся на ночлег. Холодно, темно, сыро. Над нами, вероятно, ютятся жильцы, и всю ночь напролёт какой-то плотник, хозяин дома, что ли, строгает и строгает, мешая нам спать. В городе мы задержались несколько дней и по вечерам, возвращаясь сюда на ночлег, с изумлением снова слушали всё те же звуки над головой – скрип, шуршанье фуганка и ритмичный стук. Что за неутомимый плотник? Когда он отдыхает? Днём и ночью, днём и ночью строгает и строгает, точно задался целью наперекор всему восстановить весь город, точно вступил в единоборство с войной: ты, мол, разрушай, а я буду восстанавливать – посмотрим, кто кого.

Глубокой ночью и на заре мы просыпались всё от того же звука. «Богатырь – и только!..» – восхищались мы.

Наконец однажды, не выдержав, – признаться, и с некоторой злобой, – мы поднялись на второй этаж с целью посмотреть на этого великана, сказать ему, чтобы он хоть с полуночи давал нам спокойно отдохнуть.

Мы постучались. Тишина. Плотник увлечён своим трудом, и шуршит и стучит фуганок. Мы рванули дверь...

Полумрак. На остывшей печи мерцала плошка. Комната была пуста, и, когда глаза наши привыкли к сумеречному свету, мы вдруг увидели в углу на тюфяке худую, измождённую маленькую женщину, которая не замечала нас. Она спала, прикорнув с закрытыми глазами возле печки. Рука её механически покачивала детскую люльку, а в люльке еле слышно пищал больной ребенок,

Это была мать. О боги! Мы, поражённые, стояли молча у порога и потом, бесшумно закрыв за собой дверь, на цыпочках спустились к себе.

Мать... Бессмертный богатырь наш. Сколько молитв послали мы тебе в эту ночь!

◆ Давно-давно, но не очень – всего лишь около ста лет назад – в этих местах, где остановил я сейчас коня, шли также беспощадные битвы. Правда, горы тогда выглядели куда девственнее, дорог не было, скалы и камни обступали путника на каждом шагу, глохли леса, и эта тропинка едва ли тогда вела в горы. Горы были неприступными и чужими. На противоположном склоне виднеются остатки старинной крепости. Сохранилась даже почерневшая от времени зубчатая стена (в одной из трещин её проросла целая семья берёзок), сохранились треугольные тёмные бойницы, крепостной вал, какая-то груда кирпичей. Станешь в сторонку один в тишине – пустынная тёмная птица парит над тобой, конь дремлет, опустив уши, уйдёшь мыслью в глубь времён, и кажется, что вырисовываются в тумане русские егеря, запылённые апшеронцы, ставшие во фронт, кажется, слышишь призрачный барабанный бой, и комендант крепости, может быть, какой-либо Максим Максимыч в горской папахе, с добродушными русыми усами... Вот он выходит покурить трубку на крепостной вал и, став к нам спиной, щурясь, долго вглядывается в даль облаков, на застывшую в вышине тёмную птицу.

– О Петербург! За что я прикован к камням гибельного сего Кавказа? – кажется, шепчут его губы...

В ту пору шла жестокая война. Мои предки не на жизнь, а на смерть воевали с белым царём. Слово «русский» было тогда самым ненавистным, самым проклятым, и в бой с русскими шли мои отцы, засучив рукава суровых своих черкесок выше локтей, обнажив кривые сабли и обвязав шею смертным саваном, что означало, что они шли не на шутку, на газават, на смерть, в священную кровавую битву с русскими, в которой готовы погибнуть с честью, для чего и берут заранее с собой свои саваны...

Не мне, не мне писать об их удали. Они дрались и гибли, как львы! Но за что? Как странны, как бессмысленны на этой земле судьбы людей, как абсурдны и жестоки законы человечества! И, думая о прошлом, я медленно трогаю коня,

– конь, преодолевая дремоту, тихо поднимается по тропе. Я оглядываю чёрные руины некогда, быть может, знаменитой русской крепости в сердце гор, среди неприступных высоких скал, заросших лишаем и можжевельником. Ничто, ничто не нарушает тишины. Сама тишина звучит забвеньем, и зной осеннего сладкого солнца, кажется, входит в мою грудь. Вдруг на небольшой поляне я вижу в траве плоский ржавый камень. «Стой, мой конь!» При моём приближении в траве зашуршала ящерица. Я слез с коня. Это была очень старая могильная плита, наполовину вросшая в землю. Обломившийся каменный крест лежал тут же. Ни души вокруг, никаких признаков близости людей, – когда, кто, кем здесь погребён? С большим трудом раздвинув бурьян и счистив с плиты коросту жёлто-зелёного лишая, я читаю обветрившуюся надпись. Эпитафия гласит:

«Один я на чужбине, среди каменистых скал. Ни одной родной души не придёт ко мне на могилу и в память мою этих слов не произнесёт: «Мир праху твоему, Всеволод».

А сбоку другая, старинными буквами, строгая надпись:

«Здесь покоится прах поручика Апшеронского полка Всеволода Николаевича Грунина, умершего от ран в бою с горцами 16 августа 1842 года. Покойному было 22 года».

Непонятное вещее дыхание как бы потрясло мою душу. Сто лет тому назад – ровно сто лет – этот русский умный юноша (ибо надпись-то, вероятно, высечена по его завету) погиб здесь в жестокой войне с моими отцами. Мои отцы считали его кровным, самым смертельным, проклятым врагом, и он также считал их чужими... Но что мне сказать о моих переживаниях? Странная судьба выпала на мою долю – как мне с ней быть? Сын гор, я душой и мыслями и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного.

Я срываю с головы свою шапку, становлюсь на колени перед могилой и шепчу: «Мир праху твоему, Всеволод». Это я, потомок твоих кровных врагов, произношу тебе, как родному: пусть твоя мысль встретится с моей мыслью – они

брatья. Пусть эта каменная земля, враждовавшая с тобой, не будет тебе жестка, родной мой, пусть она ляжет над тобой мягче перины, пусть будет сон твой мирным, как эта тишина... Твоя молодая кровь, пролитая на этих скалах, впиталась в почву, и ты видишь – взросло новое племя, в жилах моих течёт частица и твоей крови, брат мой. Отщепенец ли я? Не знаю! Но всё же спасибо, спасибо тебе! Родная душа пришла на могилу, и, как видишь, на твоём русском языке говорит она тебе: «Мир праху твоему, Всеволод». И за себя, и за своих предков... Спи спокойно!

Идёт война. Снова в горах звучит эхо выстрелов, но война эта куда зловещее и грандиознее, чем та, в которой ты погиб.

Как странны, как бессмысленны судьбы людские, но зато закономерны судьбы народов.

◆ Да, брат, я знаю Шекспира, я люблю Чайковского, я читал всех мировых классиков, от Флобера до Уолта Уитмена, я изучал законы физики, электричества, любил русских пейзажистов, помню и знаком с философией, могу прочесть наизусть японские пятистишия, восточные притчи, Омара Хайяма, Саади, – о люди, как я хорошо чувствую лирику и кино, музыку и скульптуру. Но к чему всё это? Кому интересно – знаю я или не знаю, чувствую или не чувствую? Никакого права рассчитывать на лучшую участь, чем другой рядовой, я не имею и не могу. Наоборот, раз я всё это узнал и почувствовал, значит, я больше жил и постиг в жизни, чем тот рядовой, сын природы, ничего этого не знающий и не чувствующий...

Итак, в бой!

◆ Завтра ложусь. Хирург уже сообщил мне, что операцию будут делать в понедельник.

◆ Есть жестокое правило, что живые забывают мёртвых, а мёртвые не могут рассказать о себе, потому что они мертвы. О, если бы послушать тех, которые лежали здесь в лютой мороз, шли по этим камням, падали под ударами...

О, если бы они могли говорить, они бы сказали...

◆ Итак, на операцию. Уже сделали укол морфия... Я ли не терпел? Ты ли не терпел, Капиев? Он ли не терпел, этот несчастный страдалец, язвы столько лет? А уж на сей раз перетерпим. Не беда! Хрен с тобой!

◆ Как странно: книжечка кончилась минута в минуту перед операцией, хотя я и не хотел этого.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как форма записной книжки, дневника (фрагменты, размышления, зарисовки) влияет на ваше восприятие? Помогает ли это почувствовать «живую», немедленную правду войны?
2. В тексте даны фрагменты разного характера: сюжетные рассказы о подвигах, описания ужасов войны, лирические размышления, диалоги. Как это сочетание создает целостный образ военного времени?
3. Как Капиев показывает будничные, физиологические ужасы войны. Почему он считает необходимым писать об этом?
В тексте есть прямая декларация: «Пусть отсохнет рука, если она напишет хотя бы одну букву вопреки моей совести!». Проследите, как этот принцип реализуется в разных частях книги.
4. Каким вы видите самого Капиева – наблюдателя, участника, мыслителя? Как меняется его голос в разных фрагментах?
5. Писатель ощущал себя одновременно «сыном гор» и человеком, всей душой прикипевшим к русской культуре. Чувствуется ли в «Записках» это двойное самознание, связь судьбы Дагестана с общей судьбой страны?
6. Напишите эссе на одну из тем:
 - ✓ «“Фронтовые записки” Эффенди Капиева: документальное свидетельство или художественный текст?».
 - ✓ «Образ “маленького человека” на большой войне в “Фронтовых записках”».

**КЕРИМОВ
ИБРАГИМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ**

(1922–2012)

*Поэт и прозаик,
литературовед, доктор
филологических наук;
разведчик*

Родился писатель 13 ноября 1922 года в с. Нижний Дженгутай, в Буйнакском районе. Трудовую деятельность начал учителем начальных классов в родном селе. Участник Великой Отечественной войны. Его военные песни помнят и поют до сих пор. Прошёл всю войну, потому прочувствовал весь трагизм этого исторического периода. Награждён орденом Отечественной войны II степени. Окончил Дагестанский педагогический институт и аспирантуру при Институте языкознания АН СССР. В 1947 г. вышел его первый поэтический сборник фронтовой лирики «Сосна». Через год – поэма «Невеста».

Большой резонанс в свое время вызвал выход в свет романа «Махач». Ибрагим Керимов – автор научных монографий, посвященных творчеству классиков кумыкской поэзии, учебников и учебных пособий для школ и вузов республики. Он заслуженный деятель науки ДАССР и заслуженный учитель школы ДАССР, отличник народного просвещения СССР и РСФСР.

МАРТ 1944 ГОДА

Шел тысяча девятьсот сорок четвертый год. Северный Кавказ, как и многие районы страны, был освобожден от фашистов. Но враг, вынужденный уйти с Таманского полуострова, укрепился к Крыму. И теперь штурмовая авиация Черноморского флота крушила гитлеровцев на древней земле Тавриды. К этому времени старший лейтенант Юсуп Акаев уже был заместителем командира эскадрильи, тридцать шесть раз водил на бомбоштурмовой удар группы по шесть, двенадцать, восемнадцать самолётов и имел на своем личном счету десять уничтоженных танков, четыре минометные и две артиллерийские батареи, десять железнодорожных вагонов, четыре потопленных сторожевых катера и два сбитых самолета «мессершмидт-109». Он был уже кавалером двух орденов Красного Знамени и ордена Отечественной войны первой степени.

Прославленного штурмовика Акаева хорошо знали бойцы и офицеры Черноморского флота и Отдельной Приморской армии.

Холодным мартовским утром тысяча девятьсот сорок четвертого года старший лейтенант Акаев повел двенадцать самолетов Ил-2 на Феодосию. Перед ним была поставлена жесткая задача: уничтожить в порту плавсредства противника.

Летели на большой скорости и на большой высоте. В ушах ещё звучали слова командира полка Майора Степаняна: «Внезапность атаки, умелая маневренность плюс взаимовыручка – это почти успех».

– Приближаемся к порту! Идем на снижение! – скомандовал Юсуп по звеньям и первым повел свой самолет на цель.

Как ураган, прошла дюжина советских самолётов на небольшой высоте над портом. Сразу же были уничтожены две батареи дальнего боя и потоплен один танкер. При втором заходе вышли из строя три танкера противника.

Звенья уже выходили из атаки, когда с запада показались двадцать «мессершмидтов», которые с ходу бросились на советские штурмовики. Но их атака была отбита, и враги, не решаясь повторить её, скрылись за горизонтом. Илы легли на обратный курс.

И вдруг из темно-серых облаков, нависших над холмистым берегом недалеко от города, вынырнули два «мессершмидта» и набросились на машину младшего лейтенанта Михаленко, стараясь настичь её длинными пулемётными очередями. За ними шли и другие вражеские самолеты.

Заметив это, Юсуп, искусно маневрируя самолётом, прикрыл Михаленко, быстро взял в сетку прицела один из «мессершмидтов» и нажал на гашетку пулемета. Вражеский самолёт резко спикировал на землю, оставляя за собой чёрную полосу дыма и гари.

Михаленко был спасен, но два других «мессершмидта», непрерывно стреляя из пулемётов, тотчас же атаковали самого командира. Вражеские пули прошивали то правую, то левую плоскость его Ила.

Группа Акаева сбила еще шесть «мессершмидтов», после чего, не решаясь продолжать бой, враги отступили,

Советские самолёты без потерь вернулись на свою базу.

– Почему не попросили помощи? – спросил командир полка, когда Акаев доложил о выполнении боевого задания.

– Вы же сами говорили, товарищ майор, что внезапная атака, умелая маневренность да плюс взаимовыручка – это почти успех. У нас, кажется, все это было, – ответил Акаев.

– Благодарю вас за службу, товарищ старший лейтенант! – сказал майор и крепко пожал руку Акаеву.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ

Холодным осенним днём Юсуп поздно вернулся с очередного боевого вылета. Только посадил машину, прибежал механик Петров с радостной вестью:

– Товарищ капитан, разрешите доложить. Вам письмо от родных! – и протянул командиру треугольник, самый распространённый вид конвертов в военные годы.

В письме из далёкого горного края сёстры поздравляли капитана с днём рождения: оказывается, завтра ему исполняется двадцать два года, в жару воздушных битв он забыл об этом. Соблюдая горскую традицию, отец и мать не поздравляли его. Юсуп очень обрадовался письму сестер, и, хотя оно было написано на кумыкском языке, Юсуп показал его механику Петрову, ткнув пальцем в цифру 22.

– Вот сколько мне лет!

– Когда, товарищ капитан? – обрадовался Петров.

– Завтра, – сказал Юсуп и направился в свою землянку.

Письмо сестёр, особенно упоминание о его дне рождения, заставило его задуматься. Промелькнула перед глазами короткая жизнь: средняя школа, юридическая школа, в 18 лет – работа следователем. Потом лётное училище. Звание капитана, командование эскадрильей штурмовиков, четыре боевых ордена...

«Не очень густо», – недовольно подумал Юсуп, и его густые чёрные брови сомкнулись.

Усталый и голодный, он даже не прилёг, сразу же сел за грубый, самодельный стол и, вырвав лист из блокнота, написал рапорт командиру полка с просьбой дать новое боевое задание и не отослал, а сам отнёс его в штаб.

Не сразу лег Юсуп и после возвращения из штаба, не сразу уснул, все думал и думал о предстоящем воздушном бое. Он думал о деталях тактики воздушного боя, который произойдёт завтра, а быть может, даже сегодня ночью.

Наконец-то он заснул. Но сон его оказался тревожным. Юсупу казалось, что он летит над бескрайним Черным

морем и видит внизу крейсер врага. Начинает бомбить. Показывается чёрная пелена дыма, а в середине её – два длинных остроконечных языка пламени. Крейсер, погружаясь в воду, поднимает жалобный вой. От этого вой он проснулся. Открывает глаза: возле его кровати-топчана стоит адъютант из штаба авиационной дивизии.

– Тревога? – спросил Юсуп и мигом поднялся.

– Товарищ капитан, вас вызывает командир дивизии! – отдал честь адъютант.

Юсуп посмотрел на ручные часы: было половина третьего. Когда он, быстро одевшись, вышел, уже занималась осенняя заря.

Штаб авиадивизии находился в землянке под двумя большими каштанами. Полковник был один, и, наклонившись над самодельным столом, толстым красным карандашом делал пометки на карте.

– Товарищ полковник, капитан Акаев по вашему приказанию явился!

– Вольно, капитан, – спокойно сказал командир авиадивизии полковник Манжосов, положив руку на плечо Юсупа. – Видите, капитан, вот Нарвский залив. По сведениям воздушной разведки, здесь враги собрали мощный морской кулак. Ваша задача – разогнать, а если удастся, и потопить его. Капитан Акаев, вы являетесь пионером топмачтового бомбометания. Покажите и на этот раз, на что способны советские лётчики, – сказал полковник и с добрыми пожеланиями проводил Юсупа до дверей.

Только рассветало, когда группа самолетов Ил-2, ведомая капитаном Акаевым, оказалась над Нарвским заливом. Но ничего не было видно: низко над водой стелился мутно-серый морской туман. Пролетали над заливом. При втором заходе сквозь редеющий туман заметили четыре катера и четыре баржи. В отдельные просветы виднелись части корпусов других военных кораблей.

В это время снизу заметили самолеты, завывала сирена, заработали зенитные батареи. Акаев одну за другой сбросил

сил три бомбы. Одна из барж накренилась, уткнулась носом в воду. На середине её корпуса показалось пламя, которое постепенно превратилось в сплошной чёрный дым.

Два головных самолёта с ходу направились на капитана. Он решил принять бой, вступили в борьбу и остальные его самолеты. Юсуп старался вывести свою группу из зоны залива, отвести хотя бы от зенитного огня. Но не удалось.

Илы и «мессершмидты» столкнулись лицом к лицу. Два вражеских самолета, стреляя, приблизились вплотную к машине Юсупа, а потом облетели с обеих сторон, стараясь сесть на хвост советскому самолёту. Но Акаев в этот момент стремительно вырвался вперёд, и не успели опомниться враги, как он уже ринулся сам в атаку. Теперь советский самолет шел с запада, а враги с востока. Так повторялось несколько раз.

Увидев, что сесть на хвост советскому самолёту не удастся, враги изменили тактику.

Один «мессершмидт» вдруг резко поднялся вверх, потом, нацелившись, спикировал прямо на советский самолет. Юсуп сразу понял, что отвести свой самолет не сможет, и поэтому поставил его на бок. «Мессершмидт», чуть не задев Ил, пролетел мимо. Будучи не в силах опять взять высоту, он вдруг поднял нос, но в это время левое его крыло повисло на одиноком узеньком выступе высокой каменной скалы: разломанный пополам, стервятник скрылся в прибрежном густом лесу.

Всё это случилось настолько неожиданно, что Юсуп на некоторое время забыл даже о втором вражеском самолёте. Когда же, вспомнив о нём, хотел возобновить бой, увидел, что тот уже летел на запад. Юсуп погнался за ним, настиг и послал ему в хвост длинную очередь из пулемета: «мессершмидт» вдруг резко поднял хвост и рухнул вниз, оставляя чёрную полосу на бледном небе.

Вот в эту минуту что-то снизу стукнуло и подняло самолет Акаева. Потом он стал постепенно снижаться. Юсуп видит: повреждены механизмы управления, один из моторов и рация.

Юсуп быстро повернул самолёт назад: нужно было попробовать сделать посадку и непременно на своей территории.

Самолет Юсупа летел, качаясь и постепенно снижаясь.

Когда у Акаева перестала работать рация, в штабе забеспокоились. Самолет мог сгореть, лётчик, конечно, мог спастись на парашюте, а может быть, он приземлился по ту сторону фронта или даже не успел выпрыгнуть.

На аэродроме совсем юный радист, прижимая трубки радиации к ушам, беспрестанно вызывал: «Марс..., Марс... Я – Нева... Я – Нева...,

А «Марс» в это время сидел у своего самолета на небольшой поляне в далёком глухом лесу. Хотя он не долетел до своего аэродрома, ему всё же удалось перелететь линию фронта, и он приземлился на первой же небольшой поляне, что встретилась на его пути. Тщательно проверив самолет, Юсуп убедился, что, действительно, его дальше нельзя вести и что он сам, оказывается, вовремя принял правильное решение.

Опоздай он хотя бы минут на пять – могло бы случиться непоправимое.

Юсуп посмотрел на компас. Ну, что покажет он? Где восток, капитан знал и без него.

Он осмотрелся, увидел вблизи высокое каштановое дерево, полез на него. Кругом, насколько хватало глаза, глухой лес, но в середине его, как островок в безбрежном океане, высится высокий холм. Юсуп узнал его: это ориентир 416. Отправляясь на выполнение задания, они летели над ним.

Юсуп прикинул: до этого холма километров пятнадцать, не больше, а от него до аэродрома три километра, это уж точно. Собрав ветки деревьев, он замаскировал ими самолет и направился к ориентиру.

Первым, кто встретил капитана на аэродроме, оказался механик Петров. Увидев Юсупа, он очень изумился. Здесь делали сотни предположений, но никто не думал, что он появится вот так вдруг, среди ночи, да еще один, без самолёта.

– Мы слышали о вашем подвиге, здесь все радовались, но потом... – механик осёкся, потому что он хорошо знал, что значит для лётчика, да еще командира эскадрильи, потерять свой самолёт. Нахмурился и сам капитан.

Петров поторопился изменить тему разговора.

– Наверное, замёрзли и проголодались, товарищ капитан? – спросил он виновато.

– Нет! – резко ответил Юсуп и оттуда прямо направился в штаб авиадивизии.

– Я знал, что вы вернётесь. Был твердо уверен. Даже на розыск не послал, – улыбнулся полковник Манжосов, увидев капитана.

Юсуп рассказал всё как было, показал фотоплёнку.

– Ничего. Вы настоящий герой, товарищ Акаев. Я верил в вас. Получите другую машину, а пока несколько дней отдохните. Ну и вид у вас! Поправляйтесь! – сказал полковник, выслушав его рассказ.

– У меня просьба, товарищ полковник. Разрешите мне завтра же на рассвете с ремонтной бригадой отправиться к своему самолёту и починить его на месте. В таком случае завтра же прямо оттуда я мог бы вылететь на выполнение нового задания.

– Опомнитесь, капитан. Возможно ли это?

– Возможно, товарищ полковник. Я всё проверил.

Полковник испытующе посмотрел на Акаева, кивком головы выразил свое согласие и потом, будто опомнившись, обеими руками пожал его руку и тихо-тихо, как бы только для самого себя, произнёс: – Спасибо.

От штаба дивизии до землянок эскадрильи было больше трех километров.

Час с минутами остался до полуночи. Ложиться надо немедленно: на рассвете подниматься.

Вдруг он споткнулся и чуть не упал. Было темно, да ещё с вечера шел мокрый снег, сапоги скользили. И все же он посмотрел под ноги: там оказался камень с кулак. Юсуп улыбнулся в темноту: камень такой маленький, а чуть не свалил его. И тогда вспомнил он, что со вчерашнего дня ничего не ел.

За знакомым нам самодельным столом в тесном кругу сидели офицеры эскадрильи. Увидев капитана, они дружно встали. Стол был сервирован по-фронтовому: сухари, консервные банки, белые алюминиевые кружки, водка, налитая в чайник.

– Я, кажется, вам помешал, товарищи? – спросил ничего не понявший Юсуп.

– Товарищ капитан, как вы можете нам мешать, если собрались тут ради вас? – улыбнулся Петров.

– Почему ради меня?

– Товарищ капитан, а вы забыли письмо ваших сестёр? Помните, перед вылетом на задание?

Юсуп все понял, улыбнулся механику: хороший он офицер и друг, конечно же, он организовал и эту небольшую вечеринку. Сегодня Юсупу Акаеву исполнилось двадцать два года, и друзья собрались, оказывается, на его день рождения.

Вечер был в полном разгаре, когда послышался шум подкатившей машины и в землянку тихо вошел человек. Офицеры повернулись к нему и быстро встали. Это был полковник Манжосов.

Твёрдым шагом подошел он к Юсупу и, пожав ему руку, сказал:

– Товарищ капитан, поздравляю вас со званием Героя Советского Союза! Только что сообщили из штаба армии.

Офицеры бросились поздравлять своего командира.

– За что же, товарищ полковник? – несмело спросил Юсуп командира дивизии.

Полковник добродушно расхохотался:

– Я вижу, капитан, вы успели забыть, что в прошлом месяце потопили четыре корабля противника. Вы были представлены к званию Героя тогда же...

– Товарищ полковник, сегодня день рождения капитана, – сказал механик Петров.

– Нет, сегодня – день рождения Героя, – улыбнулся командир.

«ЭТО ОН»

*«В любых условиях и в любой обстановке
находит цель и наносит удар –
сокрушительный удар по противнику».*

**Герой Советского Союза майор Степанян
Из наградного листа Юсупа Акаева**

Задание было трудным. Противник упорно оборонялся на своих государственных границах, стараясь не пускать наши войска на свою территорию. На северо-западе особенно цеплялся за рубеж обороны в районе Клайпеды, Лиепая и Пиллау. Нашему наступлению очень мешала вражеская авиация, потому что за последние дни противник успел перебросить сюда из Франции свежую авиационную часть.

Воздушная армия, где служил Юсуп Акаев, получила задание на этом участке фронта обезвредить, а потом и уничтожить авиацию врага. Получила боевое задание и эскадрилья Юсупа Акаева.

Летать приходилось почти каждый день. На самые ответственные задания штурмовиков обычно вел сам командир эскадрильи.

Особенно удачным был штурмовой полёт на порт Пиллау восьмого и двенадцатого апреля. Удалось потопить шесть судов противника водоизмещением двадцать девять с половиной тысяч тонн.

А вот сегодня капитан Акаев вел десять Илов на порт Лиепая, где противник скапливал морские силы для предстоящего контрудара.

На предельной скорости на большой высоте приблизились к месту назначения. Порт был окутан бледно-сизым дымом и с большим трудом улавливались контуры стоящих на рейде кораблей.

Спикировали с ходу, но первый заход не дал ожидаемых результатов: удалось повредить только один катер противника. А второго захода не было: откуда ни возьмись, появились «фоккевульфы», завязался воздушный бой.

Но силы были неравны: вражеских машин оказалось на две больше наших, да била непрерывно зенитная артиллерия всех судов и береговой обороны. Акаев несколько раз пытался перенести бой дальше от берега, где особенно неистовствовали зенитные батареи противника, но это ему не удалось.

«Фоккевульфы» дрались отчаянно, атаковали упорно, шли на риск. Особенно отличался самолёт с бубновым тузом на хвосте. Акаев знал, что такой знак бывает только на машине фашистского аса.

«Конечно, он и является тут ведущим. Только бы снять его!» – подумал Акаев и пошел в атаку на вражеского аса.

«Фоккевульф» дрался отчаянно. Лётчики атаковали в упор, стреляя друг в друга, но слишком опытными были они оба, чтобы сразу поразить друг друга. Был случай, когда их машины чуть не столкнулись лоб в лоб, и, если бы не умение Акаева быстро маневрировать в любых условиях, вероятно, погибли бы оба аса.

Но Акаев не собирался погибать. Ненависть к врагу давала ему силы, крепила волю, помогала выстоять в трудных случаях.

А какой ненавистью горели глаза фашиста! Настолько близко летели они оба, что Юсуп рассмотрел глаза противника. Кажется, враг тоже заметил лицо советского аса. Пусть!

В воздухе шла беспощадная, напряжённая схватка. Не раз разворачивались самолеты той и другой стороны для новых атак.

И вот сейчас советский самолёт стремительно шел к вражеской машине, но в какой-то миг Акаев потерял врага

из виду: между ними, буквально под носом того и другого, чёрной полосой полетел вниз подбитый самолет противника. В следующий миг Акаев ясно увидел перед собой бубновый туз. Он с удовольствием сильно нажал на гашетку и долго не отпускал пальцев.

Вражеский самолёт лениво покачал хвостом, будто прощаясь, и пошёл на снижение. Опускаясь все ниже и ниже, он летел на восток, но дыма еще не было. Он появился спустя несколько минут и как-то сразу обволок густой пеленой и сам самолёт, и тот участок земли, куда он падал.

Теперь численное превосходство было у советских лётчиков. Не потеряв ни одного своего самолёта, они сбили четыре вражеских. Но кончалось горючее, и нужно было уходить. Не успел Акаев дать команду, как увидел, что, потеряв ведущего, враги дрогнули и повернули на запад.

Советские самолёты еле-еле долетели до своего аэродрома. Зная о ходе воздушного боя товарищи сразу прибежали, на руках, можно сказать, вытаскивали лётчиков из кабин. Правда, командира не посмели касаться, и Акаев сам, напрягая последние силы, ловко выпрыгнул из кабины. Никто не заметил, как он с такой же ловкостью вытер с лица градины пота.

На следующий день вечером позвонили из штаба дивизии. Капитана Акаева и тех трех лётчиков, которые вчера сбили вражеские самолеты, вызывали к командиру дивизии полковнику Манжосову.

Люди были не на задании и поэтому немедленно поехали. У командира дивизии сидело несколько старших офицеров и девушка-сержант – дивизионная переводчица.

– Товарищи, – сразу обратился к лётчикам полковник, – сегодня недалеко отсюда, в лесу, поймали лётчика со сбитого вчера вашей эскадрильей вражеского самолета. Вот уж три часа, как просит, чтобы ему показали того лётчика, который сбил его. Да чёрт бы с ней, с его просьбой, но обещал тогда открыть нам какую-то тайну, и поэтому пришлось побеспокоить вас. Мы тут подумали и решили, что стоит вас потревожить из-за этого.

– Товарищ полковник, вряд ли кто-нибудь из нас помнит того, кого сбил он вчера. Как тогда быть? – спросил командира Акаев.

– А это уж его забота. Он уверяет, что отлично запомнил своего «обидчика». Так он и сказал «обидчика», и никогда его не забудет, по его словам, – сказал полковник.

Летчики переглянулись. Акаев на миг представил налитые кровью кипящие злобой и ненавистью глаза фашистского аса.

Приказав ввести пленного офицера, полковник обратился к лётчикам:

– Я знаю, что вам не хочется лишний раз видеть противника. Ну что же делать, враг еще самонадеян и капризен. Но главное даже не в этом, а в той тайне, что он обещает открыть нам.

Акаев узнал его сразу, как только он показался на пороге. Значит, он вчера все же смог выпрыгнуть из горящего самолета. «Собственной шкурой-то дорожит, подлец!» – пронеслось в голове капитана.

Акаев сидел крайним, ближе к полковнику. Вражеский ас по очереди в упор разглядывал летчиков, а дойдя до капитана, быстро отвел взгляд и, обращаясь к командиру дивизии, неестественно громко сказал:

– Это он! Это точно он, господин полковник!

– Я почти не сомневался, – ответил Манжосов.

А вражеский летчик одним выдохом сказал длинную фразу и, опустив голову в поклоне, протянул руку Атаеву.

– Ну-ка, сержант, переводи, что пленный говорил, – обратился полковник к переводчице.

– Он сказал, что немцы уважают храбрых врагов и что он, немецкий офицер, не пренебрегает подать руку советскому капитану, – перевела сержант.

– Неужели так и сказал, что «не пренебрегает»? – спросил полковник. – Уточните это выражение.

Переводчица спросила пленного и, получив ответ, подтвердила:

– Да, товарищ полковник, он еще раз подтвердил выражение «не пренебрегает» подать руку советскому капитану.

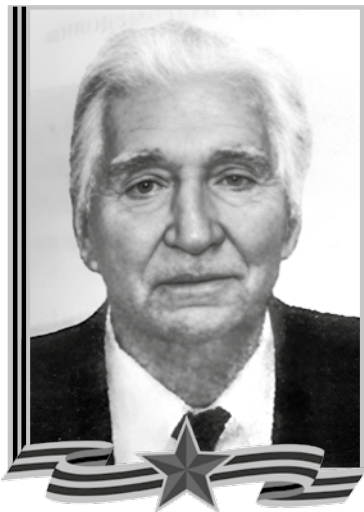
– Вот фокусник, а? – улыбнулся полковник. – Да чёрт с ним! – обратился он к переводчице: – А ну, спросите пленного, какое важное заявление он хотел сделать советскому командованию. Скажите, что я имею полномочия принять его заявление в устной или письменной форме.

Внимательно выслушав переводчицу, пленный поднял руку, отдавая воинскую честь, и самым серьёзным образом обратился к полковнику со следующим заявлением: – Безо всякого принуждения со стороны противника и со всей ответственностью заявляю, что в этой войне при сложившихся обстоятельствах победит Красная Армия! Это глубокое убеждение честного немецкого офицера.

– И все? Он хотел только это сказать? – удивился полковник и, получив ответ через переводчицу, что немецкий офицер «больше ничего не имеет добавить», в сердцах сказал: «Он или круглый дурак, или хочет одурачить нас!» – и, позвав адъютанта, приказал немедленно отправить пленного в штаб армии.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы уже знаете о Юсупе Акаеве? Каково было его воинское звание, род войск, главные награды?
2. Чем очерк как жанр отличается от рассказа или статьи? Как эта форма помогает рассказать о реальном человеке?
3. Чувствуется ли в очерках связь Акаева с его малой родиной – Дагестаном? Как, по-вашему, горский характер, традиции воспитания могли проявиться в его воинской доблести?
4. Проведите небольшое исследование: есть ли в вашем городе, районе улицы, школы, памятные доски, названные в честь Юсупа Акаева или других дагестанцев – Героев Советского Союза? Как сегодня сохраняется память о них?

**КЕРИМОВ
МАГОМЕД
КАСИМОВИЧ**

(1924–2021)

*Прозаик,
публицист*

Родился 21 декабря 1924 года в г. Буйнакске. Лакец. Писал на русском языке. После окончания школы воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Будучи учеником 9 класса, добровольно ушел в армию, где был зачислен курсантом военно-морского училища. Воевал в период ВОВ на боевом тральщике, вначале против немецких фашистов, затем на Дальнем Востоке против японцев. «Эти годы для меня остаются незабываемыми, и я решил написать о своем участии в боях за нашу Родину, своих друзьях и товарищах, отстаивавших независимость Отечества», – писал Керимов. – Пусть молодое поколение узнает, как их деды и прадеды сражались в военных условиях, как отстаивали свободу и независимость Отчизны».

В 1955 году окончил Дагестанский государственный медицинский институт. С 1959 по 1961 г. учился в ординатуре в Государственном научном институте охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР в г. Москве. Работал главным врачом Унцукульской райбольницы, главным врачом детского лечебного объединения г. Буйнакска.

Более 30-ти лет работал зав. отделением Буйнакской детской больницы. С 1992 по 1998 гг. – детский врач при интернате № 3 г. Буйнакск. Напряженную работу врача-практика совмещал с научной работой и литературным трудом. В 1968 году в Саратовском медицинском институте ему присвоена ученая степень кандидата медицинских наук, а в 1984 году в Новосибирском медицинском институте – ученая степень доктора медицинских наук. М. Керимов – врач высшей категории.

Член Союза писателей России с 2008 года. Писать М. Керимов начал ещё на фронте, но серьёзно занялся литературным трудом в более поздние годы. Он автор таких книг, как «Жизнь, отданная детям», «Чётки жизни», «Где-то в Дагестане», «Пройденные годы», «Две жизни», «Две дороги», «Магинора». Романы, повести и рассказы М. Керимова посвящены людям труда, солдатам Великой Отечественной войны, медицинским работникам и всем тем, кому дороги вечные человеческие ценности.

Отличник здравоохранения СССР, врач высшей категории, Заслуженный деятель науки РД. Имеет правительственные награды за участие в ВОВ.

ДАЛЁКОЕ ДЕТСТВО

Мои детство и юность пришлись на тридцатые и сороковые годы XX века, когда Дагестан, набирая силы, стремился полностью освободиться от отсталости в экономической и социальной областях. В то время заметно возросло значение интеллигенции, которая, поняв свою роль и ответственность перед народом, была полна решимости поднять его образовательный уровень.

Родился я в многодетной семье, нас было пятеро детей. Работал только отец, который часто выезжал в другие города на заработки. Мой отец – гравёр и ювелир – подобно тысячам своих соотечественников, безземельных лакских

кустарей, полжизни провел далеко от родных гор, среди казаков и русских.

Матери, ее звали Рукижат, одной приходилось воспитывать детей. Семья держалась на авторитете отца, хотя именно мать спланировала всю семью. Она создавала атмосферу согласия, дружбы, взаимовыручки, воспитывала в нас любовь и уважение к отцу, который в свою очередь всегда поддерживал авторитет матери. Её самоотверженная преданность материнскому долгу, интересам семьи сама по себе служила сильным средством морального воздействия. Она не жалела времени, сил, чтобы мы были сыты и одеты, что было нелёгким делом в тех стесненных обстоятельствах, в которых жил семья из-за недостаточного заработка отца. Она постоянно штопала и перешивала наши курточки, платья, отдавала нам всё и никогда не жаловалась на судьбу. Её жалкие драгоценности были проданы, но мы всегда ходили в чистой отглаженной одежде. Можно только удивляться, как мать успевала всё это делать: на детей не сердилась, была сердобольная, милосердная, никогда не повышала голоса. Она обладала беспредельной добротой, жизнерадостностью, передававшимися нам и формировавшимися наши души. У отца и его братьев было особое уважение к труду, глубокое чувство долга, их отличали человеческое достоинство, благородство, стремление быть честными.

Отца мы боялись, хотя он был справедливым и добрым. Отец и мать были религиозными, соблюдали обряды, но никогда не проявляли религиозного ханжества, фанатизма, нетерпимости.

Мы тоже не сидели без дела. Придя из школы и выучив уроки, работали дома и во дворе. В те давние годы, когда мне было года 4-5, тетя, которая своих детей не имела, попросила маму отпустить меня к ней в селение Кумух: мама не смогла отказать. Мы приехали в большой красивый аул Кумух. Здесь родники с прозрачной ледяной водой и опрятные каменные улочки, древние расписные мече-

ти, чистый воздух, горы высокие и горделивые. Но здесь никогда не хватало плодородной земли. Земельный надел горца можно было накрыть буркой, что вошло в пословицу. Лакцы издавна скитались по белу свету в поисках заработка. Так сложилась еще одна пословица: «Разрежь арбуз и в нем найдешь лакца».

В Кумухе, на крутой горе, сохранились развалины старинной неприступной крепости Бургайкала – свидетельницы боев против Надири-Шаха. Есть старинная мечеть, построенная более тысячи лет тому назад, и замечательные надгробные памятники. Одним из них является могила народного героя Муртузали, возглавившего борьбу дагестанцев с иранскими завоевателями. Согласно преданиям, Кумух – родина Парту-Патимат, отважной горянки, которая возглавляла борьбу горцев против полчищ Тимура...

У тёти я провел некоторое время, часто убегал вместе с другими ребятами и лазил по деревьям, крышам, бегал наперегонки, играл в прятки. Не забуду, как во время такой игры бык поднял меня на рога и понес по узкому проулку, потом опустил на землю и, толкая рогами, покатыл по ней. Я был весь в крови, вылетели зубы верхней челюсти, хорошо еще что бык рогами не вспорол мне живот. Спасся чудом и надолго запомнил этот случай.

С детства полюбил я родной край, суровый и умный свой народ, его острый юмор, задушевные песни, замысловатые лабиринты аульских улиц со слепившимися саклями, туман раннего утра, который таял над каждой саклей вместе с горьковатым дымом кизяка. На годекане любил слушать шутки, говор аульчан, рассказы мудрых стариков.

Учился и жил в Буйнакске, вначале окончил два класса на лакском языке, после чего был переведен в русскую школу в третий класс. Ярко врезалось в память это упоительное время, когда передо мной широко распахнулся удивительный мир знаний.

Много было у нас, мальчишек, забав. Мы любили взбираться на Кавалер-батарею – огромную скалу, нависающую

над речкой. С вершины открывалась нескончаемая панорама лесов, садов и полей. На скале были таинственные выдолбины. Говорили, что отсюда начинался идущий через весь город подземный ход, в котором укрывался Шамиль.

На каждой улице среди мальчиков был свой атаман. Напротив нас жила армянская семья, и с их сыном Володей нам приходилось оспаривать атаманство ежедневно в городском саду. В окружении мальчишек мы дрались до первой крови, которую у меня трудно было остановить.

Мое первое знакомство с врачом произошло при таких обстоятельствах. За Кавалер-батареей текла речка Шуринка, часто мы ходили туда вместе со взрослыми, которые стирали белье, а мы купались. Однажды в знойный жаркий день я шел босиком по берегу речки и наступил на стекло от разбитой бутылки, сильно порезал ногу. Моя старшая сестра на плечах принесла меня в больницу, где врач зашил рану.

А вот другой несчастный случай, который свел меня с врачом. Я сорвался с самодельного турника, и железная труба ударила меня по голове, что вызвало сильную травму черепа. Я потерял сознание. Как и кто меня доставил в больницу, не помню. Только придя в себя, увидел лицо склонившегося надо мною врача. Шрам на голове так и остался по сей день. Вот тогда я понял, что врач пользуется авторитетом и уважением у людей.

В детстве я увлекался живописью, шахматами, играл в футбол. Часто нашу семью посещал мой двоюродный брат, студент – будущий архитектор, впоследствии ставший одним из лучших архитекторов Дагестана. Он долгие годы руководил Дагестанским проектным институтом в Махачкале. Его общение с нашей семьей оставило во мне глубокий след. Появилась мечта стать архитектором или художником.

Наступил 1933 год. Как сегодня помню, нашей семье пришлось выехать из г. Буйнакска; кому-то из местных начальников наш дом показался большим, и семью обложили непосильными налогами.

В течение 6 лет вся семья не имела постоянного места жительства, кочевала из города в город. Вначале переехали в Казахстан в г. Гурьев, где прожили три года, потом жили в г. Каспийске, в то время он назывался п. Двигательстрой и, наконец, в 1939 году переехали в г. Хасавюрт, где всей семьей ютились в двух небольших комнатах, жили в материальном отношении скромно, но достойно, зарплаты отца хватало только на еду. Сколько себя помню, отец уходил на работу очень рано. Мать вставала ещё раньше, с петухами, чтобы приготовить отцу завтрак. Работа у него была тяжёлая. Он работал лудильщиком, как в горячем цеху дышал парами кислот. Рабочий день продолжался до самого вечера. Мы с детства привыкли, что в первую очередь всё было для папы, так как он являлся нашим кормильцем.

Шло время, детство кончалось, и я становился юношей. Юность – особая пора в жизни человека. В этот период возникают сложнейшие и еще не осознанные связи с миром, другими людьми, формируется характер, мускулы наливаются силой. Правда, не все родители радуются взрослению детей. Им кажется, что даже усатый сын – все ещё ребёнок, хотя этот «ребёнок» может запросто повалить годовалого бычка, а дочь, которая начинает менять наряды по несколько раз в день и сурмить брови, ещё не выросла из распашонок. Мальчишки непременно хотят стать взрослыми раньше, и необязательно, чтобы на верхней губе появилась щетина, до которой так приятно дотрагиваться кончиками пальцев, или чтобы на щеках и подбородке вырос пушок, который тянешься сбрить, хотя бритве тут еще нечего делать... Вполне достаточно, если вместо тоненького голоса появился заметный басок. В этот период много почерпнул из книг, внутренний мир стал богаче, глубже, интереснее. Именно в те годы упорно старался решить для себя множество вопросов.

Я жил, как и все тогда. В предвоенные годы в мальчишках воспитывали истинно мужские качества, ценилась физическая закалка, умение стрелять, прыгать с парашютом.

Получить значок «Будь готов к и обороне Родины» было большим событием. И ребята с удовольствием занимались, готовили себя в защитники. Какая же гордость появилась у меня, когда меня наградили грамотой Верховного Совета ДАССР за подписью Тахтарова за то, что будучи допризывником в шестнадцатилетнем возрасте умел отлично стрелять и обучил целый взвод ребят стрельбе из пулемета.

В предвоенное время шли такие кинофильмы, как «Если завтра война», «Чапаев», «Трактористы» и т. д., которые произвели на меня огромное впечатление.

Но тогда мыслей о медицине у меня вовсе не было. Профессия избрала меня сама.

НАС ПОЗВАЛА ВОЙНА

Мирный труд был омрачён вероломным нападением фашистской Германии. Дагестанцы вместе со всей страной встали на защиту Родины. Каждый советский человек понимал, что пришёл час великих испытаний, и готов был занять место в рядах защитников своей страны.

Настали трудные дни. С хлебом, продуктами стало плохо. Я и мои товарищи оставили учебу до «светлых дней» (в то время я учился в 9-м классе). Надо было помочь семье. Устроился работать в райисполком, в нархозучет. Ходил по сёлам и аулам в рваной одежде и обуви и производил учет сельскохозяйственных машин и т. д. Работа была нелёгкая, но зато в буфете райисполкома можно было купить кое-что из продуктов. Я приносил их домой, этим мы и жили.

В соответствии с решениями пленума обкома ВКП(б) развернулась широким фронтом работа по сооружению оборонительных рубежей.

В тяжёлых условиях непогоды еще с осени 1941 года трудящиеся Дагестана начали строить систему оборонительных рубежей по берегам рек Терека и Сулака в районах Махачкалы, Дербента, Каякента. На оборонительных работах трудилось более 100 тысяч человек. Земляных работ

было произведено до 10 миллионов кубических метров. По зову Хасавюртовского горкома комсомола и военкомата как допризывника меня в числе других комсомольцев направили к берегам реки Терек на строительство оборонительных сооружений. Нас было 72 человека. Дали нам участок метрах в пятидесяти от берега. Зима была суровая. Жили мы в шалаше, спали на нарах. Снега было столько, что приходилось отгрести лопатами, работали с утра до вечера, одеты были во что попало. На обед давали горячую похлёбку, хлеб серый замороженный. Рабочий инструмент – кирка и лопата, мы вырыли траншею глубиной в три метра, шириной более 25 метров. И так в течение двух месяцев. Где-то на глубине 2 м 30 см начала выступать вода. Мокрый снег по колено. Копали и выкидывали липкую землю. К утру образовывался лед, и нам снова приходилось разламывать его. Мы свою норму выполняли. Вечером внутри шалаша разжигали костёр, сушили бельё, ботинки и, уставшие, засыпали.

Многие, проявляя патриотизм и трудовой энтузиазм, выполняли по 2-3 нормы в день. В числе таких патриотов были народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров, прославленная колхозница Ханум Магомедова, Герой Социалистического Труда, и многие другие.

Абуталиб Гафуров трудился недалеко от нас. В свободное время доставал из чехла свирель, и лилась прекрасная горская мелодия. Она уносила нас куда-то к альпийским лугам.

Абуталиб когда-то был чабаном, работал лудильщиком. Потом сменил ярлыгу на перо, но со свирелью не расстался. На многих вечерах поэты читали свои стихи, а он выходил на трибуну и играл на свирели. И мелодии эти не хуже, чем его стихи, на которые сложено множество дагестанских песен.

Охваченные пламенной любовью к Родине, рабочие, колхозники, интеллигенция и все трудящиеся показали в эти дни образцы патриотизма, сплочённости, самоотверженности и высокой сознательности.

Исключительный патриотизм, трудовой энтузиазм горцев Дагестана на строительстве оборонительных сооружений неоднократно отмечались военным командованием, руководившим этими работами.

Летом 1942 года я вызвался на фронт добровольцем, но попал не в действующую армию, а в военно-морское училище. Мечта всех сверстников – стать моряком: ходить в бушлате, в тельняшке и бескозырке. Но каково было мое удивление по приезде в город Баку, где располагалось наше училище. Я готов был сбежать. Это училище действительно было морское, но медицинское по профилю, эвакуированное из г. Кронштадта. Готовило оно фельдшеров для воинских частей и кораблей военно-морского флота.

В учебном подразделении, куда нас определили, первое время не говорили о военно-морской службе, о замечательных традициях на флоте. Для начала пришлось взять в руки лопату и лом.

Работали и учились, постепенно постигали многие матросские премудрости: научились мгновенно просыпаться по команде «Подъем» и за сорок пять секунд вставать в строй одетыми и подтянутыми – хоть на парад выводил. Научились четко и лаконично разговаривать с флотскими командирами, укладывать свои вещи так, чтобы по сигналу тревоги безошибочно находить их, если даже по команде проверяющего в кубрике гасили свет, драить полы, пришивать пуговицы к брюкам, гладить и штопать обмундирование, спать в полглаза, есть с аппетитом, не ковыряясь ложкой в миске, как это бывало дома, мыть посуду, чистить картошку, стрелять из винтовки, пробегать в полном боевом снаряжении.

Но вот дана присяга. «Наверное, скоро и в море пойдём», – подумалось мне. Однако сесть пришлось сначала за парту. Считал, что мне, курсанту, как и многим другим, морская наука «даётся без боя». Не тут-то было. Накопленных знаний только-только хватало, чтобы усваивать то, что изучали, без «хвостов» и дополнительных занятий. Бакин-

ское военно-морское фельдшерское училище, только что эвакуированное, еще не имело соответствующей материальной базы и работало в тяжёлых условиях.

С каждым месяцем росло напряжение в учёбе, сокращались сроки прохождения материала, а программа усложнялась. Много сил и времени уделялось наземной подготовке, куда входило рытьё траншей, окопов, изучение оружия, станкового пулемета, пушек.

Медицинскую практику проходили в эвакуогоспиталях, которые были развёрнуты в Баку. Для них были выделены самые лучшие здания, первоклассная медицинская аппаратура и инструменты. В предельно короткий срок госпитали комплектовались кадрами, оборудовались и оснащались необходимым инвентарём.

Вспоминаю первый день практики в госпитале. Многим курсантам стало плохо от запаха лекарств, от вида ран и крови, когда вошли в перевязочную. Мы, гражданские парни, сменившие рубашки и пиджаки на тельняшки, форменки и бескозырки, сразу же получили направление на учебный корабль «отморячиваться» – постигать премудрости флотской жизни, вязать хитрые морские узлы, изучать флажные сигналы, непривычную морскую терминологию. Независимо от погоды курсанты ходили на шлюпках под парусами и на вёслах. Руководили нами опытные преподаватели и старшины-сверхсрочники.

Когда говорят о службе на флоте, то часто связывают её с романтикой. Действительно, кто из молодых людей еще в детстве не восхищался героями морских рассказов и романов Станюковича, Стивенсона, Жюль Верна, Новикова-Прибоя, Грина, Соболева, не плавал вместе с ними по всем морям и океанам, переживая удивительные приключения? Названия парусов – кливер, стаксель, грот, марсель – и сейчас вызывают много воспоминаний из прочитанного и услышанного.

По воскресеньям нам, курсантам, давали увольнение в город. Мы готовились и ждали этого дня: надо было погла-

дить форменный воротник, проутюжить брюки, чтобы был опрятный вид, на бушлате пуговицы блестели, начистить ботинки.

Был со мной случай, он запомнился на всю жизнь. Мы готовились к увольнению в город. Я попросил у товарища крем и щётку для обуви, он стоял неподалёку от меня и чистил свою обувь. Товарищ мне отказал, тогда я произнес: «Что ты жидишься?»

На вечерней поверке командир курса капитан третьего ранга Сидельников перед строем провел беседу на тему о дружбе наций. Он заметил, что от действия одного человека нередко зависит судьба корабля и всего экипажа. Человек в такой ситуации должен выполнять свой долг перед Родиной, перед народом, сыном которого он является. В настоящее время Родина в опасности, и у каждого человека должны быть, как никогда, высокие и благородные чувства дружбы и братства, высокая культура межнационального общения, нетерпимость к проявлениям национализма и шовинизма. Нормы социалистической морали – это подлинно интернационалистический такт и уважение к людям других национальностей, доброжелательность и чувство коллективизма, готовность всегда прийти на помощь человеку любой национальности.

Потом была дана команда: «Смирно! Курсанту 2-ой роты Керимову М. выйти на 4 шага вперед!» По приказу командира курса мне было объявлено 20 суток строгого ареста. Впоследствии я узнал, что тот парень был евреем. На четвёртые сутки, когда я сидел в карцере (гауптвахте), случайно прочитал газету «Комсомольская правда», где был напечатан указ о награждении меня грамотой Верховного Совета ДАССР за отличную подготовку допризывников. Эта газета попала в руки командира роты старшего лейтенанта Коновалова. На следующий день я досрочно был освобождён...

Ничего не давалось легко. Были ошибки, а трудности преодолевались решительностью и целеустремлённостью.

Курсантская служба сложна системой взаимоотношений между курсантами: старшим в отделении является старшина 1 или 2 статьи, и его авторитет непререкаем. Его распоряжения и приказания ни сомнениям, ни обсуждениям не подлежат.

Старшины отделения не имели жизненного опыта, не учитывали национальности людей, воспитания, характера. Ко всем относились одинаково. Одни курсанты были медлительными, самолюбивыми и неразговорчивыми. Другие – со вспыльчивым и обидчивым характером.

Не забуду случая – курсант повесился в гальюне. В кармане нашли записку, в которой он обвинял старшину отделения в издевательском отношении к себе. По национальности курсант был армянин. Самоубийцы, кажется мне, – это душевнобольные, кончают с собой не из-за мести кому-либо, а из жалости к себе, из-за своей беспомощности, бессилия, неудач.

Страшное чувство – жалость к самому себе!

Мы производили уборку кубрика, драили гальюны, подметали территорию, чистили картошку, мыли ворох грязной посуды, одним словом, выполняли черновую работу по самообслуживанию, как это принято в матросском быту. Конечно, каждого из нас обижало, когда получали наряды вне очереди, особенно, когда посылали чистить гальюны.

Военную подготовку проходили в окрестности г. Баку, в песках, где в июле более 30 градусов в тени. Необходимо было за короткое время, не высовывая головы, вырыть окоп. Это очень трудно, песок вновь сыпался в окоп. Мы, курсанты, должны были быть хорошими спортсменами, всегда быть в форме.

Мы, курсанты, изучив досконально свое ремесло, всегда должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент выполнить возложенную на нас задачу.

Хотелось бы, чтобы особенно молодой читатель понял из моего рассказа, что война – не увеселительная прогулка,

война – тяжёлый повседневный труд, это житьё-бытьё в экстремальных условиях, кровь и грязь, ранения и смерть, но это – и величайший подъём человеческого духа, фронтовое товарищество, любовь к Родине. Хотелось бы, чтобы читатель знал, сколько вынесло военное поколение и чем молодые ему обязаны.

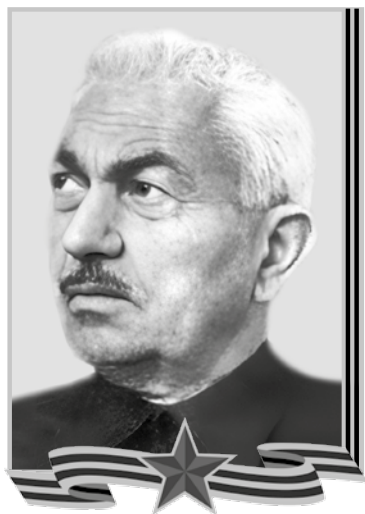
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие эпизоды из воспоминаний вам особенно запомнились и почему?
2. Какая атмосфера была в семье героя рассказа «Далёкое детство»? Как вы понимаете слова «Отец и мать были религиозными, соблюдали обряды, но никогда не проявляли религиозного ханжества, фанатизма, нетерпимости».
3. Почему рассказ назван «Нас позвала война»? Можно ли на войне остаться ребёнком? Почему дети на войне рано выросли?
4. Можно ли назвать эти рассказы документами эпохи? Почему?
5. Напишите письмо от своего поколения детям войны. Что бы вы хотели им сказать? Какие вопросы задать?

**КУРБАНАЛИЕВ
ИБРАГИМХАЛИЛ
КУРБАНАЛИЕВИЧ**

(1891–1985)

*Поэт,
прозаик*

Родился в 1891 году в дагестанском селении Унчукатль. Окончил Московский государственный институт журналистики.

Работал в различных государственных учреждениях республики, сотрудничал с республиканскими газетами.

Ибрагимхалил Курбаналиев – участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Имеет боевые и памятные правительственные награды.

Первые публикации Ибрагимхалила Курбаналиева датируются 1916–1917 гг. В 1932 году в Даггизе вышла в свет первая книга Ибрагимхалила Курбаналиева «Джабраил» (рассказ о тяжёлой жизни мальчика-подмастерья), позже она была переведена и издана на всех языках народов Дагестана. В том же году вышел в свет его первый поэтический сборник.

Член Союза писателей СССР с 1934 года, участник Первого Вседагестанского съезда писателей и Первого съезда писателей СССР в 1934 году. Избирался членом Правления Союза писателей Дагестана.

ЛАКИЯ

Родину все любят, говорят.
Как им не поверить, посуды:
Всё вокруг – как божья благодать,
Лакия у каждого в груди.

Горы там могучи, говорят,
Тучи их окутывают мраком,
Молнии стремительный разряд
Разрывает небосвод зигзагом.

Грозно гром грохочет, а потом
Ливень льётся и бронёй потока
Всё сметая, мчится напролом,
И вздымает реки от истоков.

Пережди грозу, и вот уже
Дождь утих и облака светлеют,
Луч мелькнёт в пологом вираже,
Вспыхнет, улыбнётся, осмелеет.

Развернётся радуга, и солнце
Весело и звонко засмеётся.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К какому виду лирику отнесёте это стихотворение?
2. Есть ли развитие действия в этом произведении? Обоснуйте.
3. Какая, на ваш взгляд, связь между понятием малой родины и понятием Родины?

КУРБАНОВ МАГОМЕД

(1916–1942)

*Драматург,
актер*

Кумыкский драматург и актёр Магомед Курбанов родился в селении Нижнее Казанище Темир-Хан-Шурина округа в семье крестьянина-бедняка. Ещё в средней школе любимыми занятиями Магомеда были литература и спортивные игры. Он часто выступал в спектаклях сельской художественной самодеятельности. Когда в селение приезжал Кумыкский музыкально-драматический театр, Магомед не пропускал ни одной постановки, а позже, несмотря на протесты родных, пошёл работать в театр. Там проявились профессиональные способности Курбанова как актёра. Вначале ему поручали второстепенные и незначительные роли, а затем, заметив незаурядные способности, стали доверять сложные и ответственные роли. Надо отметить, что он без устали работал над совершенствованием своей профессиональной подготовки и общих знаний. В пьесе Ш. Абдуллаева «Гулпар» Магомеду поручили главную роль царского офицера Сурхая. Как-то этот спектакль посмотрела его мать. Она устроила ему большой скандал:

её сын – белогвардейский офицер, выступавший против трудового народа! Друзья Магомеда еле-еле успокоили ее.

В своем произведении «Спутники» поэт, драматург и актер Ш. Абдуллаев писал: «Магомед Курбанов от рождения оказался способным и талантливым артистом. Он был очень общительным в коллективе. Хорошо был знаком с кумыкской литературой, как письменной, так и устной, что и дало ему возможность создать такое произведение на народных анекдотах, как «Мулла-Насреддин».

На сцене Кумыкского музыкально-драматического театра пьеса была поставлена впервые 28 января 1940 года. Премьера прошла с большим успехом. Сам Магомед Курбанов играл роль купца. С той поры эта пьеса не сходила со сцены не только кумыкского, но и других дагестанских театров. Спектакль «Мулла-Насреддин» вошёл в золотой драматургии нашей республики.

Талантливый драматург, актёр Магомед Курбанов пал смертью храбрых в 1942 году.

МУЛЛА-НАСРЕДДИН

*Комедия в 3-х актах
Сокращённый вариант 1 акта*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мулла-Насреддин

Джумайсат – его жена

Голбетт – дочь Муллы-Насреддина

*Каирбек, Жанбек – соседи Муллы-Насреддина,
молодые люди*

Солтан – один из богатых людей в селе

Хасан – его сын

Зазав – его сестра

Хосар – старшина

Муминат – его жена

Первый вор

Второй вор

ПЕРВЫЙ АКТ

Улица на окраине села. С внешней стороны вдоль улицы расположено кладбище. Напротив – дом Муллы-Насреддина. После открытия занавеса появляется Мулла-Насреддин. Он сидит на осле задом наперед, на спине его вязанка дров.

Мулла-Насреддин. Шагай, друг, шагай. Осталось всего шесть шагов, и мы дома.

Джумайсат (выйдя из ворот). Вуя, неслыханное дело! Кто увидит – смех, кто не увидит – грех.

Мулла-Насреддин. Ничего удивительного. Ишак меня везет, я – вязанку.

Джумайсат. Безжалостный человек! Сам уселся на бедном животном, да еще и вязанку дров погрузил.

Мулла-Насреддин. Вязанка на моих плечах. Стало быть, ишаку легче.

Джумайсат. Какое же это облегчение, если и сам сидишь, и вязанка на твоей спине?

Мулла-Насреддин. Дрова на чьей спине?

Джумайсат. На твоей, но тяжесть поднимает ишак.

Мулла-Насреддин. Подойди-ка поближе.

Джумайсат. Ты что задумал?

Мулла-Насреддин. Эти дрова я переложу на твою спину. И ты поймешь, что тяжесть падает переложу на спину, а не ишака.

Джумайсат. Удивил! Конечно, тяжесть будет давить на того, кто ее поднял.

Мулла-Насреддин. Вот и закрой свой рот.

Джумайсат. Идет на всякую хитрость, лишь бы не признаться. *(Указывая на ворону.)* А эта на что тебе?

Мулла-Насреддин. Хочу проверить, живёт ли ворона сто лет.

Джумайсат. Надеешься сто лет прожить? Тебе сейчас уже шестьдесят.

Мулла-Насреддин. Не ври. Мне в этом году исполнилось только пятьдесят.

Джумайсат. Сам стареешь, а годы идут на убыль. Десять лет тому назад ты говорил, что тебе пятьдесят.

Мулла-Насреддин. Мужчина должен быть тверд в своем слове. (*Уставился на ишака.*) Послушай, обрати лучше внимание на состояние ишака. Валлах, он захворал! Иначе он не опустил бы голову. (*Прикладывает ладонь ко лбу ишака.*) Температура!

Джумайсат. Ничего у него нет. Притворяется, чтобы на нём не возили дрова.

Мулла-Насреддин (глядя на ишака). Так ли она говорит?

(Ишак отрицательно мотает головой.)

Видишь? Ишак с тобой не согласен. Бог тебя вознаградит Джумайсат, посмотри, что его беспокоит. О, горе мне!

Джумайсат. Не причитай, мужчина! Лучше попытаемся найти какое-нибудь средство.

Мулла-Насреддин. Найди, ради аллаха! Ты у меня все можешь.

Джумайсат. Посмотри на него! Я же говорила, что он хитрит. Ничего у него не болит. Просто не хочет возить дрова, Плохой, невоспитанный, безнравственный ишак. У него ишачьи нравы.

Мулла-Насреддин. Какие должны быть нравы ишака, сели он ишак? А вот ты, сознательный человек, нередко поступаешь по-ишачьи.

Джумайсат. Замолчи, ишачий заступник!

Мулла-Насреддин. Ишак хоть дрова возит, а вы что делаете?

Джумайсат. На что мне твои дрова, когда приготовить нечего. Целый день бегали, не смогли найти тарелку муки в долг.

Мулла-Насреддин. Ступай домой, займись своим делом.

(Появляется Гюлбетт.)

Гюлбетт. Целый день только и грызутся!

(Ушла.)

Мулла-Насреддин. Мой ишак умнее тебя.

Джумайсат. Ишак умный, а ты дурак. Стоит тебе добыть несколько монет, как всех сельчан на шурпу приг-

лашаешь. А на следующий день мы зубы на полку кла-
дём.

Мулла-Насреддин. Больше этого не будет. Поумнел я.

Джумайсат. Поумнел, а в желудке музыка играет.

Мулла-Насреддин. Потерпи немного, продам дрова, куплю муки...

Джумайсат. Что можно купить за твои гроши?

Мулла-Насреддин. На эти деньги можно будет купить хорошего ишака.

Джумайсат. Только ишак у тебя на уме. А жене, которая не вылезает из этих лохмотьев, платье купить не подумал?

Мулла-Насреддин. Подумал. Сначала купим трудоспособного ишака, потом...

Джумайсат. Вай, аллах! За душой ни копейки, а он только об ишаке и думает.

Мулла-Насреддин. О ком же мне еще думать? Ведь я в день двадцать копеек на ишаке буду зарабатывать.

Джумайсат. Но если мы их израсходуем на еду, тогда на какие деньги ты купишь нового ишака?

Мулла-Насреддин. Тогда не купим ишака.

Джумайсат. Тогда я останусь без нового платья (*Плачет.*)

Мулла-Насреддин. Тогда надо купить ишака. Зачем плачешь?

Джумайсат. Вспомнила маму. Если бы она была жива, я бы в тебе не нуждалась. А ты почему плачешь?

Мулла-Насреддин. Оттого, что умерла твоя мать, а не ты.

Джумайсат. Я уйду от тебя, бесстыдник!

Мулла-Насреддин. Бог тебе в попутчики. В какую сторону отправишься?

Джумайсат. Уйду, куда глаза глядят.

Мулла-Насреддин. Уходить будешь, голову оставь здесь, не то охотник встретит и подумает, что ты дикая утка, и пристрелит.

Джумайсат. Издеваешься? Я думала, что ты меня уговаривать будешь, чтобы я осталась. Хорошо, я уйду.

Мулла-Насреддин. Скатертью дорога, моя единственная!

Джумайсат. Конечно, уйду.

Мулла-Насреддин. Иди, иди...

Джумайсат. Уйду, уйду.

Мулла-Насреддин. Желаю добраться до высоких звёзд.

Джумайсат. Теперь я знаю, что ты меня никогда не любил.

Мулла-Насреддин. Любил, не любил, а скажи, куда идешь. Может, когда-нибудь мне понадобится.

Джумайсат. Куда хочу, туда и иду. Буду служанкой работать. Или по домам воду таскать. Пусть люди говорят, что жена Муллы-Насреддина прислуживает всем и каждому.

Мулла-Насреддин. Обесчестить меня хочешь, да?

Джумайсат. Я тебе ещё не то покажу!

Мулла-Насреддин. Вернись, душа моя, вернись орган моего дыхания, клапан моего сердца! Вернись! Я же пошутил.

Джумайсат. Никогда!

Мулла-Насреддин. Ну я же пошутил.

Джумайсат. А я не шучу.

Мулла-Насреддин. Я приказываю тебе, вернись!

Джумайсат. А я не подчиняюсь твоему приказу.

Мулла-Насреддин. Тогда скатертью дорога.

Джумайсат. Ну, что хочешь? Что?

Мулла-Насреддин. Ничего!

Джумайсат. А я хочу! Хочу, чтобы ты был со мной ласков.

Мулла-Насреддин. Ха-ха! А может быть, тебя еще на спине покатасть?

Джумайсат. Эх, лучше всего – продать дрова и купить муки.

Появляется Солтан.

Солтан. Мир годекану, Мулла-Насреддин!

Мулла-Насреддин. Можно обойтись и без годекана, лишь бы торговля шла.

Солтан. Торговля на дрова?

Мулла-Насреддин. А что?

Солтан. Мать моя жаловалась, что кончились дрова. Сколько просишь?

Мулла-Насреддин. Двадцать копеек. Дрова хорошие!

Солтан. Ради тебя и шести гривенников не пожалею.

Мулла-Насреддин. Такими должны быть хорошие друзья. Я не забуду твою доброту. Как поправится мой ишак, я хорошо нагрузжу его дровами и привезу тебе.

Солтан. Буду ждать. *(Передает деньги.)*

Мулла-Насреддин. На, жена, радуйся и расходуй, как хочется.

Джумайсат. Дёшево продал дрова.

Мулла-Насреддин. Тогда завтра сама пойдешь, принесешь дрова и продашь дорого.

Джумайсат. Хочешь, чтобы на спине тащила дрова? Я что – ишак?

Мулла-Насреддин. Я не сказал, что ты – ишак.

Джумайсат. Но подумал.

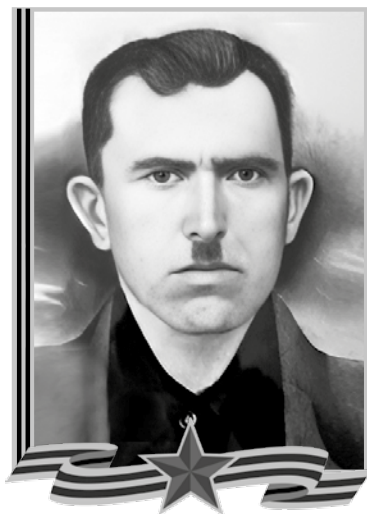
Мулла-Насреддин. И не подумал. Купи муки и ячмень для ишака.

Джумайсат. Ты сказал, чтобы эти деньги я тратила, как мне захочется.

Мулла-Насреддин. Вот мне и хочется, чтобы и мы были сыты, и наш ишак.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте по ролям отрывок, предварительно поняв особенности характеров персонажей и характер их взаимоотношений.
2. Мулла-Насреддин в разных историях предстает по-разному: мудрец, глупец, бедняк, хитрец, шутник, философ. Почему он так часто притворяется глупым? Какую цель преследует эта «глупость» и что помогает высмеять?
3. Какие социальные проблемы отражены в приведенном отрывке?
4. Как вы думаете, какие современные пороки мог бы высмеять Мулла-Насреддин?

МАГОМЕДОВ БАГАТЫР

(1903–1945)

*Поэт, переводчик,
лингвист, составитель
русско-даргинского
словаря, учитель*

Родился Багатыр Магомедов в селении Гапшима Акушинского района в бедной крестьянской семье. Трудным было его детство, но тяга к знаниям была сильна: он рано научился читать и писать по-арабски. Владел несколькими языками: кумыкским, азербайджанским, арабским и русским.

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила жизнь горцев, открыла перед ними широкую дорогу к счастливой и свободной жизни. Изменилась и жизнь Багатыра, он посвятил себя педагогической деятельности: был первым учителем в селении Муги, а в 1924–1929 гг. – директором Мугинской школы, потом была работа в школе селения Леваши. Своим бескорыстным трудом Багатыр Магомедов заслужил любовь и уважение учеников и их родителей.

Учительство Багатыр Магомедов сочетал с журналистикой (работал в областной даргинской газете) и литературной деятельностью: писал стихи, переводил на даргинский язык произведения русской литературы и литературу

народов Востока, а также стихи народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского. Молодой поэт писал о новой свободной Родине, о своих современниках, воспевал традиции горцев, но критиковал тех, кто цеплялся за старые вредные адаты.

Великая Отечественная война оборвала мирную жизнь. У Багатыра Магомедова, как у директора школы, была броня. Однако он добровольцем ушёл на фронт и сражался в рядах 117-й гвардейской стрелковой дивизии. С фронта он написал жене, что она должна получить весть, которая обрадует её и детей. Он имел в виду награду – медаль «За отвагу». Но семья получила ее только через 45 лет, в ноябре 1989 года. Пять месяцев не дожидаясь этого его любимая жена. Багатыр Магомедов похоронен с воинскими почестями на территории Польши, в двух километрах от станции Кебельн, в братской могиле №1. Ему было 42 года. За месяц до гибели в письме к родным (это единственное его письмо, которое сохранилось) он писал: «Я сейчас в Германии. Все время идём вперёд. Подошло время добить раненого зверя в его берлоге... Я горжусь тем, что мне посчастливилось освободить не только свою Родину, но и другие народы... Дорогая Райганат, береги детей. Я до сих пор чувствую тепло их рук... Было бы хорошо, если бы вернулся домой после войны. Если же не вернусь, живите так, как будто я с вами. Ваш Багатыр».

Багатыр не вернулся, но оставил после себя добрую память в сердцах своих учеников, творческое наследие: его стихи даргинцы знают наизусть, на многие его стихи написаны песни.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Ты – круча, Что к небу возносится гордо, Ты – в море кипучем Крутая волна. Страна, ты могуча Единством народов И лучшими в мире сынами Сильна.	Источник всех знаний, Ты – дружбы и мира Недремлющий штаб. Как горный гранит, Нерушимы границы, Как птица, Пилот над тобою парит.
Душа континентов, Пропеллер планеты, Размашист и крепок Уверенный шаг,	И если война Полыхнет, как зарница, Враг будет разбит! Враг будет разбит!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой образ страны создан автором? С чем сравнивает поэт её могущество?
2. Какая основная мысль проводится автором в этом стихотворении?
3. Почему последняя строка повторяется дважды?

МОЯ ЗЕМЛЯ

Была красотою Отчизна горда,
На труд и на подвиг шла с песней весёлой.
Как в сказке, вставали твои города,
Как солнце, светились далекие села.

Нам партия счастье найти помогла,
Дала нам орлиные крылья и силы.
Она нас сквозь все испытанья вела
И жизнь путеводной звездой озарила.

Но грянула чёрною бурей война...
Седлайте горячих тулпаров¹, джигиты!
Вставай, поднимайся, родная страна,
Для мести священной, для праведной битвы!

За счастье народное битва идет.
Так пусть же узнает безжалостный враг,
Что даже костей от него не найдет
На поле сраженья жестокого ворон.

Победа нам в схватке с врагом суждена.
Пусть грянут орудья, пусть танки помчатся.
Вставай, поднимайся, родная страна,
На смертную битву за правду, за счастье!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На какие части можно разделить стихотворение? Составьте план к тексту.
2. С какой целью автор использует в конце стихотворения глаголы в повелительном наклонении?
3. С какой целью автор использовал слова тулпар, джигиты? Можно ли эти слова отнести к этнолексике, к языковым средствам внесения национального колорита в текст стихотворения?
4. Отметьте, какие образно-выразительные средства встретились в стихотворении, выпишите эти средства в тетрадь.

а) метафора

г) гипербола

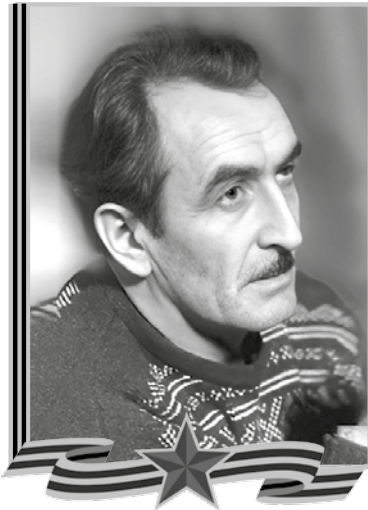
б) олицетворение

д) синекдоха

в) сравнение

е) эпитет

¹ *Тулпар* – крылатый конь из тюркской мифологии, герой многих легенд и сказок. Символ скорости и выносливости, олицетворяет силу и мужество.

**МАГОМЕДОВ
МИРЗА
МАГОМЕДОВИЧ**

(1922–1971)

*Поэт, писатель,
переводчик, драматург*

Поэт родился 28 декабря 1922 года в селении Хосрех Кулинского района в семье портного. Учился в Хосрехской и Кулинской сельских школах, в послевоенные годы окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве. Мирза Магомедов – участник Великой Отечественной войны. Награждён боевыми правительственными наградами. Получив тяжёлое ранение, был демобилизован в 1942 году. Работал учителем, редактором дагестанского книжного издательства, затем редактором Даградиокомитета. Член Союза писателей с 1956 года.

Начало литературной деятельности Мирзы Магомедова относится к 1940 году. Он писал стихи самых разных форм и жанров: оды, лирические стихи, песни, сатиры, миниатюры, поэмы, пробовал себя в прозе, писал очерки, оставил незаконченную повесть «Увенчанное счастье». Ему принадлежит пьеса «Мечь и любовь», поставленная на сцене Лакского драматического театра им. Э. Капиева. В Москве им был издан сборник «По стопам отцов» (1966), в который

вошла и поэма «Талисман». Ещё раньше, в 1962 году, в Махачкале вышел сборник стихотворений на русском языке «Всегда с тобой», на родном языке «У горных источников», «К новым победам», «Солнечные лучи», «По стопам отцов», повесть «Исполнившееся желание». Многие его стихи переложены на музыку лакскими композиторами: Ширвани Чалаевым, Мазагибом Шариповым («Чёрные глаза», «Почему скажи» и др.). Перевел на лакский язык книгу Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее», Мусу Джалиля и др.

Лакским читателям Мирза известен в основном как поэт-лирик. Многие стихотворения Мирзы Магомедова посвящены теме любви. 26 июня 1970 года в расцвете сил и в творчестве Мирза Магомедов ушел из жизни.

О СЕБЕ

Мне было семнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. Пришлось ваять в руки винтовку раньше, чем я держал в своей руке руку девушки.

Мой отец был всего на шестнадцать лет старше меня. И, конечно, когда над Родиной нависла серьёзная опасность, он не остался сидеть у камина. Два моих брата тоже отправились на фронт. Дома у нашего очага оставалась одна мать и маленькая сестренка.

Я никогда не думал, что влюблённое в красоту горной природы мое сердце способно к насилию над человеком. У нас в горах цветов больше, чем травы. В детстве, когда мне приходилось пасти овец, по лугам я старался ступать осторожно, чтобы не растоптать цветы. До чего же странная эта война – там мне пришлось убивать людей...

Удивительный человек моя мать. Дома у своего очага она разговаривает стихами, песнями. Нет она совсем не стремится разговаривать стихами. Просто из её уст слова льются, как песня.

И я, кажется, через материнское молоко унаследовал от матери небольшую частицу ее таланта. Сама природа дагестанских гор сложена, как песня. Вокруг нашего аула расположены достающие до небес горы. А кусочек неба над селом такой, что и орлу парить негде. Взгляните в летнюю ночь на этот кусочек неба, где мириады звезд. Как они только умещаются на таком маленьком пространстве? Если их раздать всему населению земного шара по горсти, то много еще останется.

В детстве я думал, что все мои сверстники сочиняют стихи. Может, они и сочиняли. Только они не были, наверное, такими, как я, гордцами... Не было, наверное, ни одного сердца, которое не воспевало бы природу со столь удивительно красивым орнаментом, свободную и благородную жизнь...

А я считал, что это право дано только мне. Но потом понял, что все горцы – поэты, и что я рядовой этой армии, которой командует жизнь.

В 1943 году вышел первый сборник моих стихов. Потом еще восемь книг, но первая мне дороже.

Я и сам не знаю, влюблялся ли я когда-нибудь, но у меня есть маленькая дочь Жамила. В том, что я поистине влюблен в неё, я признаюсь. Ну, а что касается остального, пусть судят читатели.

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Папаху сняв, с аулом я простился:

– Пока вернусь я, расцветай! – сказал.

Горам высоким в ноги поклонился:

– Будь счастлив, мой родимый край! –
сказал.

Я мать поцеловал – набрался силы,
Из рук отца я смелость взял с собой,

Бесстрашье принял от невесты милой,
По зову сердца уходя на бой.

Я защитил и скалы, и отроги,
Отца и мать, и милую мою.
И вот, пройдя военные дороги,
Я снова здесь – в родном своём краю.

ОТЕЦ ГОВОРИЛ

Семнадцать было мне.
Взрослей отец мой
Был на семнадцать.
Под огнём врага
Мы разговор вели в окопе тесном,
Как дома у родного очага.

Рвались снаряды,
Пули тесно пели,
Впиваясь в бруствер – в каменистый горб..
А он их слушал, как напев свирели,
Как барабана свадебного дробь.

Он был спокоен.
Бритый, черноглазый.
Рука – в землистых паутинках жил.
Он сыном не назвал меня ни разу, –

Так молод был!
Он говорил обыденно и просто
О пастбищах, о заливных лугах..
Казалось, не оружие, а посох,
Пастуший посох был в его руках.

Он говорил мне:
– Если ночью тёмной
С пути собьёшься – на гору взойди.
Путь будет крут,
Но только сверху, – помни! –
Ты огонёк увидишь впереди.

Ещё сказал:
– Упав, не дай кому-то
Себя топтать.
А упадёт другой –
Не наступи!
И в эту же минуту
Подняться помоги,
Возьми с собой.

А бой кипел.
Ударил залп тяжёлый,
В сырой окоп отец упал ничком...
И только перед смертью, бледный, желтый,
Он ласково назвал меня «сынком»...

Теперь отец на год меня моложе...
Порой сынишку на руки беру –
На деда удивительно похож он –
И так ему негромко говорю:

– Сын! Если упадёшь,
Не дай кому-то
Себя топтать.
А упадёт другой, –
Не наступи!
И в эту же минуту
Подняться помоги,
Возьми с собой!

* * *

Много раз я с колена
Стрелял по врагу.
Потому на колени
Теперь – не могу.

Мне осколками каску
Срывало в бою.
Ни пред кем не снимаю
Папаху свою.

В ОКОПЕ

Пусть этот год в огне войны пройдёт,
Дождем свинцовым утоляя жажду
Фашистских орд; пусть смерть меня зовёт –
Я спорю с ней, сражаюсь, снова стражду,
Но знаю, что победа лишь за мной.
Я жизнь готов отдать тебе одной,
Моя страна, и умереть бы рад,
Чтоб ты цвела. Я, жизнь, тебя люблю,
И время дивное, где выше всех наград
Возможность счастливо с другими я делю
И право высшее, священное для нас –
Исполнить с честью сталинский приказ.

* * *

Я честь не прятал
За барьером власти,
Перед судьбой
Обличье не менял

О жизнь!
Я на твоём широком поле
Трудился как поэт
И как солдат.

И тропку для своих
Удач и счастья
Папачкой никогда
Не подметал.

И если ни один
Не вырос колос,
То знай, что в этом
Я не виноват.

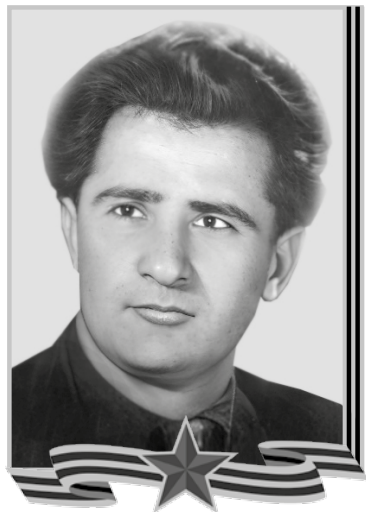
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В приведенных стихотворениях есть повторяющийся образ – это образ папахи. Как меняется смысл образа и какое наполнение получает в каждом стихотворении?
2. Как раскрывается в произведениях тема отцов и детей? Как вы понимаете завет отца «Не дай кому-то Себя топтать. А упадёт другой, – Не наступи!»
3. Почему отец называет сына «сынок» только перед смертью?
4. Как в стихотворении «Много раз я с колена» физическое действие «стрелял с колена» превращается в нравственную позицию («на колени... не могу»)?
5. Какое из стихотворений можно назвать итоговой исповедью?
6. С какими испытаниями сталкивался герой и как он на них отвечал («Я честь не прятал...»)?
7. Как вы понимаете метафору «не вырос колос»? Это признание неудачи или правоты?
8. Как в этих произведениях отражаются традиционные ценности горской этики?

**МИРЗАЕВ
АБДУЛ
ТАЙЗИЕВИЧ**

(1925–1996)

*Поэт,
журналист,
педагог*

Абдула Тайзиевич Мирзаев родился в 1925 году в селении Кули Кулинского района ДАССР. Окончил Кумухское педагогическое училище, а в 1960 г. – Литературный институт им. М. Горького в Москве. Работал редактором лакского радиовещания, учителем литературы в селении Балхар Акушинского района.

Участник Великой Отечественной войны, имеет награды.

А. Мирзаев – автор 20 поэтических сборников. Стихи писал с 1952 года. Поэт издал несколько сборников на лакском и русском языках. Первые его стихи были напечатаны в 1950 году на страницах районной газеты «Новый Путь», позже – в лакском выпуске альманаха «Дружба». В 1954 году вышла его первая книга стихов на родном языке «Весенние цветы».

В последующие годы вышли сборники стихов А. Мирзаева «Голоса сердца», «Звёзды», «Хорошие люди», «Пять песен», «Жажда», «Струны времени», «Колос» и др. Избран-

ные произведения поэта опубликованы в книге «Жажда жизни» (1995). Член Союза писателей СССР с 1957 года.

Его произведения переведены на русский и другие языки. В разные годы вышли поэтические книги А. Мирзаева в переводе Я. Козловского на русский язык для детей младшего школьного возраста.

Темы произведений А. Мирзаева разнообразны. Поэт смотрит на отражаемую им действительность глазами труженика: чабана, доярки, учителя, врача, садовода, каменщика. Он писал о своей горной стране, тружениках села, мастеровых Балхара, о любви, о жизни. У него много благопожеланий, переработанных автором пословиц.

Многие стихи поэта положены на музыку дагестанскими композиторами М. Кажлаевым, Г. Гасановым, Ш. Чалаевым, Н. Дагировым и стали популярными лакскими песнями. Знаменитая певица Эдита Пьеха включила в свой репертуар песню на его стихи.

ПИСЬМА ОТЦА

Я сегодня прочёл все военные письма отца,
Обращённые к матери... Я перечёл много строк.
Нет в них слов о любви, хоть хранил он её до конца,
Нет в них слов о любви – а её он навеки сберег.
Я читал и читал, словно собственную судьбу,
Шёл в глубины её и касался холодного дна.
Будто строки отца, шли морщины по ясному лбу,
И над ними сверкала материнская седина.
Эти волосы чёрными были, пока он был жив,
А теперь эти лёгкие пряди белее, чем мел,
Пеплом, солью морскою внезапного горя порыв
Пронизал их, и я на пути его встать не сумел.
Дорогая моя, ты увидела больше, чем он,
Дней, исполненных радости, – праздничных,
будничных дней,

Светом глаз твоих добрых, быть может, и мир освещён.
Потому твои слёзы в душе отдаются больней.
И морщины, что прочно на лице твоём залегли,
На дороги похожи, по ним шёл отец мой на бой.
Белый локон – как будто над холмиком дальней земли –
Всё грустит, всё трепещет от ветра цветов полевой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Это стихотворение – не просто рассказ о войне, а исследование памяти, боли и невысказанной любви, которые передаются через поколения. О чьих судьбах это стихотворение? Какое переживание, на ваш взгляд, является главным?
2. Как можно объяснить противоречие в начале стихотворения: в письмах отца нет слов о любви, но лирический герой утверждает, что он её в сердце навеки сберег. В чём заключалась его любовь?
3. Какие неожиданные метафоры и сравнения использует автор? Какую роль они играют в тексте?

**МИТАРОВ
БАГАУТДИН
МИТАРОВИЧ**

(1912–1944)

*Писатель,
поэт, педагог,
деятель культуры*

Вселении Кандик Хивского района Дагестана в бедной крестьянской семье Митара Абдулаева родились два будущих дагестанских поэта – Багаутдин и Муталиб Митаровы. Отец, будучи малоземельным крестьянином, был вынужден заниматься столярным делом, работать каменотёсом. В формировании характера Багаутдина большую роль сыграла трудовая обстановка в семье. Он прожил короткую жизнь, но успел сделать так много доброго, был так предан Родине и так бескорыстен в своих устремлениях и поступках, что имя его навсегда осталось в памяти народа.

Образование Багаутдин Митаров получил в школах сёл Кандик и Хив. В период учебы в сельской школе он собирает народные песни, пословицы, поговорки. В 1930 году Багаутдин вступает в комсомол и активно участвует в общественно-политической жизни селения. В октябре 1931 года бюро Дагестанского обкома решило превратить Дагестан в республику сплошной грамотности. Багаутдин активно включился в эту деятельность, и первые же его стихот-

ворения – «Ликвидируйте неграмотность», «Ленин», «Весна», «Летние дни», «Родной язык», «8 Марта» – становятся подлинно народными. С 1932 года стала выходить газета «Красный Табасаран», и для поэта открылась возможность печататься на родном языке. Стихи, публикуемые Митаровым в газете, приобретают год от года все большую популярность. В 1939 году его приняли в Союз писателей СССР. Приобщаясь к мировой культуре, Б. Митаров переводит на родной язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н. Гянджеви, А. Фадеева, Л. Толстого, С. Стальского, Г. Цадасы, С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто и др. В 1941 году он издал сборник табасаранской поэзии «Новые цветы». Поэт старался утвердить в своих стихах каждый росток нового, передового и яростно боролся против жульничества, бюрократизма, равнодушия. Он пишет сатирические поэмы «Удав», «Два друга», рассказ «Малла Пинжас», стихи, высмеивающие различные антиобщественные явления. Впервые в истории своего народа он подготовил и издал антологию табасаранской поэзии, «Книгу для чтения взрослых», хрестоматию для 5–6 классов для родных школ.

Грянула Великая Отечественная война. 26 июня 1941 года Б. Митаров добровольно уходит в армию, но по пути на фронт контужен и снят с воинского учёта. Далее он работает директором школы в родном селе. Начался новый этап его деятельности, когда возросло обострённое чувство высокой гражданской ответственности перед страной и народом. В своих выступлениях поэт призывал людей к сплочению сил для укрепления мощи страны, был непримирим к тем, кто в пору общего несчастья заботился только о себе. Б. Митаров ушел на трудовой фронт (тогда фашисты рвались на Кавказ): стал комиссаром трудящихся Хивского район на строительстве оборонительной линии в районе г. Буйнакск. За трудовой героизм был награждён Почетной грамотой Государственного Комитета обороны и представлен к правительственной награде.

Несмотря на снятие с воинского учёта и то, что представителей малых народностей не брали в армию, он

рвался на фронт и добился своего. Уезжая на фронт, оставил у литератора Сейфедина Шихалиева две тетради стихов, впоследствии переданные брату поэта – Муталибу. Из воспоминаний: «Рано утром вдруг появился на пороге моего дома Багаутдин. Вид у него был очень болезненный. На мой вопрос «Почему такой худой и бледный?» Багаутдин ответил, что сейчас не время лечиться. Что он счастлив, что едет, наконец, на фронт и не решается обращаться к врачам, потому что они наверняка помешают ему уехать».

Любовью к Родине, родному краю и народу, достоинством, гражданским мужеством овеяны патриотические стихотворения поэта-фронтовика «Сообщите друзьям», «Война», «Твой портрет», «Друзьям по борьбе», «Смотрите, друзья» и др. Произведения Б. Митарова военного периода насыщены жизненной правдой и художественным мастерством. Они выражают глубокую веру в победу страны. Но было бы всё это только показной удалью, если бы поэт скрывал трагизм войны. Каждая строчка, написанная им в годы войны, дышала справедливостью и призывом к борьбе, в каждой строке горели огонь и пламя, идущие от сердца патриота.

Как итог всего увиденного и пережитого выступает фронтовая поэма «Выстоим», которую он не успел завершить. В ней всё органически связано с войной и душевными переживаниями поэта, где с особой силой автор раскрывает драматические судьбы героев. Эта поэма не просто описывает трагедию войны, она заставляет читателя по-настоящему ощутить её, стать участником событий.

В ноябре 1943 г. Багаутдин прислал брату тетрадку со стихами и письмо, в котором сообщал о ранении: «...к счастью, рана небольшая, и я опять буду бить фашистов... Только об этом маме ни слова». Чем труднее становилась обстановка на фронте, тем сильнее звучал голос поэта. Погиб Б. Митаров на рассвете 12 января 1944 года в тяжёлом бою у села Нарцизовка Липовецкого района Винницкой области Украинской ССР в возрасте 31 года. Поэт верил, «что жить на века остаются герои, погибшие на войне». И память

о нём жива как на родине в Дагестане, так и на той Украине, которая была частью нашей страны. Украинский народ воздвиг на месте его захоронения памятник-obelisk, у подножия которого горит Вечный огонь, а золотыми буквами написано: «Славному сыну Дагестана поэту-воину Багаутдину Митарову. 1912–1944. Вечная слава герою!»

СООБЩИТЕ ДРУЗЬЯМ

Если вас обо мне
Будет спрашивать старый знакомый,
И друзья, и подруги
С вопросами явятся к вам,
Передайте друзьям,
Что на фронте средь гула и грома
Я спокоен и счастлив,
Сообщите об этом друзьям.

Передайте друзьям:
С отделением пехотного взвода
Я иду по тревожным лесам и степям.
Я – советский солдат,
Я воюю за нашу свободу.
Я спокоен и счастлив, –
Сообщите об этом друзьям.

Сообщите друзьям,
Что здесь небо гудит и дымится,
Что, взлетая навстречу
Своим чернокрылым врагам,
Над землёю летят
Краснозвездные птицы
И горят «хейнкеля»,
Сообщите об этом друзьям.

Мы тверды и спокойны:
Под грохотом мин и фугасок¹
Солнце Родины светит приветливо нам,
И я чувствую, как
С каждым днем,
С каждым часом
Становлюсь я сильней и сильней, –
Сообщите об этом друзьям.

Передайте друзьям,
Что, наверное, скоро приеду,
Поклонюсь я
Родимым горам и лугам.
Передайте друзьям,
Что уже недалёко победа, –
Мы шагаем на запад!
Сообщите об этом друзьям.

Сообщите друзьям,
Что не хвастают счастьем герои,
А в тяжёлое время
Из глаз их не капать слезам...
Вот уж кончилась ночь.
Мы готовимся к новому бою...
Мы и в этом бою победим, –
Сообщите об этом друзьям.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему автор говорит, что он «спокоен и счастлив», не смотря на то, что он находится «на фронте среди гула и грома», где небо «гудит и дымится»?
2. Как передана тревога автора? Какое средство выразительности использовал для этого поэт?

¹ *Фугаски* – фугасная авиабомба или снаряд.

3. Найдите описание воздушного боя. Какие тропы использовал автор, чтобы создать напряжённую картину боя?
4. Для чего автор использовал в стихотворении анафору?
5. Какой вид рефрена использован в стихотворении? В чем заключается функция рефрена в стихотворении?

О, ПУСТЬ РАЗДАСТСЯ ГРОМ ПОБЕДЫ...

О пусть раздастся гром победы:
Хочу приблизить этот час.
Разбросанных по белу свету
Так много нас, так много нас.

Пусть пулемёт, не уставая,
Косит врагов без лишних слов.
Так наши деды шли, сжимая
Клинки, косить своих врагов.

Пускай летит наш клич победный,
Волною бьётся в берега.
Споем, как пели наши деды,
Круша врага, круша врага.

Знамена, выходя на битву.
Несите красные полки.
Полотнищ, пулями пробитых,
Не выпускайте из руки!

Сомкнёмся все под этим небом
И отстоим за пядью пядь.
Из наших тел живую крепость
Врагу не взять, врагу не взять.

Пускай погибло нас немало,
Но вы заплатите сполна

За ту берёзу, что стояла
Невестой чьей-то у окна.

За клёна медовый запах,
Что сник под вашим сапогом,
Вперед, товарищи, на запад
Под посвит пуль, под пушек гром!

Пушкой дорога будет длинной,
Пушкой вдали остался дом,
Но до Берлина, до Берлина
Мы обязательно дойдём.

А день придёт – в победном марше
Отряды двинутся домой.
Солдат, полмира отшагавший,
В Москву приедет в выходной.

Пилотку старую снимая,
Он перед входом в Мавзолей
Вдруг оробеет, понимая
Значение судьбы своей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К чему призывает автор стихотворения?
2. Какие образы в произведении можно считать символическими?
3. Почему врагу не победить? Прочитайте отрывок, где говорится об этом.
4. Какая метафора ярко передает твердость и решимость солдат, их уверенность в победе?
5. Как вы понимаете мысль о том, что «солдат, полмира отшагавший» вдруг «оробеет, понимая значение судьбы своей»?
6. Прочитайте стихотворение «Твой портрет». Какие сокровенные мысли и чувства выразил поэт?

ТВОЙ ПОРТРЕТ

В минуту затишья,
На гребне кургана,
В далёком, тебе неизвестном краю
Твою фотографию
Я из кармана
С любовью и трепетом вновь достаю.

В ресницах твоих нет ни тени печали,
В ресницах—
Зелёный каспийский прибой.
И кажется мне:
Красотою едва ли
Соперничать розы могли бы с тобой.
Я нашу любовь вспоминаю сначала,
Как ждал я тебя у заветных дверей.
И если ты песню свою запевала,
В саду восхищённый
Смолкал соловей.

На карточке этой ты в платъице белом
(Как видно, снималась ты в солнечный час)
Со мной побывала не раз под обстрелом,
В разведке со мною бывала не раз.

Живёшь ты в далёком нагорном ауле,
Куда бы хотел я вернуться опять,
Но если в бою
Мне придётся от пули
Надежду на встречу с тобой потерять,
Не верь ни письму,
Ни друзьям, что вернутся,
О том, что погиб я,
Не плачь обо мне.
Я знаю,
Что жить на века остаются
Герои,
Погибшие на войне.

ВЫСТОИМ

Фронтальная поэма (в сокращении)

Словно стог, подождённый молнией,
Вся земля объята огнем,
И, желанием жизни полные,
Мы сегодня сгораем в нём.
Там и тут – за сраженьем сражение.
В бой идут миллионы людей.
Не стихает война – порождение
Сумасшедших фашистских идей.
Мир огромный сжался как будто...
Тесно мёртвым, тяжело живым.
И укрыта земля, как буркою,
Чёрным дымом пороховым.
Почтальоны бредут с похоронками.
В грузных сумках – горе и плач.
А поля – изрыты воронками,
И невинных пытается палач.
Мир, покрытый ожогами, шрамами...
Канонада гремит все грозней.
По горам над пустыми ямами
Не сочтешь могильных камней.

* * *

Сеять хлеб, сражаться с врагами –
Это отчего края судьба.
Не пропало ничто за веками.
Вся история наша – борьба.
Враг и сильным бывал, и упорным.
Мы потерям теряли счёт.
Но, как лес на пожарище чёрном,
Поднимался снова народ.
И высокое знамя победы

У врага вырывали борцы.
Были храбрыми наши деды,
Были храбрыми наши отцы.
Да, здесь мужеству знали цену.
Дух наш выкован был в бою.
И свободу терять уздену
Тяжелее, чем жизнь свою.
Быть достойными предков – сможем!
И, увидев вражьи штыки,
Вспомним пращуров, вырвем из ножен
Их прославленные клинки.
... Скакунов седлайте ретивых,
Вам в дорогу пора чуть свет –
На глазах матерей молчаливых,
Что с печалью вам смотрят вслед.
Ходит смерть в немецком мундире.
За тобой охотятся, друг.
Будто жаркие угли в тандыре,
Дышит пламенем все вокруг,
Солнце скрыто тьмою ночью.
Бей прицельно, наверняка!
На войну ты идёшь войною.
Да не дрогнет твоя рука!
Как бы тьма ни боролась со светом,
Все равно побеждает свет.
Над землёю, над нашим веком
Засияет победный рассвет!
А земля, содрогаясь от боли,
О спасении молит нас.
Будь бесстрашен на поле боя,
Чтоб исполнить любой приказ!
Пусть тебя не страшит косая...
В грозном зареве горизонт.
Я судьбе свой вызов бросаю,
Добровольцем иду на фронт.

* * *

Дышит снежное поле стужею...
Я тебя не страшусь, война.
Верю в грозную силу оружия,
Что доверила мне страна.
Не пугают ни боль, ни рана.
Я иду, не клонясь головой, –
Сын отважного Табасарана,
Нашей армии рядовой.
Я – солдат, частица народа.
И бояться не надо бойцу
Оголтелого вражьего сброда,
Горцу трусить и здесь не к лицу.
Тяжелы дороги солдата –
В гильзах, в углях, в слезах, в крови.
Я люблю свою Родину свято,
Не предам этой гордой любви.

* * *

Лишь в огне куется победа.
Из газет фронтовых узнаю
Про Гаджиева Магомеда.
Как Шамиль, он был грозен в бою.
И, командуя славной подлодкой,
Уходил за белые льды.
..Бьют матросы прямой наводкой
По врагу, что не ждал беды.
Море, небо с Полярной звездой,
Каменистые берега.
Он оставил навек под водою
Двадцать семь кораблей врага.
Не вернулся однажды с задания.
Не найти земляка моего...
Встало северное сияние
Обелиском над прахом его.

* * *

«Мессершмитт», ты залетел высоко,
Падает, чадя... Еще один!..
Возле звезд воюет горный сокол –
Военлёт Эмиров Валентин.
И дрожит фашист, страшась тарана.
Слава наших летчиков грозна.
Скажет парень из Табасарана:
– Жизнь – одна, и Родина – одна!

* * *

...Чем-то был похож я на мальчишку,
Что на фронт задумал убежать.
Бросил недописанную книжку...
Вот учусь равнение держать.
Вот проходим через город Гори
Мы, народов разных сыновья.
Нас соединили гнев и горе,
Наша рота, словно бы семья.
Не осталось места ссорам мелким.
... В тупике весь день стоял вагон.
Тёмной ночью прогремел по стрелкам,
Вырываясь в осень, эшелон.

* * *

...Украина... Спаленные дали,
Что нас ждет в разорённом краю?
И гляжу я в глубокой печали
И печаль от друзей не таю.
... Жить в неволе – без песен, без хлеба,
Собирая тайком колоски,
Украина – туманное небо,
Небо, полное смертной тоски.
Сапогом фашиста раздавлена,

Третий год не родит земля.
Слышу голос: «Вперед, за Сталина!»
И встаю, чтоб спасти поля...
Превращая надежду в силу,
Прохожу сквозь огненный лес.
Мщу за будущую могилу,
За печаль этих вечных небес.
Канонада все глуше, глуше,
Будто стиснул ей горло аркан.
И ударили наши «Катюши»,
Разбивая огнём туман.
Беспощадность стального града,
Стрелы огненные во мгле.
Отомстить за убитых надо,
Смертью смерть поправ на земле.
Я иду по весям и градам,
Я ползу навстречу огню,
И за пазухой, с сердцем рядом,
Я стихи, как патроны, храню.
Не ловите меня на слове.
Просто верю пока судьбе,
Хоть и слышу: «Смерть наготове,
Смерть подкрадывается к тебе...»
Я за жизнь на земле в ответе.
Что суров – не моя вина.
Тот, кто счастья не знал на свете,
Не поймет, что такое война.
Я в огне горю, не сгорая,
Мне привычной стала печаль,
Как привычна земля сырая...
Только вот ушедшего жаль.
Твои мысли, наверно, угрюмы.
Мои мысли сегодня ясны.
О тебе одной мои думы,
О тебе одной мои сны.

* * *

...Утонула в тумане пехота,
И шинели от влаги грузны.
Залегла поредевшая рота,
А сражаться мы насмерть должны.
Вот ракета взлетает криво,
Виснет туча, водою пыля,
И в окопе от близкого взрыва
Резко вздрагивает земля.
Надоевшая канонада
И осколков постылый визг...
Вновь наощупь – держаться надо! –
В автомате меняю диск.
Устоим! Устоим, как прежде,
Ведь сильнее чужой наша сталь.
И фашисты в промокшей одежде
Вновь откатятся в сизую даль.
Стонет лес от свинца и стали,
Но весной он расцветет.
А на место тех, что упали,
Молодая смена придет.
И бесславно уйдет в могилы
Оголтелый фашистский сброд.
Никакие не смогут силы
Одолеть наш вольный народ!

* * *

...Самым первым с дерева падает
Плод, который всех тяжелей.
А под пулями, снарядами
Первым гибнет тот, кто смелей...
Как забыть-то мечтавшего, жившего?
Мысли – словно порывы огня...
Верным памяти друга погибшего
Я останусь до смертного дня.

Горе грозной становится силою,
Поднимая в атаку бойца...
Мы клянемся над свежей могилою
В схватках стойкими быть до конца.
Желтый холмик среди луга печального
На доске – жестяная звезда.
Дым и грохот салюта прощального...
Что ж, товарищ, прощай навсегда!
Птицы к югу пошли караванами.
Я в окопе холодном – один.
Но за Бугом-рекой, за туманами
Виден путь, что ведет на Берлин.

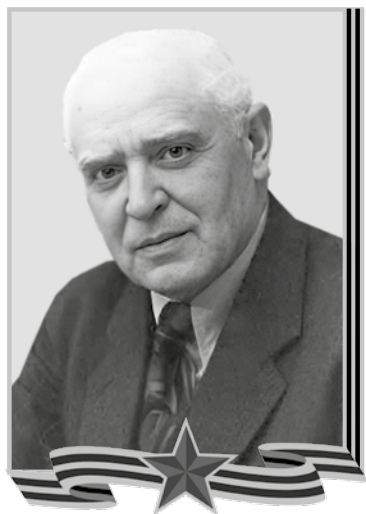
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. От своего ли только лица пишет автор? Почему он выбрал такую форму повествования?
2. Какие строки и образы передают мысли автора о преемственности поколений и единстве советского народа в борьбе с фашизмом?
3. Что вы можете сказать о созданном в поэме портрете поколения военных лет? Найдите и прочитайте строки, которые особенно ярко характеризуют его.

**МИТАРОВ
МУТАЛИБ
МИТАРОВИЧ**

(1920–2011)

*Поэт, прозаик,
переводчик;
политработник*

Муталиб Митаров родился 23 февраля 1920 года в селении Кандык Хивского района ДАССР. Будущий поэт вырос в семье крестьянина. Часто юноша отправлялся на заработки с отцом в табасаранские и лезгинские аулы. В формировании Митарова как личности и поэта большую роль сыграли как устная поэзия табасаранского народа, так и поэтические творения дагестанских, закавказских, азербайджанских художников слова.

В 1938 году он окончил Кандыкскую семилетнюю школу, в 1940 году – медицинский техникум, после чего учился в военной школе. Когда ему было 14 лет, школьная стенгазета поместила его первое стихотворение под названием «Я свободный парень». Стихотворение было антирелигиозного характера и вызвало гнев и возмущение клерикалов и мусульманских священнослужителей. В 1936 году шестнадцатилетнего Муталиба сельская молодежь избрала секретарем комсомольской организации. В следующем году районная газета «Красный Табасаран» опубликовала его стихотворение «Все на выборы». Еще в молодом возрасте

Митаров с лезгинского на родной язык перевел стихи Сулеймана Стальского, которые вошли в сборник «Избранные произведения», вышедший в 1939 году. Затем перевел рассказы Льва Толстого для детей, произведения Александра Пушкина, Михаила Лермонтова и других классиков русской литературы, подготовил к печати сборник произведений табасаранских поэтов. Все это принесло ему заслуженную известность.

В 1940 г. он был призван на действительную армейскую службу. В 1941 году Митаров стал курсантом военной школы и находился в Ленинграде. С первых дней Великой Отечественной войны он на Северном фронте в качестве политработника. После тяжелых ранений и скитаний по госпиталям вернулся домой инвалидом первой группы. Награжден Орденом Отечественной войны II степени.

На фронте М. Митаров вёл короткие записи в блокнотах, которые позднее пригодились при создании цикла стихов о войне, о фронтовых товарищах, друзьях. Война закалила характер Митарова, она прошла сквозь сердце поэта, оставив в памяти образы павших товарищей по оружию и научив любить и ненавидеть. Поэтому тема защиты Родины и борьбы за мир впоследствии стали основными мотивами его творчества. В дни жестоких испытаний он воочию увидел и понял, как советский человек любит свою Родину и предан ей. Это все он отразил позже в поэме «Сказание о чунгуре».

Вернувшись с войны, М. Митаров окончил педагогический техникум, в 1950 – областную партийную школу, а в 1957 году – Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. Затем работал на различных партийных и советских должностях. В 1946 году М. Митаров составил сборник стихов погибшего на войне брата Багаутдина. В соавторстве с М. Шамхаловым им издан уникальный сборник произведений, в котором были впервые опубликованы произведения, написанные на табасаранском языке еще в XVIII–XIX вв. В 1954 году вышел в свет его первый поэтический сборник «Счастье». Творчество Митарова многогранно, многожанрово – это и стихотворения, и рассказы, и повести.

Но особенно любил он жанр поэмы. Из пятнадцати поэм Митарова шесть посвящены войне. «В своих произведениях по мере сил я старался воссоздать действительные лица и события. Герои моих произведений реальны, некоторые из них и поныне с нами», – писал поэт. Он создал целую галерею ярких образов однополчан Спирина, Хаджитая, М. Ярова, политрука Шевченко, комсорга Фролова, командира Кислякова, героев-земляков – летчика Леонида Гальченко, снайпера Саида Алиева, подводника Магомед Гаджиева. Поэмы «Сказание о чунгуре», «Без вести пропавшие», «Полярная баллада» получили высокую оценку читателей. Вдохновляла поэта и героическая история Дагестана. Так, поэма «Иран-хараб» – «Иранские развалины» (так называется разрушенный укрепленный лагерь иранцев), отразила лучшие страницы борьбы горцев за свою независимость от иранских поработителей под руководством Надиршаха. Это первое крупное историческое произведение в табасаранской литературе. Создавая его, М. Митаров использовал не только легенды, предания, но и народные песни, произведения поэта-воина Мирзы Калукского, предводителя табасаранцев в битве с иранцами в Андалалской долине.

Широко отразил М. Митаров в поэмах и трудовые будни современников, создав яркие, незабываемые образы тружеников: ковровщиц, строителей Чиркейской ГЭС и др. Например, поэма «Устад» рассказывает о мастерице Пери, которая не копировала, а «из сердца узор брала», отражая в деталях рисунка борьбу старого и нового. Ведь ковер, его язык, его символика – это своеобразная летопись истории народа.

Особой заботой и болью М. Митарова было сохранение памяти о дагестанских поэтах-фронтовиках. Он подготовил сборники «Оборванные струны», в котором собраны произведения погибших на войне дагестанских поэтов и писателей, «Возвращение», «И в памяти, и в сердце», в которых собраны стихи фронтовиков, вернувшихся с войны.

Знакомил он табасаранского читателя и с творчеством классиков русской литературы – произведения Пушкина,

Лермонтова и других зазвучали в его переводах на родной язык.

В 2005 году Муталиб Митаров стал лауреатом Государственной премии Республики Дагестан в области литературы за книгу «Жизнь в строках». Народный поэт Дагестана, Заслуженный работник культуры Дагестанской АССР.

Неоценима роль Митарова в патриотическом воспитании молодежи. Он часто выступал перед школьниками и студентами, рассказывал о своей жизни, о войне, о фронтовых друзьях, о единстве народов в те грозные годы. Его призыв и завет потомкам – помнить о тех, кто спас нашу землю от фашизма: «Не забывайте подвига отцов, Идущие на смену поколенья!»

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

На костылях – он к ним уже привык,
От боли и тоски изнемогая,
В родимый дом, где мать ждала седая,
Израненный вернулся фронтовик.

Что он живой – не верил даже сам,
Иссеченный, истерзанный войною...
И злой, кровавою слезою
Сочился на груди – у сердца – шрам.

Едва родной порог переступил –
Мать бросилась, забыв про всё, навстречу.
И долго-долго не кончался вечер –
С ним весь аул в тот вечер говорил.

И взгляд соседок стал теплей, светлей:
А может, он их видел сыновей?
И взгляд невест уже не так суров:
А может, он их видел женихов?

– А может, ты письмо сынка принес? –
Соседка задала ему вопрос, –
Уже полгода он не пишет мне...
– Все, знаете, бывает на войне...

Как молния: – Приехал фронтовик! –
Молва летела... Снова – встречи, встречи...
И вот однажды в тихий майский вечер
Пришел к нему почтеннейший старик.

Он плотен был, с обветренным лицом,
С глазами, что смотрели вдаль устало...
Всё в нем, и незнакомом, и чужом,
Знакомые черты напоминало.

И мысли в голове фронтовика
Смешались вдруг... И ощутил он радость!
Он в старике увидел паренька,
Которого искали для награды.

Еще припомнил, как в землянке пар
Тепло струился... Тлел фитиль, мерцая...
И обнял его сына комиссар,
Медалью «За отвагу» награждая.

Потом его он больше не встречал –
Война людей решительно разводит...
«Но как старик на паренька походит!...»
В нем фронтовик солдата узнавал.

И он отцу солдата всё сказал,
Потом солгал – хоть лгать не приходилось,
Что видел его после... И светились
Надеждою усталые глаза.

– Так, значит, видел сына каждый день?
С его лица сходила тут же тень.
– Так, значит, сын мой, как и ты, герой?–
И он касался ордена рукой.

... И с той поры немало лет прошло,
Но каждую цветущею весною,
Став ниже ростом,
Старик приходит в тот же день в село.

И в дверь стучит иссохшею рукою,
И, взглядом быстрым горницу окинув,
Он снова обращается к мужчине:
– Так, значит, видел?..
Значит, сын – герой?

– Да, да, отец... – ответит фронтовик
(И воцарится трудное молчанье),
И всё глядит на старика с печалью,
И видит, как его светлеет лик.

Поговорит и наберётся сил,
И вновь пойдет неспешными шагами...
И повторяют губы его сами:
«Он седину мою не осрамил...».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему автор назвал свое произведение «Баллада об отце»? В чем особенности баллады как жанра?
2. Прочитайте строки, в которых дано описание фронтовика. Что смог передать автор при скупости описания?
3. Почему старик каждый год приходит к герою стихотворения? Что придает сил старику многие годы?
4. Почему фронтовику трудно говорить со стариком? Как вы понимаете выражение «трудное молчанье»?

БАЛЛАДА О СТАРШЕМ БРАТЕ

Воину-поэту Б. Митарову

Тяжёлый день... И сердце замирает...
И думы рвутся птицею в зенит...
Нас Украина братская встречает,
В её земле мой старший брат лежит.

Я путь к тебе сквозь годы отыскал,
Моя незаживающая рана...
И горестно застыл
Мемориал –
Здесь крепко спишь ты, сын Табасарана.

Да, долгим был к тебе мой скорбный путь –
Проехал всю страну свою большую...
И вот, склоняя голову седую,
Кладу цветы на мраморную грудь.

О, эта тяжесть горестных минут,
Она легла, как шар земной, на плечи!
Я поднял взгляд...
И увидал: навстречу
Ко мне с цветами девушки идут.

Цветы, цветы...
На длинных рушниках
Горят узоры милой Украины...
И девушки на трепетных руках
Подносят хлеб
Земли далёкой сыну.

И тает в небе теплый аромат
Душистого, как поле, каравая...
И липовецких девушек наряд
В моих глазах,
Как пламя, полыхает.

И я беру чудесный дар земли
Из этих смуглых рук
Колхозниц милых,
И раны мою душу отпустили,
И горечи, растаяв, отошли.

Но вдруг в глазах качнулся солнца диск,
И, увлечён необъяснимой силой,
Увидел я, как вздрогнул обелиск –
И ты, как свет,
Поднялся над могилой.

Над мраморной тяжёлою плитой..
И сделал шаг,
Затем – второй и третий..
И к нам пошел в каком-то ярком свете,
Весь – на виду, а главное – живой!

И ты стоишь со мною рядом, брат,
Знакомою улыбкой улыбаясь..
И наши рифмы весело звучат,
Сквозь время
И сквозь боль перекликаясь.

И я смотрю
На чистую зарю,
На обелиск,
На голубое пламя..
И за любовь к тебе,
Мой брат,
За память
Собравшихся,
Как брат, благодарю.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте строки, в которых отражена боль поэта от потери брата. Какую метафору использовал для этого автор?
2. Почему раны поэта «душу отпустили» и «горечи отошли»?
3. За что благодарен автор жителям «миллой Украины»? Что объединяло народы Дагестана и Украины?

**МОЛЛАЕВ
АБДУЛЛАТИП
АБДУРАХМАНОВИЧ**

(1903–1942)

Поэт

Абдуллатип Абдурахманович Моллаев (А. Латип) родился в селении Муцалаулда Хасавюртовского района. Начальное религиозное образование получил у муллы, своего родственника Абдурагима Моллаева.

В 1920 году начинает учиться на учительских курсах. По их окончании до 1930 года работал учителем, после работал в редакции республиканской газеты на кумыкском языке «Ёлдаш». Его газетные статьи отличались богатством языка, легким стилем.

Ещё в годы работы учителем увлекся литературным творчеством. Вначале писал стихи, после и рассказы. Когда началась Великая Отечественная война, добровольцем отправился на фронт, где погиб в 1942 году.

В 1954 году вышла первая и единственная книга под названием «Напевы» («Гёнгюревлер»).

ПОНИКШИЙ ЦВЕТOK

Алеет солнце, зелень трав блестит.
Летят к цветам, над ними выются пчёлы
И пьют нектар, но кто ж нектаром сыт?
Не оторваться жадным новосёлам.

Цветок так юн, нетрудно обмануть –
Он каждой пчёлке угодить пытался,
И с каждым днём бледнее был чуть -чуть,
И с каждым днём печальнее казался.

Иссохли, облетели все цветы
И под ногами шепчутся о тайнах,
А пчёлы, выпив соки доброты,
Не узнают их якобы случайно.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой сюжет лежит в основе стихотворения?
2. Чем отличается лирический сюжет от сюжета эпического произведения?
3. Найдите строки, в которых раскрывается смысл аллегории. В чем особенность этого художественного приёма?

**МУДУНОВ
АБАКАР
АЛИЕВИЧ**

(1918–2015)

*Поэт, прозаик,
журналист, педагог;
политрук Красной армии,
капитан*

Абакар Алиевич Мудунов родился в селении Унчу-Акатль Кази-Кумухского округа 15 апреля 1918 года в семье крестьянина. Отец его был большим знатоком родной духовной культуры и литературы. После окончания Кумухского педучилища с 1936 г. А. Мудунов работал учителем, а с 1938 года – директором школ в различных аулах Лакского района.

Но мирная жизнь оборвалась. Восемнадцатилетним юношей Абакар ушёл на фронт в 1941 году, воевал в Крыму, защищал Сталинград, сражался под Орлом на Курской дуге. После окончания Сталинградского военно-политического училища был направлен на фронт вначале заместителем командира роты, а позднее воевал в должности заместителя командира батальона по политчасти. Капитан Мудунов дважды был ранен, но всегда оставался в строю. За отвагу и боевые заслуги награждён орденом «Отечественной войны» I степени, орденом Красной Звезды и боевыми медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За Сталинградскую битву». День

победы встретил в Харькове. Демобилизовался из армии в звании капитана.

Первые стихи и очерки А. Мудунова были опубликованы в районной газете «Новый путь» в 1940 г. В его стихах слились жанры любовной и гражданской лирики. Он выпустил поэтические сборники «Горы цветут» (1963), «Песня о тебе» (1972), «Сказка о королеве полей» (1991), «Искры огня» (1998), «Письмо с фронта» (2005) и др. В них опубликована его поэма «Разведчица» о подвигах горянки на фронтах Великой Отечественной войны. На лакском и русском языках вышли повести и рассказы в книгах «Огонь в крови», «Мои аульчане», «Восьмое чудо», «Бессмертие» и др.

Творчество Абакара Мудунова многообразно, он пишет о дореволюционном прошлом, о Гражданской войне, на военные и современные темы.

Произведения Абакара Мудунова изданы на украинском, азербайджанском, каракалпакском и на других языках. Велики заслуги писателя в области просвещения. Он почти всю жизнь работал на ниве народного образования после окончания педучилища и филологического факультета Дагестанского государственного университета. Перу Абакара Мудунова принадлежат учебники и учебные пособия для лакских школ. Он соавтор второй грамматики лакского языка для V–VIII классов, автор 7 учебников и хрестоматий, грамматических таблиц, автор сборника изложений для старших классов и др.

ПРОСТИ

Если пуля на войне
Оборвёт мой путь,
Я умру, зовя тебя,
В поле где-нибудь.

Если мне не хватит сил
Разомкнуть уста,

С мыслью только о тебе
Я умру тогда.

Будешь долго тосковать,
Будешь слёзы лить.
Но слезами боль души
Невозможно смыть.

Потому прошу тебя
Слёз поток унять,
Чтоб меня своей тоской
Не сразить опять.

Лучше в горы ты иди,
Где закат такой...

Где однажды, помнишь, мы
Встретились с тобой?

Может, я в последний раз
Это все пишу.
Только всё же ты не плачь,
Ты не плачь, прошу...

ГОСТИНЕЦ

Едва успели вместе мы собраться
В землянке (был тогда нелегкий бой),
Раздался голос:

– Как делишки, братцы? –

К нам завернул по делу наш связной.

– С вас магарыч¹, – шутил он, – за гостинцы.

А ну-ка, подходи по одному. –

И тут пришлось ребятам потесниться

И поплотней продвинуться к нему.

– Вот шарф, приятель. Получи скорее.

Тебе – носки. Тебе – перчатки, вот. –

И нам уже тогда казалось: греет

Нас не одежда – тёплый голос тот.

И тут сказал я тихо:

– Что хотите

Вы можете, ребята, выбирать,

А мне письмо одно лишь разрешите

Взамен гостинцев как подарок взять.

И вот оно в руках моих. Читаю.

И радуюсь над ним, и плачу я.

Кто и кому писал его – не знаю,

Но словно мне писала мать моя...

¹ *Магарыч* – угощение по поводу заключения выгодной торговой или иной сделки, а также по случаю какого-либо приятного события.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как автор описывает фронтовые будни?
2. Что греет души воинов?
3. Почему герой стихотворения выбрал письмо? Что придавало сил бойцам на передовой не падать духом и воевать, преодолевая испытания?
4. Прочтите выразительно стихотворение «Прощание». Найдите строки, в которых меняется интонация и объясните, с чем это связано. Как автору удалось достичь сочетания суровости и нежности, передать свою глубокую любовь?

ОТОМСТИ!

Запах горького пороха	Своим оплачу ль
Степь принесла.	Смерть детей, что погибли
Воздух серым	От вражеских пуль?
подёрнулся,	Бей врагов, изгоняй
Словно зола.	Из любимой земли,
Плачет мать на погосте ¹ ,	Словно на Турчи-Даге! ²
Солдатская мать.	Муртазаали ³
Этой женщины горе	Я и сам, отомстив им
Смогу ль я унять?	За брата и мать,
Разорвавшимся сердцем	Буду знать, что спокойно
	Могу умирать.

* *Погост* – здесь: кладбище, расположенное в отдалённом месте.

* *Турчи-Даг* – плато в Гунибском районе Дагестана на высоте 2355 метров. Здесь в 1741 году в ходе Андалальского сражения объединённые силы дагестанцев разгромили войско иранского завоевателя Надир-Шаха.

* *Муртазаали* – руководитель дагестанцев в сражении с Надир-шахом.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О чем с болью в сердце говорит герой стихотворения?
2. К чему он призывает?
3. Какое героическое прошлое вспоминает он?
4. Какое горе постигло самого героя? За кого он отомстил врагу?
5. Можно ли сказать, что в этом стихотворении слово «солдатская» является эпитетом? Что вкладывает автор в это слово?

БЫЛИ МЫ НА ВОЙНЕ...

Сталь и свинец над нами летали,
Жадные до крови людской.
И мы на этой войне умирали,
Защищая свой дом родной.

Горячее солнце нас не спалило.
Морозы нас не сожгли.
Мы шли, хотя нам и не просто было,
Не год и не два мы шли.

Наша честь оказалась сильнее стали.
А любовь – огня горячей.
Мы фашистскую свастику растоптали
На радость планете всей.

Затихла тревога и гром растаял,
И снарядов кончился вой.
И отступала война мировая
Пред этою тишиной.

Но что-то в нас, как осколок когда-то,
Осталось, и вот – болит.
И память, хоть руки держат лопату,
О винтовке помнить велит.

Железная память... Что-то забыли,
А это – звенит на дне,
Чтоб однажды суровое сказать: «Мы были...
Были мы на войне...»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы тема и основная мысль стихотворения? Какой смысл вкладывает автор в последние строки произведения?
2. Прочитайте строки, в которых говорится о тяготах войны, перенесенных бойцами. Какие средства выразительности в них использованы?
3. Что оказалось сильнее стали и огня?
4. Как, каким эпитетом характеризуется память? Чем объясните выбор этого слова?

**ОМАРОВ
РАДЖАБ-АЛИ
ОМАРОВИЧ**

(1913–1996)

*Прозаик,
драматург*

Родился в 1913 году в селении Гапшима. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. Участник Великой Отечественной войны, имеет боевые награды. Работал учителем, долгие годы находился на комсомольской и партийной работе, был министром культуры ДАССР, старшим экономистом министерства сельского хозяйства.

Активно печатался с начала 60-х годов XX века. Первая книга – повесть «Возвращение» – вышла в Дагестанском книжном издательстве в 1963 году на родном языке.

В последующие годы на даргинском языке республиканскими издательствами выпущены прозаические книги «Во имя будущего», «Горный цветок», «Маржанат», «Горный орел», «Сердце отца», «Секретарь райкома». Перу Р.-А. Омарова принадлежат пьесы «Горный цветок» и «Где моя мать?», поставленные на сцене Даргинского музыкально-драматического театра им. О. Батырая.

КАМИЛЬ ВЕРНУЛСЯ!

Отрывок из повести

*Матерям, потерявшим сыновей
в Великую Отечественную войну,
посвящаю*

Есть в народе поговорка «Ни к чему песня без желания, как и стоны без боли». А вот у горянки Салихат её сокровенное желание рождало тревоги. Потому что желание её было самым великим материнским желанием – она хотела, чтобы оба её сына, которых она вырастила без отца, живыми вышли из пламени войны. Как ни крепилась она, не желая показывать перед людьми свою слабость, но часто не замечала, что слёзы тревоги текут по её лицу. Она просто не могла не выйти на улицу навстречу почтальону с одними и теми же словами, которые произносили её дрожащие губы: «Нет ли весточки от моих сыновей?»

Когда лучи солнца покрывали окружающие аул горы утренней позолотой, она выходила на веранду и сразу находила глазами два могучих дерева, растущих рядом друг с другом на краю утёса, словно они выросли из этого крепчайшего камня. Деревья напоминали ей сыновей. Глядя на них, она иногда тихо напевала песню, в которой говорилось, что не легко говорить о любви и что рождается она не в глазах, а в сердце.

Почему же в её сердце родилась любовь к этим деревьям на обрыве? Может, потому что существовало поверье, согласно которому тот, кто погубит хоть одно из них, погибнет и сам? И мать застраховывала таким необычным способом жизнь своих мальчиков? Наверное, так. Ведь она каждое утро вспоминала это поверье.

Но вот в одно утро горы словно накрыло чёрной буркой. Не сразу разглядев заветные деревья, над которыми гордо кружился орел, Салихат заволновалась. Гроза разгоралась,

гром уже сотрясал веранду, на которой стояла женщина, а огненные копыя молний все чаще прочерчивали небо. И каждую молнию Салихат молила: «Оставь мои деревья! Ведь они никому не мешают». Но небо не услышало. Когда одно из деревьев запылало костром, пронзённое молнией, Салихат неверными шагами вернулась в комнату. Журабы, которые она вязала для сыновей, выпали из ослабевших пальцев. Страшное предчувствие уже не уходило из её сердца, обожжённого небесным огнем.

Через несколько дней пришла весть о том, что один из её мальчиков сгорел в огне войны. И кто знает, может, падая на огненную землю, он увидел не только дорогое лицо матери, но и силуэты деревьев на обрыве и простился с ними, уходя в небытие.

Дурная весть быстро находит адресата. «Ваш сын Камиль героически погиб, сражаясь за Родину».

Эти слова теперь, не переставая, звучали в мозгу Салихат.

Слезы, которых она не показала сыновьям даже тогда, когда не стало их отца, теперь беспрерывно текли по щекам женщины. И всё же, хоть глаза и плакали, сердце не хотело верить тому, что сына нет. Она не слышала соболезнований и очень смутно видела аульчан, пришедших разделить её горе. Глаза, которые она поминутно вытирала, неотрывно глядели на дверь. Двадцать лет уже прошло, как не стало ее мужа, но ей почему-то казалось, что он вот-вот должен явиться на горестную весть. Чувство одиночества делало её горе еще тяжелей. Временами она колотила себя по коленям и рвала на себе волосы, и из её горла вырывался хриплый крик раненой птицы:

– Ох, как тяжело одиночество, в огне бы и ему сгореть!

Дом Салихат гудел, как улей, от тихих голосов аульчан, навещавших несчастную. Если заходил инвалид, вернувшийся с войны без руки или на костылях, Салихат жалобно спрашивала его, почему он не привел с собой и ее Камилу. Слушать причитания матери было нестерпимо.

Пришел выразить соболезнование и старик Насрулла. Но так жалок был вид убитой горем солдатской матери, что он растерял все приготовленные заранее слова сочувствия. Старик не мог произнести ни слова и уже сделал несколько шагов к двери, решив уйти молча, но все же пересилил себя и вернулся:

– Твой муж Сулейман, – заговорил он, – сражался в рядах бойцов за Советскую власть в наших горах. Тогда у вас было двое малышей. Если не запамятовал, один из них уже ходил, а другой еще только учился первым шагам. Вместе с ним, помнится, ты приходила на поле боя с припасами для мужа. Сулейман погиб в бою, оставив тебе двух сирот. Ты не показала слёз осиротевшим мальчикам и воспитала двух джигитов, не уставая повторять им: «Будьте такими, как отец». Ты ведь говорила им так, Салихат?.. Так вот, не могли твои сыновья позволить кому-нибудь захватить Родину, за которую их отец пожертвовал жизнью. В этом все дело, если ты хочешь знать, это было завещано их отцом. Исполняя завет отца, воюют твои сыновья.

Салихат подняла голову и посмотрела вслед уходящему Насрулле. В это время к ней, тяжело опираясь на палку, подошла незнакомая старуха. Откуда она, кто такая? И почему она смотрит так, будто знает её? Салихат посадила гостью рядом с собой, и та тотчас же затянула жалобное причитание. Но, странное дело, её глаза, похожие на увядшие цветы льна, оставались сухими. Плач продолжался, а из глаз не выкатилось ни одной слезинки. Притворяется, что ли?

– Тяжкие времена настали, Салихат, – заговорила старуха. – Ты верно, не знаешь, кто я? Меня зовут Маржанат. Не помнишь ли ты дрожащую от холода женщину, приютившуюся в одну морозную зимнюю ночь под навесом вашего двора? Много лет прошло с тех пор. И по-всякому колотила и мяла меня жизнь. Но сказанное мне тогда тобой слово «мама» до сих пор не стёрлось в моем сердце. И мое старое тело не забыло, как ты согрела его, пригласив меня в дом.

Добро, сделанное человеку, не стареет... Ты была совсем молоденькой. Прав был урахинский Батырай, когда говорил, что время мчится, как всадник на горячем скакуне... – Я пришла разделить с тобой твою горе. Не осуждай, что явилась поздно. Желания сердца уже не прибавляют сил моим ногам.

– Спасибо, что пришла разделить мое горе, – поблагодарила Салихат.

Старуха поднялась.

– Да не наступит для тебя и твоих близких такой час, что заставил бы забыть сегодняшнее горе!.. Моя просьба к тебе, Салихат, побереги слёзы и послушайся Насруллу: подними журабы, которые ты не довязала. Если бы слёзы помогли, то не было бы на свете человека счастливее меня. Поверь мне...

Салихат зло посмотрела на уходящую старуху и не удержалась, крикнула в сердцах:

– Какую же беду ты пророчишь мне, чтобы я забыла сегодняшнюю?! – И, опустив голову, тихо закончила: – Лучше бы ты не приходила, чем сказать такое.

Маржанат вернулась от дверей и снова села рядом с Салихат.

– Может, я не то сказала? Тогда прости, Салихат. Я ведь не к тому, что желаю тебе нового горя. Эти слова обычно принято говорить в таких случаях. Жизнь человеческая коротка, а бед в ней много. И беда не приходит одна. Не напрасно ведь говорят в народе, что беда идет и с собой десять ведет. Так было и в моей жизни. Пусть никому не достанется столько горя, сколько пришлось на меня. Сколько ни молила я Аллаха, он не избавил меня ни от одного несчастья, назначенного мне судьбой. Я бы рассказала тебе о своей жизни, если бы у тебя нашлось время слушать меня. Говорят, что забота мельника о воде, и тебе сейчас не до чужих забот. Только мельник может остановить утекающую в щель воду кусочком дерна или мха, а от наших с тобой бед не найти лекарства...

Старуха хотела уйти, но Салихат жалобно взмолилась, чтобы она осталась.

– Побудь у меня несколько дней, мать. Мне кажется, ты хочешь рассказать мне о том, что лежит у тебя на сердце. Может быть, твоя история успокоит мое сердце.

– Хорошо, Салихат, – снова села старуха.

В комнату вошла угнетённая горем молодая жена погибшего и поставила перед гостьей и свекровью поднос с хлебом и кувшин с водой.

– Проголодались, наверно, поешьте хоть хлеба, – сказала она и собралась уйти. Но Маржанат остановила её, выразила соболезнование и пригласила:

– Еда вкусна, когда её разделишь с другими. Садись ты тоже с нами, дочь моя.

Старуха заметила, что женщина в положении, и горестные волнения о сыне, который когда-то у нее был, перехватили ей горло.

Она была вынуждена сделать несколько глотков воды, чтобы проглотить кусочек хлеба. Лицо Маржанат побледнело, руки дрожали.

– Принеси хоть супа, доченька, – обратилась Салихат к невестке, – видишь, Маржанат не может прожевать хлеб.

– Простите, поторопилась, думала, что голодны, поэтому на скорую руку... Сейчас и суп сварю.

– Нет, нет, сядь, дочь моя. Я сейчас и воды не могу проглотить.

У меня часто случается такое. Вы обо мне не заботьтесь.

Маржанат собралась рассказывать историю своей жизни. Салихат глянула на неё, подобрала с пола журабы, и спицы медленно задвигались в её руках.

– Тяжко, – начала старая женщина, – когда человека провожают из дома, желая счастливого возвращения, а он не возвращается, не вернётся никогда. Что может быть тяжелее этого? Это рана, которой никогда не зарастит. Сильно жжёт перец, горька отравы. Но с какой радостью жевала бы я перец, с каким умиротворением хлебнула бы отравы,

зная, что тут же умру от неё, если бы... Если бы мой муж и сын вместе с другими участвовали сейчас в смертельном бою с врагом! О Аллах, ты знаешь, что это правда! Страшно терять близких, но я бы гордилась тем, что они пожертвовали собой за народ. И ни на один день не оставила бы работу.

– Верно говоришь, Маржанат. Раньше, если умирал молодой человек, то родные и близкие целый год ходили в трауре. Никто из них не приближался к месту, где люди веселились. Женщины и летом не снимали шубы, мужчины не брились. Нынче, как говорит старый Насрулла, в каждом втором доме люди потеряли близкого на фронте. Их отцы и матери, жёны и невесты, сёстры и братья отдаются горю ночью, чтобы днём выйти на работу. Жалко смотреть утром на них, невыспавшихся, убитых горем. Тяжелое время! Правда, и сейчас есть такие, кто тихонько споет весёлую песню, случается, что и свадьбы играют, если не днем, так ночью. Живые же люди! Приспосабливаются, живут, как велит война.

Долго сидели рядом Салихат и старая гостья. Салихат заливалась слезами, но теперь она плакала над горем и страшной судьбой собеседницы, у которой сельский богатырь убил мужа прямо на клочке его земли, а грудной ребенок, сын, угас, потому что от горя у нее пропало молоко. О многом другом, страшном, что ей пришлось испытать, рассказала Маржанат. Все, что может вынести человек, вынесла она в молодые годы и осталась жить, и только плакать разучилась. Салихат плакала за обеих, но странное дело, отпустил её голову огненный обруч боли, сердце забилось спокойней. Её собственное горе стало частью другого, еще большего. Разделённое горе – половина горя.

А на следующее утро аул разбудил звонкий крик Салихат. Она стояла на веранде, освещенной первыми лучами солнца, и призывала односельчан.

– Эй, люди! Мой Камиль вернулся! Идите посмотреть на моего Камиля.

Смеясь и плача, поднимала она навстречу солнцу запеленутого ребенка, своего внука Камилля, которого родила на рассвете ее невестка.

– Эй, люди! Мой Камиль вернулся!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как в этом отрывке раскрывается тема бессмертия подвига, передаваемого через поколения, и сила материнского духа?
2. Кому посвящена повесть? Как автор описывает физическое и душевное состояние Салихат после получения похоронки? Какие метафоры передают абсолютное горе? Как меняется Салихат во время разговора с Насруллой?
3. Как вы понимаете смысл пословицы «Разделенное горе – половина горя»?
4. Как в отрывке отражен горский стоицизм и новая реальность, когда личное горе растворяется во всеобщей трагедии?
5. В чем смысл последних слов данного отрывка?

**ОМЕЛЬЧЕНКО
ЕВГЕНИЙ
СЕМЁНОВИЧ**

(1921–2005)

*Поэт, прозаик, художник;
лётчик, командир
снайперского взвода,
старший сержант*

Рисунки художников-фронтовиков Евгения Омельченко, Леонида Брузгина, который после войны много лет работал в «Дагестанской правде», дают почти документальное представление о танковых, воздушных боях за освобождение страны. Родился Евгений в с. Новопавловка. Отец мальчика – Семен Омельченко – преподавал в начальной школе. В доме была большая библиотека, которая насчитывала более пяти тысяч книг: собрание европейской и восточной классики, литература русской исторической и военной тематики и др. Семен Иванович был страстным коллекционером живописи. Мать, Клавдия Ивановна, была общительной, жизнерадостной женщиной. В такой благоприятной атмосфере любви, добра рос Женя Омельченко. Из Новопавловки семья переехала жить в с. Белая Глина, здесь Женя пошел в школу, учился в 11 школе, затем в 9. В восьмилетнем возрасте он написал свои первые стихи. Эти творения были по-детски наивны, чисты и прекрасны. Учился Евгений на отлично, после окончания школы поступил в Московский художественный институт. Учился

заочно и работал в районном Доме культуры, воспитателем в школе-интернате.

Принимал участие в финской войне. Свой фронтовой путь в Великую Отечественную войну он начал в июле 1941 года в поселке Олсуфьево Брянской области. Воевал в составе в 21-й лыжной бригады, служил в 19-й спецдивизии под Москвой, противотанковой артиллерии, участвовал в обороне Москвы, взятии Можайска, воевал на Волоколамском направлении, где был ранен и контужен. После лечения в Свердловском госпитале был направлен в Челябинск, в школу снайперов, одновременно работал на заводе по изготовлению легендарных «Катюш». Учился в Челябинском авиационном училище штурманов авиации дальнего действия. В 1944 году направлен на фронт в город Винница в Первый гвардейский Краснознаменный Брянский авиационный полк авиации дальнего действия, позднее им. Н.Ф. Гастелло. Прошел Западную Украину, Польшу. Летал под Прагу в тыл врага, затем был командиром снайперского взвода. Воевал также в Австрии и Югославии. Закончил войну в составе 18 воздушной армии четвертого Украинского фронта, в звании – старший сержант. Участвовал в первом параде Победы 22 июня 1945 года на Красной площади в Москве.

В 1954 году после окончания полиграфического института был направлен на работу в Дагестанское книжное издательство. За годы работы оформил сотни книг, создавал иллюстрации к произведениям классиков русской и советской литературы. Как поэт выпустил ряд книг (сборники стихов «Шепот сердца» (1997 г.), «Под кистью осени» (2001 г.), «Ромашковый луг» (2003 г.), «Любовью озаренные мгновения» (2003 г.), «Время оголило душу» (2003 г.)), прозаический двухтомник с воспоминаниями, рассказами ветеранов войны.

Умер в ноябре 2005 года, похоронен в Махачкале.

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

* * *

25 ноября 1944 г., Винница

Пока мы петляли по разбитым дорогам Украины с сержантом Перепелицей, направляясь в Винницу, наш полк тем временем перебазировался ближе к фронту, в город Львов. Линия фронта тогда проходила по рекам Дунаец, Висла, через Варшаву, по реке Буг на Кенигсберг.

Винница встретила нас торчащими в небо трубами мрачных пепелищ. Всё здесь напоминало о кровавых боях, о войне, которая длится уже четыре года. Люди нам почти не встретились, хотя была середина дня. Добирались до своей части пешком.

Второе возвращение на фронт в ранге штурмана, стрелка-радиста или просто стрелка авиации дальнего действия особых тревог в душе не вызывало. Пока заботила одна мысль: как доложить о своем опоздании почти на десять дней? Ведь мы, пользуясь тем, что документы у нас, решили изменить маршрут, ехать другой дорогой, чтобы несколько часов побыть дома, обнять мать, отца, которые вот уже почти пять лет не видели нас. Да и едем на фронт, где вероятность в девяноста девяти случаев быть в числе не вернувшихся с войны. Поэтому, рискуя быть наказанными, мы все же решили заглянуть домой. И прежде чем разъехаться, обговорили все детали, мелочи и самое главное – конспирацию. Встреча должна состояться на одной из узловых станций в поезде, следующем на Харьков в 14 часов. И мы разъехались. Встретились в пассажирском поезде в 16 часов, не доезжая до Ростова. Через двое суток мы уже были в Виннице.

Капитан интендантской службы, видимо, исполняющий обязанности начальника в оставшемся подразделении, принял документы, пожурил за опоздание, но однако тут же распорядился поставить нас на довольствие и сооб-

шил, что первым самолетом, который полетит через сутки, мы отправимся на новую базу в город Львов, а пока мы будем отдыхать в казарме летного состава. Выйдя из помещения, мы пожали друг другу руки и мысленно поблагодарили судьбу за столь мягкое с нами обращение. Получив у заместителя старшины постельные принадлежности, расположились в одной из комнат. Весь остаток этого и следующего дня провели в изучении городка и его окрестностей.

* * *

8 января 1945 г., Львов.

Путь на Оставу был опасен. Этот промышленный район Чехословакии усиленно защищался фашистами. Над городом патрулировали истребители. Часто по небу шарили мощные прожектора. Мы получили задание нанести бомбовый удар по скоплению войск и военной технике. Как всегда, в девять часов вечера мы вырुливали на старт. Ночь была на редкость звёздной и какой-то тревожной. Усевшись на свои места, взяли курс по заданному маршруту. В районе цели погода испортилась. Надвинулись облака, пошёл дождь. Изменив шаг винта, как бы настроив звук самолета по типу немецких, мы вышли на цель. Она была закрыта облаками. Бомбить пришлось по расчётному времени. Сделав два захода облаками и сбросив бомбы на противника, мы вышли из облаков и взяли курс на Освенцим. Высота была около двух тысяч метров. Смерд, чёрный дым застилали небо. Казалось, мы летим сквозь адскую вонючую преисподнюю, которая отгораживает нас от мира. «Под нами большой пожар», – доложил я командиру. «Вижу, – ответил он. – Это работают крематории Освенцима».

Остаток пути я думал: «Вот бы куда сбросить бомбочку тонны на две весом. Ведь это горят люди. Да, люди! Для начала их душат в газовых камерах – умерщвляют живых, неповинных людей и жгут, предварительно облив нефтью».

После полёта я сказал командиру: «Давайте разбомбим этот крематорий!» «На это надо разрешение командира ди-

визии или командования», – ответил старший лейтенант. Через три дня командир оповестил нас, что мы хорошо выполнили задание.

Наступление советских войск стремительно продвигалось вперёд. Район боевых действий ушел вперёд, и наш полк перебазировался на территорию Польши, под город Жешув.

* * *

16 апреля 1945 г., Ясенки

Сегодня в пять утра по московскому времени грянула артиллерийская канонада. Начался последний этап в завершении войны – Берлинское сражение. Сидя в своих самолётах, мы ждали 19 часов, чтобы как можно лучше выполнить свою задачу. Массовый налёт приходился на город волнами. Сегодня нас летел целый корпус. Время между самолётами не более десяти минут. Полёт оказался страшно тяжелым. Наверное, опять не было связи. За это надо расстреливать на месте. Гибли солдаты из-за какой-то бездари!

Войдя в огромный город несколькими самолётами, мы попали в сотни прожекторов, спаренных с автоматическими зенитками. Заговорили четырех- и восьмиствольные пулемёты. Загрохотала тяжелая артиллерия. Начался крошечный ад. Если тебя накрыли лучом, то практически уйти невозможно. Сила света во много раз больше, чем электро-сварка, и если он направлен на тебя, то зрение утрачивается на какое-то время, и тут же тебя расстреливают.

Итак, наши четыре самолёта над городом. Уже загорелся ведущий. За ним второй, третий, настала наша очередь... Сбросив все разом бомбы на заданную цель, мы стали уходить. Но тут же нас поймали прожектора. В самолёте стало видно, как днём. Я доложил командиру, что у нас отрублены концы крыльев. Он в свою очередь дал указание во что бы то ни стало подавить прожекторы и зенитки, ведущие по нам огонь. Открыв огонь сразу из всех пулемётов, мне удалось подавить стрельбу и погасить прожектора. Но вы-

рваться из кольца оказалось делом не простым. Прибавив скорость за счёт снижения и ведя огонь в намеченном направлении, мы сумели прорваться через огненное кольцо и уже на совсем низкой высоте, почти на бреющем полёте взяли обратный курс. Домой мы добрались под утро. Бензин был на исходе. Его оставалось не более чем на десять минут полёта. Посадку производить на взлётном поле нам не разрешили, так как оказалось повреждено шасси. Делать еще круг опасно; не хватит бензина. Командир все-таки сделал повторный круг и посадил самолет сбоку взлётной полосы на одну «ногу» и при одном неработающем моторе. Это редкий случай посадки таких тяжелых самолётов и – на наше счастье – удачный. Какое-то время мы сидели на своих местах (так нам показалось). Но вот застучали в двери, и тогда мы поняли, что живы и уже дома. На другой день нам сообщили: в самолете 547 пробоин, в левом крыле сквозная дыра в полтора метра, почти квадратная, всего в десяти сантиметрах от бензобака. Другое крыло оказалось на два метра короче. Второе шасси не вышло, так как в нём пробоина и вытекла тормозная жидкость. Из этого боя несколько самолётов не вернулись на базу.

Через сутки нам дали другой самолёт, и мы стали готовиться к очередному заданию.

* * *

7 мая 1945 г., Ясенки

Вернувшись из полёта, долго не могли уснуть. Дежурные стрелки и радисты по аэродрому в три часа ночи услышали на польском языке экстренную передачу. Война закончилась! Германия капитулировала! Тяжелая зенитная артиллерия, охраняющая аэродром, а также все пулемёты, стоявшие в боевой готовности, открыли ураганный огонь. От ракет на аэродроме стало видно, как днем. Тысячи свечей висели в воздухе. Мы подумали – нападение немецких частей, которые еще вели сражение в двухстах километрах

от нас: земля тряслась после каждого орудийного залпа. Выскочив в нижнем белье, схватили свои автоматы, пулемёты и побежали занимать оборону, как вдруг прибежал стрелок и сообщил, что война закончилась. Стрельба многократно усилилась – до истерии. К шести утра приехало высокое командование из дивизии. Стрельба утихла. Эта радость стоила смерти одного бойца из зенитной артиллерии.

Так началось утро первого дня Великой Победы.

* * *

22 июня 1945 года я в составе четырех лучших экипажей полка участвовал в первом Параде Победы в Москве.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте признаки живого свидетельства, раскрывающие тему войны как личный опыт, полный тяжелых решений, страха, сомнений, преодоления и личной ответственности. Почему дневниковая форма важна для этого текста?
2. Каким вы представляете себе автора (возраст, характер, ценностные ориентиры) по этим записям? Как он относится к войне, товарищам, врагам?
3. В записи от 25 ноября 1944 года автор пишет о решении заглянуть долмой, рискуя быть наказанными. Как автор объясняет свое решение нарушить приказ, разрешая внутренний конфликт между необходимостью и человеческим стремлением увидеть семью?
4. Какой эпизод вам показался самым тяжелым, наводящим на размышления о природе зла, чудовищного даже в условиях войны?
5. Смерть – рутина, а героизм – каждый рабочий день. Это реальность войны. Как в таких условиях проверяется характер человека? Что даёт силы человеку жить и побеждать?
6. С каким произведением такого же жанра можно сравнить дневники Е. Омельченко? Что общего между ними?

**РАДЖАБОВ
АБДУЛ
РАДЖАБОВИЧ**

(1926–1986)

*Поэт, прозаик,
драматург;
танкист*

Раджабов Абдул Раджабович – поэт, прозаик и драматург, пишущий на лезгинском и русском языках. Родился 19 мая 1926 года в селении Ахты Ахтынского района ДАССР. Заочно окончил Дагестанский педагогический институт им. С. Стальского (ныне ДГУ им. В.И. Ленина).

Когда началась Великая Отечественная война, он добровольцем ушёл в армию. Был зачислен в танковую часть, позже – в музыкальный взвод. Имеет боевые и памятные правительственные награды. В послевоенные годы учительствовал в школах Курахского и Табасаранского районов, работал инспектором Министерства просвещения ДАССР, редактором Даградиокомитета. Заочно окончил литературный факультет Дагестанского педагогического института. Абдул Раджабов известен главным образом как автор произведений для детей. Первый сборник его рассказов для детей – «Книга Рамиза» – вышел в 1958 году. Абдул Раджабов пишет и для взрослого читателя: сборники «Плач зурны», «Настоящий мужчина», «Вертолёт-Магомед», повесть «Здравствуйте, люди!». Им написано несколько радиопьес.

У ПОДНОЖИЯ ШАХДАГА

Посвящаю С. Раджабали

У подножия Шалбуздага, Где селенье Усухчай, Там, где воздух, словно брага, Пили мы лезгинский чай. Ели мы шашлык отменный, Сыр курушский и чурек – Угощал обыкновенный, Хлебосольный человек. Там, в долине Усухчая, В доме у Раджабали, Снова детство повстречал я, Вспомнил сказ о Шарвили! Здесь в горах провёл я детство, Здесь завидовал орлам... С облаками по соседству Жил я с горем пополам: Видел, как для кровной мести Всадник на коне скакал, Слышал, как во имя чести Вёл беседы аксакал... Видел я горянки слёзы, Слышал звон и свист плетей.	Помню я мечты, и грёзы, И фантазии детей... Но пришло и время бегства... И, взмахнув своим крылом, Улетело моё детство, И сказал я: «поделом!» Эти годы ускакали, Сунув ноги в стремяна. И настали... и настали Здесь иные времена! У подножия Шахдага Водопад бежит со скал. Под чинарою у бага Отдыхает аксакал... И поют его потомки Песню счастья и труда. Этой песне вторит звонко Эхо где-то у пруда. Там, в долине Усугчая, Где туман плывёт, как дым, Свою юность повстречал я, Стал я снова молодым!
---	--

ДАГЕСТАНСКИЙ УКРАИНЕЦ

Шли дни литературы Одесской области в Дагестане. После тёплых встреч в кумухском Дворце культуры украинские писатели гостили в доме Галима Батыровича Батырова, председателя райисполкома.

Узнав, что сына Галима Батыровича зовут Богдан, гости удивились. «Это же имя украинское», – заметил писатель Борис Нечереда.

Тогда хозяин дома рассказал трогательную историю этого имени.

Был у него в годы Отечественной войны друг Богдан. Вместе делили горечь и радость фронтовых дорог. Богдан мечтал после войны побывать в Дагестане, на родине своего друга, да не суждено было осуществиться его мечте: фашистская пуля оборвала его жизнь. Умирая, солдат сказал:

– Вот и не пришлось, Галим, побывать мне в твоём Дагестане.

– Богдан будет в наших горах! – воскликнул Галим и сильнее сжал приклад автомата.

Прошли годы... И вот в далёком Кумухе живет мальчик по имени Богдан Батыров, пионер кумухской средней школы. Дагестанский украинец, как окрестил его Борис Нечереда.

ДИАЛОГ С ИНОСТРАНЦЕМ

Группа иностранных журналистов и писателей Америки, Франции и других стран, аккредитованных* в Москве, приехала в Дагестан. Они побывали в высокогорном Гунибе, в древнем Дербенте, в долине Самура. Затем приехали на строительство Чиркейской ГЭС.

Один из них, задержав молодого горца-скалолаза, только что спустившегося с утеса, стал его дотошно расспрашивать. Измазанный, изнурённый жарой и жаждой горец отвечал односложно:

– Сколько зарабатываете?

– Двести.

– Жарко?

– Жарко!

– У вас тяжёлая работа?

– Тяжёлая.

– Вам не надоело все это?

– Нет.

– Вы откуда?

– Из аула Ахты.

- Родители там?
 - Там.
 - Зачем же вы здесь?
- Горец молча усмехнулся.
- Вы чем-нибудь недовольны?
 - Да.
 - Это интересно, – оживился иностранец. – Чем же?
 - Медленно строим, перебои с цементом...
 - Не понимаю...
 - Ну, быстро построим – быстрее ток пойдет и вода...
 - А вам это зачем?
 - Как зачем? Для себя, для всех.
 - Все-таки жарко у вас здесь! – вздохнул заморский гость.
 - Жарко, – согласился скалолаз. – А вы приезжайте годика через два. Мы тут такое море отгрохаем! На три миллиарда кубометров. Покупаетесь, в тени посидите.
 - Вы уверены?
 - Валлахи, уверен, а как же!

Недоумённо пожав плечами, иностранец отошел. Он так и не понял, почему простой горский паренёк искренне озабочен темпами строительства ГЭС, что заставило его без явной выгоды покинуть тенистые ахтынские сады и приехать сюда.

Мечты горца сбылись: в Чиркее родилось море, оно весело катит свои игривые волны к берегам, а над ним, плеща крыльями и перекликаясь, проплывают белокрылые чайки.

СЛУЧАИ В АУЛЕ КУБАЧИ

Николай Семенович Тихонов из долины Самура приехал в знаменитый аул чеканщиков Кубачи.

Спускаясь по бесчисленным крышам этого аула, Николай Семенович невольно остановился: на плоской крыше сакли, расположенной в стороне, какой-то художник рисовал группу ребятшек. Художник, рисуя маленьких горцев,

совершенно забыл об окружающем, не видел, что, отодвигая стул, на котором сидит, приближается к краю крыши, еще немного – и он сорвется вместе со стулом в пропасть.

Николай Семенович пригляделся и узнал старого знакомого. Это был художник Николай Юрьевич Лаков, с которым они немало дней провели в горах.

– Николай Юрьевич! – закричал Тихонов. – Встаньте! Осторожно, встаньте!

Художник повернул голову в сторону Н. С. Тихонова, и кисть застыла в его руке. Он прислушался, точно хотел убедиться, что звали именно его. Потом узнал Тихонова.

– Сейчас же встаньте! Осторожно! – снова закричали Николай Семёнович и сопровождавшие его, Тихонова, горцы. Художник встал, сделал шаг, и стул, упав за его спиной, полетел в пропасть, а художник, обернувшись, с ужасом смотрел вниз, где, ударяясь о выступы крыш, все дальше летел его стул.

Николай Семенович сказал уже спокойно:

– Николай Юрьевич, не забывайте, что вы в горах. Было бы очень грустно, если бы это был ваш последний этюд!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На какие две части можно разделить стихотворение «У подножия Шахдага». С помощью каких образов автор показывает изменение времени?
2. В каком рассказе особенно ярко отразился интернационализм граждан советских людей? Как вы понимаете это понятие? Что означало имя «Богдан» для жителей дагестанского аула?
3. Как в рассказе «Случай в ауле Кубачи» создается образ увлеченного художника, одержимого своим делом?

РОГОВ ГРИГОРИЙ

*Сведений о нём
не удалось найти*

РАЗВЕДЧИКИ

Рваными тучами все небо пенится,
Звёзды с нами идут провожатыми.
В небе шагает Большая медведица,
Мы вслед за нею идём медвежатами.

Лес, перелески, овраги с бурьянами,
Уши взъерошены, дальше слышится,
Воздух ревёт с бомбовозами пьяными,
Рыщут ракеты, и небо колышется.

Над берегом кончились тропки кабаньи,
Топчем ногами травы душистые.
Здесь над налившейся гневом Кубанью
Мы повстречаемся ночью с фашистами.

Жизнь или смерть по законному поводу.
Взяли мы в руки стальное оружие.
Мы подошли к телефонному проводу
И тишину затаённую слушаем.

Слышатся шорохи, ночью рождённые,
Кто-то идет со звериной повадкой.
Будет чинить с нами связь повреждённую.
Небо молчит перед смертной схваткой.

Снова ракеты небо царапают.
Тени на нас от кустарников хлынули.
Жмет тишина над железною лапою,
Сердце как будто из пламени вынуло.

В мыслях сработал запал быстротечности,
К мускулам кровь приливает кипением,
Минуты, секунды становятся вечностью,
И – наступают пределы терпению.

Остановилось течение времени,
Двинулись тени на нас от кустарника,
Бьет старшина головную по темени,
Мы на земле прижимаем напарника.

Нами он связан, без возражения,
С нами идет и в лесу не заблудится.
Но, распластавшись в траве без движения,
Парень из Рура вовек не пробудится.

Пусто в душе, нет ни злости, ни ярости.
И с нами могло бы такое случиться,
Давят нас горы свинцовой усталостью.
В каждой секунде опасность стучится.

Но умирать нам теперь не положено,
С нами язык, мы врагом не замечены,
Родина стала страной настороженной,
Будут все планы врагом рассекречены.

Рваными тучами все небо пенится,
Звезды с нами идут провожатыми,
Нам салютует Большая медведица,
Лапами к небу навечно прижатыми.

ПЕСНЯ СОЛОВЬЯ

Светлели дни в апреле сорок пятом,
Был путь к победе ближе и короче,
На чешских землях разбомблённых, смятых
Солдаты шли в простреленные ночи.

Солдат обстрелян, смерти не боится.
Что смерть ему? Один лишь миг ничтожный.
Полк с боя взял поселок Чайковицы
И сном забылся чутким и тревожным.

Не спали только храбрые в дозоре,
Да крепко в землю вросшие секреты,
Не спи солдат, теперь опасны зори!
И песня соловья мне радость на рассвете.

И вот он начал свой мотив затейный,
Тире, тире и точки, точки, точки...
Радист не дремлет на земле ничейной
И песню соловья кладет на строчки.

Открытый текст, координаты точны,
По спящему полку удар намечен –
«Земля, я море, примите спешно, срочно».
«Есть, принято», но был радист не вечен.

И миномет сработал шестиствольный,
Разбита рация и нет радиста,
Там, где он был, гуляет ветер вольный,
И солнце вечное глядит лучисто.

А полк тогда был поднят по тревоге,
Ушел на марш последнего удара.
И соловья того постигла кара:
Он был раздавлен на большой дороге.

Когда прибудем с вами в Чайковицы,
Радисту-другу памятник поставим.
Там мирные поют сегодня птицы.
Мы с ними мужество солдат прославим.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА¹

Дорога, дорога, ты нас не забудь,
Тебя мы построили в грозное время.
И потом, и кровью прослеженный путь
Давал сталинградцам стальную опору.

Ты нас никогда не поймешь, Архимед,
Мелки и ничтожны твои Серакузы,
Во имя всемирных, народных побед
Мы в путь уложили безмерные грузы.

Мы землю возили и ночью и днём
На плачущих дедовских тачках,
Глаза земляков загорались огнём,
А руки и ноги сжигались в болячках.

¹ Железная дорога Сталинград – Саратов строилась в тяжелое время обороны Сталинграда.

И к нам прилетали, как стаи ворон,
Драконы с крестами на вздыбленных крыльях,
И нам приносили кровавый урон,
А небо и солнце скрывались за пылью.

И тем, кто теперь у дороги лежит,
Мы памятник в сердце навечно построим.
Пусть время по нашей дороге бежит
И славит всегда неизвестных героев.

**БОЕВАЯ ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ
814 ПОЛКА КРУПНОКАЛИБЕРНЫХ
МИНОМЁТОВ**

исполнявшаяся по моему тексту

Мы бойцы маневра скорого,
Полк победного конца,
Мы наследники Суворова,
Командира и отца.

Люди мы заветов вечного,
С нами всюду совесть, честь,
В багаже мешка заплечного
Мы не носим злую месть.

Ветры, бури не поведуют
Гордость, славу наших дел –
Тем потомки позавидуют,
Кто грозу смирить сумел.

Разгромим врага кровавого.
В бой идем за мирный труд,
Мы солдаты дела правого,
Наши звёзды не умрут.

(После каждого куплета припев)

Воевать мы мастера,
И сегодня, как вчера,
По-геройски бьются русские бойцы.
И сегодня, как вчера, под могучее ура!
Сыновья идут на битву, как отцы.

МАРШ НЕПРЕКЛОННЫХ

Мы не рабы, не по указу,
Спешим за острой правдой в бой.
Нас призывает мудрый разум
Крепить порядок мировой.

Пройдя сквозь смерть, огонь и холод,
И сквозь пожары горький дым,
Мы победим и дикий голод,
И страх ползучий победим.

Не страшен путь, мы не устали,
За силой солнечной идём,
У нас сердца прочнее стали
И нервы крепнут с каждым днём.

Когда громами станут тучи,
И бури рыщут без дорог,
И нам грозят обвалом кручи –
Беду не пустим на порог.

Дадим, за честь восставшим, руки,
Сильнее будем во сто крат,
Мы с ними в радости и в муке,
Нам каждый угнетённый брат.

Вожди и золотые горы
Нас не принудят славить лесть,
Нам истину откроют споры
И правде путь проложит честь.

АСТРЫ

Под небом холодным, без ласки, без света,
Среди облетевших цветов и листвы
Остались одни только Вы,
Печальные астры, как сироты лета.

И треплет Вас ветер, как зверь, завывая,
Вас моют и плачут над Вами дожди,
И нежной улыбки от солнца не жди,
Как праздничный день благодатного мая.

Застывшая музыка Ваши наряды,
Омытые влагой дождя и росы,
И нежность струится от Вашей красы,
Когда мы цветы раздаём как награды.

К лицу будут астры суровым сединам.
Их нынче друзьям подарю.
И пусть они вспомнят былую зарю
Над озером жизни пути лебедином.

ПОБЕДНЫЙ ПЛЯС

В светлый день средь ветвей, Тех, кто смерть пережил,
В день счастливый Мая Гром, огонь, метели
Озорной соловей, Буйный пляс закружил,
Пел, тоски не зная. И дубы запели.

В этот час, в этот миг, Кто в бою был не трус,
На посту зелёном Шел на сталь и свинец,
Гром военный затих Сердца каменный груз
В краю отдаленном. Снял с души наконец.

Где огонь нависной, Все запело вокруг,
Жёг сады и хаты, И поля, и горы –
Под сожжённой сосной Друг далёкий, поверь
В пляс пошли солдаты. В мирные просторы.

А навстречу им вдруг, Грозный танк приутих,
Молоды и близки, Онемели пушки.
Распечатали круг Будем делать из них
Смелые связистки. Детские игрушки.

Расплескал гармонист Славе смерть не грозит,
Звуки по долине, Молодость беспечна,
Приласкал каждый лист Будем время просить,
Молодой малине. Пляс тот помнить вечно.

Жми, лихой гармонист, В нем сошлись все концы
Озорные звуки! Доблестной победы,
Пляс победный и свист Там плясали юнцы –
Пусть услышат внуки. Нынешние деды.

Там плясали бойцы
В знак большой победы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как в стихотворении «Разведчики» образ мира сливается в единую враждебную среду? При помощи каких художественных средств война изображена как опасная мистическая работа?
2. Проследите, как меняется внутреннее состояние лирического героя. Как вы понимаете строки «Жмёт тишина над железною лапою, Сердце как будто из пламени вынули»?
3. В каком стихотворении раскрыта тема массового подвига в тылу? О каком подвиге идет речь?
4. Какое состояние бойцов описывается в стихотворении «Победный пляс»? Какими словами и образами передается физическое и духовное освобождение?
5. Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из стихотворений.
6. Какие грани войны раскрыты в этих стихотворениях? Укажите соответствующее (ие) стихотворение (ия):
 - Война как всеобщий титанический труд;
 - Война как неизбывная память и тихая печаль;
 - Война как ежедневная смертельная работа;
 - Война как путь к освобождению и очищающей радости.

**САЛАВАТОВ
АЛИМ-ПАША
КАМБУЛАТОВИЧ**

(1901–1942)

*Поэт,
драматург*

Салаватов Алим-Паша Камбулатович – поэт, драматург и театральный деятель, основоположник кумыкской драматургии. Родился в 1901 году в дагестанском селении Аксай. В годы гражданской войны вступил в партизанский отряд и сражался за установление Советской власти в Дагестане. В 1931 году окончил Дагестанский педагогический институт. Работал учителем в родном селении, преподавал в Буйнакском педагогическом училище, позже работал научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагестанской базы АН СССР. Литературным творчеством А.-П. Салаватов начал заниматься в 1914–1915 годах. В 1925 году в Даггизе вышел его сборник стихов «Первая часть» («Начало»), а в 1930 г. – «Избранные стихи». Он является создателем первых учебников родной речи для кумыкских школ, занимался сбором фольклора и материалов о классике кумыкской поэзии Ирчи Казаке. Но особенно плодотворно проявил себя А.-П. Салаватов в драматургии. Написанная им на основе одноименной поэмы драма «Красные партизаны» была удостоена первой пре-

мии на республиканском конкурсе пьес в 1933 году. Сценическое воплощение ее было осуществлено Кумыкским драматическим театром. Особенно большой успех выпал на долю его драмы «Айгази», которая и поныне успешно идет в театре, носящем его имя. Написана им и пьеса «Карачач».

В начале Великой Отечественной войны А.-П. Салаватов добровольно ушел в армию и в 1942 году в бою на Крымском фронте пал смертью храбрых. Произведения А.-П. Салаватова неоднократно переиздавались на родном языке, а стихи, переведенные на русский язык, помещены в сборнике поэтов-фронтовиков «Оборванные струны». Его именем названа одна из улиц Махачкалы, Избербашское педагогическое училище (бывшее Буйнакское) и Кумыкский музыкально-драматический театр.

Ниже дан небольшой лирический отрывок из произведения «Красные партизаны», повествующего о героической борьбе горцев Дагестана за установление советской власти. Произведение основано на личных воспоминаниях автора как участника гражданской войны.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

(Из пролога поэмы)

Кто соскучится, друзья мои, в стране,
Где ручьи, кипя, сбегают с грозных гор,
Юноши, смеясь, идут среди цветов
Чернобровые, где светел кругозор
И ясна погода? Выходи скорей!
Ветер слаще мёда, горный путь в простор.

... Хлопковое поле в молодом пуху,
Место плодородно, и земля мила,
На зелёный лист под утренней росой
Легкая броня алмазами легла.

Да, друзья мои, наш Дагестан таков, –
Постоянный труд и праздник без конца.
А кого в горах полюбишь ты, певец?
Девушки томят горячие сердца.

Есть для странника дорога и тропа,
Хочешь – в гору, хочешь – под гору шагай.
Коль действительно мужчиной будешь ты, –
Для тебя, прохожий, раем станет край.

...Вырос я средь гор. О, если б только мог,
Всё бы им отдал, что живёт во мне!
«Он преувеличивает!» – Скажете, друзья?
Но необычайно всё в моей стране!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Пролог вводит нас в поэму, где личная любовь к Родине сливается с темой защиты Родины. Как автор описывает Дагестан в прологе? Какие детали жизни и быта дагестанцев он отбирает, чтобы создать целостный, живой образ?
2. Какие антитезы использует автор, говоря о жизни в горах?
3. Найдите пример диалогового построения строк. С какой целью такой приём использует автор?
4. Почему поэт начинает поэму о партизанах и войне не с описания тревоги или гнева, а с развёрнутого прославления мирной красоты и родной земли? Как такая композиция влияет на восприятия поэмы читателями?

**СЕМЕНОВ
ЮНО
ШАУЛОВИЧ**

(1899–1961)

*Прозаик,
драматург, режиссер;
старший сержант*

Семенов Юно – прозаик, драматург и театральный деятель, основоположник татской советской драматургии и театра.

Родился в 1899 году в Дербенте. После окончания Гражданской войны работал в типографии дербентской газеты. В те годы и началась его творческая деятельность. Он пишет инсценировки, сценки для самодеятельного драмкружка. С работой этого кружка и созданного на его основе театра связана вся его творческая деятельность как драматурга, режиссера и актера. Написанные Ю. Семеновым драмы «Два брата», «Предатель», «Мачеха», комедия «Раскаявшиеся», одноактная пьеса «Бородавка» и др. успешно шли на сцене Татского театра. В годы Великой Отечественной войны Ю. Семенов с группой актеров в 1941 году добровольцем пошел на фронт. Звание – старший сержант. Демобилизован 23 июня 1945 года. Полк воевал в составе 1-го Украинского фронта, затем в составе 2-го Украинского. Окончание войны встретил в Будапеште. Был ранен. Имел боевые и памятные правительственные награды.

Я СВИДЕТЕЛЬ

Я видел дни темнее ночи,
А лето холодней зимы:
Свинцовый дождь взрывает в клочья
Добычу варварства, войны.
Фашисты – полчища из ада,
Их бог – насилие и страх.
Душа их тлением объята:
У всех дорог, на всех столбах
Я видел стариков, детей
Повешенных или сожжённых –
Как хворост сброшенных людей
И в уголь, в пепел превращённых.
Дитя на маминой груди –
Штыком проколотые, оба
В крови тонули. И следы
Всех преступлений над народом
Я видел: юных, стариков,
Младенцев крохотных и женщин
Бросали в печи, в топку, в ров.
Живьём бросали. И из трещин
Расколотой от бед земли,
Врагом в могилы превращённой,
Куда живыми погребли
Людей, на муки обречённых, –
Звучали крики, голоса,
И стыло сердце, содрогаясь...
Я видел: смерть провозглася
Духовной ценностью арийцев,
Топтали сапогами фрицы,
Своим же смрадом упиваясь,
Святые ценности добра.
Они в руины превратили
Деревни, села, города,
Но в испытаньях, в их горниле

Сияла наша правота,
И нашей армией могучей
В тиски фашистский сброд зажат,
Враг истреблён, и пусть в падучей
Он злобно бьётся, но расплаты
Ему теперь не избежать.

Европе кем дана свобода?
В Берлине чей взмывает флаг?
Лишь подвиг нашего народа
Спас этот мир. Пусть знает враг,
Что ночь у нас светлее дня,
И вся земля у нас в цветенье,
Страна советская – броня
От зла и гнусных преступлений.
Капитализм враждебен нам,
Наш атом служит только миру,
А хищным ворогам, дельцам,
Всем живоглотам и банкирам
Он нужен только для войны.
Мы пашем землю, хлеб сажаем –
Дары трудов и целины,
Каналы строим, прорубаем
Твердыни гор. И я свидетель:
В любви и в мире мы живём,
Пути открыты нашим детям,
Заводы строим и куём
Народу счастье, миру – мир.
Воспойте, родину, поэты,
Пусть поэтический турнир
Продолжат, словно эстафету,
Другие, юные певцы.
Страну науки, знаний славьте.
Её путём пойдут борцы
Из стран отсталых. И направьте
К дороге счастья мир земной,

За нами правды благодать.
Капитализм грозит бедой,
Наш идеал – совсем иной:
Мы к миру будем призывать!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему стихотворение разделено на две части? Какова тема каждой из них?
2. Каково значение названия стихотворения? Можно ли назвать эту мысль рефреном? Обоснуйте.
3. Приведите из текста примеры противопоставлений. Как они связаны с главной мыслью произведения?
4. Как вы понимаете выражение «гражданственность поэзии»? В чем она проявляется?

СТАЛЬСКИЙ МУСАИБ СУЛЕЙМАНОВИЧ

(1914–1942)

*Советский общественный
и политический деятель,
депутат Верховного Совета
РСФСР, писатель, поэт,
переводчик*

Все дальше уходят события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, но историческая память и их значимость неизмеримо возрастают. Большой вклад в приближение победы внесли писатели и поэты Дагестана. Одним из них был Мусаиб Сулейманович Стальский.

Третий ребёнок в семье народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, он родился в селе Ашага-Стал Куринского округа Дагестанской области. Учился в Ашага-Стальской и Касумкентской школах, в Дербентском педагогическом техникуме. Окончил филологический факультет Дагестанского педагогического института. Юношеские годы его совпали с периодом, когда расцвел талант его отца – Сулеймана Стальского, когда поэта подняла волна народного признания.

Поэтические способности Мусаиба проявились еще в Дербентском педагогическом техникуме. Первые стихи он опубликовал в 1934 году в Касумкентской районной газете «Колхозное знамя». В 1940 году Дагестанское книжное издательство выпустило сборник стихов Мусаиба Стальского

«Избранные произведения» на лезгинском языке. В этом же году он стал членом Союза писателей СССР.

В 1941 году стал работать пропагандистом Касумкентского райкома партии. Когда началась война, почти год добивался призыва. Коммунист Мусаиб Стальский ушел на фронт добровольцем. Дома остались жена и дочь, родившаяся в 1942 году. Его направили в Сталинградское военное училище. Начальник политотдела предложил Мусаибу должность старшего инструктора политотдела по организационно-партийной работе. Стальский твердо отказался, сказав, что будет выполнять боевую задачу вместе со своими товарищами. 27 сентября в Сталинградской битве командир пехотного взвода Мусаиб Стальский пал смертью храбрых в боях за Родину.

Вот как описывает последний бой М. Стальского ветеран 6-й гвардейской танковой бригады, гвардии полковник в отставке, кандидат исторических наук В. Егоров в своих воспоминаниях о поэте «Имя его стало легендой»: «Вечером 23 августа курсанты были подняты по тревоге. Только что закончился массированный налет фашистской авиации, вокруг полыхало пламя пожаров, над городом висела тяжёлая туча дыма и пыли. Вместе со своими товарищами, стоя в строю, слушал боевой приказ курсант Мусаиб Стальский. Всего месяц назад сын народного поэта Дагестана, поэт-коммунист, работник Касумкентского райкома партии добровольно пошел на фронт, чтобы в тяжёлое для Родины время быть там, где нужны горячее слово коммуниста и пламенное сердце патриота. В ту же ночь из курсантов были сформированы два батальона по три роты в каждой, общей численностью 800 человек. ...Утром после мощного удара по оборонительным позициям десятки фашистских танков двинулись на окопы курсантов, за ними, ведя огонь из автоматов, шли густые цепи пехоты. Оборона встретила врага плотным огнём, от выстрелов ПТР загорелось несколько танков, но остальные все ближе подходили к переднему краю.

Командующий армией генерал В. И. Чуйков принял решение провести разведку боем в районе Городище, где, по данным войсковой разведки, наблюдалось сосредоточение фашистских войск. Поздно вечером два танка Т-34, командирами которых были лейтенанты Симакин и Алистратов, и два отделения десантников прорвались в глубину обороны противника и завязали ночной бой. В этой вылазке погибли экипажи танков и все десантники, в их числе Мусаиб Стальский».

Высокий, русоволосый, всегда улыбающийся – таким он остался в памяти навсегда.

Его имя золотыми буквами начертано в Пантеоне Славы на Мамаевом кургане в Волгограде.

ДЖАМБУЛУ

Другу моего отца

Не слышат порою друг друга в саду соловьи,
Но песни поэтов несутся далеко, Джамбул.
Пусть в разных краях те поэты, но песни твои
До братского сердца доносят волненье, Джамбул.

В степях ты услышал отца – и к нему на Кавказ,
Как степь необъятная, песнь твоя донеслась.
Здесь узки ущелья, но песне просторно у нас!
Сердца наших – вольных степей отраженье, Джамбул!

Ответную песню хотел написать мой отец.
И в сердце своём он её уже слышал, певец.
Но песня не спета, людских не достигла сердец –
С отцом моим в сердце ушла его песня, Джамбул.

В газете с Калининным рядом увидев тебя,
И с орденом – высшей наградой – увидев тебя,
С домброй пред колхозной бригадой увидев тебя, –
Я вспомнил о песне, не знавшей рожденья, Джамбул.

Отца вспоминает ночами бессонными сын:
Ответ не успел он послать тебе с горных вершин.
Казах, пред тобою в долгу неоплатном лезгин –
Певцы рождены под единою сенью, Джамбул.

Пока не парит наша песня звенящей строкой
Над степью казахской, далекой и близкой такой,
В сыновнее сердце моё не вернётся покой:
Я буду в долгу пред тобою, любимый Джамбул!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему поэт посвятил это стихотворение Джамбулу, казахскому народному поэту?
2. Найдите строки, в которых автор сопоставляет Кавказ и Казахстан. Каков смысл тех противопоставлений, которые он включает в описание разных краёв?
3. Как в этом произведении отразилась мысль о единстве поколений отцов и детей?

**СУЛЕЙМАНОВ
АБДУЛ-ВАГАБ
БЕКБУЛАТОВИЧ**

(1909–1998)

*Поэт, прозаик,
драматург,
переводчик*

Кумыкский поэт, прозаик и драматург, переводчик. Родился в ауле Аксай. Учился в Дербентском педучилище, на литературном отделении Центральных курсов редакторов-переводчиков в Москве. В 1941 г. в числе первых добровольцев А.-В. Сулейманов пошёл на фронт. Воевал на Дальнем Востоке. Был награжден орденом Красной Звезды, боевыми и памятными медалями. С первых же публикаций, которые появились на страницах республиканской газеты «Елдаш» и газеты «Молодой коммунист», А.-В. Сулейманов проявил себя как поэт с гражданской позицией и высокими идеалами. Участник первого Вседагестанского съезда писателей в 1934 году, был активным пропагандистом дагестанской литературы, награждался почётными грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР. Его первыми публикациями в дагестанской печати стали сборник стихов на кумыкском языке «Волны революции» и повесть «Герои победы». В последующем в дагестанских издательствах вышло около 30 книг А.-В. Сулейманова на родном и русском языках.

В разные годы вышли отдельными книгами в его переводах на кумыкский язык произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М. Горького, А. Навои, Низами, С. Стальского, Р. Гамзатова, а также сборник поэтических произведений арабских, индийских, корейских, японских, китайских поэтов.

А.-В. Сулейманов – народный поэт Дагестана, лауреат республиканской премии им. Г. Цадасы 1966 года (за пьесу «Свадьба на войне»), заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель искусств ДАССР. Член Союза писателей СССР.

ЛЮБИМОЙ

Ухожу. Пора мне в дальний путь,
Не тоскуй, но жди и верной будь,
Верь мне: расстаёмся лишь на время.
Если навсегда – не позабудь.

Помни свет бессонных тех ночей,
И луну, и плещущий ручей,
И глаза влюбленных – точно звёзды,
Только ярче звёзд и горячей.

Помни прелесть улочек ночных,
Буйство наших танцев огневых,
Наши споры и мечты о счастье,
Взбалмошного друга жаркий стих.

Коль погибну – в сердце сохрани
Наших вёсен солнечные дни
И внезапность тайных поцелуев
Под платанами, в густой тени.

Ясно представляю я сейчас
Берег моря, блеск девичьих глаз,
Вновь, луны багровой не стесняясь,
Обнимаешь ты меня, смеясь.

Шепчешь ты:

– Люблю ходить сюда,
Любоваться, как играет чайка,
Вечно беззаботна и горда.

Мнится – я крылата, как она,
Мнится – я свободна, как волна,
Мир счастливым сердцем обнимаю,
Благодарной нежности полна...

Смолкла ты, задумчиво светла,
И меня руками обвила,
И твоя горячая слезинка
Грудь мою нежданно обожгла.

Я шептал о счастье, о любви,
Целовал я волосы твои,
Прижимал твои ладони к сердцу:
– Я люблю...
Любимым назови...

Помню эту встречу и теперь.
Клятве, что я дал в тот вечер, верь.
Я вернусь,
Я постучусь в оконце,
И откроешь ты солдату дверь...

Если ж не вернусь я в отчий край,
Головы пред горем не склоняй.
Только помни...
А другого встретишь –
И при нём меня не забывай!

Коль с бедою встречусь я во мгле,
Коль погасну искрою в золе,
Коль глаза,
Что целовать любила,
Мне закроют на чужой земле, –

Пусть войны не будет никогда,
Пусть по всем морям плывут суда,
Пусть под наше знамя возвратятся
Наши села, наши города!

Пусть кипит, как прежде, вольный труд,
Пусть смеются дети и поют,
Пусть луна влюбленных манит ночью,
Пусть их тайны звёзды берегут!

1941 г.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Нет ни шороха, ни шума в эту ночь.
Небосклон навис угрюмый в эту ночь.
Засияй луною полной – и лети
На Кавказ в аул мой, дума, в эту ночь!

Далеки они, родимые края!
Всюду, всюду у джигита есть друзья,
Но одна подруга, верная моя,
Ты со мною, ты со мною в эту ночь!

Надо льдами, над азовскими лети,
Среди звёзд на небесах ищи пути,
Черноглазую горянку разбуди
И о битвах расскажи ей в эту ночь!

Ты красавице привет мой передай,
Ты поздравь её и счастья пожелай,
Светлой жизни пожелай ей, и пускай
Чашу за меня подымет в эту ночь!

Жаркий вспыхнет пусть в очах её огонь,
Запоют кумузы, тары и гармонь,
Станет бить по бубну узкая ладонь,
Сердце пусть её ликует в эту ночь!

Дни печали ей судьба да сократит,
Пусть цветами будет путь её повит,
Ожерелье пусть наденет и глядит,
Как ей звёзды улыбнутся в эту ночь!

Пусть, безоблачную радостью полна,
Расцветает юной розою она,
И на шее, что для неги создана,
На ветру платок трепещет в эту ночь!

Каждодневно ей да будет светел труд,
Руки милые пускай прядут и ткут,
Но пускай они мне ласку сберегут,
Я за Родину сражаюсь в эту ночь!

Я хотел бы на нее смотреть одну,
Но – клянусь! Народа я не обману,
Наши сёстры у врага еще в плену,
Плачут кровью наши сестры в эту ночь!

Слёзы девушек, джигитов наших кровь
К страшной мести призывают вновь и вновь,
Мне велит моя великая любовь
Бить врага, не уставая, в эту ночь!

Неотступные вперед идут полки,
Бьют без промаха кавказские клинки.
Дни победы над врагом не далеки, –
Вот о чем скажи ей, дума, в эту ночь!

ДНЕПР

Помню – ты меня не поразил
В день, когда увидел я впервые
Берега зелёные твои,
Волны безмятежно голубые.

Мельком на тебя я посмотрел,
Ты блеснул, как лезвие кинжала,
И подумал почему-то я:
Днепр не шире Терека, пожалуй.

Помню – выпил я твоей воды.
Мне она безвкусной показалась...
Вновь пришёл я к берегам твоим.
Смертная гнетёт меня усталость.

Падаю ничком на берегу.
В пламени дрожит полнебосвода.
Пью – и все напиться не могу,
Пью твою продымленную воду.

До чего ж она сейчас вкусна!
В ней и гнев, и сила, и здоровье –
Оттого ли, что идёт война,
Что за воду эту платим кровью?

Да и сам, как море, ты широк
И, как небо огненное, гневен.
Звёзды смотрят из глубин твоих,
Словно очи пленных королевен.

Приходил к тебе я как поэт –
Нынче прихожу к тебе солдатом.
За тебя я отдал кровь свою,
Не отдам тебя я супостатам!

МОЯ СУДЬБА

Вечереет...
Красуется в небе луна.
Тишина.
Спят друзья. Только мне не до сна.
О судьбе своей странной задумался я..
Где Кавказ мой? Где дом?
Степь глуха и темна.

... Ночь зимой в Дагестане длинна, словно год.
Ветер бьёт чабана,
Бурку старую рвет.
Под навесом дрожишь среди баранов и коз..
Летом – в поле
До одури солнце печёт...

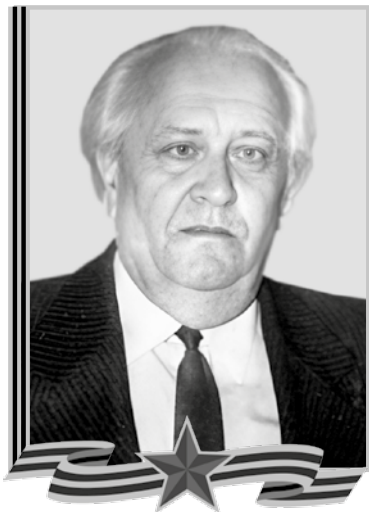
Я в далёкую юность мечтой уношусь,
Вспоминаю опять тонкострунный комуз,
Помню свадьбы в ауле,
Помню школьных друзей,
И мечты,
И вторженьё непрошенных муз...

Вдруг – война.
Я пошёл защищать свой очаг.
Вместо ручки держу автомат я в руках.
Вместо дома – окоп,
Одеялом – шинель,
И мешок вещевой у меня в головах.

Да, судьба...
Был когда-то простым чабаном.
Стал поэтом потом,
И завидует мне и поэт, и чабан:
Защищаю я Родины солнечный дом!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие основные темы можно выделить в стихотворении «Любимой»? Прощание это или завещание, на ваш взгляд?
2. Как в стихотворении «Днепр» показано преобразование равнодушного человека в солдата? Как война меняет ценность жизни, земли, воды?
3. Какие три ипостаси своей личности выделяет поэт? Сумел ли он через эти образы раскрыть своё место на войне?
4. Сравните стихотворения «Любимой» и «Новогодняя ночь». К кому они обращены? В каком из них больше надежды? В каких строках передается мысль о том, что долг для героя выше личного счастья?

**СУЛИМАНОВ
МАГОМЕД
СУЛИМАНОВИЧ**

(1919–1988)

*Прозаик,
драматург,
поэт, переводчик*

Магомед Сулиманов внес большой вклад в литературу Дагестана. Это был человек яркого таланта, простой в быту, повидавший много тягот.

Родился в 1919 году в селении Хунзах. В пять лет осиротел, воспитывался в детском доме, учился в Буйнакском педагогическом училище, окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве. Работал учителем, редактором аварского вещания Даградиокомитета, в редакции газеты, преподавал в студии ГИТИСа в Москве.

Беликую Отечественную войну Магомед Сулиманов встретил студентом. Когда началась война, он и его сокурсники сразу написали заявление, чтобы их отправили на войну. Но военная комиссия отказала ему: с детства Магомед был слепой на левый глаз. Магомеду было обидно, что однокурсников забрали, а ему отказали. Он самовольно пошел в отряд пулемётчиков, которые готовились к отправке на фронт, и убедил их взять его с собой. Так, в 1942 году началась его фронтовая биография.

Сражался на Северокавказском фронте. Был тяжело ранен. По выздоровлении окончил Тбилисское артиллерийское училище. Во второй раз он попал на фронт в качестве командира артиллерийской батареи. Сражался в составе Третьего Белорусского фронта, участвовал в битве под Сталинградом, трижды ранен. Последнюю пулю получил в Берлине, ранение было тяжелое. Здесь для Магомеда Сулиманова война закончилась, он демобилизовался инвалидом второй группы. За героизм на войне был награжден тремя орденами и семью медалями. Будучи участником Великой Отечественной войны, он стал свидетелем той кровавой эпопеи, воспоминания о которой легли в основу его послевоенных поэм «По дорогам войны», «Эхо», «Косы», «Апараг» и др., талантливых стихотворений. Интересна история написания поэмы «Косы». Когда полк, в котором служил Магомед Сулиманович, отступал, одна русская девушка отрезала свою косу и кинула вслед нашим солдатам со словами «возьмите это с собой». Командир полка положил косу в сумку и ответил девушке: «С косой и победой я вернусь к тебе, и я не умру». Магомед с другом после войны сдержали слово, вернулись к девушке, и его друг женился на ней.

В 1947 году вышла в свет первая книга М. Сулиманова – сборник военных рассказов «Индюк-гора». В последующем вышли его книги на аварском и русском языках: повести «Слепое доверие», «Преступление», «Сулак – бурная вода», «Черная пещера»; романы «Огни», «Три повести», «Избранное; поэмы «Пришелец», «По дорогам войны», «Вечные свидетели», они снискали ему симпатию многих читателей. Он известен и как драматург, и переводчик. Более 10 пьес поставлено на сцене Аварского театра, переведены на аварский язык пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», трагедии В. Шекспира «Отелло» и «Гамлет».

Его творчество является неотъемлемой частью культуры Дагестана.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

(Отрывки из поэмы)

*Памяти погибших
на войне посвящаю*

1

Мы когда-то молодыми были,
Пели, и мечтали, и любили.
Только, пеплом на висках осев,
Отпылали годы, вдаль уплыли,
В сапогах солдатских отпылили...
На «ничейной» смертной полосе,
Где врагов прямой наводкой били,
Где своих погодков хоронили,
Пролегли бетонные шоссе.

Но под шрамом старые осколки
Шевелятся в тишине ночной.
Снятся вновь забытые просёлки,
Колкий снег, разбитые двуколки¹,
Горький дым и вкус последней корки,
Вой истошный бомб над головой.

Не ослабнуть нестерпимой боли
По навек утерянным друзьям.
Что там хлеб – патроны из обоймы,
Выходя из окруженья с боем,
Мы не раз делили пополам.
За планету до конца в ответе
Те, кто шли по ней навстречу смерти,
Метр за метром проползли по ней.

¹ *Двуколка* – легкая двухколесная открытая повозка с большими колесами, сиденьем, обращенным вперед, и оглоблями для одной лошади.

Страшно мне, что, проносясь, как ветер,
Кто-нибудь посмеет не заметить
Звездочку на скромном постаменте
И рубцы воронок и траншей.

На могилах подрастают вязы.
В мирном небе голуби скользят.
Но солдатской совестью обязан
Я вам о минувшем рассказать:
О дорогах, танками разбитых,
О живых, но больше –
Об убитых.

2

Впечатав в ночи
Шаг дивизий четкий,
Шла первая
Военная весна...
Вот-вот начаться
Сессия должна.
Но мог ли я
Сдавать свои зачёты,
Когда, теряя сыновей
Бессчётно,
Врагу сдавала
Города страна?

О, как я клял
Благословенный Нальчик!
Вовсю стучал
В райкоме кулаком.
Но рапорт рвал
Усталый военком,
Вспять отправлял:
– Доучивайся,
мальчик.–

И в бешенстве
командовал:
– Кругом!

Но, если кровь
Течёт рекой горячей,
Будь проклят тот,
Кто спрячется под кров.

Не надо слов,
Я умереть готов.
Пускай уж лучше
Мать меня оплачет,
Чем взгляд свой в землю
От позора спрячет
Средь миллионов
Матерей и вдов.

Страна моя,
Любую скорбь и беды
Я выдержу.
Ты только прикажи.
Коль смерть моя
Приблизит день победы,
Я буду рад
И голову сложить.

Я ждать не стал
Обещанной повестки.
Я долг свой знал
И сам себя призвал.
Хурджин с тетрадкой
На плечо повесив,
От военкома двинул
на вокзал.

О, как вас позабыть,
 Военных лет вокзалы!
 Был обнажён ваш быт,
 Тревогой обожжён.
 И в летний зной знобит
 Прокуренные залы.
 Перрон людьми забит,
 Слезами орошён.

Патруль я обманул –
 Сумел туда пробраться.
 И в толчею нырнул,
 Как будто в глубь реки.
 Смеются и поют
 Мальчишки-новобранцы.
 Сжимая котелки,
 У кипятка толпятся,
 Дымят и чай свой пьют,
 Молчат фронтовики.

А на платформах в ряд
 Застыли туши «ИЛов»¹.
 Гудят пути, гремят.
 И люди говорят:
 – Какая сила прет! –
 Те, кто на фронт из тыла.
 А те, кто с фронта в тыл:
 – Как береста, горят.

И дым над головой,
 Как вороньё, разметан.
 – Пехота, по местам! –
 Басит гудок густой.

¹ «ИЛ» – советский бронированный штурмовик времен Второй мировой войны.

Друзья мои, прощайте!
Идет на фронт состав.
На зыбкую площадку,
Нарушивши устав,
Я прыгнул на ходу.

И понесли меня
Солдатские дороги.
И строгим старшиной
Я был в тот день внесён,
Собратья пушкари,
Войны лихие боги,
Не в артдивизион,
А в смертный пантеон.

Ревущая пурга
Свинцом вас заметала.
Но в самый трудный час
Не дрогнула рука.
Рабочий гордый класс
Донбасса и Урала,
Вы, с юных лет своих
Привычные к металлу,
И под огнём врага
Стояли так, бывало,
У пушечных стволов,
Как прежде у станка.

4

Шлях пустел.
Дым над полем густел.
Зной, как «мессер», висел над июлем.
Я учился не кланяться пулям,
Не метаться, попав под обстрел.

Я сполна постигал в том году
Суть солдатской науки жестокой.
Конь устал – запрягаться в постромки,
Высыпаться в пути, на ходу.

И потом я друзей хоронил.
Да и сам не однажды был ранен.
В медсанбатах по тоненькой грани
Между жизнью и смертью ходил.

Повидал и пожары, и кровь,
Брал столицы, форсировал реки..
Но, как первую в жизни любовь,
Первый бой не забуду вовеки.

И приснится ночами не раз:
Есть приказ –
«Удержать переправу!» –
Нет снарядов.

Потеряна связь.

Танки сзади.

И слева. И справа.

Вся земля полыхает в огне,
Но,дохнув леденящею стужей,
Поле крупповской¹ сталью утюжит
Смерть с крестами на дымной броне.

И меняются люди в лице.
Завывают моторы зловеще.
Мы в кольце.
Нас все меньше и меньше.
Словно бешеный, пляшет прицел.

¹ *Крупповская сталь* – тип поверхностно упрочнённой стальной брони.

Пули рядом все чаще звенят.
И, припав к развороченной пашне,
Крутит чудище плоскою башней
И повсюду находит меня.
Окровавленным глазом сверкнет,
А потом, беспощаден и точен,
Не свернет, поползет и растопчет
И все дальше со стадом пойдет...

Если ближе и ближе враги,
Смерть слюною свинцовой брызжет,
Есть мгновение:
Выдержал – выжил;
Дрогнул сердцем – и сразу погиб.

Груды трупов. Обломки станин¹.
Но подполз и застыл у орудия
Взводный наш, окровавленной грудью
Танк встречая один на один.

И сдалась, затрещала броня.
И на тропке разбитого трака²
Завертелась громадина танка,
К бакам хлынули струйки огня.

– Братцы, значит, их можно и так!
Фриц – он сила, да мы не солома! –
И ребята глядят по-другому.
И опять загорается танк.

Тут осколок меня зацепил.
Чуть не плача, в «лезгинке» горячей

¹ Станина – основная неподвижная часть изделия, на которой размещаются и по которой перемещаются остальные её узлы и механизмы.

² Трак – звено гусеничной ленты танка.

Я прошёлся, ранение пряча,
Чтобы вдруг не отправили в тыл.

Скоро рана моя зажила.
Боль иную душа сохранила:
После боя ребят хоронили
У развалин степного села.

Не обмыли ни копоть, ни кровь.
Так, как были, в пилотках, в обмотках
У какой-то безвестной высоты
Положили их в глинистый ров.

Гул надсадный за рощицей креп:
Враг резерв развернул для атаки.

Было некогда мёртвых оплакать,
Но горели подбитые танки.
Смрадный дым от немецкой солярки
Колыхался, как траурный креп.

5

Горек
Запах обгоревшей ржи.
Через горе
Путь солдат лежит.
Утром ранним –
«Рамы»¹,
Стоны раненых.
Политрук, по совести скажи,
Почему мы от врага бежим?
Где ж они остались, рубежи,
Те, что «подготовлены заранее»?!

¹ «Рамы» – прозвище немецкого разведывательного самолёта Focke-Wulf Fw 189 Uhu («Филин»), который стал символом опасности, войны и вражеской угрозы.

Женский плач.
Тревожный вопль сирен,
Смертный хрип скотины изувеченной.
И в любой деревне, и в селе
Только печки
Вместо хат с крылечками.
Ясный день
От дыма посерел.

Ночь – чужими «люстрами»
Засвечена.
Беженцы
Без края и конца.
В бешенстве
Потоками свинца
Бреши
В этом сумасшедшем месиве
Повсеместно вырубают «мессеры».

Плач и стон
Слышны со всех сторон.
Под ногами степь,
Как топь, качается.
Если это явь,
То что же сон?
Если сон,
То почему же он
До сих пор, проклятый,
Не кончается?!

Миг назад
С улыбкой на устах
Девушка, на цыпочках привстав,
Помахала нам платком с обочины..
Очереди..
Взрыв..

И все окончено.
Только на обугленных кустах
Тот платочек –
Розовыми клочьями.

Кровь течет в кюветах,
Как река.
Мать, укрыв, несет издалека
Мёртвого младенца
На руках.
– Не простыл бы! –
И у края кратера
В поисках хоть капли молока
Сын припал
К груди убитой матери.

Неужели женщиной рожден,
Материнским молоком вспоен
Этот ас?!
С нордической улыбкою,
Скинув от азарта шлемофон,
На гашетку¹ нажимает он,
Модный вальс
Тихонечко мурлыкая.
Канонады яростный набат.
Свист свинца. Трассирующих полосы.
Здесь идет кровавая косьба.

...И стоят забытые хлеба,
Спелый колос прижимая к колосу.
Так пускай сгорит он на стерне,
А врагу
Лишь пепелище голое.
Хлеб в огне.

¹ Гашетка – приспособление для приведения в действие спускового механизма автоматического огнестрельного оружия.

Горит душа во мне.
Хлеб я жгу,
Но знаю, что в стране
Дети пухнут малые
От голода.

Пусть он разлетается золой
От Поморья и до града Киева.
Стон стоит над всей моей землей,
Тот же самый,
Как во дни батыевы.

Ленинград в блокаде.
Сдан Донбасс.
Полыхают волжские селения.
Танки Клейста¹ рвутся на Кавказ.
...И на части душу, как фугас²,
Рвет позор и горечь отступления.

В легких чад.
Постромки³ на плечах.
По ночам шагаем, по ночам.
Где ж он, час,
Когда наш путь окончится?
Одичав, в деревнях псы рычат,
Да старухи с кучею внучат
Смотрят вслед
И горестно молчат,
Неподвижно вставши у околицы
Мы уходим! –
Слёзы жгут глаза.

¹ *Клейст* (Эвальд фон Клейст) – немецкий генерал-фельдмаршал вермахта во время Второй мировой войны.

² *Фугас* – заряд взрывчатого вещества, который воспламеняется от механического (ударного), зажигательного или электрического действия.

³ *Постромки* – часть конской упряжи.

Мы уходим! –
Нас простите, павшие!
Мы уходим! –
Но придем назад.
О, какой же кара будет страшною!

Дни летят, как стая журавлей,
Промелькнули – и вдали растаяли.
Стало меньше боевых друзей,
Думы – горше.
Сводки – тяжелей.
– Отошли...
– Покинули...
– Оставили...

И в тревожной тишине ночей,
Словно к богу,
Мы взываем к Сталину.
Знаем мы:
В Кремле в полночный час,
Наклонившись над трехверстной картою,
Видит нас
И верит только в нас,
И не раз слезу смахнёт украдкою.
Словно шнур бикфордов¹
Каждый нерв.
Мы уходим, сжав оружие яростно.
Мы уходим, но пылает гнев,
Тот, в котором
Сталь победы плавится.

¹ *Бикфордов шнур* – это шнур для осуществления подрыва через определённый промежуток времени, через этот шнур огонь передается к пороховому снаряду.

Полыхают жарко нефтебазы.
 Застит вязы
 Чёрный жирный дым.
 Только мне вдруг показалось сразу,
 Что вершины снежные Кавказа
 Он осыпал копотью и грязью,
 Над Хунзахом стелется родным.

Краснодар! – И набухают скулы.
 Краснодар! – И напрягаюсь весь.
 Неужель, поигрывая дулом,
 Он пройдет вразвалочку аулом,
 Рыжий фриц из части «Эдельвейс»¹!?

Сбив со старца горскую папаху,
 В дом зайдет без страха, не спеша,
 И ударит женщину с размаха,
 Пнет ногою люльку малыша...

И, собрав народ у годекана,
 Пулей оборвет он смертный крик.
 И над трупом дорогого Хана
 Покачнется Клавдия Ивановна
 С белою дощечкой: «Большевик».

Нет, фашист! Не допущу! Не выйдет!
 Не увидишь мой родной Хунзах!
 Пушки занимают огневые.
 Рассветает. Серый пыльный шлях.
 Самоходок черные громады.
 Гул моторов. Цепи егерей².

¹ «Эдельвейс» – кодовое название военной операции немецкого командования по захвату Кавказа (25 июля – ноябрь 1942 г.)

² *Егерь* – профессиональный охотник, который осуществляет охрану и контроль природных территорий.

И трещат «цундапы»¹, как цикады.
Лезут гады, нету с ними слада.
Хоть умри, а удержаться надо.
Бьем их до последнего снаряда –
Уж таков закон у пушкарей.

А потом на передки и ходу...
Только поздно:
Отошёл сосед.
Снят заслон, и смял десант пехоту.
Нет снарядов и надежды нет.

Нет снарядов – есть штыки и руки.
А врагам еще не ведом страх.
Не таясь, не закрывая люки,
Танки с ревом выползли на шлях.

Ряд за рядом. Вот они и рядом.
Если б гнев, что в сердце я храню,
Можно было в ствол дослать зарядом,
Прожигал бы насквозь он броню.

Егеря шагают без опаски,
Пыльные, как сорная трава,
Накачавшись шнапсом под завязку,
Закатав по локти рукава.

С каждым шагом ближе он и ближе.
Стёртыми подковами звеня,
Рыжий, улыбающийся, рыжий,
Целится спокойно он в меня,
Между нами лишь полоска пашни.
Так не медли, немец, поспеши.

¹ «Цундапы» – немецкие мотоциклы компании «Цюндапп».

Даже мёртвым на землю упавши,
Я тебя успею придушить.

Тихо. Только раненые стонут.
Да уже слышна чужая речь.
Мы считаем мысленно патроны,
Чтоб последний для себя сберечь.

Финку в зубы. А гранату в руки...
Только вдруг над выжженным жнивьем,
Словно тучи грозовые в бурю,
Распластал горячий ветер бурки.
– Братцы, наши!
Значит, поживём!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое впечатление на вас произвела поэма? От чьего имени ведется повествование?
2. Какие воспоминания болью отдаются в сердце героя?
3. Почему герой считает своим долгом рассказать о минувшем? Чего он страшится?
4. Почему военком отказал герою повествования в отправке на фронт?
5. Что испытывает герой? Почему он не ждет повестки, а отправляется на вокзал?
6. Как описываются дети из блокадного Ленинграда? Почему герой старается запомнить их образы?
7. От чего горько воинам? Какую картину видят они, отступая? Какой троп использован в строках «...И на части душу, как фугас, / Рвет позор и горечь отступления»?
8. Почему жгут хлеб на полях?
9. Сравните описания бомбежки беженцев и фашистского летчика. Какие чувства переполняют автора?
10. Какие чувства испытывают бойцы, сдавая врагу деревни? Прочитайте отрывок.

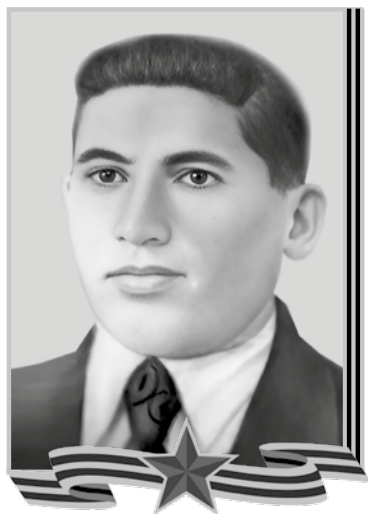
11. Как относились к отступающим «безусым парням» российские мамы»? Что они им желали, вынося «хлеб со слезами пополам»?
12. Какие отношения складывались у воинов? Как автор относится к русским? Почему?
13. Что испытал герой, когда представил, что враг бесчинствует в его родном Хунзахе?
14. Найдите описание того, как враг шагает по родной земле. Какое сравнение использует автор, говоря о них?
15. Выучите наизусть понравившийся отрывок.

СУЛТАНОВ БАЛАКАРДАШ

(1912–1942)

*Поэт,
учитель*

Султанов Балакардаш родился в селении Ашага-Сталь бывшего Касумкентского района и хорошо знал знаменитого ашуга Сулеймана Стальского, учился у него мастерству. После окончания Дербентского педагогического училища, Балакардаш возвратился в родное село и с юношеским жаром принялся за преподавательскую работу. Это было время напряжённой борьбы за всеобщую грамотность. Культурная революция в Дагестане победила, в этом есть и заслуга Балакардаша Султанова.

В самом начале Великой Отечественной войны он ушел на фронт и погиб, защищая Родину. Его след в лезгинской поэзии не стёрся и по сей день.

Это был поэт талантливый, горячо влюблённый в свой народ, в советскую Родину.

СЕСТРЕ

Живёшь ты в ауле
Средь неба и гор,
Где птицы с утра
Собираются в хор.
Где эхо подхватит
Любой разговор,
Сестра милая!

Была там недавно
Одна беднота.
То время прошло,
Дорогая сестра.
Ты партии клятву
Дала неспроста,
Сестра милая.

Теперь ты хранишь
Этот светлый рассвет
И нежный, как снег,
Абрикосовый цвет,
Отчизну,
Которой счастливее нет,
Сестра милая.

Так будь же достойна
Доверья людей.
В домашнем кругу
Замыкаться не смей.
Ума набирайся
И доброе сей.
Сестра милая.

Забудь про кулацкое слово
«Моё».
Все наше теперь –
И стада, и жнивья.
В колхозе живем мы
Одною семьей,
Сестра милая.

Права тебе
Наша Отчизна дала
На отдых, на труд,
На благие дела,
Чтоб равной мужчине
Ты в мире жила,
Сестра милая.

К учёбе стремись
И про лень позабудь.
Ты с книгой дружи
И невеждой не будь.
Пусть будет разумен
И светел твой путь,
Сестра милая.

В цеху,
Где бессонно грохочут станки,
На поле колхозном,
У школьной доски
Народную власть
Ты всегда береги,
Сестра милая.

МАЙ

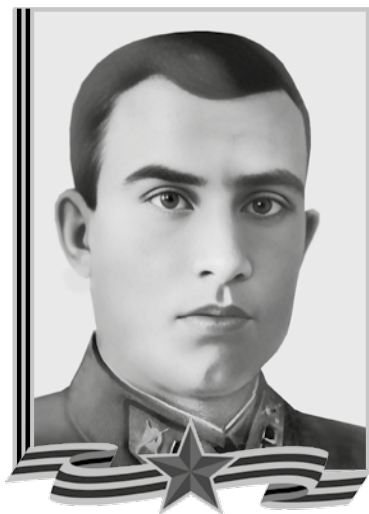
Весна пришла. Пришла весна. Снега сошли. Сошли снега.
И даль открылась, зелена, Набухла, разлилась река
Принарядилась вся страна. И затопила берега.
И в небесах, не умолкая, К обильным урожаям
Щебечут птицы мая. Большие воды мая.

Земля свободная в цвету. На торжество спешит народ.
Атлас зелёный ей к лицу. Как этот красный цвет идёт
И по всему её кольцу, К полям зелёным, к сини вод.
Как пена нежная, морская, Знамена праздника вздымая,
Белы деревья в мае. Идут колонны мая.

Залита солнцем синева, В руке ребёнка – флаг весны!
Пахуча клейкая листва, На каждом доме – знак страны!
И в камне проросла трава. И улицы запружены.
Снега последние снимая, И в небе тает, тает
В цветенье горы мая. Воздушный шарик мая.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какими чувствами пронизано стихотворение, обращенное к сестре? В чём его новизна?
2. Почему стихотворения поэта полны ликования? Как он описывает новую жизнь, пришедшую в советский Дагестан, какие ее приметы и явления вдохновляют его и радуют?

**ТАГИРОВ
АБАКАР
ЗАЛИБЕКОВИЧ**

(1913–1942)

*Журналист,
писатель, переводчик;
политрук*

Любителям аварской прозы и поэзии хорошо известно имя Абакара Тагирова. Он родился в 1913 году в селе Карата Андийского округа Дагестанской области (ныне – Ахвахского района РД). Учился в медресе, потом окончил светскую школу в селении Ботлих и рабфак в Дербенте.

Свою трудовую деятельность Абакар начал инспектором Цумадинского райисполкома. С 1934 по 1938 год работал в Ботлихской районной газете «Знамя социализма» корреспондентом, а потом – редактором газеты. В конце 1938 года Тагирова как талантливого журналиста пригласили в аварскую республиканскую газету «Большевик гор», где он проработал до начала Великой Отечественной войны. На страницах этих газет за 1935–1941 было напечатано немало статей и фельетонов, где А. Тагиров обличает старые адаты, мешавшие социалистическому преобразованию сёл. Среди наиболее крупных произведений – его повесть «У андийского озера», в которой показана жизнь андийских сёл в тридцатые годы, раскрыт характер горцев-андийцев, чистосердечных, жизнерадостных и трудолюбивых, не про-

щающих подлости и трусости, измены и двурушничества. Героями его произведений были в основном передовики сельскохозяйственного производства и обычные горцы, строители новой жизни.

А. Тагиров занимался также переводческой деятельностью: им переведены на аварский язык роман Н. Островского «Как закалялась сталь», сборник рассказов М. Горького и др. Наиболее ярко талант писателя раскрылся в создании коротких рассказов, основанных на жизненных ситуациях: «Спокойные дни», «Живыми похороненные», «Удивительная болезнь», «Смейтесь, не стеснясь», «Поют шодродинские девчата» и др. А. Тагиров пробовал себя и в поэзии. Ряд произведений автора (например, сатирическое произведение «Похищение невесты») был утерян: виною тому стала Великая Отечественная война.

В первые же дни войны Абакар Тагиров ушёл на фронт добровольцем. Он страстно любил свою профессию журналиста. Оценивая творчество таких авторов, как Абакар, литературный критик Наталья Капиева писала: «Неодинаков был их творческий почерк. Некоторые из них оставили в литературе глубокий след, другие только делали к ней первые шаги. Но всем им присуще единство судьбы, все они были солдатами. Они воевали за Родину, их песня – песня борьбы и победы, она была их оружием».

Не суждено было сбыться мечтам, творческим планам Абакара Тагирова: 2 июля 1942 года в боях близ селений Васильевка и Новопавловка Липецкой области он пал смертью храбрых. Похоронен во дворе школы села Новопавловка в братской могиле. Ему было всего 29 лет.

Не забыты подвиги наших воинов. В послевоенные годы однополчанин А. Тагирова житель города Львова Павел Исаакович Резницкий в письме на имя народного поэта Дагестана Расула Гамзатова рассказывал о мужестве и стойкости младшего политрука Абакара Тагирова: «Как секретарь партбюро, он находился там, где шли самые жаркие бои. И в последние минуты своей жизни, истекающий

кровью, лёжа на спине, он стрелял по вражеским самолетам. Абакар пал в этом бою. Но я хочу сказать Стране гор, где он родился и вырос, что он был настоящим героем, хорошим товарищем и бесстрашным горцем.

На аварском языке издана книга А. Тагирова «Рассвет в горах», в которую вошли дошедшие до нас произведения писателя: повесть, рассказы, поэма, стихи.

ЧКАЛОВУ

Умер герой, богатырь-авиатор,
Чкалов, любимец народа, ушёл,
С неба сорвался в полёте крылатом,
В трауре родина, в горе большом.

Предан земле, её чёрному горю
Лётчик, летящий, как солнечный луч.
Ты ястребом мчался в морозных просторах,
Северный путь пролагая, как ключ
К новым дорогам, к Америке дальней.
Жизнь посвятивший Отчизне герой,
Знаниям новым – наполнил печалью
Ты сердце народа, наш друг дорогой.

Знаешь, нам так не хватает героев,
Чьи имена у страны на слуху.
Друг мой, душу свою успокоив,
Спи, а друзья у страны на посту.

ДЕНЬ ПРИМИРЕНИЯ

Надев ярмо на быков, привязав к нему соху, взвалив себе на спину мешок с меркой зерна, еще до рассвета Гусейн пришел в поле. Это было в один из последних дней апреля. Поля вокруг были уже засеяны, находящееся рядом поле Максуда тоже чернело, засеянное еще вчера.

Гусейн подошел к меже, как полагается, за ним тянется соха, в руке – развязанный мешок. Обычно он начинал сеять именно с этого места, но, приблизившись к большому белому камню, он в удивлении остановился, мешок выпал из рук, ноги и руки задрожали...

– До каких пор я буду терпеть обман этого подлеца? – сказал он в гневе. – Не раз, не два, до каких пор терпеть его издевательство?..

Оставив там же быков и мешок с зерном, Гусейн отправился в село. Ни о чем не заговаривая со встречными, приблизился к дому Максуда. Максуд запряг быков в ярмо и готовился отправиться в поле, но, увидев почерневшего от гнева Гусейна, бросил на землю мешок с зерном и как ни в чем не бывало пошел навстречу Гусейну.

Максуд понял, что дело плохо, его пышные черные усы задержались.

– Максуд! – произнес Гусейн дрожащим голосом. – Ты за кого меня держишь?

– За Гусейна, сына Гасана! – сказал, еле сдерживаясь, Максуд. – А за кого должен был принять, за ханского сына?

– Я тебя спрашиваю: ты перестанешь делать подлости? Если не прекратишь...

– Ты заставишь меня? – теряя терпение, произнес Максуд, почерневший теперь от гнева больше, чем Гусейн. – Пришел меня напугать?

Гусейн не думал, что услышит такие слова. Но этот никого не боявшийся смельчак выговорил их! Не он ли вчера перенес межу на полметра внутрь поля Гусейна? Не он ли в прошлом году прихватил себе пядь земли, а летом украл

сено, которым можно было бы навьючить осла? На секунду все помутилось в глазах Гусейна.

– Не думал я, что ты так меня встретишь, – сказал он, приблизившись к Максуду на шаг. – Так получай же!

С этими словами кинжал Гусейна из черной стали, широкий в рукояти, более полуметра длиной, описав дугу, опустился на голову Максуда. Потом еще одна дуга, и, как тыква, расколота надвое, голова Максуда упала, рухнуло и огромное тело. И больше ни звука.

Вокруг никого не было, никто ничего не увидел. Вытерев об одежду Максуда лезвие своего кинжала, Гусейн собирался было уйти, как в это время откуда ни возьмись появился младший брат Максуда Ахмед.

– Это твоих рук дело? – спросил он, вынимая кинжал из ножен.

– Моих! – сказал, растерявшись, кровник.

Это было его последнее слово. Ахмед кинжалом разрубил его начинающую сесть голову вместе с папашой.

В селе то тут, то там раздались крики женщин и детей, все сельчане собрались у дома Максуда. Немного с опозданием там же появился юноша, единственный сын Гусейна Гамзат. Там уже были аульский мулла, кадий, наиб, старшина аула, пришел начальник округа со своими телохранителями. Они посадили Ахмеда под домашний арест. Схватив отцовский кинжал, на котором еще не обсохла кровь, метался Гамзат, но не смог пробиться к кровнику – у дверей стояли четверо охранников.

Магомед, единственный сын двоюродного брата Максуда – Алихана, который умер в прошлом году, восемнадцатилетний молодой человек, гнал перед собой быков на поле, чтобы вспахать его, мать должна была подойти чуть позже и принести еду. Дойдя до окраины села, он услышал истошные крики женщин и увидел около дома Максуда много народа. Оставив быков, бросился к селу...

Среди толпы, как волчонок, метался с окровавленным кинжалом в руках Гамзат. Наконец один родственник, схватив его за руку, отвёл в сторону.

– Только сегодня можно, ты думаешь? – сказал он Гамзату. – Завтра тоже будет день, не торопись. Ааа, вот и змеёныш! – сказал родственник, указывая на бегущего Магомед. – Если ты мужчина, отрежь ему голову: чёрная и белая змея одинаковые.

Подбежавший к ним Магомед даже не почувствовал, что ему грозит опасность. Гамзат безумными глазами посмотрел на приближающегося юношу. Теперь только заметил Магомед окровавленный кинжал Гамзата, его бледное лицо, рассеянный взгляд. Но опять ничего не заподозрил.

– Что случилось Гамзат? – спросил Магомед. Не глядя ему в лицо, Гамзат вонзил в живот юноши кинжал. Красивое, стройное, высокое тело на минуту качнулось и безвольно упало. Магомед не издал ни звука. Лицо Гамзата посерело, родственник затащил его в дом. Растерянная толпа окружала новую лужу крови.

Когда Равзат, старая мама Магомед, узнала, что убили ее единственного, ни в чем не повинного сына, она упала в обморок и на третий день, не приходя в сознание, умерла.

Аульский судья и кадий вынесли приговор Ахмеду и Гамзату – по 8 лет каторги в Сибири.

С этого времени вплоть до революции 8 лет Гамзат не видел своей родины, его жизнь прошла в сибирской тюрьме. Много трудностей видел он, испытал и голод, и холод, рано поседел. Покинув родное село восемнадцатилетним юношей, вернулся он тридцатилетним мужчиной.

Ахмед тоже многое испытал. В холодной сибирской тюрьме заболел чахоткой, испытал все тяготы, поседел, статное его тело постарело. Но выжил, и к 40 годам ему удалось вернуться в село.

С тех пор, как они вернулись домой, прошло ровно 20 лет.

До неузнаваемости изменилось село. До неузнаваемости изменились и сельчане. Большие изменения произошли и у кровников. Теперь Гамзат – бригадир колхоза. Он вспахивает 100 гектаров земли – это в 400 раз больше того

поля, которое обрабатывал его отец. Несчастную жизнь отца он помнит как во сне, а вот Магомед, невинно убитого Магомедом он до сих пор не может забыть, он является к нему во сне и спрашивает: «Что случилось Гамзат?»

У Ахмеда тоже многое изменилось в жизни. Хотя он уже больной, шестидесятилетний пожилой человек, но на хорошем счету в колхозе, считается хорошим работником.

Они по работе часто сталкиваются, бывают на собраниях, но до сих пор не разговаривают, хотя желания навредить друг другу не было. Однако оба ни явно, ни тайно кинжал не бросили: пока не помирятся, не могут доверять друг другу. Давно хотели бы помириться, но никто не брал на себя роль посредника. Вот так 20 лет в одном селе, 8 лет в одном колхозе кровники оставались врагами.

Однажды, в середине апреля, колхозный клуб был битком набит. За столом сидел парторг колхоза Мусаев. Он встал:

– Товарищи, – сказал он, обращаясь к народу, – это собрание будет необычным. У нас нет докладчика, каждый может говорить. Вопрос для обсуждения: «Нужен ли наш кинжал?» Кто хочет выступить?

Люди задумались, стали переглядываться: такого вопроса, такого собрания без докладчика в селе никогда не было. Некоторые поглядывали на висящие на поясах кинжалы, украшенные золотом и серебром и омытые слезами.

Наконец один встал.

– Можно говорить, друг?

Все оглянулись: подняв руку, стоял высокий, бородастый, убеленной сединой Гамзат.

– Слово даётся бригадиру Гусейнову Гамзату.

Подойдя к столу, бригадир отстегнул крючки бешмета, снял ремень, вытащил кинжал и положил его на стол, вынул из кармана газету и повернулся к народу. Смутился, увидев, что все глаза устремлены на него.

– Я положил перед товарищем Мусаевым отцовское наследство, которое досталось единственному сыну, отцу оно досталось от его отца – того Хасана, который во времена

Шамяля убил ни в чем не повинного Басира из-за ослёнка. Трудно сказать, что до того, как этот кинжал достался Хасану, он не был обагрён кровью: кинжал был для этого изготовлен. Что он дал мне? Этот душман лишил меня молодости, из-за него я убил ни в чем не виноватого юношу... Не судите меня, товарищи: это не моя вина, – я никогда не смог бы убить человека. Виновато то время, плохие обычаи наших предков. Кинжал – это глухой враг для народа. Правда об этом написана в этой газете, – он поднял газету «Горский большевик» и продолжал:

– Вы прочитали в ней стихотворение нашего дорогого поэта Гамзата Цадаса? Это стихотворение для нас – большой урок. Нам не нужен кинжал. Он порождает вражду. Мы братья. Наш враг – это общий враг. Против него не борются кинжалом, для него у нас много оружия. Говорят, кинжал нужен, чтобы зарезать умирающую скотину. Для этого достаточно ножа. Говорят, он нужен, чтобы против диких зверей обороняться. Сколько у нас смельчаков, которые кинжалом волка убили? Я ни одного не знаю. Говорят, для красоты, чтобы видели – мужчина. Смех, да и только. Что красивого в железке, привязанной к поясу на животе, бьющей по ногам?! Делать жён вдовами, детей сиротами – это смелость? Мне стыдно от своего... Очень стыдно... Я сегодня бросаю кинжал. Я прощаю кровника, убившего моего отца: хватит, долго терпели горькую вражду! Сегодня нет ей места. Давайте, товарищи, все выбросим врага народа – кинжал, проклянём и выбросим!

В клубе раздался шквал аплодисментов.

С глубоким вздохом, словно сбросив с плеч большую тяжесть, Гамзат сел. По одному стали вставать люди, чтобы высказаться, и клали на стол кинжалы. Казалось, никто не пожалел об этом. Некоторые принесли кинжалы из дома.

– Кто еще хочет выступить? – спросил Мусаев.

– Можно сказать пару слов?

Это был Ахмед, с белой, как молоко, бородой, высокий старец. Медленно он подошел к столу. Встал рядом с Гамзатом и, повернувшись к народу, сказал:

– Тяжесть кровной вражды не поймет тот, кто ее не испытал. А кто испытал – это самый несчастный человек. Предки наши из-за диких предрассудков много хороших юношей предали земле, многие дети осиротели, жёны овдовели. Не лучше, чем у убитых, складывалась жизнь и у выживших. Их жизнь проходила, как у зайца, – в ожидании беды, не сегодня так завтра. К примеру, произошла ошибка. С тех пор прошло 28 лет. И жизнь, и люди полностью поменялись. Не пришло ли время забыть жестокость, кровную вражду, кинжал, кумовство? Пришло, давно пришло. Колхоз – это одна семья. Какая вражда может быть между членами одной семьи? По какой причине невозможно обойтись без раздоров? Между членами коллективного хозяйства равные права, поэтому должно быть между ними крепкое, нерушимое братство. Сегодня, здесь, мы, бывшие кровники, забыв кровную вражду, прокляв и выбросив кинжалы, в знак братства пожмём друг другу руки. Подчинившийся этому братству будет подчинён и нашему общему делу.

Ахмед снял кинжал и положил перед парторгом. Встав из-за стола, Мусаев их заставил пожать друг другу руки. В клубе все зааплодировали. Крепко пожав руки, бывшие враги, а теперь друзья сели на одну скамейку.

Слово взял столетний Халил.

– Дети мои, – произнес он радостным тоненьким голосом. – Вы сделали очень хорошее дело. Село, в котором нет кровной вражды, – счастливое село. Как я помню, в нашем селе было убито около ста человек. сто человек безвременно погибли, сто семей осиротели. Прокляните и выбросьте, мои дети, это орудие, которое погубило доблестных юношей, – сказал он, подняв руку, – забудьте, дети мои, плохой адат! В нашем селе кровная вражда – позор для нас. Помиритесь, будьте братьями. Возьмите пример с Ахмеда и Гамзата – от этого только слава, а не позор!

Около получаса выступал и Мусаев. Все с большим интересом слушали его мудрые слова. Собрание об адатах превратилось в большой праздник.

Посветлело на душе у сельчан.

Собрание вынесло решение: «Всем выбросить кинжалы, с сегодняшнего дня ношение кинжала считать запрещённым и большим позором.

После собрания Мусаев спросил бригадира:

– Что с ними лучше сделать, Гамзат?

– Положив на арбу, отвезти в колхозную кузницу, – ответил бригадир. – Там найдётся, что из них сделать.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какими эпитетами и сравнениями создаёт автор образ легендарного летчика? Есть ли в произведении следы фольклорной традиции и советской поэтики покорителя стихий?
2. Как в стихотворении указана цель подвига Чкалова?
3. Найдите слова и выражения, в которых раскрывается отношение народа к герою.
4. В рассказе «День успокоения – день примирения» показана ломка вековых устоев. Какой изживший себя обычай в центре рассказа?
5. В чём заключался исходный конфликт между Гусейном и Максудом? Проследите цепь убийств. Кто становится жертвой обычая? Каковы последствия этого конфликта?
6. Как меняются Гамзат и Ахмед за 20 лет? Что обрели и что потеряли? Почему, вернувшись, они не могут помириться, хотя и хотят этого?
7. Проследите, как меняется символика кинжалов на протяжении всего рассказа.
8. В чём символическое значение финальной сцены рассказа, где речь идет о дальнейшей судьбе кинжала?

**ТОКБОЛАТОВ
СИРАЖДИН
НАСИРОВИЧ**

(1923–1998)

*Поэт, писатель,
журналист*

Токболатов Сираждин родился в 1923 году в селении Аксай Хасавюртовского района. По окончании учебы в школе устроился рабочим в местный совхоз, затем работал бригадиром МТС. По окончании Хасавюртовского педучилища (заочно) Сираждин избирается первым секретарем райкома комсомола. Он член Союза журналистов России, участник Великой Отечественной войны.

В 1953–1958 годы С. Токболатов работал редактором отдела по кумыкским изданиям Дагучпедгиза, после – редактором литературного альманаха «Дружба» («Дослукъ»). Стихотворные произведения С. Токболатова включены в антологию кумыкских поэтов и вышли отдельными книгами: «Корни» («Тамурлар»), «Ясные капли» («Ярыкъ тамчылар»), «Обострившиеся раны» («Оьрчюкген яралар»), «Утренние росы» («Эртенги чыкълар»).

КАПЛИ

Если берега в зелёных ивах,
Летние ветра ласкают их.
Если сохнут семена тоскливо,
С неба ждём мы капель дождевых.

Тучи, словно бурки, молью битые,
Караваном проплывают мимо.
Нет дождя. Надеждами забытые,
Спят дождевики в облаке гонимом.

Хоть бы каплю уронило небо,
Говорят, и капля камень точит –
Так сливаясь в реки, даст нам хлеба,
Урожай богатый напророчит.

Я хотел бы, чтобы мои песни,
Луч надежды в каждом зажигали,
Пусть же в сердце песням будет тесно,
Чтоб они рекой в моря вливались.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите строфу, в которой выражена основная мысль стихотворения, и прочитайте её. Как вы поняли смысл метафорических образов?
2. Какую роль играет в произведении синтаксический параллелизм?
3. Какие ещё приёмы художественной выразительности использовал автор и с какой целью?

**ТРУНОВ
ДМИТРИЙ
ИВАНОВИЧ**

(1913–1973)

*Писатель-очеркист,
краевед и журналист,
драматург*

Трунов Дмитрий Иванович родился в селе Пронькино Оренбургской губернии. Русский. Окончил школу крестьянской молодежи и Сорочинский сельхозтехникум. Работал трактористом, старшим полеводом, грузчиком в Архангельском порту, культпросветработником в клубе грузчиков и занимался самообразованием. Тогда же стал приобщаться к литературному труду. С 1935 года жил и работал в Дагестане, сотрудничал с редакциями газет «Комсомолец Дагестана» и «Дагестанская правда». В последнее время работал специальным корреспондентом редакции газеты «Дагестанская правда».

Член Союза писателей СССР с 1954 года. В 1941–1942 годах в дагестанских книжных издательствах выходит в свет сборник его фронтовых очерков «Даха-Дада» и несколько брошюр о подвигах воинов-дагестанцев: «Дагестанцы в боях за родину», «Герои дагестанцы» (о В. Эмирове, М. Гаджиеве и др.), «Мы гордимся ими». В 1943 году Д. Трунов вместе с народными поэтами Дагестана Г. Цадасой, Т. Хрюгским и А. Гафуровым выезжал в действующую

армию, побывал в населенных пунктах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Награжден медалью «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945гг.».

В 1950 году в Дагкнигоиздате вышла в свет его книга «Следопыты земных глубин». В последующие годы вышло более двадцати его книг: «По стране гор», «Свет из России», «Дорога к свету», «Аулы мастеров», «В горах Дагестана», «Ниже океана, выше облаков», «Дагестанские умельцы», «Орлиный край», «Баллада о бессмертном пулеметчике» и др.

Его книга «Ущелье сокровищ» была издана в Москве на русском, английском и французском языках. А написанная им пьеса «Командир русской роты» переведена на аварский язык и поставлена на сцене Аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы.

Д. Трунов – заслуженный работник культуры РСФСР и ДАССР, награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За трудовую доблесть», неоднократно награждался Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР, был награжден Почетной грамотой Министерства культуры Чувашской АССР.

КАПИТАН ВТОРОГО РАНГА

*«Смелость Гаджиева, сопряженная
с большим риском, основанная на точном
расчете и высоком боевом мастерстве,
всегда приносит ему победу и славу»*

(«Красный Флот»)

От портов Осло-фьорда до Киркенеса рыщут по норвежскому побережью фашистские пираты адмирала Редера. Они огибают Нордкап, воровски пробираются в извилистые, окаймленные скалистыми грядками фиорды и выгружают на берег танки, пушки, боеприпасы, высажи-

вают войска. Отсюда совершаются разбойничьи походы к землям нашей родины.

Многократно пытались немецкие захватчики расправиться с могучим правым флангом фронта Великой Отечественной войны, но все попытки заканчивались крахом. Враги мечтали захватить Мурманск, Кандалакшу, Кемь, и везде они встречали мужественное сопротивление советских патриотов.

Храбрые пехотинцы бьют врага на сопках Заполярья, бесстрашные лётчики сбрасывают на него смертоносный груз в Петсамо, Варде, Киркенесе, закалённые в боях моряки северного флота подкарауливают на важнейших коммуникациях его корабли и пускают ко дну. Всюду, на суше и на море, фашистские пираты находят свою бесславную смерть.

В непроглядные полярные ночи буйствуют в северных водах десяти- и двенадцатибалльные штормы, свирепствует пурга и гуляют трескучие морозы, клубятся непроницаемой пеленой туманы. много тяжёлых препятствий расставила на путях моряков суровая природа севера. Но это не пугает бесстрашных североморцев. В любую погоду отваживаются они выходить в открытое море, чтобы там вступить в смертельную схватку с неприятелем.

Боевую вахту Великой Отечественной войны несут в суровых водах севера экипажи подводных лодок, которыми командует аvarец капитан второго ранга Магомед Гаджиев.

Не один вражеский транспорт, не один сторожевик и катер-охотник пущены на дно Северного Ледовитого океана подводными лодками из соединения капитана Гаджиева.

Вот один из эпизодов героических боев за советский север.

Подводная лодка, на которой находился командир соединения Гаджиев, подкарауливала вражеские транспорты на одной важной коммуникации. Она встретила большой транспорт, шедший под охраной двух катеров-охотников и сторожевика.

– На транспорте ценный груз, – решил Гаджиев, – иначе не посылали бы с ним такой сильный конвой.

Идти в атаку рискованно. Но решение принято. Торпеды у аппаратов. Раздалась команда.

– Пли!

Первые же две торпеды попали точно в цель. Раздался взрыв, вспыхнули языки пламени. Клубы дыма и столбы воды окутали судно. Потом все исчезло. Судно пошло ко дну.

Конвой заметил лодку. Но она быстро легла на грунт. Сторожевик и катера-охотники начали забрасывать её глубинными бомбами. Бомбы рвались в непосредственной близости. Но экипаж, находясь в смертельной опасности, работал четко и организованно.

Однако с каждой минутой пребывание рядом становилось все более опасным. Рвущиеся совсем рядом бомбы могли разрушить подводный корабль.

И мужественный капитан пошел на неслыханную дерзость. Он решил принять открытый бой.

– Всплывать!

На поверхности мечутся вражеские корабли. Они вооружены пушками и крупнокалиберными пулеметами. Им легко потопить всплывшую лодку.

Гаджиев идет на смелый риск, принимает меры к внезапной атаке.

Как только лодка оказалась на поверхности, первым выпрыгнул на мостик командир соединения, за ним командир лодки Малофеев, командиры Гранов и Чигирин. Стоял декабрьский мороз. Но отважным подводникам было не до того. Второпях они даже не оделись потеплее, были всего лишь во фланелевках.

Прошло несколько секунд и оружие было приведено в боевую готовность.

Лодка так дерзко и неожиданно оказалась на поверхности, что вызвала замешательство на кораблях противника. Подводники ловко воспользовались этим и начали дей-

ствовать молниеносно. В 15 часов 07 минут они открыли артиллерийский огонь, а в 15 часов 10 минут сторожевик был разнесен в щепки.

Через две минуты артиллеристы потопили катер-охотник. Другой катер умчался восвояси, не рискуя принять бой.

Капитан Гаджиев поблагодарил артиллеристов.

Победа одержана, риск оправдан.

В истории морских сражений это был редчайший случай, когда лодка вступила в открытый бой с тремя военными кораблями и вышла победительницей. На это способны лишь бесстрашные, закалённым и баях советские подводники. На это способен овеванный ветрами Балтийского и Черного морей, Тихого и Северного океанов аварец Магомед Гаджиев, награждённый за подвиги орденом Ленина и орденом Красной Звезды.

* * *

Вот второй эпизод. Подводная лодка из соединения Гаджиева, которой командует Жуков, получила боевое задание: совершить длительное крейсерство на важной коммуникации врага и топить обнаруженные корабли.

Лодка шла в ответственное плавание. Впереди много неожиданных трудностей. Их надо мужественно преодолеть, выполнить приказ и с орудийными выстрелами вернуться на базу. Уж такова была традиция подводников-североморцев: возвращаясь с победой, извещать об этом выстрелами при входе в родную гавань.

Командир соединения решил сам отправиться в далекий и ответственный рейс. Подводники заняли места. Лодка отделилась от пирсов и пошла в открытый океан.

– Вернутся ли назад?

Такой вопрос всегда невольно возникал у провожающих. Лодка долго шла по взятому курсу, потом развернулась и пошла на запад.

По водному простору ходила большая волна. Ветер свежел. Короткий северный день сменился черной ночью.

Лодка шла большими ходами, врезываясь в леденящую полярную тьму. Разыгрался шторм. Ревел и срывал с гребней волн пену злой ветер.

– Пройдет шторм, и мы окажемся на вражеской коммуникации как раз в то время, когда она начнет оживляться, – сказал Гаджиев командиру лодки.

– Да. Охота будет богатая, – согласился Жуков.

– Охота хорошая тогда, когда веришь в своих людей, в свою лодку. А когда веришь, готов идти на любой осмысленный риск. Обдумаешь, рискнёшь и победишь.

Случилось так, как полагал Гаджиев. Шторм затих, волна улеглась. Лодка крейсировала под перископом у вражеских берегов. Она выслеживала подступы к гаваням и базам врага, следила за морской дорогой.

Противник, как правило, трусит выходить в плавание в штормовую погоду. Но как только шторм затихает, коммуникации оживляются: в море показываются транспорты, конвоируемые миноносцами, сторожевиками, катерами-охотниками, мотоботами, а иногда и самолетами. Транспорты врага идут на северо-восток.

Командир лодки в боевой рубке. Он не отрывается от перископа. Экипаж на боевой вахте: у дизелей, у аппаратов, у акустических приборов. Каждый настороже, действует четко и размеренно.

Рано утром в перископ был замечен дым. Дым шел из труб неприятельских транспортов, двигавшихся на восток. Их конвоировали сторожевики и катера-охотники.

– Надо идти на сближение и смело атаковать, – посоветовал Гаджиев командиру лодки.

– Полный вперед! – раздалась команда.

Мотористы заработали усерднее. Лодка увеличила скорость.

Гаджиев и Жуков тщательно изучали обстановку. По мере сближения четче вырисовывались объекты атаки.

– Транспорты с войсками. Палубы заполнены солдатами, – сказал Гаджиев, а потом строго добавил:

– Не допускать ни одного до советской земли. Ни одного!
Лодка вышла на дистанцию атаки.

– Приготовить носовые аппараты! – подал команду Жуков.

Лодка развернулась, и торпеда пошла на цель. Раздался взрыв. В перископ было видно, как первый транспорт окутался чёрным дымом, как взвились языки пламени, как заметались и стали прыгать в воду люди.

– Хорошо! Атакуйте следующего! – порывисто проговорил Гаджиев.

Лодка снова вышла в атаку и дала залп по второму транспорту. Опять раздался взрыв. Второй транспорт тоже пошел ко дну вместе с грузом и живой силой врага.

– Холодные ванны принимают, – улыбнулся Жуков.

Третий транспорт взорвался на минах.

– Отлично! – сказал Гаджиев.

Лодка блестяще справилась с операцией. Но и сама оказалась в смертельной опасности. Её обнаружили сторожевики и начали яростную атаку. Взбешённые успешными действиями подводников, фашисты решили уничтожить лодку во что бы то ни стало. Теперь все зависело от находчивости, распорядительности командира, от чёткой работы всего экипажа. Лодка пошла на погружение. Акустик через пять минут сообщил:

– Слышу шум. Сторожевик идет в нашу сторону.

– Идти ещё на погружение, – посоветовал Гаджиев командиру.

В трудную минуту он всегда старался помочь командиру и экипажу.

– Сторожевик остановился над нами, – сообщил акустик.

Лодка замерла. Сообщение акустика вскоре подтвердил взрыв глубинной бомбы. Взрывная водяная волна потрянула лодку:

Со сторожевика ошалело бросали одну бомбу за другой.

Взрывы большой силы сотрясали лодку. Она судорожно вздрагивала и трещала.

В такие минуты, как говорят подводники, смерть стучится в отсеки.

... Оглушительный взрыв. Корабль метнулся и застонал. Погас свет. Где-то забила вода. А вдруг она зальёт отсеки?

Командир не может покинуть рубку, комиссар – новичок.

Гаджиев принимает срочные меры, чтобы помочь им. Надо спасти лодку, людей, вселить уверенность, поднять дух. Капитан Гаджиев подбадривает краснофлотцев, дает советы. Его указания выполняются быстро и чётко.

– Опасность не так велика, как кажется. Уйдём от врага, уйдём, – успокаивает Гаджиев.

Решимость и уверенность командира соединения благотворно действуют на всех. Люди забывают о грядущей опасности.

Противник начал бросать глубинные бомбы на шестьдесят метров, лодка ушла на глубину девяносто метров. Враг понял, что бомбы не достигают цели и стал бросать их глубже. По совету Гаджиева командир поднял лодку на тридцать метров. Враг и на этот раз просчитался. Бомбы рвались далеко от корабля.

Прошло несколько часов. Сторожевик решил, что лодка затонула и ушёл. А лодка всплыла и пошла к советским берегам. Подходя к родной гавани, она дала три выстрела, извещая о трех потопленных вражеских транспортах.

Радостная весть облетела порт. Встречать экипаж прибыл командующий флотом. Он поздравил командиров и личный состав лодки с замечательной победой, а потом сообщил, что через два часа идет в ответственный рейс другая лодка из соединения Гаджиева.

– Я отправлюсь с ней, товарищ командующий, – проговорил Гаджиев.

– Нет, вы будете отдыхать, – ответил командующий.

– Я не устал, это во-первых. Во-вторых, лодка из моего соединения, я за нее несу полную ответственность, – упорствовал Гаджиев.

– Хорошо, отправляйтесь.

Гаджиев не успел сходить в баню, переодеться, посмотреть почту. Через два часа его коренастая фигура появилась на палубе надстройки и исчезла в люке.

Лодка взяла курс на запад.

... По Баренцеву морю гуляет большая волна. Она выбрасывает на хмурые, скалистые, покрытые туманом берега обломки вражеских кораблей.

На небе горят сполохи северного сияния.

На море пылают транспорты врага.

Прямо на цели идут наши торпеды.

Северный Ледовитый океан – гигантская могила фашистских пиратов.

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ АМЕТ-ХАН СУЛТАН

Амет-Хан сидел под плоскостью «Харрикейна» и задумчиво смотрел перед собой.

Был час заката. Багровое солнце уже дотронулось своим краем до горизонта. Медленно плывшие в небе облака внезапно зарозовели, как в сновидении. Изумрудные зеленя и те приняли розовые оттенки. А окна аэродромных построек запылали будто в пожаре.

Над Волгой плавала серая дымка, тоже начавшая розоветь. Над трубами заводов стояли стройные, как линии, столбы пламеневшего дыма.

Час заката чаровал. Но Амет-Хану до него не было дела. По тому, как часто он закуривал и как сердито обкусывал гильзы папирос, было видно, что он чем-то раздражён или подавлен.

Позади послышались шаги. Амет-Хан не оглянулся. Он равнодушно слушал, как под чьей-то тяжелой поступью потрескивали былинки прошлогодних трав. Шаги замерли у самой плоскости.

– Н-да, – услышал, наконец, Амет-Хан голос звенящего механизма Горина. – Так сказать, состояние чёрной меланхолии.

– Пошел к чёрту...

– Далеко идти. Одолжи машину, а? Все равно она у тебя без надобности.

– Издевается. Все еще не насытился, – подумал Амет-Хан и оглянулся, намереваясь бросить в лицо механику обычное оскорбление.

Горин смотрел не на него, а на носки его сапог, около которых валялся ворох окурков.

– Плохо, – сказал Горин. – Ни в одной стрелковой ячейке не найдешь столько стреляных гильз, сколько окурков у твоих сапог. Ты, я вижу, совсем захандрил.

– Зачем пришёл? – крикнул Амет-Хан.

– Я ж тебе говорю: не бери «ля», бери «ре». Зачем зря голосовые связки напрягаешь?

– Земля. Перегной, – рассердился Амет-Хан, намекая, что механик перед летчиком – ничтожество.

– Подумаешь: воздух! Пустота. Так же пусто, как на твоём боевом счету, – отпарировал Горин.

В одно мгновение Амет-Хан оказался лицом к лицу перед механиком. Его узкое со впалыми щеками лицо пылало. Чёрные, густые брови прыгали, будто стриж, прицепившись к переносице, взмахивал крыльями.

– Если ещё раз... – рука Амет-Хана легла на кобуру. Горин, пытаясь примириться, дружески положил руки на плечи Амет-Хана. Но тот стряхнул их, и они повисли по швам.

– Не сердись! До свадьбы собьешь...

– Уйди!

Амет-Хан занял угрожающую позицию.

– Уймись, ведь это шутки, – вкрадчиво заговорил механик, понимая, что дело может принять более острый оборот.

– А ты уйди. Тебе дела нет.

Горин промолчал. Но его насмешливый взгляд хуже, чем отборная ругань, хлестнул душу.

Амет-Хан полез в карман, достал папиросу. Полез ещё и вынул коробку. Но в ней не оказалось ни одной спички. С досадой швырнул её под ноги и с хрустом раздавил.

Горин с готовностью щёлкнул зажигалкой. Вспыхнуло голубое, почти прозрачное пламя. Но только Амет-Хан потянулся прикурить, как Горин легким дуновением сорвал огонек.

– Ты что?..

– А то: собьёшь – получишь. Тогда прикуривай хоть сто раз в день. – Механик ловко подбросил зажигалку вверх и, поймав на лету, повернулся и пошел прочь. Амет-Хан в бессильной злобе скрипнул зубами вслед Горину. А тот шел вызывающе медленно, подгоняя сапогом попавшийся под ноги голыш.

– Собью, вот увидишь! – крикнул ему вслед Амет-Хан, зная, что только этим он сумеет обезоружить злоязыкого механика.

– Поздно. Месяц уже прошёл.

– Врёшь, еще завтрашнее число осталось.

... Амет-Хан Султан вступил в войну не только в её первый день, но и первый час, – ранним утром 22 июня, на западной границе.

– Это что ж? По-разбойничьи, в спину? – кричал командир звена Москвин, влезая в кабину и грозя кулаком в небо, где плыли стаи нагруженных «юнкерсов». – Товарищи, встретим их, как подобает. Побольше злости!

Но пока приготовились, пока поднялись, пока легли на курс, немцев и след простыл. Москвин, Амет-Хан Султан и их товарищи вернулись ни с чем.

Нельзя сказать, чтобы год пропал даром. На груди Амет-Хана орден Красной Звезды – знак боевого отличия. Амет-Хан Султан десятки раз ходил на штурм вражеских колонн, взорвал не один танк и не одну грузовую машину, поджог много цистерн с горючим. Но это всё не то! Какой же летчик-истребитель, если на его счету ни одного сбито-го стервятника? Вот почему Горин зло допекал Амет-Хана. Он преследовал его всюду, ходил по его стопам, как охотник за дичью. Наконец они заключили пари: Горин отвяжется от Амет-Хана, если тот в течение мая собьёт немецкий самолёт.

– Не только отвяжусь, но и подарю зажигалку. Зажигалка не простая. Мамонтовой кости. Холмогорская резьба, – сказал Горин. – Для заграницы делали. На парижской выставке Гран-при можно было бы заработать.

Май проходил. И чем меньше дней оставалось до конца месяца, тем злее механик допекал летчика.

И вот наступил последний день мая, тридцать первое число.

...Амет-Хан поднялся рано. Из-за горизонта выскользнули робкие лучи солнца. Потом они разлились половодьем и стали золотыми кистями красить строения города. Амет-Хан подошёл к своей машине. Металлические части самолёта были покрыты мелкозернистыми капельками росы. Под первыми лучами солнца они дымились, высыхая.

Стал оживать аэродром. Перекликались бойцы батальона аэродромного обслуживания, заскрипели и захлопали двери, зафыркал мотор грузовика.

Кто-то бежал через аэродром, размахивая руками. Амет-Хан пригляделся и выругался:

– Чёрт...

Лётчик повернулся спиной к бегущему, приставил стремянку и полез в кабину.

– Амет-Хан! Амет-Хан! – доносился голос Горина.

– Что ему нужно?

Механик добежал до машины и, не переводя дыхания, возбужденно заговорил:

– Амет-Хан, тебя на КП вызывают. Наверное, задание. Дуй туда, а я машиной займусь.

Амет-Хан, ни слова не говоря, спрыгнул и побежал к командиру пункта.

Через пять минут он уже бежал обратно в унтах и комбинезоне. Горин за это время успел вызвать оружейников и приступил к опробованию мотора.

– Летишь? – встретил он Амет-Хана.

– Так точно! – крикнул лётчик. – «Юнкерс» летит. Давай зажигалку.

– Немножко терпенья. Она еще не заработана. Но я верю!

– Правильно делаешь! – Амет-Хан, затащив замок мехового комбинезона и подтянув унты, – по-медвежьи неуклюже полез в кабину «харрикейна».

– Пусть этот день будет самым удачным в твоей жизни, – крикнул Горин, стараясь перекричать шум мотора.

– Зачем берешь «ля»? – улыбнулся Амет-Хан и натянул очки.

Машина дрогнула, дернулась, потянулась вперед и побежала по аэродрому.

– Событ, – авторитетно заявил Горин оружейникам, провожая взглядом набирающую высоту машину. – Я его вчера основательно настропалил.

...Ю-88 шёл на большой высоте. Высота – одно из главных преимуществ в воздушном бою. И прежде, чем перейти в атаку, Амет-хан решил подняться выше «юнкерса».

Бой развернулся в семи с половиной километрах над землёй. Амет-Хан с пике зашёл в хвост «юнкерсу» и дал длинные очереди. Вражеская машина даже не качнулась. Амет-Хан еще раз пошёл в хвост. Но «юнкерс», казалось, был неуязвим. Огрызаясь огнем пулеметов, он шел, не сходя с курса.

– Бронированный, что ли? – думал Амет-Хан, на этот раз зайдя «юнкерсу» в лоб и нажимая все кнопки на ручке. «Юнкерс» отклонился и невредимый проскользнул вперед.

– Чёрт, – выругался Амет-Хан, делая отчаянный вираж.

На следующем заходе Амет-Хан приблизился почти на сто метров к противнику. Но вдруг на самой удобной позиции отказали все пулеметы. Боеприпасы были израсходованы до последнего патрона.

На секунду летчик почувствовал себя совершенно беспомощным и обескураженным. Столько усилий, столько нервов – и все безрезультатно. «Нельзя так увлекаться. Давил кнопки без всякой экономии!» – думал летчик. Но эту думу сменила другая: «Неужели ни с чем возвращаться

назад? И что скажет Горин? Житья не даст! Вот тебе и за-
жигалка»...

«Юнкерс» поспешно уходил. Неужели уйдет?!

– Не выпущу, – стиснул зубы Амет-Хан. Поддав газу, летчик рванул свою машину вслед за противником.

Только таран! Иных средств сбить «юнкерс» нет. «Хар-
рикейн» обладает большей маневренностью, и Амет-Хан
решил использовать это преимущество. Он слегка подал
ручку от себя, и машина послушно зашла под хвост бомбар-
дировщика. Потом, улучив секунду, он резко потянул ручку
и впился глазами в хвостовое оперенье «юнкерса». Вот сей-
час он рубанет винтом по оперенью, и бомбардировщик по-
теряет равновесие и рухнет вниз. Но не тут-то было! В тот
самый миг, когда Амет-Хан из-под низа «горкой» вздернул
свою машину к хвосту «юнкерса», тот резко клюнул носом,
задрал хвост вверх, и Амет-Хан проскочил мимо.

Этот маневр немецкого летчика сначала ошеломил,
взбесил Амет-Хана. Злоба удвоила его решимость:

– Все равно не выпущу!

Он зашел над «юнкерсом» и стал снижаться прямо на
него. Несколько секунд они летели так, будто летит один
бомбардировщик, а истребитель сидит у него на спине.

Настал решительный момент: Амет-Хан резко накре-
нил свою машину вправо, сделал полупереворот, и «хар-
рикейн» своей плоскостью рубанул по правой плоскости
«юнкерса». Амет-Хан почувствовал сильный толчок, будто
кто-то изо всей силы ударил его в грудь. В глазах помутне-
ло, закружилась голова, затошнило. По шее потекла кровь.
Руки и ноги внезапно отяжелели. Заныло в груди. Но все
это мигом забылось, как только Амет-Хан увидел под со-
бой кувыркающуюся массу немецкого бомбардировщика.
Огромная с отсеченной плоскостью машина провалилась
вниз. От нее одна за другой отделились черные точки. По-
том развернулись парашюты. Это выбрасывались немец-
кие летчики.

Вне себя от радости Амет-Хан крикнул:

– Моя зажигалка!

... Весь личный состав аэродрома вышел навстречу Амет-Хану. Впереди всех Горин.

– Орёл! – восхищенно сказал он. – Бери! Холмогорская, из мамонтовой кости, а мамонтовая кость из Монголии привезена. Десять тысяч лет этой кости. В Париже за эту зажигалку Гран-при можно было получить. Не сердись, что допекал. Это чтобы ты злее был.

... Некоторое время спустя Амет-Хан Султан был награждён орденом Ленина. Бой над Ярославлем 31 мая 1942 года для летчика лакца Амет-Хана Султана был знаменательным – первым из тех славных боев, о которых впоследствии узнала вся страна.

II

Прорыв немцев к Волге заставил тревожно биться сердца воинов и до боли в плечах прижаться друг к другу. Только так; плечом к плечу, слиться в единую линию – гибкую и упругую. Если и придется податься назад, зато силой тетивы метнуть стрелу, и тетива выпрямится снова.

Великая река – символ раздолья и свободы!

Город, носящий имя вождя!

К реке, выдавшей струги и челны Степана Разина, идут с грязными котелками немцы. Истоптав и испоганив святые места России, они идут стирать потные портянки в девственно-чистых струях Волги.

Град Сталина. Святая святых советского народа. Толпы обезумевших гуннов, если их не остановить, превратят его в Карфаген.

Тетива натянута до отказа.

Как тетива, натянут каждый нерв защитников Сталинграда. На них смотрит Родина. Она вверила им свою судьбу и, затаив дыхание, не сводит с них взгляда. А они, чувствуя этот взгляд, полный тревоги и, вместе с тем, надежды, еще теснее, плечом к плечу, опоясывают город своими горячими телами.

... После тарана над Ярославлем Горин и Амет-Хан стали большими друзьями. Но немецкий клин у Волги их разлучил.

Горин слышал, что Амет-Хан сражался под Воронежем и сбил там еще один самолет. А в «Красной звезде» он наткнулся на заметку, в которой рассказывалось об одном бое, мастерски проведенном Амет-Хан Султаном над Сталинградом.

– Так «горкой» и идет. Все выше-выше, – сказал Горин. – Орёл!

В дни величайшей опасности, нависшей над Родиной, не иссякали, а накапливались силы лётчика, не угасала, а наращивалась уверенность в победе. Здесь, у Сталинграда, воины Красной Армии по-настоящему узнали, что значит стоять насмерть. И в этом великом стоянии формировались характеры людей, изумивших мир своей живучестью и твердостью. Это были не люди, а каменная кладка, не поддающаяся никакому тарану. Одним из камней этой кладки был Амет-Хан Султан.

Спросите у него: когда спал последний раз? Он не помнит.

Он спросит сам: «А вы разве спали?» Он засыпал, но тревожным, минутным сном. Грохот битвы за Сталинград не умолкал ни на час, и защитники города ни часу не отдыхали. Надо было выдержать страду. Тогда будет легче. Надо бить, бить...

– Слыхал? Немцы бросили на нас первоклассные эскадрильи Удет, – сказал однажды напарник Амет-Хана Борисов.

– Ну и что ж? – спросил Амет-Хан. А потом добавил, чеканя каждое слово и рассекая рукой воздух: – Бить! Всех! Подряд! Ясно? – Его воспалённые глаза заискрились, и на жёлтых щеках проступил румянец.

И вот... сигнальная ракета. Амет-Хан первым отрывает свой самолет от земли. Над самым городом кружат девять «хейнкелей». Надрывно воя на виражах, пикируя, они сбрасывают бомбы на бойцов, отстаивающих стены квартала. В развалинах вьются клубы пыли и дыма.

– По-разбойничьи, в спину, – вспоминает Амет-Хан слова Москвина в первый день войны.

Но теперь не то. Теперь и наши бьют. Да ещё как. Тому примером сам Амет-Хан. Недаром же в землянках летчиков сложили частушку:

Амет-Хан над Сталинградом,

Будет гроб немецким гадам.

«Як» Амет-Хана врезается в строй «хейнкелей» и с ходу атакует. Зайдя в лоб, Амет-Хан поджигает мотор ведущего, «хейнкель» кренится, сбавляет скорость. Он пытается уклониться, но гибель неотвратима. Амет-Хан неотступно следует за раненым врагом.

– Долбить, пока не клюнет в снег, – передаёт Амет-Хан Борисову.

«Хейнкель» пытается уйти, но тщетно. Амет-Хан насаждает на него сверху, давит, прижимает к земле. Они кружатся над дымными развалинами, опускаясь все ниже и ниже.

«Хейнкелю» спасенья нет. Вот-вот распорет он себе брюхо о зубцы разрушенных стен.

– Долбить, долбить, пытается уйти, но тщетно: «хеликели» спасенья нет. Вот-вот распорет он себе брюхо о зубцы разрушенных стен.

– Долбить, долбить, пока не подохнет, – шепчет сквозь зубы Амет-Хан. Он еще энергичнее насаждает на дымящийся «хейнкель». Тот, чтобы уклониться, делает отчаянный поворот и врезается в стену. Амет-Хан взмывает вверх и оттуда видит столб огня и дыма.

– Вот так, – говорит он.

... Однажды по аэродрому прошел слух:

– Сталин в Сталинграде!

И каждому захотелось сейчас же, сию же минуту в воздух, показать Сталину, как воюют воздушные защитники волжской твердыни.

Летчики бесменно дежурили у машин. То и дело взлетали сигнальные ракеты. Вылет за вылетом. Бой за боем. В один из таких дней Амет-Хану пришлось еще раз прове-

сти победный бой над городом. На этот раз ему предстояло сразиться с истребителями прикрытия.

Хозяин высоты – хозяин боя, – одна из первых заповедей летчика.

Амет-Хан «горкой» поднялся вверх и оттуда с выгодной позиции спикировал на одного из мессеров. Немецкий истребитель «сыграл в ящик». Амет-Хан снова набрал высоту и сбил второй самолет.

– Вот, если бы Сталин увидел... – подумал Амет-Хан.

... Сталинградская группировка немцев окружена. Теперь осаждёнными были не русские, а немцы. Где-то в руинах города доживал последние дни штаб фельдмаршала Паулюса. Немцы были отрезаны со всех сторон, и только с воздуха они могли получать продовольствие, боеприпасы. По ночам в небе то и дело появлялись эскадрильи транспортных самолетов.

Двадцать отборных лётчиков, в том числе и Амет-Хан Султан, перебазировались на один из полевых аэродромов на подступах к Сталинграду и из ночи в ночь выходили на охоту.

Они перехватывали груженные продовольствием и боеприпасами «юнкеры» и сбрасывали их в снег, или угоняли назад. Двадцать советских летчиков были грозой для тех, кто пытался помочь зажатым в тиски солдатам Паулюса.

Над Сталинградом Амет-Хан Султан сделал 96 боевых вылетов и обил шесть самолетов. Его наградили еще одним орденом Ленина.

За годы войны Амет-Хан Султан совершил 603 боевых вылета и провел 135 воздушных боев. В записях его побед значится:

Ярославль	– 1 самолет
Воронеж	– 1 самолет
Сталинград	– 6 самолетов
Ростов	– 3 самолета
Миус-фронт	– 4 самолета
Молочная	– 2 самолета
Севастополь	– 1 самолет

Николаев	– 2 самолета
Одесса	– 2 самолета
Восточная Пруссия	– 7 самолетов
Берлин	– 1 самолет

Лично Амет-хан сбил 30 самолетов. 19 он сбил в групповых боях. Итого – 49 самолетов.

На груди героя две медали «Золотая Звезда», три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг».

Ему присвоено звание гвардии майора.

По окончании войны Амет-Хан осуществил свою давнюю мечту – прибыл в Дагестан. Он съездил в далекий горный аул Цовкра. Лакцы встретили его достойно. Все цовкринцы вынесли свои ковры и устлали ими дорогу, по которой входил в аул прославленный земляк.

Февраль 1946 года

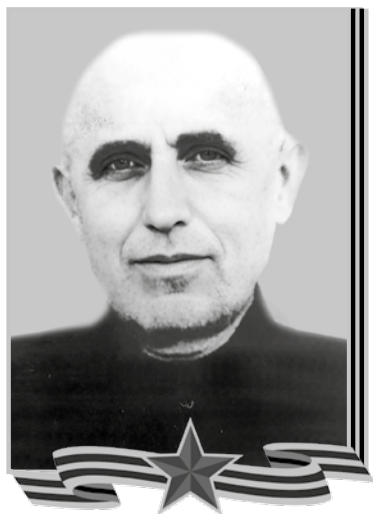
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чём разница между художественной литературой и публицистическим очерком? Кто такой Магомед Гаджиев, что вы о нём знаете?
2. Какими качествами командира наделён Магомед Гаджиев? Найдите и выпишите из текста слова, позволяющие характеризовать героя.
3. С чего начинался путь Амет-Хан Султана, дважды Героя Советского Союза? Сразу ли он стал легендарным лётчиком?
4. Какие черты характера героя раскрываются в его диалогах с механиком Гориным? – Почему автор выбирает для завязки сюжета не первый подвиг, а тревоги и неудачи лётчика?
5. Какова роль Сталинграда в очерке? Почему именно здесь формируется характер Амет-Хана Султана как воина?

**ХАНГИШИЕВ
МАГОМЕД
ГАДЖИЕВИЧ**

(1900–1977)

*Писатель,
учитель*

Хангишиев Магомед Гаджиевич родился в селении Нижнее Казанище Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области (ныне Буйнакского района РД). Известный педагог, просветитель и писатель, заслуженный учитель школ ДАССР. Большую часть своей жизни проработал учителем кумыкского языка и литературы в родном селении. Автор методических пособий для учителей кумыкского языка и литературы, составитель первых кумыкских букварей на основе кириллицы.

Художественные произведения, статьи по фольклористике и очерки М. Хангишиева вышли как в журналах, сборниках, литературных альманахах, газетах, так и в виде отдельных книг: «Два рассказа» («Эки хабар»), «Рашид и Разият» («Рашит булан Разият»), «На путях перегона скота» («Чубурув бойларда»), «Кровавый родник» («Къан булакъ»). Совместно с поэтом Анваром Гамидовым перевел на кумыкский язык рубаи Омара Хайяма и опубликовал их.

Рассказ М. Хангишиева «Ванька» входит в число немногих произведений дагестанской прозы, в котором была

обрисована фронтовая жизнь, выведены образы фашистов. Особая его значимость была продиктована и тем, что принадлежало автору, которому довелось быть на войне. Его перу принадлежит поэма «Кротовый родник», написанная в русле устно-поэтической поэзии. Она посвящена событиям досоветского прошлого и раскрывает традиционные нравственные ценности кумыков, героизм и удачу людей минувшей эпохи.

КРОВАВЫЙ РОДНИК

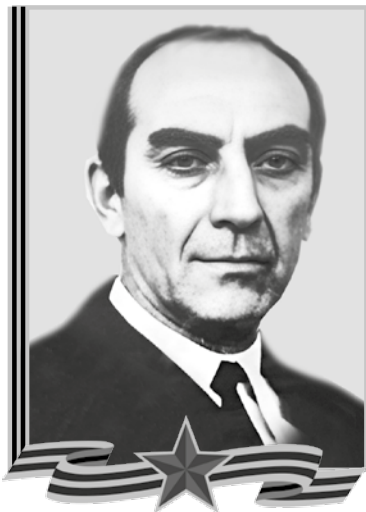
(Отрывок из поэмы)

Два всадника летят, покинув дом,
За спинами колчан и стрелы в нём
Конь чёрный и конь белый – два огня,
Два вихря, два полёта – два коня.
За поясом наган, есть и копье
В запасе порох, крепкое ружье,
Откинута за спину башлыки,
Ремни для бурки у седла крепки,
В руках у них витая бьётся плеть –
И дух, и силу их не одолеть.
За спинами – лишь камни и хребты,
И, доблестью, отвагой их горды,
Вслед путники с надеждою глядят,
На их детей похожи, говорят.
Им можно дать лет двадцать с небольшим,
Тот, первый, – он в седле непогрешим,
Как сокол, прям, но на лице морщин
Немало, как присмотришься к нему,
Лет семьдесят. Не меньше по уму:
И бодрость в нём, и опытность видны.
Они вдвоём в движениях точны:
Кто опытней и ниже ростом, тот

Чуть впереди, а юный-отстаёт,
Как было между ними решено,
И пусть желанье обогнать сильно,
Насторожённо скачет молодой.
Едва заметный знак подав рукой,
Подскажет старший, вдруг поторопя,
Что стала шире узкая тропа,
Но меру знает юноша без слов:
И конь, умерив звук своих подков,
Послушно утихает у седла
Другого всадника, и, сбросив удила,
К передней луке голову склоняет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. На какие детали портрета и поведения героев обращает внимание читателей автор, создавая образы двух всадников?
2. Найдите детали текста, в которых проявилась поэтизация образов всадников. С какой целью автор поэтизирует героев произведения?

**ХАЧАЛОВ
АБДУЛМАЖИД
МИРЗАЕВИЧ**

(1925–1994)

*Поэт, прозаик,
драматург, переводчик;
капитан*

Абдулмажид Мирзаевич Хачалов родился 4 июня 1925 года в старинном дагестанском ауле Согратль Гунибского района. Здесь он окончил среднюю школу, отсюда он ушел в 1943 году на фронт добровольцем в неполных 18 лет, приписав себе один год. Война явилась для Абдулмажида, как и для тысячи его сверстников, испытанием на зрелость. Он выдержал это испытание в жестоких, кровопролитных боях на Донском и Белорусском фронтах. Имел боевые и памятные награды, в том числе и за оборону Сталинграда. Хачалов вспоминал, что самым страшным из увиденного была битва в Сталинграде: «Земля буквально горела под ногами, солдаты погибали каждую секунду. Это был ад. Но мы выдержали и разгромили фашистов». Прошел войну до конца. Победу встретил в Литовском городе Каунас в звании капитана.

Стихи начал писать еще до начала войны. На войне находил время писать, когда наступала тишина в боевых действиях. Основной темой его творчества стала тема войны: любовь и преданность Родине, героизм солдат, горе мате-

рей, потерявших на войне сыновей, переживания овдовевших жен, осиротевших детей. Первые стихи Абдулмажида Хачалова появились на страницах районной и республиканской газет в 1946 году.

Написал больше двадцати книг. В 1956 году вышел первый сборник стихов А. Хачалова на родном языке «Подарок мастера». В последующем вышли книги «Угадай», «По горным дорогам», «Невидимые следы», «От имени погибших» и др., в которых автор создал образы горцев-современников, отстаивающих свое достоинство в непростых жизненных ситуациях, воспроизвел героическое прошлое родного края.

Абдулмажид Хачалов писал книги также для детей и юношества («Чудесное колесо», «Полет на Луну», «Орлиное гнездо», «Горская сказка» и др.) На сцене Аварского музыкально-драматического театра им. Г. Цадасы были поставлены его пьесы «Письма издалека», «Аманат», «Завещание», «Горы зовут», «Грешница» и т. д. Занимался он и переводческой деятельностью: на аварский язык им переведены стихи и поэмы А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Михалкова, Н. Тихонова, А. Барто, ряда украинских, белорусских и казахских советских поэтов, а также стихи С. Стальского, А. Гафурова, А. Аджиева, Р. Рашидова, М. Митарова, Н. Юсупова и других дагестанских поэтов. К сожалению, на русский язык переведено всего несколько стихотворений, хотя его наследие насчитывает около двадцати поэтических, прозаических и драматургических сборников.

Писатель Константин Симонов сказал следующее о его творчестве: «В журнале «Новый мир» я прочитал несколько стихотворений дагестанского поэта Абдулмажида Хачалова. Мне кажется, так глубоко и душевно, как он, мало кто написал о той прошедшей, но никогда не забываемой нами войне. Стало сразу понятно: этот человек прошел через горнило страшной войны». При чтении его стихов воочию убеждаешься, что отношение к Отечественной войне, к её героям, к её урокам, к памяти павших – это для поэта категория нравственная, и он убеждён, что «это нужно не мёртвым – это нужно живым».

ПЕСНЯ ПАРНЯ, УЕЗЖАЮЩЕГО В АРМИЮ

К восемнадцати я
Оседлаю коня.
Бурку я повяжу за седлом.
И с горами прощусь.
И в дорогу пушусь.
До свиданья, родимый мой дом!

В дальний путь поутру
Я с собою беру,
Что на родине лучшего есть:
Трудовой наш успех,
Наших девушек смех,
Наших предков и доблесть, и честь.

А еще я с собой
Взял обет, данный мной
Самым близким (уж так повелось),
Их молитву: беда,
Чтоб ушла без труда,
И «аминь!», чтобы это сбылось.

Тайну ночи одной
Захватил я с собой.
До сих пор мои губы горят.
В поцелуе – вся жизнь.
«Поскорее вернись!» –
Так уста твои мне говорят.

Помню я, как сейчас,
Был еще мне наказ,
Общим горем наказ тот согрет:
Тем привет передать,
Чьих могил не сыскать,
Тем, кого столько лет уже нет.

Пока письма к ним шли,
Их в живых не нашли,
А нашли их, пробитых свинцом.
– Чей ты сын был, солдат?
Или муж? Или брат?
И кому приходился отцом? –
Я спросил. Но молчат
Чей-то сын, чей-то брат.

Непонятна им просьба моя.
На границах страны
Охраняют их сны
Вот такие же парни, как я.

ДРУГУ, НЕ ВЕРНУВШЕМУСЯ С ВОЙНЫ

Со времени войны уже прошло
Так много лет.
Твой сын подросток.
Созвать бы
На свадьбу сына нынче всё село.
Да невесёлой будет эта свадьба.
Жена и сын всё ждут тебя, поверь,
С утра надежду отложив на вечер,
Не закрывают и сегодня дверь,
А чуть шаги – уже спешат навстречу.
На том же месте бурка¹,
как всегда.
И там же,
где всегда,
седло осталось.
Лишь твой скакун не выдержал.
Года!...
В конце концов и одолела старость.

¹ Бурка – безрукавный плащ-накидка, сделанный из войлока.

Иль правда нет тебя...
Или опять
Над нами шутишь,
а потом вернёшься?
«Он без вести пропал...»
О, это ложь!
Не верю я,
что ты пропал куда-то.
И вижу: с автоматом ты идёшь,
И девочка к груди твоей прижата.
Чужой ребёнок...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. С каким чувством пишет автор о друге, не вернувшемся с войны?
2. Как он выражает эту боль? Какие художественные средства помогают ему передать горечь утраты?
3. Только ли от потери друга грустно автору?
4. Как вы понимаете последние строки:

И вижу: с автоматом ты идешь,
И девочка к груди твоей прижата.
Чужой ребенок...

5. Какой памятник павшим героям вспоминает автор? Что символизирует этот памятник? Где он находится?

Справка: «Воин-освободитель» – монумент павшим в боях за Берлин советским воинам на военном мемориале в Трептов-парке в Берлине. Открыт 8 мая 1949 года, является символом победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне и освобождения народов Европы от нацизма.

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Поэма

(Отрывки)

*«И героя, и труса хоронят в одинаковой могиле.
Но люди перед одним склоняют головы,
а другого проклинают.*

Народное изречение

2

В это горькое лето смех мы позабыли,
Погасили улыбки до радостных дней.
Помню, дети в труде матерей заменили,
И примерили женщины бурки мужей.
Были свадьбы отложены чьи-то бессрочно,
Были песни о мести

и жгли нам сердца.

И студенты на книгах поставили точки,
Не успев дочитать их тогда до конца.
Вместе с другом в те дни мы коней оседлали,
С матерями простились

(не в первый ли раз?),

Старики по-мужски крепко руки нам жали,
И горянки печально глядели на нас.

Если живы останемся,

вы нас встречайте.

А погибнем... ну что ж,

от судьбы не уйти.

А пока что, любимые горы, прощайте!

Пусть уже далеко вы –

вы с нами в пути.

Усов которых не коснулась бритва,
А их солдаты смерть прошли и битвы
Такие, что годились им в отцы.
Но все: кто стар, и тот, кто юн пока,
Одною думой – о победе – жили.
И самокрутки общие курили,
И ели общий суп из котелка.
Мы присягнули матери своей
На верность.
Мать та – Родиной зовется.
И знали: крикнет кто-то – отзовется
Его «ура!» в сердцах его друзей.
Но пока шли мы сквозь метель свинца,
Пока сквозь дебри к свету пробирались,
В горах иные умники скрывались,
Надеясь отсидеться до конца
Войны, и только ночью, скомкав сон,
Они в аул брели дорогой длинной,
И, будто настоящие мужчины,
Искали снисхожденья наших жен.
Не будем здесь имён их называть,
Не их позором Родина держалась.
Свобода ей геройством тех давалась,
кто по-мужски умеет умирать.
Сражаясь, знали мы, что победим.
И вот – победа!
И твержу я: – Люди!
Давайте с вами бдительными будем,
Чтоб небо было вечно голубым!

Так шли под огнём мы,
Чтоб вас не задел он.
Шли ночью и днем мы
За общее дело.

У каждого имя,
И дом был, и дети.
Расстались мы с ними,
Ушли на рассвете.

И мы – из Согратля,
И мы –из Кахиба,
И мы –из Гоцатля,
И мы – их Ириба.

И мы –из Телетля,
И мы –из Хунзаха.
Простые ребята,
Не знавшие страха.

Дождь мыл наши лица.
Их солнце сушило.
Не всем возвратиться
Судьба предрешила.

Лишь мёртвыми слава
Иных находила.
Высокие травы
Взошли на могилах.

Идущие мимо
О них вспоминают.
Коней их любимых
Их дети седлают.

Голодное время войны...

Ремешок

Сильней затянувши, порой
Мы спичкою мерили хлеба кусок,
Деля его между собой.

Крапива в те годы от верных смертей
Людей помогала спасать.
Глаза ленинградских голодных детей
Без боли нельзя вспоминать.
А нынче мальчишки, увы, далеки
От этих забот.

И, беды

Не видя особой,
бросают куски
К ногам своим после еды.

Еще тяжелее, когда узнаёшь,
Что бремя какой-то вины
Готова порой приписать молодёжь
Отцам, не пришедшим с войны.

Да, с грамотой трудно пришлось нам тогда,
Но честность – вот был наш закон.
Да, бедность за нами плелась по пятам,
Но подлость мы выгнали вон.

Любили мы землю свою и свой дом,
Служили им всем, чем могли.
И не отступили мы перед врагом,
И крепко друзей берегли.

А смерть...

Разве голову надо сложить,
Чтобы отступить от себя
И чтобы упрёки детей заслужить,
Сильней их, чем прежде, любя?

7

<...> Конечно, знаем, помнит нас страна,
Но почему (забыт обычай предков?)
Сынам отцов погибших имена
Дают в аулах нынче очень редко?

А песен мало почему звучит
О нас, погибших? Или не сложили?
И памятник пока что не стоит,
Ужели мы его не заслужили?

Мы мрамора не просим.

Пусть его
Украсит наш обычный горный камень.
На нём не высекайте ничего,
Пусть просто он стоит на годекане.

И пусть к нему, заметив вдалеке,
Подходят люди, шедшие куда-то,
И на аварском теплом языке
Читают жизни нашей краткой даты.

8

Закончена исповедь друга.

Молчит

Теперь он.

И сам я молчу,
Как будто молчанием этим свой стыд
Прикрыть от кого-то хочу.

...Меж тем начинается утро. Вокруг
Во всем его поступь слышна.
Вот был у меня, повторяю я, друг.
Его не вернула война.

И с этим поделаться нельзя нечего:
Могила на планете не счесть.
И высек на камне я имя его,
Чтоб люди сумели прочесть.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как изменилась жизнь советских людей после вероломного нападения фашистов?
2. С каким чувством уезжает на войну герой поэмы?
3. Какие ценности были у воинов Отечественной войны?
4. Какой упрек вложил автор в уста погибшего на войне воина?
5. Совпадает ли позиция автора с мыслями героя, погибшего на войне?
6. Что особенно удручает автора?
7. О каких испытаниях войны повествуется в поэме?
8. Что пишет автор о воинской доблести и братстве?
9. К чему призывает автор?

**ШАХМАРДАНОВ
ИБРАГИМ
ШАХМАРДАНОВИЧ**

(1915–1995)

*Поэт,
педагог*

Табасаранский поэт, педагог, участник ВОВ Шахмарданов Ибрагим Шахмарданович родился в сентябре 1915 года в с. Яргиль Хивского района Дагестана. В 1941 году он окончил Дербентский педтехникум и стал работать в родном селе. В марте 1942 года добровольно пошёл на фронт. С фронта в 1943 году вернулся инвалидом и продолжил работать учителем сельской школы. В 1976 году вышел на пенсию. В последующие годы жил в городе Дербенте. И. Шахмарданов умер в 1995 году и похоронен в Дербенте.

Первые стихотворения И. Шахмарданова в тридцатых годах были опубликованы в газете на табасаранском языке «Красный Табасаран». Первая поэтическая книга «Родники» вышла в 1972 году в Дагучпедгизе. В последующие годы в издательствах Дагестана на родном и русском языках вышли его книги поэзии и прозы: «Звезда счастья», «Утренняя дорога», «Поклон земле», «Мелодия времени», «Лети, моя песня!», «Гроза в горах», «Всевышнего награда», «Корабль любви», «Куропаточий родник». Он также автор «Сборника изложений для начальных классов».

Благодаря большим стараниям И. Шахмарданова достойное место в родной и дагестанской литературе занял поэт-воин XVIII века Мирза Калукский, которому нынче воздвигнут памятник в райцентре Табасаранского района селении Хучни. В 2008 году в Дагестанском книжном издательстве вышла первая книга стихов Мирзы Калукского «Вольная песня», куда вошли собранные и обработанные И. Шахмардановым произведения поэта.

И. Шахмарданов награждён боевыми и трудовыми наградами, среди которых орден Отечественной войны 2 степени; медали «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «60 лет Вооружённых сил СССР», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «70 лет Вооружённых сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «Ветеран труда»; Почётные грамоты и ценные подарки Министерства просвещения Дагестана.

В городе Дербенте, на доме по проспекту Расулбекова, 11, где жил И. Шахмарданов, установлена мемориальная доска. А в городе Дагестанские Огни одна из улиц названа именем поэта-фронтовика Ибрагима Шахмарданова. Произведения И. Шахмарданова изучаются не только в табасаранских школах, но и в средних специальных и высших учебных заведениях Республики Дагестан.

Я СОЛДАТ ОТЧИЗНЫ

Я солдат и защитник Отчизны,
Я на ратном пути не тужу.
Под Калугою в снежных чашобах
Под прицелом врага я держу.

Моё сердце согрето Отчизной,
Хоть шинель распахнула пурга.

Я держу автомат наготове,
А глаза мои ищут врага.

Сын Отчизны, что с детства обласкан,
Я без Родины жить не смогу.
Чтоб позором себя не бесславить,
Никогда я не сдамся врагу.

ЛУГА СРЕДНЕГО ДОНА

Сердцем часто Донские луга обнимал,
На которых с жестоким врагом воевал.

Когда ранили, воду из Дона я пил,
Русский брат мне в ладонях её приносил.

Будто брата Василия я уважал,
В трудный час как родного меня опекал.

Галя рану бинтом обвязала скорей:
«Нет, – сказала, – опасности жизни твоей».

Через месяц покинул я свой медсанбат,
С боевыми друзьями был встретиться рад.

Друг Мирбай, он казах, пошептался со мной:
«Ты вернулся на фронт? Не поехал домой?»

От вопроса его встрепенулась душа,
Будто выросли крылья и бьются, шурша.

Усмирив трепетанье невидимых крыл,
Свои тайные помыслы другу открыл:

«Дагестан – моя мать. А Россия – мой дом.
Неразрывны всегда они в сердце моём.

Хоть хромает нога, но рука не дрожит,
Меткий глаз за врагом неустанно следит.

Наши горцы в сраженьях подобны орлам,
До последнего вздоха верны небесам...»

ПОЧЕМУ-ТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

Почему-то в последнее время
Вспоминается часто война,
Днём приходит в тяжёлых раздумьях,
И ночами со мною она.

Горький дым застилает мне память,
Не давая спокойно дышать,
Всё вокруг превращается в пламя,
Чтобы душу мою выжигать.

Я смотрю, как дома полыхают,
Словно свечи, берёзы горят,
А под тягостный вой самолётов
Бомбы градом на землю летят.

Я друзей фронтовых своих вижу,
Не дано было им постареть,
Смерть за Родину – счастьем считали,
Не боялись в бою умереть.

Юность всё превращала в веселье
И шутила над смертью не раз.
Вижу я, как Рустам на привале
Под гармошку пускается в пляс.

Вижу родственника Насруллаха,
Что в разведку ушёл навсегда...
Вот у леса рванулись в атаку,
И фашисты бегут кто куда.

... Ранен я. Мы ползём в медпалатку,
Не забыть медсестричку мне ту.
... Погибаю в бою рукопашном.
Просыпаюсь в постели в поту.

... Вижу, ходят со стуком по дому
Костыли, что в аул привели.
... Все сельчане печальные, в чёрном.
... Свет Победы во взглядах разлит.

Фронтовые дороги уносят
Мою память, душа там честна.
Пусть наследники мирные наши
Не увидят войну даже в снах.

СОН СОЛДАТА

Моя спальня – окоп,
И палас не разложен,
Небо – бурка моя.
Сон солдата тревожен.

Я весь дымом пропах,
А в ушах – шум разрывов.
С автоматом вдвоём
День и ночь неразрывно.

Хоть смертельно устал
Я в бою, в сон не клонит.
Как уснуть, если враг
В досягаемой зоне?

Ночь темна, холодна.
На душе беспокойно.

Пусть достанет мне сил
Долг исполнить достойно.

Если враг поспешит,
Я безжалостен стану.
Звёзды в небе поймут.
Сон не свалит дурманом.

Звёзды в выси горят,
Хрупкий мир украшая,
А одна, ярче всех,
Что-то мне сообщает.

Тяжесть мыслей стряхнув
Далеко к горизонту,
Взгляд солдата следит:
Что на линии фронта?

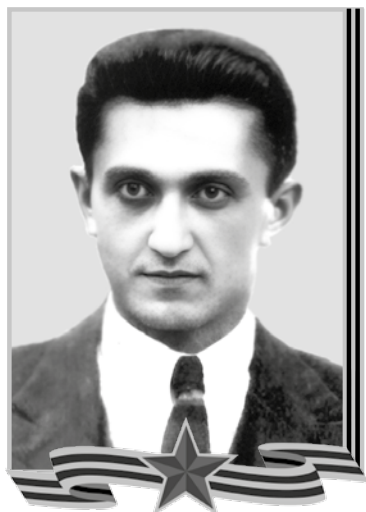
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое главное чувство определяет состояние лирического героя стихотворения «Я солдат Отчизны»? Долг, готовность к жертве или что-то иное?
2. Найдите контрастные образы в этом стихотворении. Почему автор использовал их?
3. Найдите в стихотворении «Сон солдата» бытовые детали и физические ощущения, переданные автором, которые создают образ фронтового быта.
4. Почему сон тревожен, что не даёт солдату уснуть?
5. Какова главная тема стихотворения «Луга среднего Дона»?
6. Как вы понимаете смысл слов автора: «Дагестан – моя мать, А Россия – мой дом»?
7. Какой образ связывает личную судьбу героя с национальным характером и воинской традицией дагестанцев?
8. Стихотворение «Почему-то в последнее время» построено как чередование вспышек памяти. Восстановите их последовательность: что вспоминается прежде всего и в каком порядке? Почему воспоминания даны не в хронологической последовательности?
9. Какое главное послание адресует поэт потомкам?
10. Стихи какого дагестанского поэта напомнили вам произведения И. Шахмарданова созвучием тем и духовным обликом лирического героя?

**ЭФЕНДИЕВ
МЕМЕЙ
ТАГИРОВИЧ**

(1903–1942)

Поэт

Эфендиев Мемей родился в в 1903 году в с. Кабир Курахского района в семье крестьянина-кустаря. Начальное образование получил в сельской школе-медресе. Юноша был свидетелем революционных событий, а в период гражданской войны в Дагестане примкнул к партизанскому движению и боролся против деникинщины. Начало его литературной деятельности относится к тридцатым годам. Его стихи печатаются в республиканской лезгинской газете «Новый мир».

Накануне Великой Отечественной войны Мемей Эфендиев был заместителем начальника управления кинофикации при СН ДАССР, одновременно продолжая любимое литературное творчество.

В начале 1942 года М. Эфендиев добровольцем уехал на фронт и пал смертью храбрых в боях за Родину. К сожалению, до нас не дошло его творчество периода Великой Отечественной войны.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И СОВА

О солнце!
Твой могучий свет –
Души бесценный жар –
Нас бережёт
 от зол и бед,
Как ежедневный дар.
Нас исцеляют
 от беды
Горячие лучи,
От суеверной
 темноты
И горестных кручин.
Когда,
 приоткрывая дверь,
Выходишь ты
 едва,
Смеются
 человек и зверь,
И листья,
 и трава.
Но твой
 искрящийся напев,
Что так созвучен
 всем,
Летучей мыши
 и сове
Не по сердцу
 совсем.
Как мечется
 их злая
 тьень,
Не в силах
 тьеме помочь,
И прокликает
 светлый день,

И призывает
 ночь.
Вот с резким писком
 мышь летит
К развалинам
 сырым,
Избрав
 кладбищенский гранит
Убежищем
 вторым.
Она готова
 хоть на миг
Осуществить
 мечту,
Чтоб улыбающийся
 мир
Низвергнуть
 в темноту –
И громко вторит ей
 сова:
– Проклятье и позор!
Моя кружится
 голова,
И гаснет
 хищный взор.
О, мышь летучая!
 Сестра!
Нам прятаться
 грешно,
Ведь солнцу
 объявить пора
Войну
 давным-давно.
Мерцает жутко
 жёлтый глаз,

**ЯХЬЯЕВ
МАГОМЕД-СУЛТАН
ЯХЬЯЕВИЧ**

(1922–2006)

*Писатель,
переводчик,
драматург*

Яхьяев Магомед-Султан Яхьяевич родился 10 декабря 1922 года в селении Какашура Ленинского района ДАССР. Окончил Хасавюртовское педагогическое училище в 1942 году и был мобилизован в Красную Армию. Участвовал в Великой Отечественной войне. Ушёл на фронт в апреле 1942 года. До декабря 1945 года Магомед-Султан сражался с ненавистным врагом, имеет боевые и правительственные награды.

В послевоенные годы окончил областную партшколу, Дагестанский педагогический институт им. С. Стальского (ныне ДГУ) и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького.

Работал в партийных и советских органах, был главным редактором литературно-критического альманаха «Дружба», заведующим лит. частью Кумыкского музыкально-драматического театра им. А.П. Салаватова, секцией кумыкских писателей.

В 1953 году в Дагестанском книжном издательстве вышла его первая книга – повесть «Гюляйбат». В последую-

шем в разных издательствах страны и на разных языках вышло около тридцати книг М.-С. Яхьяева.

Заметное место в творчестве М.-С. Яхьяева занимает тема жизнеописания выдающихся революционеров и общественных деятелей Дагестана – У. Буйнакского, Д. Коркмасова и др. Его художественно-документальная повесть о жизни и деятельности У. Буйнакского «Три солнца» дважды – в 1978 и 1985 г. – издана в Политиздате в серии «Пламенные революционеры». Своеобразным итогом многолетней работы писателя стал выход из печати художественно-документального романа о Дж. Коркмасове «В полдневный жар». По сценарию писателя Северо-Осетинской студией совместно с Дагестанским телевидением снят документальный фильм о Джалалутдине Коркмасове.

М.-С. Яхьяев – автор 12 многоактных пьес, поставленных Кумыкским музыкально-драматическим театром им. А.-П. Салаватова и некоторыми национальными театрами страны. Он перевёл на кумыкский язык отдельные произведения Л. Толстого, А. Чехова, А. Фадеева, а также ряд пьес советских и зарубежных драматургов для Кумыкского музыкально-драматического театра им. Алимпаши Салаватова. В 1975 году он удостоен звания лауреата республиканской премии ДАССР им. С. Стальского в области детской и юношеской литературы (за книгу «Гости с гор»), в 1982 году награжден литературной премией им. И. Казака за пьесу «Ирчи Казак».

М.-С. Яхьяев – народный писатель Республики Дагестан (1992). Награждён многими боевыми и трудовыми наградами. В 2004 за гуманизм и служение России удостоен памятной медали «100 лет со дня рождения М. Шолохова».

ТРИ СОЛНЦА

Повесть об Уллубии Буйнакском

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отрывок

На пыльной улочке Керван-Сарай, перед невзрачным одноэтажным домиком с облупившейся вывеской «Чайхана», толпился народ. Со всех сторон стекались сюда люди – старые, молодые. Радостно визжали дети. Громко звучала разноязычная речь, то и дело прерываемая взрывами веселого смеха, резким заливистым свистом, яростным улюлюканьем.

Чайхану перса Музафара в Темир-Хан-Шуре¹ знали все, даже жители дальних аулов. Слава о его ароматном и вкусном чае гремела на всю округу. Секрет приготовления этого удивительного напитка был ведом только ему одному. Впрочем, кое-кто поговаривал, что никакого секрета тут нет, а все дело в огромном серебряном самоваре, который отец Музафара много лет тому назад привез сюда из Персии.

Изо всех сил работая плечами и локтями, Уллубий с трудом протиснулся сквозь пёструю, орущую толпу.

В самом центре круга в отчаянной схватке сцепились два петуха. Переливающиеся всеми цветами радуги, яркие перья расвирепевших драчунов едва были видны в густом столбе пыли. <...>

На пороге чайханы, прислонясь тучным телом к стене, стоял Музафар. Лицо его выражало презрительную уверенность: всем своим видом он давал понять окружающим, что ни на секунду не сомневается в победе своего любимца – знаменитого бойцового петуха по кличке Джигит. За этим петухом он специально ездил в горный аул Кадар: сильные, быстрые, ловкие, отчаянно храбрые кадарские петухи на весь Дагестан славились своими отменными бойцовскими качествами.

¹ *Темир-Хан-Шура (быв. столица Дагестана) – ныне г. Буйнакск.*

Музафар держался так, словно его Джигит уже победил. <...>

Но хозяин второго петуха, тоже перс, торговец коврами Сухраб, казалось, еще меньше, чем Музафар, сомневался в победе своего любимца.

Соперники дрались не на жизнь, а на смерть. Время от времени они отступали друг от друга на почтительное расстояние ... <...> Но передышка длилась недолго. Вот уже они снова кидаются друг на друга, сшибаются грудью. И каждый старается безжалостно заклевать противника. И тот, кому удастся хоть на миг взять верх, яростно топчет врага лапами, злобно вцепившись клювом в мясистый гребешок.

Музафар и Сухраб даже и виду не подавали, что волнуются, держались подчеркнуто бесстрастно. Зато уж остальные болельщики не стеснялись. То и дело из толпы раздавались свистки, улюлюканье, возбужденные азартные выкрики:

– Дави его! Сильнее дави!

– Молодец, Джигит! Не выпускай!

– Вах! Позор! Разлётся, как мокрая курица!

Молодой звонкий голос радостно выкрикнул:

– Дави его, Джигит, как наши большевики давят всех алимов¹!

Сразу стало тихо.

– Кто это сказал? – раздался хриплый бас. – А ну-ка покажи нам свою красную большевистскую морду! Сейчас ты у меня узнаешь, кого надо давить!

Парнишка в лохматой папахе, крикнувший про большевиков, ничуть не испугался этой угрозы.

– А ты глянь! – весело отпарировал он. – Вон как он скис, ваш пузатый Нажмутдин! А Джигит сидит на нем, словно Махач на своем коне! Молодец, Джигит! Держись!

Обладатель хриплого баса, длинный худой мужчина в черкеске с газырями и дорогой каракулевой папахе, подскочил к парню:

¹ Алимь – в данном случае богословы, наиболее реакционная часть националистического мусульманского духовенства.

– Я распорю сейчас твое голодное брюхо, сын гяура! Такую пакость посмел выговорить про самого имама¹! Да я из тебя лепёшку лезгинскую сделаю!

Сверкнуло на солнце лезвие кинжала. Толпа сразу подалась назад.

Парень, посмеявшийся оскорбить самого Нажмутдиина Гочинского, быстро оглянулся по сторонам. Отступить было некуда, надо принимать бой.

Вековая традиция горцев запрещала нападать на безоружного. Но мужчина в черкеске, видно, не очень-то собирался считаться с обычаями. Поигрывая кинжалом, он медленно приближался к озирающемуся парню.

<...> Видя, что драки не миновать, парень ловко выхватил кинжал из ножен горца, стоявшего с ним рядом. Теперь уже два обнажённых клинка сверкали на солнце.

– Ну-ка повтори, что ты сказал про имама! – сверля обидчика налившимися кровью глазами, прохрипел длинный.

– Сказанное слово что пущенная стрела! – гордо ответил юноша. – Я от своих слов не отказываюсь! Я повторять не буду... Я не мельница, чтобы молоть одно и то же! <...>

Какой-то сердобольный старик, схватив длинного сзади за пояс, умоляюще закричал:

– Опомнись! Ведь нынче пятница! Грех проливать кровь в такой день!

– Не бойся, отец! – хищно оскалившись, ответил тот. – Кровь будет пролита за посланца самого аллаха! За имама Нажмутдина! Аллах простит мне этот грех!

– Женщины! Что же вы? Кидайте скорее на землю свои платки! – отчаянно закричал старик.

Это был последний шанс предотвратить кровопролитие: платок, сорванный женщиной с головы и брошенный наземь, прекратил бы поножовщину. Но ни одной женщины не осталось уже в этой сумрачной, испуганно притихшей толпе.

Раздумывать было некогда. Уллубий решительно подошел к молодчику в черкеске и взял его за локоть:

¹ Имам – духовный руководитель, наставник у мусульман.

– Погоди, джигит!.. Не тронь парня... Не видишь разве? Он ведь совсем мальчишка...

– А ты кто такой? – вскинулся тот. – Тоже большевик? Прочь с дороги!

Уллубий понял, что никакими уговорами тут не поможешь. Оттеснив парнишку плечом, он молча встал перед разъярённым головорезом, поправил пенсне, улыбнулся спокойно, словно бы говоря всем своим видом: «Ну что ж, если у тебя хватит совести, – давай, бей!»

Толпа в ужасе замерла. Тишина была такая, что, казалось, слышно, как гулко и сильно бьются сердца этих двух застывших друг перед другом людей.

Теперь стало ясно, что дело добром не кончится. Еще миг – и человек в черкеске, оправившись от неожиданности, прикончит своим кинжалом и этого славного, хотя и не в меру горячего паренька, и его странного, невесть откуда взявшегося защитника.

Внезапно послышался конский топот, и тишину разорвали резкие, визгливые голоса:

– Имам!..

– Имам Нажмутдин едет!..

Напряжение сразу разрядилось. Люди словно очнулись от столбняка.

– Повезло тебе! – сказал длинный и неторопливо вложил кинжал в ножны. – Благодарю аллаха! Если бы не имам, лежал бы ты сейчас тут с перерезанным горлом! Ну да ничего! Недолго ждать! Скоро наш имам всех вас перевешает, как бараньи туши на карасе¹!..

Улица быстро опустела. Все кинулись навстречу имаму Нажмутдину, торжественно въезжающему в город.

Удивительное зрелище представилось глазам Уллубия, едва успевшего опомниться после перенесённой встряски.

Впереди шествия грузно шагал Аликлыч – знаменитый борец из Бугдена. До революции он выступал в цирке, демонстрируя свою богатырскую силу: на глазах у потрясен-

¹ Карас – столб с необрубленными сучьями.

ной публики гнул рельсы, подымал могучими руками здорового буйвола. Слава Аликлыча гремела по всей России, да и не только по России: имя его было известно и за рубежом. Иمامу удалось привлечь на свою сторону этого популярного борца, любимца народа <...>: он должен был олицетворять собой непобедимую мощь и силу ислама¹. Вслед за Аликлычем медленно ехали на конях два знаменосца. Они держали в руках зеленые знамёна. На каждом знамени красовался полумесяц, обрамленный затейливыми арабскими письменами.

За ними торжественно двигалась красиво разукрашенная линейка: ее влекли за собой четыре откормленных мула.

По одну сторону линейки восседал Нажмутдин Гоцинский, провозглашенный недавно имамом Дагестана и Северного Кавказа. Он был в папахе, в черкеске, с кинжалом за поясом. Под тяжестью его огромного, грузного тела линейка сильно осела набок. По другую сторону, гордо выпрямившись, сидел маленький, высохший старик с длинной бородой. Его черная папаха была обвита белоснежной чалмой в знак того, что он некогда посетил Мекку. Это был шейх Узун-Хаджи, ближайший сподвижник Нажмутдина Гоцинского, объявленный поверенным имама.

Восемь всадников в белых офицерских кителях с золотыми погонами, с шашками наголо ехали по бокам, составляя почётный эскорт имама и его поверенного. А сзади, по два в ряд, трусила рысцей конная охрана.

Еще совсем недавно о Нажмутдине Гоцинском слышали разве только в горном аварском ауле Гоцоб, откуда он был родом (отсюда и фамилия – Гоцинский). Среди других духовных лиц своего аула он не выделялся ни особым благочестием, ни ученостью, ни воинскими доблестями. Одно время он служил наибом² участка, но эта его карьера ничего, кроме неприятностей, ему не принесла. Однажды он зверски избил крестьянина и был за это арестован по указу канцелярии губернатора. Выйдя из-под ареста, он стал рас-

¹ *Ислам* – магометанство, мусульманская религия.

² *Наиб* – начальник округа.

пускать слухи, что пострадал от произвола русских властей, чем снискал себе у некоторых доверчивых людей славу чуть ли не национального героя. А едва только в горах пронеслась весть о революции в Петрограде, он объявил себя защитником ислама и шарията¹ от посягательств гяуров, то есть русских большевиков.

Большинству жителей городов и аулов Дагестана не легко было разобраться в удивительных событиях, которые стремительно развернулись на их глазах за последние месяцы, с того незабываемого дня, когда словно гром среди ясного неба грянула весть о свержении царя.

Губернатор Дагестана генерал Ермолов, получив об этом телеграмму из столицы, был так потрясен, что сперва даже попытался утаить от всех «эту ужасную новость». Полученную депешу он положил под сукно, а по городу тем временем с молниеносной быстротой распространялись слухи, один другого нелепее и неправдоподобнее. Люди не знали, на чьей стороне правда, кому верить, кого слушать, к какому лагерю примкнуть.

Губернатор спешно покинул город. В бывшем губернаторском доме без конца заседал наспех созданный Временный исполнительный комитет. Разные люди вошли в состав этого комитета: помещик Гоцинский, крупный феодал, полковник, князь Нухбек Тарковский, ярый националист инженер Зубаир Темирханов, помещик Даниил Апашев. Левое крыло исполкома составляли социалисты Махач Дахадаев, Джелал-Этдин Коркмасов, Магомед-Мирза Хизроев, старые революционеры, имена которых теперь были у всех на устах.

Комитет заседал день и ночь, но не в силах был решить ни одного практического вопроса. Время уходило на бесплодные дебаты о том, какой должна быть новая власть. На словах все приветствовали свержение самодержавия, все в один голос повторяли слово «хурият»², но каждый вкладывал в него свой смысл.<...>

¹ *Шариат* – свод мусульманских религиозных, юридических, бытовых правил, основанных на Коране.

² *Хурият* – свобода.

Днём и ночью на улицах, площадях, базарах толпились люди, орали и спорили до хрипоты, то и дело хватаясь за кинжалы. Борьба, пока еще бескровная, вот-вот грозила вылиться в неслыханное кровопролитие. Человеку со стороны трудно было не то что разобраться, но хоть как-нибудь сориентироваться в этом хаосе. Но для Уллубия Буйнакского, бывшего студента Московского университета, только что приехавшего из Москвы, не составляло большого труда понять, что к чему. Может быть, во всем Дагестане не было сейчас другого человека, способного с такой ясностью представить себе всю сложную расстановку местных революционных и контрреволюционных сил. Несмотря на свой молодой возраст, Уллубий успел пройти большую школу нелегальной партийной работы. За короткую жизнь он повидал все, что дано увидеть человеку: мужество и трусость, верность и предательство, энтузиазм и саботаж... Казалось бы, что нового может преподнести ему родной край?

И вот – первый сюрприз.

Уллубий и раньше понимал, что здесь, в многонациональном Дагестане, где издавна классовое и национальное угнетение порождало неприязнь ко всему русскому, не так-то просто будет убедить массы, что отныне Россия несет им не гнет, а свободу. Он не сомневался – сложностей возникнет много. И все-таки не думал, что этот самозванец Гоцинский сможет увлечь за собой народ.

Да, видно, слова о газавате, о священной войне против гяуров, еще способны зажечь здесь сердца. Не надо себя обманывать! В горах найдется немало фанатиков, готовых пойти за Гоцинским в огонь и воду. Достаточно искры, чтобы разгорелся бешеный пожар жестокой, братоубийственной войны. А в искрах, судя по всему, недостатка не будет...

Глядя вслед удаляющейся орущей толпе, Уллубий вспомнил Темир-Хан-Шуру тех времен, когда он учился в реальном училище. Кругом было тихо, безлюдно. <...> Казалось, конца-краю не будет этой сонной, внешне спокойной и безмятежной, прочно устоявшейся жизни. И вот – все всколыхнулось!..

Внезапно размышления Уллубия были прерваны: кто-то осторожно тронул его за локоть. Оглянувшись, Уллубий увидел улыбающуюся мальчишескую физиономию того самого парня, который только что дерзко глумился над самозванным имамом.

– Вы думали, меня зарежут? – спросил он, с дружелюбным любопытством разглядывая своего нежданного защитника.

– Ещё бы! – ответил Уллубий. – Что стоит мяснику разделывать еще одну тушу?!

– Как бы не так! – тряхнул головой парень. – Вы не смотрите, что я на вид такой щуплый. Еще не известно, как бы дело обернулось! <...> А как вам понравилось шествие? Какой смешной этот карлик Узун-Хаджи, верно?.. А как вы думаете, зачем они устроили весь этот переполох?

– Показать свою силу хотят, – усмехнулся Уллубий. – Чтобы запугать всех недовольных, всех своих противников. В первую очередь, конечно, большевиков.

– Ну, большевиков-то этим не напугаешь! – живо откликнулся парень. И как бы заново внимательно оглядел с ног до головы своего собеседника – худощавого, невысокого человека в пенсне, в черной косоворотке, в старой, выдавшей вида студенческой фуражке с потускневшим лакированным козырьком. – А знаете, – вдруг без всякого перехода сказал он, – я самого Махача видел. Ходил к нему домой... В нашем ауле таких, как я, много. Мы все – за большевиков... Землю у богачей уже отобрали, беднякам роздали... Эх, жаль, у меня коня нету! А то бы я уже давно в отряд записался!

– А ты из какого аула? Да и вообще не пора ли нам с тобой познакомиться? – прервал его Уллубий.

– Юсуп меня зовут. Я из Кумуха, – ответил парень.

– Лакец, значит? Почему же так хорошо говоришь по-кумыкски?

– Э, чего только не умеет лакец-лудильщик! – усмехнулся Юсуп и доверительно добавил: – К нам Гарун Саидов

приезжал. С заданием от Буйнакского. Листовки привез... Мы в Кумухе кружок организовали. А вы тоже большевик?

– А что, похож?

– Вы похожи на студента...

– А все студенты теперь большевики – ты это хочешь сказать?

– Да нет! Я вот не студент, а в большевики записался. А как вас звать? Вы мне так и не сказали.

– Скажу, все скажу... Не торопись... <...>

Юсуп буквально засыпал Уллубия вопросами: кто такой Нажмутдин Гоцинский? Откуда он взялся? Почему еще недавно о нём ничего не было слышно, а сегодня все только про него и говорят?

Уллубий объяснил, что несколько дней тому назад в высокогорном ауле Анди, на берегу реки Эйзенам, перед толпой фанатиков шейх Узун-Хаджи, воздев руки к небу, объявил, что ночью он беседовал с самим пророком и тот велел объявить Нажмутдина Гоцинского имамом Дагестана и Северного Кавказа. Толпа опустилась на колени и стала молиться за нового имама... Здесь, в Темир-Хан-Шуре, Гоцинский этого так легко никогда не добился бы. Вот чем объясняется этот торжественный въезд в город. Сейчас, наверное, митинг будет.

– Ты думаешь, его только большевики не признают? – спросил Уллубий. – Как бы не так! Даже между алимами идут споры. Кое-кто из них тоже не хочет признавать этого самозванца своим духовным вождем...

– Почему? – удивился Юсуп.

– Потому что даже они понимают, откуда взялась эта внезапная горячая преданность Гоцинского шариату. Он – крупный помещик, владелец десятитысячной баранты. Новая власть грозит отобрать у богатеев их несправедливо нажитые богатства. А шариат, как известно, провозглашает неприкосновенность частной собственности.

Юсуп слушал Уллубия, раскрыв рот.

– А ну-ка прибавь шагу! А то опоздаем! – поторопил его Уллубий.

И в самом деле, когда они вышли на Аргутинскую улицу – главную улицу города, там, у губернаторского дома, собралась уже тысячная толпа. Плотной стеной окружила она постамент, на котором еще недавно возвышалась величественная фигура князя Аргутинского-Долгорукова. Несколько дней тому назад бронзовая статуя завоевателя Дагестана была сброшена с пьедестала. <...>А взрослых куда больше интересовала выросшая рядом с постаментом, насупех сколоченная дощатая трибуна. Что ни день, тут происходили бурные собрания, митинги. Один за другим ораторы, надрывая голос до хрипоты, кидали в толпу яростные, горячие слова.

За те месяцы, что прошли с начала февральских событий, жители Темир-Хан-Шуры привыкли к митингам. Но сегодня все разворачивалось не так, как обычно. Во-первых, этот торжественный въезд имама в город. Уже одного этого события было довольно, чтобы народ запрудил всю площадь. Во-вторых, все в городе знали, что в бывшем губернаторском доме должно состояться заседание исполкома. Значит, на митинге, который начнется после заседания, будут не только сторонники имама. Наверняка появятся на трибуне Махач, Коркмасов и дадут бой главарям контрреволюции.

Толпа напирала: каждый норовил протиснуться к самой трибуне. Народ волновался, предвкушая невиданное зрелище.

И вот наконец, медленно передвигая свое грузное тело, на трибуну взгромоздился Нажмутдин Годинский. Вслед за ним появился Узун-Хаджи, а потом вся свита имама.

– Братья! Мусульмане! – обратился к притихшей толпе высокий, крупного телосложения человек, стоявший рядом с Гоцинским. – Не мы сегодня собрали вас здесь! Вы сами пришли, чтобы поклониться имаму!

Оратор сделал эффектную паузу, рассчитывая, по-видимому, на взрыв всеобщего энтузиазма. Но взрыва не последовало. Толпа настороженно и угрюмо молчала.

– Слава аллаху! – не смущаясь, продолжал оратор. – Борьба закончилась нашей победой! Избранием законного имама!..

– Кто это такой? – толкнул Уллубия локтем Юсуп.

– Даниял Апашев. Один из главных сподвижников Гоцинского...

Уллубий хорошо знал этого человека. Отставной полковник Даниял Апашев родом из аула Эрпели – один из самых богатых и влиятельных людей в здешних краях. Он сразу понял, что в новых условиях понадобятся новые средства для сохранения своих богатств и своего влияния, и без долгих размышлений примкнул к правому, контрреволюционному крылу исполкома.

– Избрание законного имама, – продолжал Апашев, – это прекрасный плод завоеванной нами свободы! Ислам и шариат отныне в надёжных руках! Но, братья, завоеванную свободу надо охранять! И для этого мы создали Милликомитет и хорошо вооружённую милицию...<...>

– Никто отныне, – заходил на трибуне Апашев, – не сможет опровергнуть святыя слова, написанные на нашем зелёном знамени: «Все равны пред аллахом!» Да, мы все равны! Помещик и крестьянин, богач и бедняк – все мы овцы одного пастыря!

– Господин Апашев! – внезапно прервал его невесть откуда появившийся на трибуне высокий стройный красавец с закрученными кверху усами, в кителе и фуражке инженера-путейца. – Объясните, пожалуйста, яснее, кто все-таки овцы, а кто – пастырь?

– Махач! Махач! – закричали в толпе.

Уллубий облегченно вздохнул. Появление на трибуне социалиста Махача Дахадаева резко меняло всю ситуацию. <...>

Махач Дахадаев окончил Петербургский институт путей сообщения. В революцию ушел с 1905 года, был арестован. А сейчас, с первых дней революции, он – в самой гуще событий в Дагестане. Он – всеобщий любимец. Человек легендарной, невероятной храбрости, необыкновенно

простой в общении, демократ с головы до ног, Махач как-то особенно умеет привлечь к себе людские сердца. Кроме того, он славится умением ловко срезать противника в споре, одним острым словом уничтожить его, стереть в порошок. Вот почему, увидев, что Махач тут, Уллубий мгновенно успокоился и с интересом стал ждать, как будут развиваться события.

Данияла Апашева насмешливый вопрос Махача не выбил из седла.

<...>Уже слегка раздражаясь, Апашев повысил голос:

– Вы просили разъяснить, кто тут овцы, а кто пастырь? Так вот знайте, если вам неизвестно то, что должны знать даже малые дети: наш пастырь – всемогущий аллах, а овцы...– широким жестом он обвел толпу и всех стоящих на трибуне. – Овцы – это мы с вами!

– Так вот что я вам скажу! – не глядя на Апашева, обратился Махач прямо к народу. – Если вы хотите быть овцами, – он выдержал паузу, – или баранами, – повысил голос, – тогда присоединяйтесь к отаре Нажмутдина Гоцинского! Не аллах, а он будет вашим пастырем! Не аллах, а он будет вас пасти! И стричь! А когда понадобится, и резать!..

С каждым словом голос Махача все более набирал силу. Но последние его слова утонули в многоголосом гуле толпы. Тщетно Апашев пытался вновь завладеть вниманием собравшихся. Никто больше не желал его слушать.

Один из офицеров – высокий, плотный мужчина с коротко подстриженными усиками на полном, холеном лице, в полковничьих погонах и лихо заломленной набекрень серой каракулевой папахе – вышел вперед.

– Эй, Махач! – крикнул он сильным голосом. – Может, все-таки объяснишь народу, кто такие большевики?

Это был полковник князь Нухбек Тарковский – владелец кумыкских степей, командир Дагестанского конного полка.

Кадровый офицер с большим опытом воинской службы, он был одним из самых влиятельных членов исполкома. <...>

– Вы спросили меня, Нухбек, кто такие большевики? – живо обернулся Махач к Тарковскому. – Думаю, что вы и сами это знаете! Но если вы так настаиваете, я вам отвечу. Сбрось кошку с любой высоты, она никогда не упадет на спину! Вот так же и большевики! Никому никогда не удастся положить их на лопатки!

Махач не был большевиком, по работал бок о бок с большевиками и давно привык к тому, что в народе его считают большевиком.

Видя, что толпа, взбаламученная «смутьянами-социалистами», не успокаивается, приспешники имама, пошептавшись, решили пустить в ход «тяжёлую артиллерию».

Медленно поднялся на ноги имам. Тяжело подошел к краю трибуны. Встал, поглаживая одной рукой густую чёрную бороду, а другой опираясь на рукоятку кинжала. Если и была у новоявленного имама слава в народе, то это слава невиданного обжоры. Говорили, что он за один присест способен съесть целого барана. А еще говорили, что не родилась на свет лошадь, которая могла бы выдержать вес этого седока больше трех вёрст. Поэтому для Нажмутдина всегда держали наготове четырех мулов: только им под силу было тащить такой редкостный груз.

Толпа на площади замерла.

– Братья! Мусульмане! – зычно воззвал он. – Слушайте меня! Махач, изменивший нашей священной вере, предавшийся гяурам, хочет отнять у нас все, что принадлежит нам по праву! Все, что нам дал аллах!

– Вот это истинная правда, – крикнул Махач. – Обязательно отнимем! И твою отару. И земли князя Тарковского. И все отдадим вот им! – указал он рукой на толпу. – А ты как хотел бы? «Нет бога, кроме аллаха, а курдюк и грудинка мне»? – процитировал он кумыкскую поговорку.

Площадь встретила эту насмешку взрывом веселого смеха.

Нажмутдин был так потрясен наглой откровенностью «презренного социалиста», что даже не нашёлся, что ответить. Он лишь презрительно фыркнул.

– Видите, как красноречив ваш имам? – весело кинул в толпу Махач.

– Не верьте! – окончательно выйдя из себя, завизжал Нажмутдин. – Не верьте этим проходимцам! Собственность священна! Так гласит шариат! В Петровске¹ сидят русские солдаты и студенты! Они ненавидят нас с вами! А тут, в Шуре, – интеллигенты, ничего не смыслящие в нашей святой вере!

– Это про кого вы так говорите? Уж не про нас ли? – прозвучал спокойный голос Джелал-Этдина Коркмасова.

Коркмасова Уллубий знал хорошо. С ним он не раз встречался, а однажды даже крепко поспорил. Джелал-Этдин был сыном военного чиновника из кумыкского села Кумторкала. Скрываясь от преследований полиции, бежал во Францию, окончил Сорбонну. Позже, вернувшись в Россию, отбывал царскую ссылку в Олонецкой губернии. Он в совершенстве владел арабским языком и великолепно знал Коран.

– Уж не нас ли вы называете интеллигентами, ничего не смыслящими в Коране? – насмешливо повторил Джелал-Этдин.

Нажмутдин знал, что Коркмасов разбирается в священных мусульманских книгах ничуть не хуже, чем он сам. Но сказанное слово что стрела, выпущенная из лука! Обратного его не вернёшь! И, уже не думая о последствиях, имам запальчиво выкрикнул:

– Да, вас! Всех вас, социалистов!

– Разложи его как следует, Джалав! – шепнул Коркмасову Махач. – Предвидя такой поворот, я нарочно захватил с собой Коран, – добавил он, передавая Коркмасову толстую книгу в кожаном переплете.

– Джамаат!² – громко обратился к собравшимся Коркмасов, подымая над головой священную книгу. – Недаром у нас в горах говорят, что у лжи куцый хвост! Имам солгал вам!

¹ Город Порт-Петровск – ныне Махачкала.

² Джамаат – общество.

– Не оскверняй Коран, нечестивец! – налившись кровью, выкрикнул Гоцинский и выхватил из ножен свой кинжал. <...>

– Имам лжет! – как ни в чем не бывало спокойно повторил Коркмасов. – В Коране нет ни слова о том, что собственность богачей священна. Там сказано совсем другое! Вот, послушайте!

Раскрыв фолиант и быстро отыскав там нужное место, Джелал-Этдин громко прочел:

– «Заповедь пророка гласит: «Хозяином всех богатств земли должен быть тот, кто оживляет её». Так или не так, джамаат?

– Так! Верно говоришь! Правильно! – раздались в ответ громкие голоса.

– А коли так, пусть Нажмутдин, этот блюститель Корана, скажет нам: пас ли он хотя бы один день свою десяти тысячную отару?

– Верно! Пусть скажет! Пусть! Долой имама! – закричали в толпе.

– И князь Нухбек Тарковский пусть тоже расскажет нам, сколько дней он работал на своих полях в кумыкской степи! – продолжал Коркмасов.

– Верно! Пусть и Нухбек скажет! Ни одного дня он не работал в поле! – раздались в ответ голоса.

– Так вот, правоверные! Мы, социалисты, вовсе не против Корана! Мы не против шариата! Нажмутдин лживо толкует Коран в свою пользу! А теперь сами решайте, может ли такой человек быть имамом!

На площади поднялся невообразимый шум. Раздались винтовочные выстрелы.

На трибуне обстановка тоже накалилась. Выскочил вперед Узун-Хаджи, волоча за собой огромную шашку. Вытащив ее из ножен и подняв над головой, он иступленно закричал:

– Этой шашкой я срублю головы всем гяурам! Клянусь! Собственной своей рукой я перевешаю всех социалистов, всех студентов! Всех, кто пишет слева направо! Нажмутдин

– законный имам! Пророк сам явился мне и сказал: «Да будет Нажмутдин моим наместником на земле!» И по велению пророка мы избрали его имамом!

Как все низкорослые, тщедушные люди, Узун-Хаджи был одержим влечением ко всему огромному. Длинная борода, высокая лохматая папаха, а на ней – белая чалма, черкеска до пят, волочащаяся по земле шашка – все это в сочетании с карликовым ростом, за который он и получил ироническое прозвище Узун, то есть Длинный, и тоненькой, старческой шеей, казалось бы, должно было производить впечатление комичной и жалкой карикатуры. Но в этот момент Узун-Хаджи был не смешон, а страшен. Подлинная страсть, исступленная, яростная ненависть, клоко-тавшая в нем, подействовали на многих. Раздались голоса:

– Нажмутдин – законный имам! Слава имаму! Убить Махача!

Но эти голоса заглушили другие выкрики:

– Ваш Нажмутдин – самозванец! Отобрать у него отару! Да здравствует Махач!

Уллубий вдруг почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо. Он стремительно обернулся: в этой толпе можно было ожидать всякого. Но нет! То был не враг. На Уллубия глядело знакомое, родное лицо.

– Гарун! Дружище!

С Гаруном Саидовым Уллубий дружил с давних, еще студенческих времен. В Москве они и жили по соседству. Смуглый, круглолицый, курчавый Гарун учился в Коммерческом институте. Он был весельчаком, душой общества. Неплохо играл на фортепьяно, пел. Писал стихи – и по-русски, и на своем родном лакском языке. Но не это, конечно, было главным в их дружбе. Уллубий не сомневался, что Гарун – бесконечно преданный ему человек, отличный товарищ, на которого всегда и во всём можно положиться. <...>

– Здравствуй, Гарун! Здравствуй, дружище! – повторял Уллубий, пытаясь обнять друга, рассмотреть его получше. Но тот, не отвечая на приветствие, настойчиво тащил его сквозь толпу, бессвязно бормоча:

<...> – Наших только двое! – волновался Гарун. – А их вон сколько! Прямо волчья стая!.. Хочу выступить!.. Надо, надо...

Уллубий хорошо знал горячий характер своего друга и решил во что бы то ни стало остановить его.

– Не надо, Гарун. Поверь, в этом нет никакой необходимости, – мягко сказал он. – Махач и Джалал великолепно справятся сами...

– Вах, Юсуп! А ты тут откуда? – вдруг вскрикнул Гарун по-лакски, только теперь заметив своего земляка.

– Так вы, выходит, знакомы? – удивился Уллубий.

– Еще бы! – улыбался Гарун, радостно хлопая Юсупа по плечу. – Он у нас молодчина! Такую работу там развернул!.. А ты знаешь, кто это? – наклонившись к Юсупу, тихо спросил он. – Да ведь это же Буйнакский!

Юсуп уставился на Уллубия, словно впервые его увидел. Обыкновенное, ничем не примечательное лицо: чуть рыжеватые волосы, обрамляющие рано начавший лысеть лоб, тонкие губы, тонкий, с еле заметной горбинкой нос. Умные, спокойные глаза под стеклами пенсне... Похоже было, что Юсуп сравнивает черты стоящего перед ним человека с тем образом, который был создан его воображением. Реальный, живой Буйнакский, наверное, хоть немного, да отличался от призрачного. Еще миг – и живой Буйнакский окончательно победил, вытеснил из сознания Юсупа того, другого, существовавшего лишь в его воображении.

На трибуне тем временем происходила какая-то перегруппировка сил. Сторонники Гоцинского, оправившись от замешательства, решили перейти в наступление.

– Эй, мусульмане! – зычным басом крикнул в толпу Нажмутдин. – Внуки Шамиля и Хаджи-Мурата!

Завороженная этим неожиданным обращением, площадь затихла.

– Пять тысяч наших единоверцев из Чечни и Дагестана собрались в Анди и сказали мне: «Ты наш имам!» Тогда я, Нажмутдин, не смея идти против воли народа, сказал им: «Да будет так! Я буду имамом! Нам не нужны комиссары и

комитеты! Вместо них я назначу достойных людей, которые будут управлять вами! Большевики хотят растоптать наши священные законы! Но мы не позволим им сделать это! Клянусь, я буду бороться с ними, не щадя сил, как пророк наш Магомет боролся с пираванами¹! Но и вы помогите мне в этом священном деле! Кто чем может! Алимьы – знаниями! Шейхи – молитвой! Разумные – умными советами! Богатые – деньгами! Смелые – своей отвагой! И да воздаст вам аллах за это в вечной жизни! Аминь!

Фанатики подхватили:

– Лаила-ха иллалах!

Обрадованный поддержкой, Нажмутдин пошел в атаку:

– Я согласен быть вашим имамом! Клянусь, я буду, не щадя сил, охранять ислам и шариат! Но и вы все должны свято выполнять мою волю! Клянитесь! Именем аллаха и пророка его Магомета клянитесь!

– Клянемся! Слава аллаху! Нет бога, кроме аллаха, и Магомет – пророк его!

И вдруг произошло то, чего никто не мог предвидеть.

Махач прыгнул с трибуны прямо в толпу. Миг, короткое замешательство – и вот он уже стоит, словно живой памятник, на том постаменте, на котором еще недавно возвышалась бронзовая фигура князя Аргутинского-Долгорукова.

– Махач! Да здравствует наш Махач! – закричали в толпе.

– Братья! – крикнул Махач, улыбаясь своей ослепительной белозубой улыбкой. – Нажмутдин сейчас продемонстрировал нам, какой у него прекрасный голос! Но только зря он и почтенный Узун-Хаджи так надеются на силу своих голосов. Если бы победителем оказывался тот, кто кричит громче всех, царем зверей был бы осел!

Громовой хохот прокатился по площади. <...>

– Братья! – продолжал он, переждав, пока сойдут на нет последние всплески веселья. – Нажмутдин изо всех сил пытается доказать нам, что он законный имам. А мы говорим

¹ *Пираваны* – фараоны.

ему: нет! Ты не имам! Потому что сборище в Анди – это еще не народ! Народ сегодня уже сказал свое слово: не шариат хочет защищать Нажмутдин, а свою отару. А мы говорим: все земли, все кутаны, все леса должны быть отняты у богачей и отданы тем, кто трудится. Вот здесь, на этом самом месте, где сейчас стою я, много лет стоял памятник душепелю нашего народа Аргутинскому. Теперь он валяется вон там, под забором... А где нынче хозяин этого дома, бывший губернатор генерал Ермолов? Сбежал! Покинул пределы Дагестана! Так вот знайте! Точно так же сметем мы всех, кто попытается отнять у народа то, что хочет дать ему революция! Поверьте, господа! Лучше вам добровольно уйти с дороги! Не путаться у нас под ногами! Не мешайте народу идти избранным путём! Да здравствует великая народная революция! Да здравствует свобода! Хурийят!

Народ встретил эти слова овацией. Было ясно, что демонстрация, задуманная сторонниками Гоцинского, потерпела полный крах. Напрасно телохранители имама стреляли в воздух, стараясь привлечь внимание толпы. Никто больше не хотел продолжать затянувшуюся дискуссию. Митинг сам собой подошел к концу, и последнее слово явно осталось за социалистами.

Потеряв всякий интерес к имаму и его свите, народ стал расходиться.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. С какой целью в повествование введено описание петушиного боя?
2. Какой вековой обычай нарушал мужчина в черкеске, нападая на мальчика с кинжалом в руке?
3. Какие ещё обычаи упоминает старик, пытаясь остановить кровопролитие?
4. Как характеризует Уллубия Буйнакского то, что он заступился за мальчика? Найдите описание Уллубия. Каким он предстает внешне? В чем его сила?

5. Что спасло ситуацию, и кинжал оказался в ножнах? Найдите описание того, как въезжал в город Нажмутдин Гоцинский.
6. Почему автор использует глагол *восседал*, говоря о Гоцинском, а не глагол *сидел*?
7. Что мы узнаем о прошлом Гоцинского? Можно ли поверить, что такой человек был истинным борцом за веру и справедливость?
8. Удалось ли автору передать обстановку того времени, его смуту?
9. Почему, в отличие от основной массы дагестанцев, Уллубий мог ясно представить сложную обстановку в Дагестане и осознать причины, по которым народу сложно разобраться в меняющейся ситуации?
10. Что узнаёт любознательный мальчик из Кумуха от Уллубия о Гоцинском и ситуации вокруг него?
11. Почему Уллубий Буйнакский называет Гоцинского самозванцем? Чем мотивированы поступки Гоцинского? Он хотел сыграть на чувствах верующих. Почему это не удалось?
12. Что мы узнаем о революционерах Уллубие Буйнакском, Махаче Дахадаеве, Джелал-этдине Коркмасове, Гаруне Саидове? Почему они побеждают в споре с Узун-Хаджи, Гоцинским, Нухбеком Тарсковским?
13. Почему толпа колеблется, принимая то одну, то другую сторону?
14. Что символизирует сброшенная с пьедестала фигура князя Аргутинского-Долгорукова?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакарова, Ф.О. Очерки даргинской дореволюционной литературы [Текст] / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы. Махачкала: [б. и.], 1963. – 146 с.

2. Авшалумов, Х.Д. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%90%D0%B2%D1%88%D0%B0%D0%BB%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2,%D0%A5%D0%B8%D0%B7%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%94%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения: 23.09.2025).

3. Агалар Гаджиев: поэт, писатель, переводчик, фольклорист (к 115-летию со дня рождения). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agalar-gadzhiev-poet-pisatel-perevodchik-folklorist-k-115-letiyu-so-dnya-rozhdeniya?ysclid=mc8yebmr4f641355054> (дата обращения: 23.06.2025).

4. Азизов, И., Азизов, А. В годовщину битвы грозной. – URL: <https://dagpravda.ru/kultura/v-godinu-bitvy-groznoj/> (дата обращения: 19.03.2025).

5. Аксакал дагестанской литературы. – Дагестанская правда, 18.04.2008. – URL: <https://dagpravda.ru/obshchestvo/aksakal-dagestanskoj-literatury/> (дата обращения: 18.09.2025).

6. Алиев, Д. Воин и писатель. Дагестанская правда. 2025, № 77. – URL: <https://dagpravda.ru/kultura/voin-i-pisatel/> (дата обращения: 27.08.2025)

7. Антология дагестанской поэзии. Т.3. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1981. – 339 с.

8. Бижитуева, А.З. Огонь в крови. – <https://lib05.ru/vystavki/ogon-v-krovi> (дата обращения: 20.01.2026).

9. Варисова, П.Г. И штыку равнялось слово: Дагестанская поэзия периода Великой Отечественной войны. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. – 388 с.

10. Великая Отечественная. Стихотворения и поэмы в двух томах. Том 1. Москва: Издательство «Художественная литература», 1970. – С. 525–526.

11. Вехи жизни. Дагестанская правда 16.01.2013 – URL: <https://dagpravda.ru/obshchestvo/vehi-zhizni/> (дата обращения: 23.09.2025).

12. В ДФИЦ РАН прошла юбилейная сессия, посвященная Сагиду Абдуллаеву. – URL: <https://zoritabasarana.ru/rubriki/news/news/nauka/item/26565-v-dfits-ran-proshla-yubilejnaya-sessiya-posvyashchennaya-sagidu-abdullaevu/> (дата обращения: 16.09.2025).

13. Возвращение (сборник). Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. – 300 с.
14. 80 страниц Победы. Николай Власов. Национальный музей им. Алибека Тахо-Годи. – URL: <https://dagmuzey.ru/events/2025-02-27-80-stranits-pobedyi-nikolaj-vlasov> (дата обращения: 27.02.2025).
15. «В родном ауле» – URL: <https://lib05.ru/vystavki/v-rodnom-aule> (дата обращения: 19.09.2025).
16. В Хунзахском районе отпраздновали 100-летний юбилей прозаика Магомеда Сулиманова. – URL: https://riadagestan.ru/news/khunzakhskiy_rayon/v_khunzakhskom_rayone_otprazdnovali_100_letniy_yubiley_prozaika_magomeda_sulimanova/ (дата обращения: 18.09.2025).
17. Гаджиев, М. Каратинец и в Африке каратинец. – Республиканская газета «Дагестанская жизнь». – URL: <https://xn--80agbkff0byi.xn--p1ai/2014/01/30/%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%86-%D0%B8-%D0%B2-%D0%B0%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B5-%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%86/> (дата обращения: 9.07.2025).
18. Гаджиев, М. Стихи из фронтового блокнота. Война сержанта Власова. – URL: <https://md-gazeta.ru/obshhestvo/20698> (дата обращения: 27.02.2025).
19. Гаджиявдибилов, Г. Песня борьбы и победы. Дагестанская правда. 29.06.2021. Выпуск 2021 № 171. – URL: <https://dagpravda.ru/obshhestvo/pesnya-borbu-i-pobedy/> (дата обращения: 9.07.2025).
20. Гасанов, М. К штыку приравняв перо. Махачкалинские известия. № 17 (1024). 27.10.2014. – URL: <http://www.mi-dag.ru/news/285/pamjat/2012/05/03/8656> (дата обращения: 12.07.2025).
21. Гашарова, А.Р. Агалар Гаджиев: поэт, писатель, переводчик, фольклорист (к 115-летию со дня рождения). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agalar-gadzhiev-poet-pisatel-perevodchik-folklorist-k-115-letiyu-so-dnya-rozhdeniya> (дата обращения: 9.07.2025).
22. Горячее сердце поэта. – URL: <https://dagorlenok.ru/articles/mastera-detyam/goryachee-serdtse-poeta/> (дата обращения: 23.09.2025).
23. Горбач, В. За теневой чертой. Махачкала, 1996.
24. Гусейнаев, А. Мой путь на фронт. – URL: <https://dagens.narod.ru/boock/book/abachara.html> (дата обращения 02.02.2026).
25. Динмагомаев, Р.Д. – URL: <https://web.archive.org/web/20190701101249/https://tsortv.ru/dinmagomaev/> (дата обращения: 25.09.2025).

26. Дин-Магомаев, Р. В горах // Дагестанский альманах / Сост. Р.М. Фатуевым. Пятигорск: Севкавказ, 1937. – 148 с.

27. И в памяти, и в сердце. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1985. – 232 с.

28. Ильясов, Х. Старик и море. К 100-летию народного поэта Дагестана Юсупа Хаппалаева. – URL: <https://xn--80agbkkf0byi.xn--plai/2016/06/09/s-t-a-r-i-k-i-m-o-r-e/> (дата обращения: 23.09.2025).

29. Курбанов, М.М. «Окровавленная тетрадь» поэта и война Багаутдина Митарова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okrovavlennoy-tetrad-poeta-i-voyna-bagautdina-mitarova> (дата обращения: 23.09.2025).

30. Курбанова, З.Г. Тема войны в произведениях дагестанских поэтов, писателей и журналистов. Махачкала, 2025. – 189 с.

31. Курбанова, М. «В чужом краю, завоевав победу, Останусь жив и я к тебе приеду...» . Дагестанская правда, 24.06.2020. – URL: <https://dagpravda.ru/specproekty/v-chuzhom-kraju-zavoevav-pobedu-ostanus-zhiv-i-ya-k-tebe-priedu/> (дата обращения: 25.02.2025).

32. Мераева, Е. Живите так, как будто я с вами. Дагестанская правда. 07.05.2015. – URL: <https://dagpravda.ru/arhiv/k-70-letiju-pobedy/zhivite-tak-kak-budto-ya-s-vami/> (дата обращения: 27.08.2025).

33. Миграбов, К.-Б. Высоты Сагида Абдуллаева. – Дагестанская правда, Выпуск – 2023 №№ 325-326. – URL: <https://dagpravda.ru/obshchestvo/vysoty-sagida-abdullaeva-2/> (дата обращения: 18.09.2025).

34. Бахшиев, М. – URL: https://stmegi.com/posts/9925/mishi_bakhshiev__220/ (дата обращения: 27.08.2025).

35. Бахшиев, М.Ю. Жизнь замечательного горско-еврейского поэта и писателя. – URL: <https://iosefb54.livejournal.com/522.html> (дата обращения: 27.08.2025).

36. Мудунов, А. Огонь в крови. Роман. Пер. с лакского В. Степаненко. М.: Современник. – 1976 с.

37. Мудунов, А.А. Восьмое чудо: рассказы и повесть / пер. с лакского Ю. Перова. М.: Современник, 1987. – 255 с.

38. Мудунов, А.А. – URL: <https://laksksite.ru/o-laktsakh/izvestnye-laktsy/lakskie-poety-i-pisateli/mudunov-abakar-alievich.html>; https://vk.com/wall-560950_169 (дата обращения: 23.09.2025).

39. Наследие классика. – URL: <https://lib05.ru/vystavki/nasledie-klassika> (дата обращения: 18.09.2025).

40. Не забывайте подвига отцов! – URL: <http://xn--80aaaanefedv8cbg8cp7h.xn--plai/node/4717> (дата обращения: 18.09.2025).

41. Оборванные струны: Для ст. школьного возраста / Э. Капиев, Б. Митаров, Р. Дин-Магомаев и др.; Сост. Муталиб Митаров. Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. – 142 с.

42. Он сгорел в танке. – <https://lib05.ru/novosti/sgorel-v-tanke> (дата обращения: 21.08.2025)

43. Писатели Дагестана: из века в век. Дагестанское книжное издательство. Махачкала, 2009. – 400 с.

44. Писатель-фронтовик. – URL: <https://lib05.ru/vystavki/pisatel-frontovik-0?ysclid=mc8w46dlmh31761104> (дата обращения: 23.09.2025).

45. Поэзия Дагестана. Антология. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1971. – 380 с.

46. Поэт – воин – наставник. – Республиканская газета «Дагестанская жизнь». 17.09.2025. – URL: <https://xn--80agbkff0byi.xn--p1ai/2020/02/27/poet-vojn-nastavnik/> (дата обращения: 18.09.2025).

47. Сверкнувшая звезда. – URL: <https://lib05.ru/vystavki/sverknuvshaya-zvezda> (дата обращения: 18.09.2025).

48. Славим отважных: пятидесятилетие Победы посвящается. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1996. – 456 с.

49. Стальский, М.С. Всероссийский проект «Парта Героя». – URL: <https://vk.com/@schola135-stalskii-musaib-suleimanovich> (дата обращения: 18.09.2025).

50. Тагиров, А. Рассвет в горах : [Повесть, рассказы, поэма, стихи] / Тагиров Абакар; [Вступ. ст. М. Шамхалова; Худож. С. Салаватов]. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. – 122, [2] с.

51. Фронтовику и писателю, Абакару Мудуну, исполнилось 95 лет. – URL: https://gtrkdagestan.ru/news/frontoviku_i_pisatelyu_abakaru_mudunovu_ispolnilos_95_let/ (дата обращения: 23.01.2026).

52. Хаппалаев, Ю.П. – URL: <https://laksksite.ru/o-laktsakh/izvestnye-laktsy/lakskie-poety-i-pisатели/khappalaev-yusup-ramazanovich.html> (дата обращения: 23.09.2025).

53. Часть 7-я литературного обозрения «Стихи поэтов, павших в годы Великой Отечественной войны». Митаров Багаутдин Митарович. – URL: <https://vk.com/@bgocbs-chast-7-ya-literaturnogo-obozreniya-stihi-poetov-pavshih-v-g> (дата обращения: 29.08.2025).

54. Шеваров, Д. Молодые поэты, погибшие во время Великой Отечественной войны. Абакаров Мухтар Хезраевич (1917–1944). – URL: <https://rg.ru/2021/01/19/muhtar-abakarov-voeval-podelnej-gde-napisal-pesniu-ob-etom-gorode.html> (дата обращения 9.07.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Составители. Предисловие</i>	3
Абакаров Камиль	5
Письма семье	7
Письмо учителям школы.....	10
Абакаров Мухтар	12
Прощальная. Пер. С. Суцеевского.....	14
Письмо бойца. Пер. С. Суцеевского.....	15
Город Ельня. Пер. С. Суцеевского.....	16
Баллада о капитане Гимбате Ганиеве. Пер. С. Суцеевского.....	20
Письмо Унайзат. Пер. С. Суцеевского	21
Песня о любви. Пер. С. Суцеевского.....	23
Абдуллаев Сагид	25
Песня фронтовика (отрывок из стихотворения). Пер. М. Колубакиной	27
Авшалумов Хизгил	29
Сильнее смерти (очерк).....	31
Агаев Ахед	43
Ашуг. Пер. Н. Левченко	44
Алиев Минкаил	54
Зулейха осталась одна (отрывок из поэмы)	55
Я скажу. Пер. С. Суцеевского	59
Алимханов Юнус	61
Из далекого края. Пер. Ф. Губера	62
На родину, или майская луна. Пер. Ф. Губера	63
Амаев Алил	64
Сон. Пер. А. Федоровой	65
Сыну. Пер. А. Федоровой	65
Молитва. Пер. А. Федоровой	66
Аскеров Али	67
Война пришла совсем неожиданно. Пер. М. Аскерова	68
Аскерханов Абсалам	70
Родная моя. Пер. М. Муслимовой	71
Агнилов Даниил	73
Воспоминание. Пер. К. Шишло	74
Из военного блокнота. Пер. П. Панченко	74
Скульптор Адлер. Пер. П. Панченко	75
Женщина. Пер. И. Строганова.....	75
Памятник герою. Пер. И. Строганова	76

Ахмедов Абдулла	77
Дневниковые записи (в сокращении)	79
Батыров Абузагир	87
Сыну Батыру. Пер. А. Батыровой	88
Табак. Пер. А. Батыровой.....	90
Дагестанскому богатырю. Пер. М. Муслимовой	92
Моя родина. Пер. М. Муслимовой	93
Колыбельная. Пер. А. Батыровой	93
Бахшиев Михаил	96
Гаджи Буганов.....	98
Командующий (в сокращении).....	104
Бударев Виктор	107
Вальс на войне.....	108
Трехрядка.....	109
Лезгинка на Эльбе	110
Солдатский хлеб.....	111
Награды	112
Рукопашный бой	114
Бутаев Магомед	116
Война глазами солдата (из записной книжки)	118
Власов Николай	127
Из писем родителям	128
Мой Дагестан.....	129
Письмо матери	130
Письмо подруге.....	131
Письмо друзьям	132
Переправа	133
«Я с Тамани пишу, дорогая...»	134
В землянке	135
Когда я был ранен	136
Сожский лес	137
Гаджиев Агалар	138
Я с Гитлера шкуру сниму (памфлет)	140
Горбач Виталий	145
За теневой чертой (глава из романа)	146
Гусейнаев Абачара	152
Дон. Пер. Я. Серпина	154
Мой брат. Пер. М. Муслимовой	157
Письмо к Шамай. Пер. Я. Серпина	158
Письмо к Шамай. Пер. М. Муслимовой	159
Летняя ночь. Пер. М. Муслимовой.....	159

Дадашев Манувах	162
Песня о Родине. Пер. М. Колюбакиной	164
Комсомолка. Пер. А. Глоба	165
«На снежной вершине стремительный тур...»	
Пер. В. Портнова	166
Из писем Мануваха Дадашева	167
Джетере Сервер	168
Динмагомаев Раджаб	170
Клятва (рассказ, в сокращении). Пер. В. Михальского	172
Зульфукаров Зульфукар	187
Женщина задумалась...	188
Изгияев Сергей	193
Чтобы Отчизну воспеть. Пер. М. Хорзаева	194
Сыну. Пер. Т. Жирмунской	194
Иминагаев Азиз	196
На страже. Пер. М. Колюбакиной	198
Призывникам. Пер. М. Колюбакиной	198
Победа за нами. Пер. М. Колюбакиной	199
Казиев Искендер	201
Разведчики. Пер. Ц. Голодного	202
Капиев Эффенди	220
В бой!	222
Народ	224
Из фронтовых записок	225
Керимов Ибрагим	240
Март 1944 года	241
День рождения героя	243
Это он	249
Керимов Магомед	254
Далёкое детство	255
Нас позвала война	260
Курбаналиев Ибрагимхалил	267
Лакия	268
Курбанов Магомед	269
Мулла-Насреддин	270
Магомедов Багатыр	276
Если завтра война. Пер. С. Суцеевского	278
Моя земля. Пер. С. Суцеевского	278
Магомедов Мирза	280
О себе	281
В путь-дорогу. Пер. Е. Николаевской	282

Отец говорил. Пер. Н. Матвеевой	283
«Много раз я с колена стрелял по врагу...»	
Пер. В. Портнова	285
В окопе. Пер. М. Муслимовой	285
«Я честь не прятал...» Пер. М-З. Аминова	285
Мирзаев Абдул	287
Письма отца. Пер. Н. Злотникова	288
Митаров Багаутдин	290
Сообщите друзьям. Пер. Н. Гребнев	293
О, пусть раздастся гром победы... Пер. Л. Румарчук.....	295
Твой портрет. Пер. Я. Козловского	297
Выстоим (отрывок из поэмы). Пер. С. Кузнецовой	298
Митаров Муталиб	305
Баллада об отце. Пер. И. Савельева.....	308
Баллада о старшем брате.....	311
Моллаев Абдуллатип	314
Поникший цветок. Пер. М. Муслимовой.....	315
Мудунов Абакар	316
Прости. Пер. А. Федоровой	317
Гостинец. Пер. А. Федоровой.....	318
Отомсти! Пер. А. Федоровой	319
Были мы на войне... Пер. А. Федоровой.....	320
Омаров Раджабали	322
Камиль вернулся. Пер. Р. Каниева	323
Омельченко Евгений	330
Из фронтового дневника	332
Раджабов Абдул	337
У подножия Шахдага.....	338
Дагестанский украинец.....	338
Диалог с иностранцем.....	339
Случаи в ауле Кубачи	340
Рогов Григорий	342
Разведчики	342
Песня соловья	344
Железная дорога.....	345
Боевая походная песня 814 полка крупнокалиберных пулемётов	346
Марш непреклонных.....	347
Астры.....	348
Победный пляс	349

Салаватов Алимпаша	351
Красные партизаны (<i>из пролога поэмы</i>)	352
Семёнов Юно	354
Я свидетель. <i>Пер. М. Муслимовой</i>	355
Стальский Мусаиб	358
Джамбулу. <i>Пер. Л. Румарчук</i>	360
Сулейманов Абдул-Вагаб	362
Любимой. <i>Пер. Д. Голубкова</i>	363
В новогоднюю ночь. <i>Пер. Э. Левонтина</i>	365
Днепр. <i>Пер. Д. Голубкова</i>	367
Моя судьба. <i>Пер. А. Кафтанова</i>	368
Сулиманов Магомед	370
По дорогам войны (<i>отрывки из поэмы</i>). <i>Пер. С. Суцеевского</i> ...	372
Султанов Балкардаш	389
Сестре. <i>Пер. Л. Румарчук</i>	390
Май. <i>Пер. Л. Румарчук</i>	391
Тагиров Абакар	392
Чкалову. <i>Пер. М. Муслимовой</i>	394
День примирения. <i>Пер. З. Мадиевой</i>	395
Токболатов Сираждин	402
Капли. <i>Пер. М. Муслимовой</i>	403
Трунов Дмитрий	404
Капитан второго рая	405
Дважды герой Амет-хан Султан	412
Хангишиев Магомед	423
Кровавый родник. <i>Пер. М. Муслимовой</i>	424
Хачалов Абдулмажид	426
Песня парня, уезжающего в армию. <i>Пер. А. Федоровой</i>	428
Другу, не вернувшемуся с войны. <i>Пер. А. Федоровой</i>	429
От имени павших (<i>Поэма. Отрывки</i>). <i>Пер. А. Федоровой</i>	432
Шахмарданов Ибрагим	439
Я солдат Отчизны. <i>Пер. Н. Тузовой</i>	440
Лука среднего Дона. <i>Пер. Н. Тузовой</i>	441
Почему-то то в последнее время. <i>Пер. Н. Тузовой</i>	442
Сон солдата. <i>Пер. Н. Тузовой</i>	443
Эфендиев Мемей	445
Летучая мышь и сова	446
Яхъяев Магомед-Султан	449
Три солнца (<i>отрывок из повести</i>).....	451
Список использованной литературы.....	471

Составители:

*Муслимова Миясат Шейховна,
Мадиева Заира Зайнутдиновна*

«БЫЛИ МЫ НА ВОЙНЕ...»

*Учебное пособие-практикум
к урокам дагестанской литературы
в старших классах общеобразовательных
организаций Республики Дагестан*

Редактор

Художник

Художественный редактор

Технический редактор

Подписано в печать

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная

Гарнитура «PF Centro Serif Pro». Печать офсетная

Уч.-изд. л. Усл. печ. л. 30,0

Тираж 300 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Дагпресс-Медиа»,
367002, РД, г. Махачкала, ул. Даниялова, 48